

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. З. СОВА

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО “НАУКА”
Главная редакция восточной литературы
Москва 1970

*Ответственный редактор В. А.
ЛИВШИЦ*

В книге предпринята попытка построения логически непротиворечивой лингвистической теории. Рассматривая исходные лингвистические объекты – слово, предложение, синтаксическую связь, автор указывает на два возможных подхода в их изучении: синтетический и аналитический. При синтетическом подходе эти объекты выступают как неделимые, при аналитическом они рассматриваются как знаки, расщепляемые на форму и их значение. Автор подчеркивает, что оба подхода логически равноправны, но построение единой теории возможно лишь, в рамках одного из них.

В работе рассматриваются, в частности, такие “вечные” проблемы лингвистики, как управление, части речи, члены предложения. Дав критический анализ основных работ, в которых исследуются эти проблемы, автор строит теорию частей речи и членов предложения с позиций аналитической лингвистики, т. е. на основании общесемиологического подхода.

7-1-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава I.

Связи между словами в предложении

1. Типы систем связей между словами 17
2. Теоретические 'проблемы управления' 25

Глава II.

Синтагматические и парадигматические классы слов

1. Части речи и члены предложения: морфология и синтаксис47
2. Части речи и члены предложения: интерпретации 60
3. Части речи и члены предложения: язык – речь? 70
4. Итоги обсуждения вопроса <части речи – члены предложения> 76

Глава III.

Синтагматические связи между терминами классов слов

1. Синтагматические и парадигматические связи 81
2. Остальные значения термина "управление". 89
3. Система терминов 95

Глава IV.

Синтагматика речевой деятельности

1. Предложение: его дефиниции 102
2. Теория языковых элементов 139

Глава V.

Семиотические системы

1. Знаки и дуалы 177
2. Семиотика частей речи 193
3. Семиотика членов предложения 202

Заключение 215

Литература, использованная при построении лингвистических элементов243.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Лингвистика и металингвистика

1. Превращение лингвистики в точную науку связано с постановкой вопроса о специфике объектов, которые участвуют в лингвистическом исследовании и определяют его характер.

“*Сотри случайные черты – и ты увидишь: мир прекрасен* – это предложение, *сотри* – слово, *с* – буква”. Объекты, с которыми сталкивается исследователь языка этой фразы, – разнородны: с одной стороны – объекты типа *сотри случайные черты...*, *сотри, с, с* другой стороны – объекты иного типа: предложение, слово, буква. Объекты одного типа исследователь собирает в кучи, разбивает на группы, тасует, классифицирует; объекты другого типа служат ему для ориентации в этой работе, выступают как своеобразные указатели пройденных им дорог. Различие между типами объектов ощущается многими; это отражается на способе их фиксации: внутри одной и той же фразы объекты первого типа, как правило, выделяются в тексте, объекты второго типа – нет.

Дадим представителям каждого типа свое наименование – назовем объекты первого типа языковыми элементами, объекты второго типа – лингвистическими элементами. Таким образом, лингвистические элементы – это такие элементы, которые употребляются исследователем, когда он проводит рассуждения об объекте, а языковые элементы – те, которые употребляются, когда указывается сам объект.

2. Вернемся к приведенному выше примеру. *Сотри* – это слово. *С* – это буква. В каждом из этих предложений лингвистический элемент выступает как предикат (сказуемое, рема, диктум) по отношению к соответствующему языковому элементу, т. е. языковые элементы в указанных предложениях определяются через лингвистические элементы. Другими словами, определения понятий о языковых элементах¹ вводятся по образцу: “некоторый языковой элемент есть некоторый лингвистический элемент”.

Аналогично можно построить и определения понятий о лингвистических элементах: “некоторый лингвистический элемент есть некоторый (другой) лингвистический элемент”. Например: “Предложение – это законченная мысль, выраженная словами”. Понятие о лингвистических элементах можно сформировать у читателя и другим путем. Так, на вопрос: “Что такое слово?” – можно ответить: “Слово – это *сотри*, это *случайные*, это *черты*, это *и*, это *ты* и т. д.”. Таким образом, существуют два способа определения понятий

¹ Фраза “элемент *X* определяется через элемент *У*” нами понимается как условное сокращение для высказывания: “определение понятия об элементе *X* построено в зависимости от определения понятия об элементе *У*”.

о лингвистических элементах. Модель определения, построенного в соответствии с первым способом, мы привели выше, модель определения по второму способу можно охарактеризовать так: “некоторый лингвистический элемент есть некоторый языковой элемент”.

В отличие от лингвистических элементов языковые элементы двух способов построения определений не допускают². И значит, выделение двух типов объектов (языковых и лингвистических элементов) дает возможность установить наличие двух способов построения определений и говорить о необходимости создания двух типов теорий: языковой и лингвистической. К языковой теории можно отнести определения понятий о языковых элементах, к лингвистической – определения понятий о лингвистических элементах.

3. Теперь закономерно поставить вопрос о сущности деятельности того, кто работает с языком, например автора какой-то конкретной грамматики. Чем он занимается – языковой теорией или лингвистической?

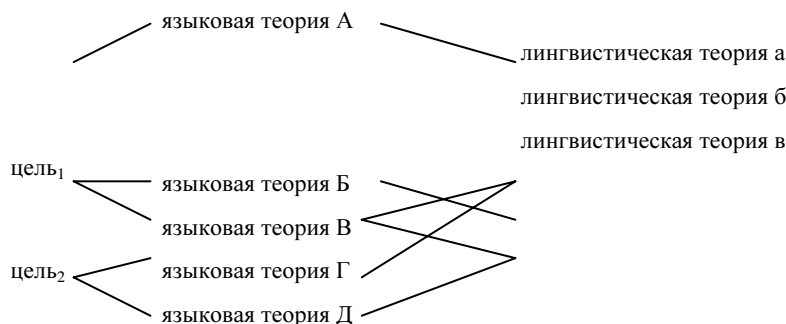
Открыв наугад одну из грамматик, читаем: “К числу нестандартных глаголов относятся...” (далее следует список).

На языке только что установленных терминов эту фразу можно записать так: “Языковые элементы X_1, X_2, \dots, X_i , суть лингвистический элемент x (нестандартные глаголы)”, и, значит, она является определением понятия о языковых элементах, т. е. фразой, которая могла бы выступать в качестве одной из формулировок теории языковых элементов. Следовательно, автор грамматики – это создатель языковой теории (языковед). Но не только языковой теории: понятие приведенное определение можно, лишь найдя в грамматике определение нестандартных глаголов. “Нестандартные глаголы – такие глаголы, которые...” Это определение построено по типу определений понятий о лингвистических элементах, и, значит, его можно рассматривать в качестве одного из определений теории лингвистических элементов: автор грамматики наряду с теорией языковых элементов строит теорию лингвистических элементов, т. е. является не только языковедом, но и лингвистом.

Это наталкивает на мысль о возможности ввести “разделение труда” – как в физике и математике (“чистая” и прикладная математика, теоретическая и экспериментальная физика). Однако в случае “разделения труда” лингвист-теоретик берет на себя огромную ответственность: на его долю выпадает составление рекомендаций, по которым должен работать языковед-практик. Ошибся лингвист, выбрал не те исходные понятия, составил не те определения – и языковед пойдет по ложному пути... И как узнать, какому языковеду что рекомендовать? Или создать столько теорий, сколько есть вкусов? Но ведь вкус – за этим тоже должна стоять какая-то теория...

Видимо, наоборот, нужен некто, кто мог бы произвести “объединение труда”, т. е. мог бы встать и над языковедом и над лингвистом. Это – метатеоретик. Он должен прочитать, например, пять грамматик, выделить в каждой из них то, что относится к языковой теории, и то, что относится к лингвистической теории, а затем проанализировать цели построения языковых теорий и выяснить, какой лингвистической теорией удобнее пользоваться для достижения какой именно цели. Схематически результаты его работы можно изобразить так:

² Определение понятия о языковом элементе по модели “языковой элемент есть некоторый (другой) языковой элемент” построить нельзя. На этом пути возможны только тавтологии, т. е. определения типа: “языковой элемент есть тот же самый языковой элемент”. Поскольку тавтологические определения можно построить для любых элементов (в том числе и для лингвистических, например: “Предложение – это предложение”), то особо на них мы не останавливаемся.

Суть этой схемы такова. Допустим, метатеоретик отметил, что языковые теории в рассмотренных пяти грамматиках строятся для достижения двух целей (например, первой целью является обучение человека задаче “порождать предложения на языке L”, второй целью – обучение автомата той же задаче). Затем он нашел, что все языковые теории, представленные в этих грамматиках, нетождественны друг другу и что теории *A*, *B* и *V* строятся для достижения первой цели, а теории *Г* и *Д* – для достижения второй цели. При этом он обратил внимание на то, что, с одной стороны, теория *A* лучше теорий *B* и *V* (она, например, дает возможность научить человека порождать десять тысяч предложений, а теории *B* и *V* – только тысячу), с другой стороны, теория *A* хуже *B*, но лучше *V* (по теориям *A* и *V*, скажем, порождается только 10% правильных предложений, а по теории *B* – 90%).

Сделав относительно языковых теорий такой вывод, метатеоретик перейдет затем к лингвистическим теориям и отметит, например, что языковая теория *A* построена на основании лингвистической теории *а*, *B* – на основании *б*, а *V* – на основании *а* и *в*. Приступив к анализу лингвистических теорий *а* и *в* (например, к анализу аксиом, лежащих в основании обеих теорий), метатеоретик, допустим, заметит, что какая-либо аксиома теории *а* противоречит какой-либо аксиоме теории *в* (например, в качестве аксиомы теории *а* принято утверждение: “язык есть система знаков”, в качестве аксиомы теории *в* – утверждение: “неверно, что язык есть система знаков”). Из этого факта он сможет заключить, что лингвистическая теория, на основании которой построена языковая теория *V*, противоречива (представляет собой конгломерат несовместимых друг с другом утверждений). Отметив противоречивость лингвистической теории, метатеоретик вправе будет спросить: “*A* не является ли эта противоречивость причиной того, что языковая теория *V* хуже всех?”.

Найдя ответ на этот вопрос, метатеоретик сможет перейти к анализу соотношения лингвистических теорий *а* и *б* и отметить, что в соответствии с *а* можно построить более „количественную“ теорию (количество порождаемых по ней предложений в 10 раз больше, чем количество предложений, порождаемых по теории *б*), а в соответствии с *б* – более „качественную“ (по теории *б* порождается 90% нужных нам предложений, по теории *а* – только 10%).

Конечно, метатеоретику захочется совместить в одной языковой теории лучшие свойства, которые есть у *а* и *б*: „эффективность“ *б* и „массивность“ *а*. Но достигим ли этот идеал?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется заняться анализом оснований *а* и *б*: если они не противоречат друг другу, идеал достигим, если противоречат – нет. В первом случае метатеоретик сможет построить из двух лингвистических теорий одну, на основании которой искомая задача будет решаться наилучшим образом (например, языковая теория, построенная на основании обобщенной лингвистической

теории, даст возможность порождать десять тысяч предложений и 90% из них будут правильными).

Во втором случае метатеоретик либо выберет более „важное“ свойство (эффективность b или массивность a) и в соответствии со своим выбором отдаст предпочтение той или иной лингвистической теории, либо, не удовлетворившись ни a , ни b , попытается построить такую лингвистическую теорию z , которая позволит ему решить поставленную задачу в соответствии со сформулированными им требованиями.

Таким образом, металингвистический анализ даст ученому не только возможность наиболее успешно решить теоретическую задачу (создание некоторой лингвистической теории), но и позволит ему наилучшим образом добиться поставленной практической цели – построить самую подходящую для осуществления искомой цели языковую теорию. Другими словами, метатеоретик, произведя метаязыковой и металингвистический анализ, будет в состоянии построить метатеорию как набор рекомендаций следующего типа: “Цель наиболее „количественно“ и „качественно“ может быть достигнута с помощью языковой теории, Которую языковед должен строить на основании лингвистической теории m . Аксиомы теории m суть: 1) язык есть система знаков; 2) знак есть... и т. д.”.

4. Подведем некоторые итоги.

I. Выделение языковых и лингвистических элементов позволяет установить два типа определений и соответственно два типа теорий: 1) языковую теорию, т. е. теорию языковых элементов, определения понятий в которой построены по типу: “языковой элемент X_i есть лингвистический элемент x_i ” 2) лингвистическую теорию, т. е. теорию лингвистических элементов, определения понятий в которой построены по типу: “лингвистический элемент x_i есть совокупность лингвистических элементов b_1, b_2, \dots, b_i ”, либо по типу: “лингвистический элемент x_i есть языковой элемент X_i ”.

II. Неединственность языковых и лингвистических теорий, а также проблема целесообразного их применения на практике заставляют поставить вопрос о необходимости проведения исследований следующих типов:

- 1) сопоставление между собой различных языковых теорий;
- 2) сопоставление языковых теорий и целей, для которых они строятся;
- 3) сопоставление между собой различных лингвистических теорий;
- 4) сопоставление лингвистических и языковых теорий;
- 5) сопоставление различных языковых теорий, построенных на основании одной и той же лингвистической теории.

III. Исследования этого типа можно назвать метатеоретическими (метаязыковыми или металингвистическими, в зависимости от того, какие теории – языковые или лингвистические – подвергаются анализу). Исходя из этого, представляется целесообразным наряду с языковыми и лингвистическими элементами говорить о метаязыковых и металингвистических элементах. Соответственно на каждой области элементов можно задать четыре предмета исследования: [1) исследование языковых элементов; 2) исследование лингвистических элементов; 3) исследование метаязыковых элементов; 4) исследование металингвистических элементов] и выделить четыре науки: 1) языковедение, или наука о языковых элементах; 2) лингвистика, или наука о лингвистических элементах; 3) метаязыковедение, или наука о теориях языковых элементов; 4) металингвистика, или наука о теориях лингвистических элементов.

§ 2. Конструктивные элементы

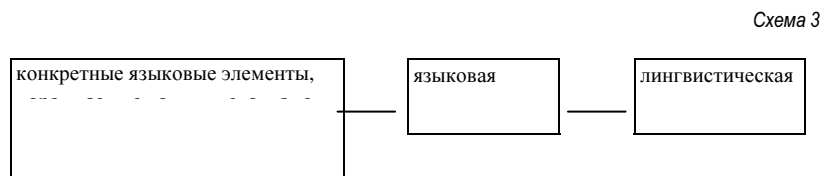
1. Конечной целью работы любого лингвиста является построение некоторой языковой теории, служащей для решения определенной практической задачи (сформулированной в явном или неявном виде). Например, если решается задача создания механизма, порождающего предложения того или иного языка, то описание искомого порождающего механизма можно построить в виде некоторой языковой теории, т. е. его детального описания в терминах языковых элементов.

Однако ту же задачу можно решить и иным путем – составить схематическое описание этого механизма в терминах лингвистических элементов (т. е. его модель). В этом случае проблема построения порождающего механизма заменяется двумя задачами: 1) построением механизма, порождающего штампы (своего рода формочки для литья), 2) заполнением штампов конкретными языковыми элементами. Первую задачу можно решить на основании некоторой лингвистической теории, вторую – на основании языковой. При этом выбор лингвистической теории будет определяться выбором языковой, или, более точно, выбором объектов, для порождения которых данная языковая теория строится.

2. Значит, при проведении исследования, необходимого для решения поставленной нами задачи, мы приходим к такой иерархии:

Получив в процессе указанного исследования все необходимые данные, мы сможем „перевернуть“ приведенную выше иерархию и, абстрагируясь от процессов получения результатов исследования, постулировать, что интересующую нас задачу порождения предложений можно решить так:

Другими словами, мы сможем констатировать, что языковая теория строится на основании лингвистической.

3. Выше мы отмечали, что интересующая нас лингвистическая теория в конечном итоге определяется спецификой объектов, подлежащих порождению: если мы точно знаем все характеристики искомым объектов, переход от языковых элементов к лингвистическим, изображенный на схеме 2, не представляет труда. Для того чтобы осуществить

этот переход, мы должны будем из набора характеристик одного языкового элемента выделить ту характеристику, которая есть у второго языкового элемента, затем – у третьего и т. д., пока не образуется группа языковых элементов; абстракцию от этой группы мы сможем принять за основу понятия о лингвистическом элементе, соответствующем данной группе языковых элементов.

Естественно, что в этом случае при обратном переходе (от лингвистической теории к конструктам, порождаемым нашим механизмом) все конструкты, получаемые по модели данного лингвистического элемента, будут обладать именно той характеристикой, с которой мы оперировали при переходе от языковых элементов к лингвистическим. А так как нашей целью и является построение таких конструктов (например, искусственных предложений, не отличающихся от предложений естественного языка), то мы сможем надеяться, что поставленная нами задача будет решена верно.

Иное дело, если характеристики искомых элементов нам неизвестны, и свою работу мы проводим не в два этапа [от известных языковых элементов > к лингвистической теории (схема 2), от лингвистической теории > к конструктам (схема 3)], а в один этап, изображенный на схеме 3. К каким результатам мы можем прийти в этом случае? Можем ли мы рассчитывать, что порождаемые нами конструкты не будут отличаться от естественных языковых элементов, которые мы хотели получить? Нет. Поскольку мы не знали, является ли лингвистическая теория, из которой исходили мы (см. схему 3), лингвистической теорией, из которой надо исходить (см. схему 2), чтобы получить конструкты, адекватные естественным элементам.

Таким образом, прежде чем ставить задачу о создании конструктов, соответствующих естественным элементам, необходимо выяснить, является ли лингвистическая теория, на основании которой мы намерены их строить, той лингвистической теорией, которая отражает свойства реальных объектов. А это значит, что мы прежде всего должны лингвистическую теорию, из которой мы исходим, проанализировать с точки зрения соответствия ее естественным языковым элементам и языковой теории, описывающей их. Другими словами, мы должны встать на позицию метатеории и провести метаязыковое и металингвистическое исследование.

4. Суть этого исследования можно описать так. Возьмем некоторую лингвистическую теорию, например ее фрагмент, состоящий из определения понятия о предложении. Будем рассматривать это определение как операционное, т. е. как описание способа получения данного лингвистического элемента из других лингвистических элементов. Так, если в качестве определения понятия о предложении мы примем формулировку “предложение – это мысль, выраженная словами”, то сможем считать, что эта формулировка отражает результат получения лингвистического элемента “предложение” из лингвистических элементов: “мысль” и “слово”. Соответственно, в каждом языковом элементе, построенном на основании этого фрагмента лингвистической теории (например, в *сотри случайные черты...*), мы сможем установить, аналогичные компоненты: некоторый языковой элемент, соответствующий лингвистическому элементу “мысль”, и некоторый языковой элемент, соответствующий лингвистическому элементу “слово”. Таким образом, от операционных определений лингвистических элементов мы перейдем к операционному определению искомых языковых элементов. (т. е. как бы укажем способ построения языковых элементов на основании анализа определений понятий о лингвистических элементах).

Истинность операционных определений языковых элементов можно проверить на практике, например: либо предъявить языковой элемент, соответствующий данному лингвистическому элементу, либо указать, что такого элемента в языке нет. Это дает возможность говорить о критерии истинности лингвистической теории в следующем смысле: лингвистическую теорию (и, в частности, любое определение, входящее в нее) можно считать истинной, если соответствующая ей языковая теория оперирует фактами реального языка; например, конструктивные языковые элементы, построенные по модели данного лингвистического элемента, ничем не отличаются от естественных языковых элементов, с которых снималась модель.

§ 3. Теория системных определений

1. Отмечая, что определения лингвистических элементов мы рассматриваем как описание способа построения соответствующих им языковых элементов, мы должны обратить внимание на следующее. Лингвистические элементы можно разбить на более простые и более сложные, которые определяются через простые. Например, лингвистический элемент “предложение” посредством определения “предложение – это мысль, выраженная словами” охарактеризован как более сложный по отношению к более простым элементам “мысль” и “слово”.³ Поэтому естественно представить такое упорядочение лингвистических элементов, при котором выделены исходные, или самые простые, лингвистические элементы, а все остальные построены как производные от них.⁴ В итоге у нас получилась бы система лингвистических элементов, и, значит, лингвистическую теорию мы могли бы представить в виде иерархии определений, соответствующих этой системе. Другими словами, мы могли бы построить лингвистику как теорию системных определений, т. е. как науку, не отличающуюся по методике упорядочения дефиниций от математики, физики и других точных наук.⁵

2. Применительно к нашей задаче это означало бы, что лингвистическая теория, на основании которой мы собираемся конструировать интересующий нас порождающий механизм, была бы построена в виде иерархии, в самом верху которой стояло бы определение понятия о лингвистическом элементе “предложение”, а в самом низу – определения понятий о тех исходных лингвистических элементах, из которых его можно собрать. Забегая вперед, отметим, что в качестве исходных лингвистических элементов в нашей теории фигурируют конструкты, в Некотором отношении напоминающие общеизвестные лингвистические элементы “слово” и “связь”.

В соответствии с этим можно определить цель металингвистического анализа, проведенного в нашей книге. Этой целью является определение понятий об исходных лингвистических элементах, от которых

³ Аналогично: $F=ma$, где F выражено через m и a .

⁴ Ср. исходные a , t , m и производные F , v , s ($F=ma$, $v=at$, $s=vt$).

⁵ Мы считаем, что „точность“ науки связана с методом упорядочения предмета данной науки, а не с методом исследования исходных объектов. Математика – точная наука не потому, что она „точными“ методами (например, с помощью линейки и циркуля) исследует объекты, и не потому, что исследуемые ею объекты по самой своей природе доступны точному исследованию, но потому, что имеющиеся в ее распоряжении данные она упорядочивает в виде системы, каждый элемент которой имеет определенную значимость; другими словами, точной мы считаем науку, определения понятий в которой построены в виде иерархии (см. аксиомы и теоремы в математике), каждый член которой занимает строго фиксированное место.

с помощью операционных определений можно осуществить переход к более сложным лингвистическим элементам; указанные лингвистические элементы, по определению, должны быть моделями языковых элементов, порождаемых искомым искусственным механизмом и не отличающихся от реальных языковых объектов.

При этом важно иметь в виду следующее. Чтобы правильно определить исходные объекты, надо учитывать не только те свойства, которые проявляются при образовании их непосредственных дериватов, интересующих нас при построении модели, но и те свойства, которые могут оказаться существенными при образовании любых дериватов. Например, при определении понятия о слове мы должны рассматривать не только те свойства слова, которые выявляются при переходе от определения понятия о слове к определению понятия о предложении, но и те свойства, которые обуславливают способы формирования классов слов, соотношения оппозиций “морфология – синтаксис”, “язык – речь”, “синтагматика – парадигматика”, “части речи – члены предложения” и т. д. Только обследовав поведение лингвистического элемента “слово” во всевозможных обстоятельствах, мы сможем дать такое определение, которое впоследствии можно будет принять за исходное при характеристике лингвистического элемента “предложение”.

3. Многие лингвистические элементы (например, такой лингвистический элемент, как предложение) определяются в различных грамматиках по-разному. Что это означает? То, что авторы разных грамматик фактически работают с разными лингвистическими элементами, или то, что в этих определениях просто отражены разные стороны одного и того же лингвистического элемента? В принципе обе возможности равновероятны. Чтобы установить, с какой из них мы имеем дело в каждой конкретной ситуации, можно применить такой метод.

Пусть перед нами два операционных определения предложения. В первом определении предложение охарактеризовано через понятие о слове, во втором – через понятие о словоформе.

Если оба определения – это определения различных лингвистических элементов, то это означает, что в них представлены два способа построения сложных лингвистических элементов из более простых элементов разных типов. И значит, определения этих простых элементов должны быть построены как определения исходных понятий из разных, не зависящих друг от друга систем. Например, исходным определением для одной системы будет определение слова, исходным определением для другой системы – словоформы, и так как системы не зависят друг от друга, то определения слова и словоформы также должны быть взаимонезависимыми.

Теперь рассмотрим другой случай. Допустим, оба определения предложения – определения одного и того же лингвистического элемента. Это означает, что данный элемент допускает два способа построения: в одном случае за более простые элементы принимаются слова, в другом – словоформы. И значит, либо эти более простые элементы не зависят друг от друга и определяются как дериваты от различных исходных элементов, либо эти более простые элементы связаны друг с другом некоторым отношением и определяются как дериваты от одних и тех же исходных элементов (или хотя бы от одного из них).

Лингвистические элементы “слово” и “словоформа” обычно определяются друг через друга (например, “словоформа – это материальная часть слова”). Поэтому первый из разобранных выше случаев отпадает, остается второй. И значит, рассмотрение обоих определений

предложения в качестве характеристики одного и того же объекта заставляет считать оба определения дериватами от одного и того же исходного элемента. Например, если словоформа определяется через слово, то, характеризуя предложение как дериват от словоформы (“предложение – это цепочка словоформ, имеющая смысл”), мы фактически определяем его как дериват от слова (хотя в приведенной формулировке это эксплицитно и не выражено).

Таким образом, в случае двух определений одного и того же объекта одни и те же лингвистические элементы, фигурирующие в каждом из определений, должны задаваться с помощью одних и тех же формулировок (т. е. то, что справедливо для лингвистического элемента “слово” как члена формулировки: “предложение – это мысль, выраженная словами”, должно быть справедливо и для лингвистического элемента “слово”, через который мы определяем лингвистический элемент “словоформа”, упоминаемый в формулировке: “предложение – это цепочка словоформ, имеющая смысл”).

4. Как мы указывали выше, слово и словоформа обычно определяются в лингвистике друг через друга. И значит, оба определения предложения, на которых мы остановились, теоретически могут быть определениями одного и того же лингвистического элемента. Кроме того, это соответствует, как нам кажется, и практике – нашему опыту обращения с языковыми элементами (такими, как *Сотри случайные черты...*). Этот опыт подсказывает, что лингвистический элемент “предложение” должен быть объектом, которому присущи оба свойства одновременно: и то, что он является мыслью, выраженной словами, и то, что он является цепочкой словоформ, имеющей смысл. Этот же опыт заставляет нас в число исследуемых определений интересующего нас лингвистического элемента включить еще одно определение: “предложение – это цепочка связанных слов”.

Таким образом, мы получаем набор из трех определений:

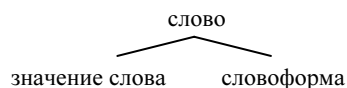
1. Предложение – это мысль, выраженная словами.
2. Предложение – это цепочка словоформ, имеющая смысл.
3. Предложение – это цепочка связанных между собой слов.

Относительно этих определений формулируется гипотеза: “Все три определения являются определениями одного и того же сложного лингвистического элемента – предложения”, и основной целью нашей работы становится проверка истинности данной гипотезы: анализ всех вытекающих из нее следствий, установление соотношения между исходными элементами, проверка выводимости каждого определения из одного и того же набора исходных элементов и т. д. Другими словами, возникает задача: показать, как именно надо задать исходные элементы, чтобы все три указанных определения можно было рассматривать как их дериваты внутри одной и той же системы.

5. Начнем с соотношения между определениями понятий о слове и словоформе.

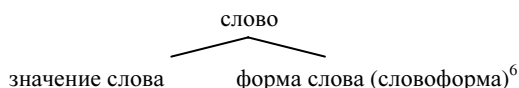
Предположим, что словоформа – это некоторая часть слова, т. е. слово – это словоформа и какое-то нечто. Назовем это нечто значением слова и изобразим соотношение слова, словоформы и значения слова посредством такой схемы:

Схема 4

Постулируем, что термин “значение слова” тождествен для нас термину “смысл слова”, а термин “форма слова” тождествен термину “словоформа”: их выбор, пока это не будет оговорено особо, будет объясняться только стилистикой. Перепишем схему 4 в таком виде:

Схема 5

Итак, в результате наших рассуждений мы пришли к тому, что слово можно определить как дуал, одной стороной которого является значение слова, а второй – форма слова. А теперь посмотрим, дает ли такое определение понятия о соотношении слова и словоформы⁷ возможность рассматривать три интересующих нас определения понятия о предложении как дериваты из одной системы определений.

Подставим результат, полученный при определении исходных элементов “слово” и “словоформа”, в деривационные определения:

1. Предложение – это мысль, выраженная словами-дуалами.

2. Предложение – это цепочка словоформ (“половинок” дуалов), имеющая смысл.

3. Предложение – это цепочка связанных между собой слов-дуалов. б.

Посмотрим, как нужно определить другие исходные понятия, чтобы они были согласованы с определениями слова и словоформы и чтобы из этих определений вытекали все три интересующих нас определения понятия о предложении.

Схематически третье определение понятия о предложении можно представить так:

Схема 6

$$\text{Предложение} = \text{слово}_1 + \text{слово}_2 + \dots + \text{слово}_n$$

⁶ Возвратимся к формуле $F=ta$ и посмотрим, нет ли сходства между этой формулой и нашей схемой. Прежде всего отметим, что формула связывает три элемента F , t и a при помощи операции “•”. Построенная нами схема также связывает между собой три элемента: слово, значение слова и форму слова при помощи операции “^”. Это становится совершенно очевидным при такой, например, форме записи: $c=fc^{\wedge}z$. Таким образом, хотя элементы и операции в обоих случаях разные, но структура определения интересующего нас понятия – одна и та же: в обоих случаях некоторый один элемент представлен как система двух других элементов. При этом в первом случае поставленной задаче служит операция “умножение двух элементов”, во втором случае – операция “синтез целого из двух частей”. Аналогично операции деления $a=F/t$ можно построить и операцию расчленения целого на части: вычленение fc (формы слова) или z_c (значения слова) из c („целого слова“):

$$\begin{array}{ccc} c & & c \\ \phi_c = \sqrt{} & & z_c = \sqrt{} \\ z_c & & \phi_c \end{array}$$

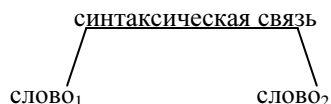
⁷ Обращаем внимание на то, что никаких определений понятия о слове или словоформе во Введении мы не даем: речь идет только об определении соотношения между исходными элементами, а не о дефиниции исходных элементов. В отличие от этого Заключение мы фактически посвящаем дефиниции слова и связи.

Подставим вместо символа “слово” его выражение посредством схемы 5:

Рассмотрим схему 7 более внимательно. Знаком “+” в ней обозначена связь между словами (обычно ее называют синтаксической. связью):

Схема 8

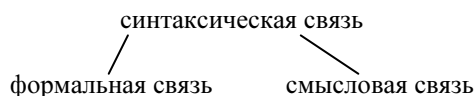

. Но слова мы представили как дуалы, состоящие из формального и" смыслового компонентов, и потому, проводя синтаксическую связь, мы не можем не заинтересоваться тем, каким элементом является она:

формальным, смысловым или формально-смысловым?

Предположим, что синтаксическая связь – это элемент такой же структуры, как те элементы, которые она связывает, т. е. предположим, что синтаксическая связь – формально-смысловой элемент. Выделим в этом элементе, как и в слове, два компонента – формальный и смысловой и назовем их соответственно формальной и смысловой связью:

Схема 9

Теперь предположим, что при расщеплении слов и связей на дуалы происходит следующее:

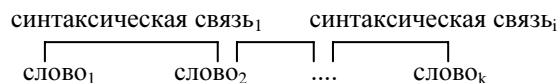
1) слова в единстве их формы и значения (без выделения формального и смыслового компонентов) друг с другом соединяются посредством синтаксических связей, т. е. связей в единстве их формы и значения без разложения на формальный и смысловой компоненты;

2) при дуализации слов происходит также дуализация связей:

формы слов друг с другом соединяются посредством формальных связей, а значения слов – посредством смысловых связей. Схематически этот результат можно представить следующим образом.

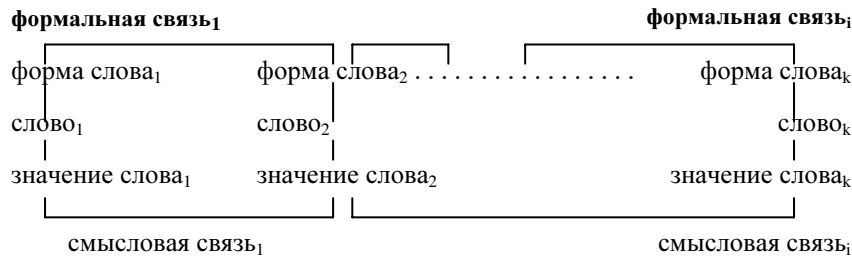
При интеграции формы и значения:

Схема 10

При дифференциации формы и значения:

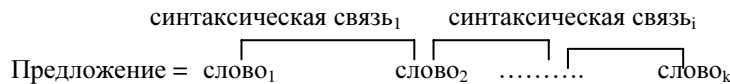
Схема 11

Назовем последовательность символов в схеме 10 формально-смысловой цепочкой, последовательность символов в схеме 11 – одну формальной цепочкой, а другую – смысловой цепочкой.

Теперь обратимся к различным определениям предложения и подставим в них результаты, представленные посредством схем 10 и 11. Мы получим, что при интеграции формы и значения предложение можно определить в соответствии со схемой 12:

Схема 12

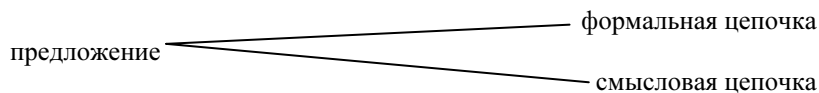
а при дифференциации формы и значения в – соответствии со схемой 13:

Схема 13

Используя результаты, представленные на схеме 13, и принятые выше конвенции, мы получим:

Схема 14

Полученный результат дает возможность сказать, что предложение – это формальная цепочка, находящаяся в определенной зависимости от смысловой цепочки. А если символу “<” придать тот же смысл, что и символу “^”, который мы употребляли при определении слова, то можно будет сказать, что предложение – это дуал, одной стороной которого является формальная цепочка, а второй – смысловая цепочка.

Сопоставляя это определение с определением 2 (см. стр. 13), можно отметить, что полученное теперь определение более общо, чем определение 2: чтобы перейти от него к определению 2, надо допустить, что наша смысловая цепочка – это не „сама по себе” цепочка каких-то значений, но цепочка значений, которую следует рассматривать как •смысл нашей формальной цепочки. В этом случае

определение 3 можно перевести в определение 2, и, значит, оба они могут быть рассмотрены как различные определения одного и того же явления.

Из этого следует, что нам фактически удалось показать, при каких условиях, налагаемых на исходные элементы, дериваты, образованные от них, переводимы друг в друга и могут быть рассмотрены как дериваты, выведенные внутри одной и той же системы из фиксированного набора аксиом.

Выяснив соотношение определений 2 и 3, мы должны ответить на те же вопросы и в отношении определения 1. Какие условия надо наложить на исходные определения, чтобы определение 1 можно было рассматривать как дериват от тех же самых исходных данных? Ответ на этот вопрос не так самоочевиден, как ответы на вопросы относительно определений 2 и 3. Чтобы справиться с ним (см. гл. IV этой книги), нам пришлось предварительно рассмотреть ряд других вопросов, возникших при изучении следствий из введенных нами дуалистических определений слова, синтаксической связи и предложения.

Переходя к исследованию этих вопросов, мы прежде всего займемся выяснением того, с какими объектами работают другие лингвисты – такими же дуалами или нет. Затем изучим все те следствия, к которым приводит рассмотрение интересующих нас элементов в виде дуалов. И наконец, постулировав слово и синтаксическую связь как исходные элементы, имеющие структуру дуалов, попробуем сконструировать деривационные определения других лингвистических элементов, необходимые для построения лингвистики как теории системных определений.

Г л а в а I

СВЯЗИ МЕЖДУ СЛОВАМИ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

1. ТИПЫ СИСТЕМ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СЛОВАМИ

§ 1. Логические возможности

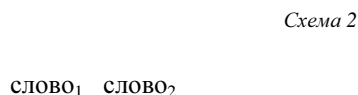
1. Первый вопрос, который нас будет интересовать, – это отношение лингвистов различных школ и эпох к проблеме дуалистической структуры слова и синтаксической связи. Мысль о том, что слово – двусторонний элемент, имеющий форму и значение, настолько не нова, что на дуализме слова мы останавливаться не будем¹. Но с синтаксической связью дело обстоит не так просто, поэтому этот вопрос мы рассмотрим во всех аспектах.

2. Начнем с повторения отдельных положений Введения, без которых нельзя будет обойтись в дальнейшем.

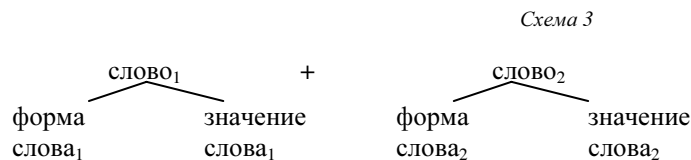
Итак, выше мы постулировали, что слово – это дуал, структура которого может быть показана на такой схеме:

Допустим, перед нами предложение, состоящее из двух слов:

Каковы логические возможности описания связей в этом предложении? Представление слов как дуалов дает возможность изобразить данное предложение в таком виде:

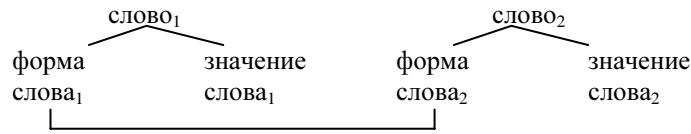

¹ См., например, такое определение, отражающее подход к слову как дуалу, состоящему из «отдельного предмета мысли» и «звукового выражения»: «Слово... 1. Единица речи, представляющая собою звуковое выражение отдельного предмета мысли» [219, т. IV, 270].

Это позволяет говорить о следующих типах связей:

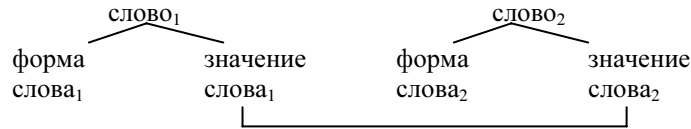
1) формальных связях между формами слов:

Схема 4

2) смысловых связях между значениями слов:

Схема 5

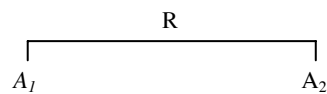
3) формально-смысловых связях между словами, не расчлененными на форму и значение (эти связи в дальнейшем мы будем называть синтаксическими):

Схема 6

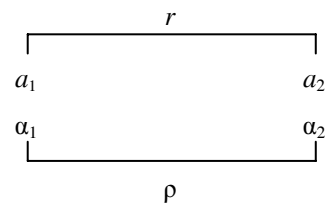
В соответствии с перечисленными возможностями структуру любого предложения можно изобразить двояко: либо с помощью одной схемы (схемы синтаксических связей), либо с помощью двух схем (схемы формальных и схемы смысловых связей). Например, структуру предложения (A_1+A_2) можно изобразить двумя способами (схемы 7 и 8):

Схема 7

где A_1 и A_2 – слова в единстве их форм и значений, а R – формально-смысловая (синтаксическая) связь;

Схема 8

где a_1 и a_2 – формы слов A_1 и A_2 и α_1 и α_2 – значения слов A_1 и A_2 ($A_1 <^{a_1} a_2$,

$A_2 <^{\alpha_1} \alpha_2$), r – формальная связь, а ρ – смысловая связь.

3. Нарисовав две схемы одного и того же предложения (формальную и смысловую), далее также можно идти двумя путями:

1) считать формальные связи формой выражения смысловых, а смысловые связи – значением формальных;

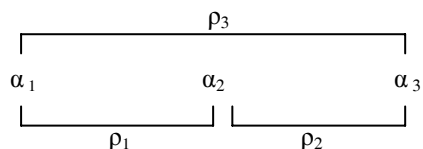
2) считать формальные связи логически не зависящими от смысловых, а смысловые связи – не зависящими от формальных.

В соответствии с этим схему 8 можно интерпретировать двояко:

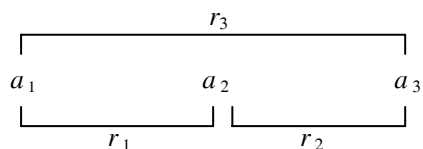
1) считать, что r – форма ρ и что ρ – значение r ,

2) считать, что r и ρ не зависят друг от друга.

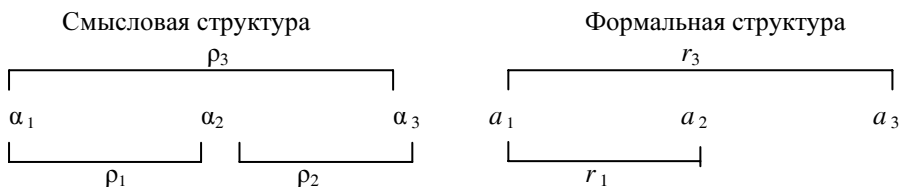
Примечание. Различать эти два подхода необходимо. Если принять, что каждая формальная связь является формой выражения какой-то смысловой связи (и наоборот), то при анализе любого предложения все связи нам придется вводить парами; например, если в предложении X мы выделим три смысловые связи:

то вслед за этим должны будем привести и три формальные связи, соответствующие смысловым:

Если же мы предположим, что формальные и смысловые связи взаимонезависимы, то анализ плана формы можно будет проводить без учета плана содержания. В этом случае констатация трех смысловых связей не заставит нас во что бы то ни стало выискивать соответствующие им три формальные связи: отсутствие постулата об изоморфизме плана формальных и плана смысловых связей делает наше исследование более гибким. Наряду с соотношением формальных и смысловых связей, подобным приведенному выше, мы сможем также учитывать и такие, например, соотношения:

Таким образом, для построения теории связей, соотнесенной с рассмотренными логическими возможностями, необходимо постулировать:

1а) систему формальных связей между формами слов, не зависящую от системы смысловых связей между значениями слов;

1б) систему формальных связей между формами слов, в которой формальные связи рассматриваются как форма выражения смысловых связей между значениями слов;

2а) систему смысловых связей между значениями слов, не зависящую от системы формальных связей между формами слов;

2б) систему смысловых связей между значениями слов, в которой смысловые связи рассматриваются как значение формальных связей;

3) систему синтаксических связей между словами, рассматриваемыми как неделимые формально-смысловые компоненты.

4. Перейдем к рассмотрению следующего вопроса. Когда мы разбираем некоторое предложение, мы оперируем с конкретными словами. При построении теории мы переходим к классам слов. Таким образом, система связей 3 является абстракцией от таких модификаций:

3А) система синтаксических связей между двумя компонентами, один из которых является конкретным словом (в единстве его формы и значения), а второй – словом как представителем некоторого класса слов (слов – в единстве их форм и значений);

3Б) система синтаксических связей между двумя компонентами, которые являются конкретными словами в единстве их форм и значений;

3В) система синтаксических связей между двумя компонентами – каждый из них рассматривается как представитель некоторых классов слов (слов – в единстве их форм и значений).

Аналогично обстоит дело и с остальными четырьмя системами.

5. Определив логические возможности, мы временно оставим вопрос о модификациях интересующих нас систем и обратимся к выяснению того, с какими системами связей работают лингвисты. Предварительно отметим, что «системы связей» – понятие весьма абстрактное;

как правило, лингвисты, занимающиеся конкретными исследованиями, ни с какими системами связей не работают. На практике речь обычно идет не о связях вообще, а о тех или иных конкретных типах связей, например, об управлении, примыкании, согласовании. Таким образом, чтобы выяснить что-либо о связях вообще (например, чтобы узнать, рассматривается ли синтаксическая связь как дуал), нам придется прежде всего проанализировать определения различных конкретных связей и только после этого переходить к вопросам Общей теории связей. Своё исследование мы начнем со связи «управление».

Сначала мы постараемся понять, какой связью является управление: формальной, смысловой или формально-смысловой. Затем мы обратимся к контрпримерам, имплицитным недифференцированным подходам к управлению, т. е. исследуем противоречия, к которым приводит рассмотрение управления то как формальной, то как смысловой, то как формально-смысловой связи. После этого мы перейдем к другим, известным нам связям (согласованию, примыканию и синтетизму) и, проанализировав их, попытаемся построить гомогенную систему формальных связей.

§ 2. Некоторые значения термина «управление»²

1. Первое, что поражает в литературе по вопросу управления, – это обилие формулировок при определении понятия «управление», в том числе и взаимоисключающих друг друга. Приведем некоторые из них.

а) Ф. И. Буслаев: «Управлением Называется такое сочетание слов, в котором одно слово зависит от другого и означает свою зависимость или окончанием падежа, или же предлогом» [31.23].

² Другие значения этого термина мы описываем в гл. III.

б) В. А. Богородицкий: «Употребление глаголов в соединении с тем или другим падежом представляет вовсе не управление глагола именем, а лишь сочетание глагола с данною падежною формою, вызванное взаимным соответствием их при выражении данной мысли» [23.322].

в) Р. Мразек: «Считаем, что правомерно говорить не только о падежном управлении, но также об инфинитивном и фразовом управлении» [147.56].

г) Е. В. Кротевич: «Под управлением нужно понимать такой прием синтаксической связи между соотносительными членами подчинительного словосочетания, при котором зависимое слово (имя существительное или его эквивалент) для выражения определенного значения ставится в той падежной форме (с предлогом или без предлога), которая требуется господствующим членом (при сильном управлении), или смыслом высказывания (при слабом управлении), или грамматической конструкцией оборота» [109.16].

д) В. В. Виноградов: «...такие синтаксические явления, как дательный субъекта действия в инфинитивном предложении и даже творительный предикативный – с точки зрения современного их понимания – не имеют никакого отношения к управлению (какой бы широкий смысл ни вкладывался в этот термин)» [40. 243].

е) А. И. Смирницкий: «Глагольным управлением обозначается отношение между явлением, обозначаемым данным глаголом, и предметом или явлением, обозначаемым посредством управляемого имени или местоимения» [203.233 – 234].

2. Какова же причина такого обилия формулировок при определении понятия «управление»? Говорят ли все ученые об одном и том же объекте, давая ему разные определения, или на самом деле они имеют в виду различные объекты, но почему-то называют их все одним и тем же термином (например,¹ один языковед называет «управлением» формальную связь, не зависящую от смысловой, второй – формальную связь, зависящую от смысловой, третий – формально-смысловую связь и т. д.).

3. Начнем *ab ovo* – с «Синтаксиса» А. Дискола [10. 63], в котором можно четко различить два плана: требование постановки одного слова другим словом в зависимости от смысла и требование взаимосогласованности различных форм слов³. На основании этих двух типов требований в каждом предложении можно установить две системы связей⁴: 1) смысловые связи между частями предложения (т. е. отношения между частями предложения, обусловленные смыслом каждой части предложения) и 2) формальные связи между частями предложения (т. е. отношения между частями предложения, обусловленные взаимосогласованностью – невзаимосогласованностью форм частей предложения).

³ Ср., например, с одной стороны: «...выражение *этот меня ударил*, сказанное о женщине, не заключает в себе погрешности речи: ведь оно обладает должной согласованностью. Если же кто-нибудь, когда дело идет о женщине, сказал бы *эта меня ударили*, он без сомнения скажет солекизм вследствие несогласованности слов, хотя он и правильно указывает род. Ведь согласованность или несогласованность заключается не в предметах, но в соединении слов, которые могут изменяться в должном направлении, между тем как предметы все время остаются теми же», с другой стороны: «...*этот прогуливается* – законченное предложение, а *вредит* – нет, так как не хватает *кому*» [10.137]

⁴ Конечно, А. Дискол не называет связи формальными или смысловыми, не говорит он и о двух системах связей. Фактически мы переводим исследования наших предшественников на язык терминов, сущность которых изложена во Введении.

Система смысловых связей в «Синтаксисе» А. Дискола не сопоставлена с системой формальных связей как ее интерпретация, а система формальных связей не представлена как форма выражения смысловых связей, т. е. план смысловых связей и план формальных связей сосуществуют как независимые, равноправные величины⁶.

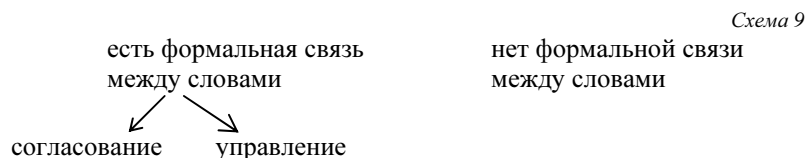
Что касается формальных связей между частями предложения, эти части предложения у А. Дискола либо взаимосогласуются по форме, либо нет; вопрос о типах «взаимосогласованности» не ставится. Термин «управление» Дискол не употребляет.

4. В «Грамматике» Арно и Лансло [262] уже есть термин «управление». Посмотрим, какой круг явлений связывается в этой работе с данным термином.

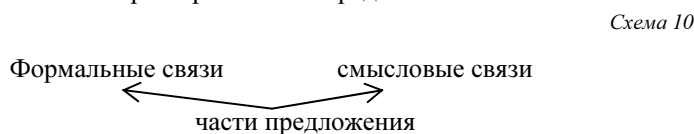
Описывая части предложения в терминах логических категорий и соотнося смысловые связи между частями предложения с отношениями между логическими категориями, Арно и Лансло анализируют формы, посредством которых выражаются эти смысловые связи, т. е. исследуют формальные связи, посредством которых выражаются смысловые связи. Так, например, в «Грамматике» говорится, что, если множество субъектов выражается формой множественного числа субстантива, то это множество субъектов по форме обозначается и в адъективе: слова согласуются по форме (т. е. в наших терминах: смысловая связь «субъект и его признак» обозначается посредством формальной связи «согласование субстантива и адъектива»).

Кроме формальной связи «согласование» Арно и Лансло констатируют наличие еще одной формальной связи – «управление», рассматривая и ее как форму выражения некоторой смысловой связи и определяя как отношение, при котором одно слово вызывает изменения в другом. Например, говоря о том, что в предложении не бывает генитива, который «е управляет 'бы другим именем, Арно и Лансло видят причину установления формальной связи между двумя именами, одно из которых стоит в генитиве, в установлении смысловой связи меж-1 ду «владельцем, который обозначен генитивом, и владеемой вещью, название которой управляет генитивом» [262.207].

Таким образом, дихотомия А. Дискола: «есть формальная связь между словами (взаимосогласованность) – нет формальной связи (не-взаимосогласованность)» – переходит у Арно и Лансло в отношение иного типа:

В то же время отношения между формальными и смысловыми связями у А. Дискола можно охарактеризовать посредством схемы 10:

⁵ См. прим. 3, из которого ясно, что Дискол отличает «правильно по смыслу построенное предложение» от «грамматически правильного предложения» и указывает, что наличие правильных смысловых связей не является достаточным условием для наличия правильных формальных связей, и наоборот.

-а на основании работы Арно и Лансло – посредством схемы 11:

Схема 11

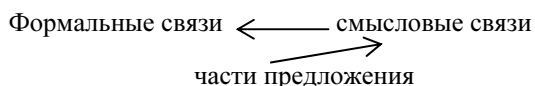

Отметим, что формальные связи в грамматике Пор-Рояля четко дифференцируются (им даны названия, и они отграничены друг от друга); смысловые связи не различаются сами по себе: о них можно судить только по формальным связям, являющимся их выражением.

5. В «Грамматике» Н. Бозэ [270], как 'в грамматике Пор-Рояля, формальные связи дифференцированы на связи управления и согласования; кроме того, между формальными и смысловыми связями установлено то же соотношение, что у Арно и Лансло: формальные связи рассматриваются как форма выражения смысловых. Однако в отличие от грамматики Пор-Рояля в работе Н. Бозэ смысловые связи четко дифференцируются (сами по себе) на связи тождества и определения⁷. Следствием этой дифференциации является то, что управление у Н. Бозэ характеризуется как форма выражения отношения определения, а согласование – как форма выражения отношения тождества.

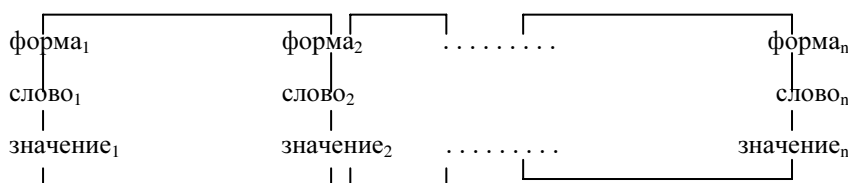
Таким образом, здесь мы имеем отношение вида:

Схема 12

6. Подводя итоги, можно сказать, что, исходя из работ Дискола, Арно – Лансло и Бозэ, для каждого предложения можно было бы построить две структуры связей – формальную и смысловую: формальная структура представляла бы собой систему связей между формальными элементами (элементами плана формы – формами слов), смысловая структура устанавливалась 'бы между смысловыми элементами (элементами плана содержания – значениями слов). Следовательно, в каждом слове могли быть выделены 'формальный и смысловой компоненты и 'план формы мог быть отделен от плана содержания:

Схема 13

⁶ Соотношение формальных и смысловых связей у Арно и Лансло обозначено нами двусторонней стрелкой, потому что авторы грамматики Пор-Рояля в одних случаях формальные связи (управление, согласование) выводят из смысловых (при этом в качестве причины существования той или иной формальной связи указывается некоторая смысловая связь, см. выше обоснование управления генитивом), в других случаях – наоборот, смысловые связи выводят из формальных (здесь в качестве причины существования той или иной смысловой связи выступает некоторая формальная связь, см.: «...иногда сами эти различные управления обладают силой изменять значение выражения в соответствии с тем, как это допускается данным языком: так, например, в латинском *cavere alicui* 'бояться за кого-либо' обозначает 'заботиться о его сохранении', а *cavere aliquem* 'бояться кого-либо' означает 'остерегаться его'». [262.208]).

⁷ Ср. со связями согласования и присущности у Ш. Балли [19].

о?

7⁸. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова [119] план формы и план содержания не разграничиваются, т. е. слово рассматривается как единый Элемент, не делимый на формальный и смысловой компоненты. Так, когда М. В. Ломоносов говорит, что «существительные, до похвалы или похуждения надлежащие, требуют родительного падежа» [119.136], за этим стоит одно: рассматривается словосочетание из двух формально-смысловых элементов, таких, что в первом элементе эксплицируется его смысловая сторона (элемент «до похвалы или похуждения надлежащий»), а во втором – его формальная сторона (элемент, имеющий форму родительного падежа):

Схема 14

слово₁ (значение) слово₂ (форма)

Следовательно, в соответствии с этой теорией план формы не отделяется от плана содержания, а рассматривается некий единый план «формо-содержания» и устанавливается система синтаксических связей, не «разбирающаяся» на формальную и смысловую структуры.

Обращаясь к перечисленным выше логически возможным типам связей, можно сказать, что у М. В. Ломоносова реализуется возможность 3, у Дискола – 1а, у Арно и Лансло – 16, 26, а у Бозэ – 16.

Поэтому у Арно и Бозэ управление – это формальная связь между словами, являющаяся формой выражения некоторой смысловой связи, а у М. В. Ломоносова – «синтаксическая» связь между словами в единстве их форм и значений. Таким образом, фактически перед нами два совершенно различных объекта, каждому из которых нельзя не дать свое определение.

8. Грамматика М. В. Ломоносова вышла в 1755 г., грамматика Арно переведена на русский язык в 1810 г. («Всеобщая философическая грамматика», изданная Николаем Язвицким). Таким образом, термин «управление» в лингвистической литературе на русском языке с самого начала употреблялся неоднозначно и обозначал объекты, похожие друг на друга только тем, что они были отнесены к классу связей.

Еще больше эта неоднозначность увеличилась впоследствии: в лингвистике XIX – XX вв. к уже отмеченным нами значениям термина «управление» добавились еще и другие. В качестве иллюстраций можно привести определения, цитированные нами на стр. 20 – 21. К указанным примерам добавим еще три:

1) «Управлением называется такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения или субстантивированного прилагательного (без предлога или с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова. Это слово для раскрытия и распространения своего смысла как бы требует определенной зависимой от него формы косвенного падежа имени или местоимения с личным или предметным значением...» [51 (II, ч. 1).22].

2) «Между субъектом и предикатом или между определяемым и определяющим существует отношение присущности или соотношения. Грамматически присущность выражается согласованием.

⁸ Мы не ставим своей задачей проанализировать все теории связей, но хотим только составить представление об эволюции отдельных понятий теории связей и, в частности, понятия «управление»

Соотношение – это отношение между двумя внешними (слово „внешний" взято здесь в чисто логическом и отвлеченном смысле. – Ш. Б.), независимыми друг от друга предметами... Лингвистически соотношение выражается синтаксической зависимостью, называемой управлением» [19.121 – 122].

3) «Противопоставление согласования, управления и примыкания строится на основе соотношения форм слов, вступивших в связь» [178. 30].

Анализируя эти определения, можно отметить, что в первом из них управление рассматривается как «синтаксическая» связь (см. возможность 3), во втором – как формальная связь, являющаяся формой выражения некоторой смысловой связи (см. возможность 16), а в третьем – как формальная связь между формами слов, не зависящая от смысловой связи между значениями слов (см. возможность 1а).

9. Небезынтересно отметить, что различное понимание термина «управление» встречается не только у различных исследователей, но подчас у одного и того же: не отдавая себе в том отчета, такой ученый фактически работает с несколькими объектами, полагая, что перед ним один и тот же объект. Наиболее ярко это проявляется в тех случаях, когда исследователь, пытаясь определить, чем те или иные виды управления (например, сильное и слабое управление) отличаются друг от друга, предварительно не указывает, чем эти виды похожи друг на друга, т. е. не пытается выделить черты, на основании которых они рассматриваются как разновидности одного и того же явления.

В качестве классического примера этого типа сошлемся на приведенную на стр. 21 формулировку Е. В. Кротевича, в которой управление определяется посредством соотнесения его с подвидами (сильным управлением, слабым управлением и неизвестно каким управлением), выделенными не на основании одного и того же критерия, но на основании самых различных критериев: сильное управление соотнесено с системой формальных или формально-смысловых связей между словами (форма управляемого слова требуется управляющим словом), слабое управление – с системой смысловых связей между словами (форма управляемого слова требуется смыслом высказывания), а «?-управление» – с системой формально-смысловых связей между конструктами (форма управляемого слова требуется грамматической конструкцией оборота). Особенно часто встречаются подобные определения в многочисленных авторефератах и статьях, опубликованных в последние годы⁹.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

§ 1. Дуалистическая структура основы слова и окончания

1. Выше мы установили, что термин «управление» употребляется в лингвистике неоднозначно. Вследствие этого создается впечатление,

⁹ См., например, работы Н. В. Ведерникова [35], М. Д. Лесник [П6], А. К. Ждановой [68] и многих других. Пробираясь сквозь путаницу взглядов в этих работах, встречаешь даже такие заявления: «Сам термин „управление" большинством лингвистов рассматривался в основном о д н о з н а ч н о (разрядка моя. – Л. С.), как смысловая и грамматическая связь, при которой подчиняющее слово требует постановки зависимого слова в определенном косвенном падеже» [68.10]. Интересно в этой связи отметить следующее замечание Л. Ельмслева: «...само понятие управления, понятие, необходимое для всякого функционального исследования, остается плохо определенным, и, прежде чем оно будет употребляться в структурной лингвистике, оно должно быть подвергнуто критическому анализу» [359.16].

будто ученые, которые пользуются им, работают с одним и тем же объектом, тогда как по сути они имеют дело с различными объектами. Происходит следующее: один ученый фиксирует какие-то свойства у своего объекта, второй – у своего и т. д. Затем все эти свойства сводятся воедино и приписываются все одному объекту – управлению. Поскольку же объект исследования одного ученого не обязательно совпадает с объектом исследования другого ученого, то при приписывании всех зафиксированных свойств одному и тому же объекту оказывается, что этот объект – какое-то странное, внутренне противоречивое явление: в одно и то же время оно может, например, быть фактом словаря и не быть им, быть фактом грамматики и не быть им и т. п. Контрверзы этого типа кажутся неразрешимыми, ибо каждый ученый в защиту своей аргументации приводит доводы, которые опираются на факты, имеющие место в объективной действительности. Очевидно, что единственный способ разрешить указанные противоречия – это показать, что они являются мнимыми, поскольку они возникают на почве разговора не об одном, но о разных объектах.

Приступим к анализу спорных вопросов в известных нам работах по теории управления. Прежде всего выясним, к каким следствиям может привести дифференцирование управления на формальную и формально-смысловую связь, а затем посмотрим, в каком отношении находятся эти следствия с вопросами, поднимаемыми при обсуждении теоретических проблем управления.

2. Начнем с подробного исследования нашего исходного тезиса о дуалистической структуре слова. В соответствии с этим тезисом слово, например *книга*, можно представить как элемент, одной стороной которого является форма слова *книга* – словоформа $k+n+i+g+a$, а второй – значение, которое стоит за этой словоформой. Подбирая ряд слов *книга, книги, книгу...* и выделяя в них смысловые компоненты, мы можем отметить, что каждый смысловой компонент состоит из двух частей: одной – общей для всех компонентов и другой – у всех различной. 'Общей смысловой части соответствует одна и та же формальная часть *книг-*, разным смысловым частям – различные формальные части *-а, -и, -у*. Отметим, что одинаковые смысловые части (*книг*) отражают равенство перечисленных слов по денотату и что разные смысловые части непосредственного отношения значение слова книга к денотату не имеют. Зафиксируем перечисленные факты с помощью схемы 15.

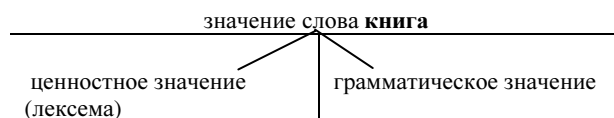
Схема 15

Назовем значение, передаваемое частью *книг* словоформы *книга*, денотатным значением слова, или его лексемой, а значение, передаваемое частью *а* словоформы *книга*, – грамматическим значением слова¹⁰. Изобразим полученный результат в виде схемы 16.

¹⁰Ср.: «Носителем главного значения в слове является основа, которая всегда соединяется с окончаниями и по смыслу существенно отличается от них. В самом деле основа соответствует представлениям реального мира, образуя – так сказать – материальную часть или собственное значение слов, окончания же составляют чисто формальную часть слов и служат показателями отношений» [24.154].

Схема 16

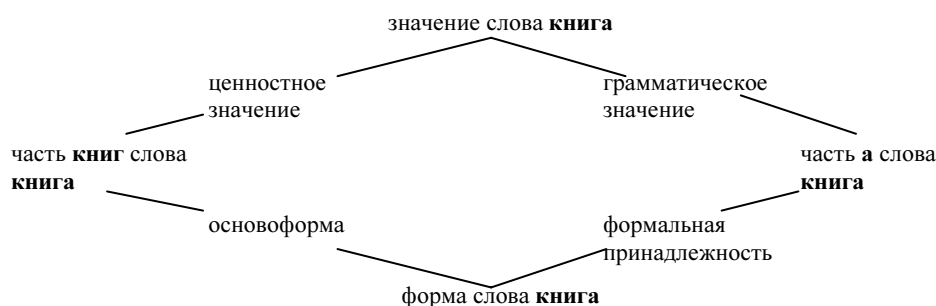
Назовем формальную часть *книг* словоформы *книга* основой формой, а часть *а* словоформы *книга* — формальной принадлежностью. Представим соотношение частей словоформы посредством такой схемы:

Схема 17

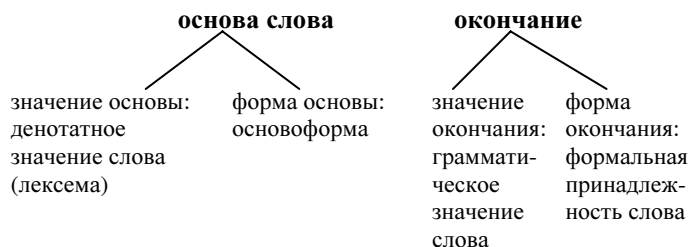
Результирующая схема будет иметь вид:

Схема 18

В соответствии с общепринятой терминологией назовем часть *книг* слова *книга* основой этого слова, а часть *а* — окончанием. На схеме 18 показано, что часть *книг* слова *книга* состоит из двух компонентов: денотатного значения и основоформы. Аналогично и часть *а* слова *книга* имеет два компонента: грамматическое значение и формальную принадлежность. И значит, от постулирования дуалистической структуры слова мы пришли к постулированию дуалистической структуры частей слова — основы и окончания (схема 19).

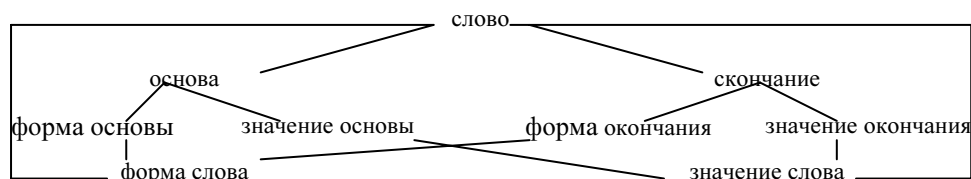
Схема 19

Следовательно, при описанном измельчении элементов их дуалистический характер не меняется, и больший дуал как бы синтезируется из меньших дуалов таким образом, что значения меньших дуалов

сливаются воедино и образуют значение большего дуала, а из форм меньших дуалов образуется форма большего дуала:

Схема 18

3. Перейдем к связям между словами и посмотрим, как их можно сопоставить с полученными результатами. Выше мы говорили о том, что формальная связь устанавливается между формами слов, смысловая – между их значениями, а формально-смысловая – между словами в единстве их форм и значений. Теперь мы пришли к тому, что форма слова может быть представлена как совокупность двух форм – формы основы (основоформы) и формы окончания (формальной принадлежности). В этих условиях естественно спросить: что именно дает нам основание констатировать формальную связь между двумя словоформами – наличие формальной связи между двумя основоформами? между двумя формальными принадлежностями? между основоформой и формальной принадлежностью? наличие двух формальных связей между двумя основоформами и двумя формальными принадлежностями? и т. д.

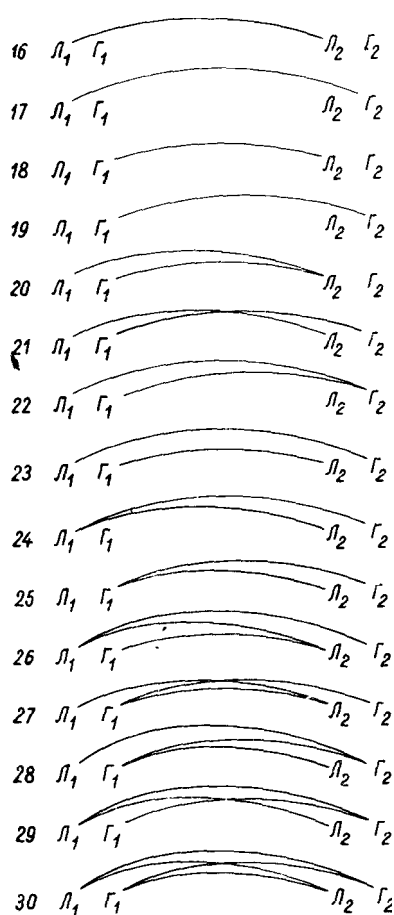
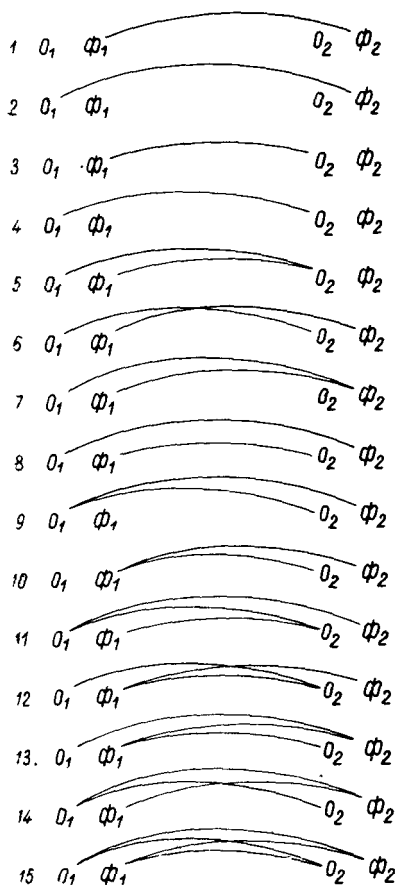
Введем следующие обозначения: O_1 – основоформа одного слова, O_2 – основоформа другого слова, Φ_1 – формальная принадлежность одного слова, Φ_2 – формальная принадлежность другого слова, дуга – формальная связь между двумя элементами. На схеме 21 показаны все логически возможные формальные связи. Таким образом, наш вопрос сводится к вопросу о том, какой из логических случаев, представленных ниже, дает нам право говорить о наличии формальной связи между двумя словоформами.

Остановим свой выбор на логической возможности 1 и отметим, что для нас необходимым условием установления формальной связи между двумя словоформами будет наличие формальной связи между двумя формальными принадлежностями¹¹.

4. Аналогично можно поставить вопрос и в отношении смысловых связей. Обозначив лексему одного слова L_1 , лексему другого слова – L_2 , грамматическое значение одного слова – Γ_1 , грамматическое значение другого слова – Γ_2 , а смысловую связь между двумя смысловыми элементами дугой, логически возможные смысловые связи мы можем изобразить следующим образом (схема 22).

Остановим свой выбор на логической возможности 1б и отметим, что для нас необходимым условием установления смысловой связи между двумя значениями слов будет наличие смысловой связи между двумя лексемами.

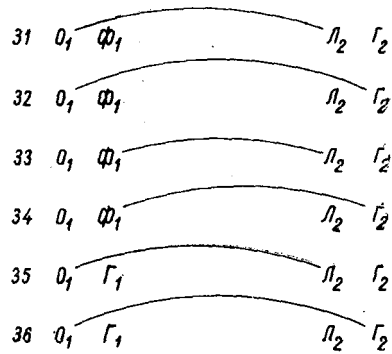
¹¹ Очевидно, что это упрощение, однако оно не влияет на ход наших дальнейших рассуждений, и мы пользуемся им вместо того, чтобы, например, говорить о выборе, состоящем в дизъюнкции возможностей 1 – 4, хотя последний выбор, по-видимому, применим к фактам любого языка, а наш – только к фактам ограниченного круга языков.

5. Перейдем к проблеме формально-смысловых связей. Будем считать, что формально-смысловые связи можно выразить в терминах формальных и смысловых связей и противопоставить последним по следующему принципу: при установлении формальных и смысловых связей происходит соединение однородных элементов – частей слова, которые относятся к одному и тому же языковому плану (либо плану формы, либо плану значения), а при установлении формально-смысловых связей происходит соединение разнородных элементов – частей слова, которые относятся к различным языковым планам (одна часть – к плану формы, вторая – к плану значения)¹². Таким образом, при описании формально-смысловых связей мы имеем дело с одной из следующих логических возможностей (схема 23).

¹² Тот факт, что при этом, возможно, происходит также соединение однородных элементов (например, L_1 и L_2), мы не рассматриваем: как и выше, в качестве необходимого условия существования связи между словоформами мы принимаем наличие минимум одной связи между частями слов. При этом если хотя бы одна из связей между частями слов является связью между разнородными элементами, то связь между словами рассматривается нами как формально-смысловая. Если разнородные связи между частями слов не устанавливаются, мы говорим о формальных и смысловых связях.

Схема 23

t § 2. Дискуссия по теме, которой нет

1. Возвратимся к понятию «управление». Выше мы отмечали, что оно определяется лингвистами то как формальная, то как формально-смысловая связь. Используя только что полученные результаты, можно сказать, что при рассмотрении управления как формальной связи в качестве ответственных за управление выступают формальные принадлежности слов. Если управление определено как формально-смысловая связь, то отвечать за него должны либо лексемы и формальные принадлежности, либо грамматические значения слов и основоформы.

2. В предыдущем параграфе мы установили одно из следствий, к которому приводит рассмотрение слова и связи как дуалов: описание элементов, ответственных за управление, фактически обусловлено тем, с какой позиции подходит автор к структуре слова и связи – дуалистической или нет. Теперь посмотрим, как это следствие связано с контрверзой: «считать управление фактом словаря или грамматики?».

Обычно, когда говорят о противопоставлении «грамматика – словарь», имеют в виду две оппозиции: 1) регулярное – индивидуальное в слове; 2) грамматическое – лексическое в слове. При этом, если в слове выделяют основу и окончание, то с основой слова, как правило, связывают его лексическую индивидуальность, а с окончанием – то, что в нем есть регулярно-грамматического. Следовательно, вопрос о том, является управление фактом словаря или грамматики, можно интерпретировать иначе: какие части слов отвечают за управление – значения основ или формальная регулярность окончаний? В наших терминах это означает, что вопрос заключается в следующем: считать ответственным за управление только формальные принадлежности слов (управление как факт грамматики) или формальные принадлежности слов и их лексемы (управление как факт словаря).

Поскольку же управление, как некий единый объект не существует, то приведенный вопрос об одном несуществующем объекте можно заменить двумя вопросами о двух реальных объектах: «считать ответственными за управление как-формальную-связь только формальные принадлежности слов или формальные принадлежности и их лексемы? считать ответственными за управление-как-формально-смысловую-связь только формальные принадлежности слов или формальные принадлежности слов и их лексемы?». Ответы на эти вопросы мы дали выше. В соответствии с ними можно будет ответить и на вопрос, является

управление фактом словаря или грамматики: управление как формальная связь является фактом грамматики, как формально-смысловая – фактом словаря. Союз «или» употреблен вследствие нечетких терминологических конвенций. Дилеммы: «считать управление фактом словаря или грамматики» – не существует.

3. Теперь обратимся к конкретным исследованиям и посмотрим, правильны ли наши допущения о соотношении лингвистических теорий при постановке вопроса: «является управление фактом словаря или грамматики?». Будем рассуждать так. Если наши допущения верны, то мы можем предположить следующее. Ученые, которые считают управление фактом словаря, по-видимому, в качестве ответственных за управление принимают лексемы и, значит, исходят из определения управления как формально-смысловой связи между словами в единстве их форм и значений. Наоборот, те, кто называют управление фактом грамматики, должны ответственность за управление возлагать на формальные принадлежности слов и исходить из определения управления как «чисто» формальной связи. И если именно так и обстоит дело в лингвистике, то следовательно, правильно было наше допущение о том, что сформулированная в начале этого параграфа контроверза является мнимой.

В работе Л. Ельмслева «Понятие управления» [359] управление понимается как формальная связь, при которой формальная принадлежность одного слова (и только она, а не все слово в целом) обуславливается формальной принадлежностью другого слова¹³. Естественно, что при такой трактовке управление – это, безусловно, факт грамматики, описывать его надо посредством правил, а не апелляции к словарю.

В противоположность Л. Ельмслева А. Н. Гвоздев [48] рассматривает управление как формально-смысловую связь, при которой форма зависимого слова (в наших терминах – его формальная принадлежность) имплицитно определяется не формой господствующего слова, а его лексическим значением (в наших терминах – его лексемой)¹⁴. Поэтому было бы вполне естественно, если бы он, продолжая традицию Л. В. Щербы¹⁵, предложил описывать управление как факт словаря, а не грамматики.

¹³ «Можно сказать – и в грамматиках говорят и так, и этак, – что союз управляет предложением, что он управляет глаголом этого предложения и что он управляет наклонением и временем этого глагола; что предлог управляет именем и что он управляет падежом этого имени; что первое слово (субстантив) управляет вторым словом (адъективом) и что 'падеж, число и род второго слова находятся в соответствии с падежом, числом и родом первого слова. Очевидно, существует минимальное единство, которое надо рассматривать, чтобы быть точным при выборе между этими различными возможностями: это – соотношение между фундаментальными морфемами первого и второго слова, которое создает их взаимное функционирование; основа остается в стороне и определяется лишь потом, соответственно, как основа первого слова (субстанти-ва) или второго слова (адъектива) – в зависимости от того, является ли управляющей или управляемой морфема, с которой она связана; именно падеж, а не имя (в целом) управляется предлогом; наклонение или время, а не глагол (в целом) или предложение (в целом) управляются союзом. Когда мы говорим, что время и наклонение зависимого предложения управляются глаголом главного предложения, мы просто смешиваем вещи, которые следует различать» (359.16).

¹⁴ См.: «При управлении форма подчиненного слова определяется не формой подчиняющего слова, а его лексическим значением и некоторыми свойственными ему категориями. По этой причине изменение подчиняющего слова не отражается на форме подчиненного слова, остающегося в неизменном виде: *жду поезда, ждите поезда, ждите меня*» [48.29].

¹⁵ См.: «Существует общераспространенный предрассудок, 'будто управление слов определяется грамматикой: на самом деле оно чаще всего оказывается принадлежностью каждого отдельного слова, а потому является фактом словаря» [256.4].

Итак, понимание управления как формальной или формально смысловой связи отражается на решении вопроса об отнесении управления к фактам словаря или грамматики. Приведем еще несколько примеров, показывающих, как решение тех или иных проблем, поднимается; в связи с термином «управление», также обусловливается исходным! определениями слова и связи.

1) Такой факт в древнерусском языке, как употребление дательного беспредложного при глаголах *негодовать*, *судить*, *ехать* или роди тельного беспредложного при глаголах *отступить*, *отходить*, *бежать* в зависимости от исходных определений может трактоваться следующим образом:

а) в разные эпохи основы одних и тех же глаголов имели различное значение, и с изменением значения изменялось и управление¹⁶ (если считать, что управление – это формально-смысловая связь и устанавливается между значением основы одного слова и формой окончания второго слова);

б) не изменение значения основы глагола *негодовать* вызвало изменения в управлении этого глагола падежом, но, наоборот, изменение функционирования такой категории, как дательный падеж, привело к изменению сферы употребления форм дательного падежа, а это в свою очередь отразилось на том, что ряд глаголов перестал управлять дательным падежом (если считать, что управление – это формальная связь)¹⁷.

2) Выбор предмета исследования также может обуславливаться исходными определениями слова и связи. Предположим, что имеется некоторый языковой объект: парадигма *читаю, читаешь, читает* и слово *книгу*. Предположим далее, что за изучение этого объекта принялись два лингвиста: один из них считает управление формальной связью и стоит на позициях лингвистического дуализма, второй видит в управлении формально-смысловую связь и лингвистический дуализм отрицает. Каким образом каждый из них сформирует предмет своего исследования? Например, возможен такой вариант. Тот, кто исходит из определения управления как формальной связи, отметив наличие парадигмы *читаю, читаешь, читает...* при слове *книгу*, найдет необходимым пополнить имеющуюся парадигму словами *чтение, чтению...* и отметит, что ряд формальных принадлежностей (*ю, -ешь, -ет*) обуславливает формальную принадлежность *-у, а* ряд формальных принадлежностей *-ие, ию* – формальную принадлежность *-и*. Тем самым он обратит внимание на факт изменения управления.

Наоборот, тот, кто считает управление формально-смысловой связью, по-видимому, должен будет заинтересоваться сохранением управления при словах *читаю, читаешь, читает*: концентрируя внимание на словах с одной и той же лексемой, он прежде всего отметит, что изменение подчиняющего слова не отражается на форме подчиненного слова.

¹⁶ Ср., например: «Круг глаголов, при котором употреблялся винительный без предлога для обозначения объекта действия, был в древнерусском языке значительно шире, чем в современном русском языке» [26.471].

¹⁷ Таким образом, налицо две различные трактовки одного и того же явления. Кто из исследователей прав? Каждый – по отношению к исходным определениям своей теории. Кто из исследователей неправ? Каждый – по отношению к исходным определениям чужой теории. Какая из теорий более верно отражает объективную действительность? Неизвестно. Возможно, обе, поскольку каждая отражает только один какой-то «аспект действительности», и, лишь будучи объединены, они дают возможность познать действительность в «обоих аспектах». Но почему только в обоих, а не в трех, четырех и т. д.? Потому что лингвисты обычно говорят только о «двух аспектах» исследуемой ими языковой действительности.

Таким образом, оказывается возможным, что два исследователя, наблюдая одно и то же явление, будут выделять различные аспекты его изучения, т. е. фактически начнут строить два различных предмета на основании одного и того же объекта. Естественно, что теории, которые получатся у них, будут отличаться друг от друга не только аксиоматикой, но и набором фактов, находящихся в них объяснение. То, что останется в тени для одного ученого, может стать особенно важным для другого, и наоборот.

3.) Анализ различных работ по управлению убеждает в том, что одни из них посвящены в основном составлению списков слов (например, глаголов) с указанием при них управления (например: *читаю что кому, пишу что кому чем* и т. п.), а другие – составлению списков различных формальных категорий (например, падежных форм) с указанием слов (например, глаголов), которые при них употребляются (например: винительный падеж – *читаю, пишу, вижу* и т. д.; родительный падеж – *достигаю, желаю, добиваюсь* и т. д.). Посмотрим, не имплицитно ли сам тип исследования, проводимого ученым, теми принципами, из которых он исходит при определении понятий слова, связи, а значит, и управления. Будем рассуждать так. Если предположить, что управление – это формальная связь, то основной интерес придется сосредоточить на изучении элементов, ответственных за управление, т. е. формальных принадлежностей слов. Обобщая частные случаи, формальные принадлежности можно будет объединить в формальные парадигмы. Затем можно будет поставить вопрос о том, допускает ли данная формальная парадигма смысловую интерпретацию. В случае положительного ответа можно будет считать, что получена некоторая семантически обусловленная грамматическая категория, в случае отрицательного – что категория семантически не обусловлена, и все ее значение можно описать в терминах функциональной значимости отдельных элементов. Таким образом, начав с проблемы управления, нельзя будет не перейти к исследованию сущности тех или иных грамматических категорий и сферы их употребления: обе проблемы оказываются взаимосвязанными¹⁸.

С другой стороны, определение управления как формально-смысловой связи должно повлечь концентрацию внимания исследователя на других элементах, ответственных за управление, а именно: на лексемах управляющих слов. В соответствии с этим больше всего его заинтересует констатация способностей каждого слова (лексемы, основы) к управлению, а это в свою очередь приведет его к составлению «словаря управления»¹⁹.

4) При анализе различных теорий управления бросается в глаза также и то, что интерес одних исследователей сосредоточивается на проблеме управления с позиций управляемого слова, а интерес других – на проблеме управления с позиций управляющего слова. При

¹⁸ Чтобы убедиться в ненадуманности всех этих построений, достаточно обратиться к любому из приведенных ниже исследований, авторы которых не отделяют проблему управления от проблемы грамматических категорий: R. Jacobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, – TCLP, VI, 1936; A. W. de Groot, Les oppositions dans les systemes de la syntaxe et des cas («Mélanges Bally»), Geneve, 1939; C. de Boer, Etude de syntaxe française, IV, L'idée de «cas» ou de «rapports casuels» dans des langues comme le latin et le français, – «Revue de linguistique romane», т. 4, 1928, № 15 – 16; I. K u r i l o w i c z, Le probleme du classement des cas, – «Biul. polsk. Tow. jezykoznawczego», z. IX, 1949.

¹⁹ См., например: E. D a u m, W. S c h e n k, Die Russischen Verben, Leipzig, 1963; Л. Н. Иорданская, Два оператора для обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа), М., 1961.

этом подчас даже возникает спор: какой элемент представляет больший («особый») интерес – управляющее слово или управляемое.

Подойдем к этому спору с позиции рассмотрения управления как формально-смысловой связи. По-видимому, в этом случае больше всего нас будет интересовать «словарь управления»; поэтому более важным нам должно казаться управляющее слово. В отличие от этого при рассмотрении управления как формальной связи степень интереса к элементам словосочетания будет обусловлена тем, признаем ли мы управление односторонней (например, как у Л. Ельмслева) или двусторонней формальной связью: в одном случае нас будет больше интересовать хозяин словосочетания, во втором – в равной мере оба: и хозяин и слуга.

Таким образом, и здесь определение исходных аксиом помогает нам разобраться в сущности полемики.

Подводя итоги обсуждения примеров, указанных выше, можно отметить следующее:

а) причиной антиномий, возникающих вокруг термина «управление», является нечеткость определения этого термина;

б) фактически все рассмотренные нами примеры свидетельствуют о двояком понимании управления: как формальной и как формально-смысловой связи;

в) различное понимание управления базируется на различном понимании структуры слова и связи: как дуалов и как элементов, не разложимых на форму и значение.

В соответствии с этим все рассмотренные работы по управлению можно разбить на две группы: авторы одних работ *volens nolens* имплицитно или эксплицитно признают тезис о дуалистической структуре слова и связи, авторы других работ такую трактовку слова и связи отвергают. Очевидно, что на основании результатов, полученных в работах первой группы, можно построить одну лингвистическую теорию, а на основании результатов второй группы исследований – другую лингвистическую теорию. Эти теории будут отличаться, во-первых, исходной аксиоматикой, во-вторых, системами следствий из принятых аксиом, и, в-третьих, наборами вопросов, на которые они призваны отвечать (важное в свете одной теории может выступать как второстепенное с позиций второй теории).

§ 3. Управление и другие связи

1. Остановимся более подробно на проблеме построения теории управления. Теория управления, как и любая другая лингвистическая теория, должна представлять, по нашему убеждению, логическую систему, состоящую из определений понятий (исходных и деривационных) и, указания на сферу применения данной теории.

Свой анализ теории управления мы фактически начали с характеристики сферы ее применения: в § 2 мы показали, для постановки каких практических и теоретических задач необходимо располагать данными теории управления. Так, мы выяснили, что составление словарей «управления», синхронные и диахронные исследования в области грамматических категорий, классификация эмпирического материала и фиксация предмета исследования зависят от исходных данных теории управления: при одних исходных данных эти вопросы решаются одним путем, при других – другим.

Теперь мы можем перейти к анализу тех определений, которые

должны, по нашему представлению, войти в систему теории управления (или в системы теорий управления). Выше мы указывали, что в качестве исходных определений теории управления мы берем определения понятий о слове и связи. Как их дериваты нами были рассмотрены определения понятий об основе, окончании и предложении. Но при этом мы не проанализировали, как соотносится определение понятия управления с исходными определениями нашей теории. Другими словами, постулируя, что «управление – это связь», мы либо должны были прибавить «любая связь», либо указать, какая именно связь. Чтобы дать ответ на этот вопрос, обратимся к анализу определений понятий о различных типах связей, описываемых в лингвистике. Как и выше, разбор этих определений мы будем вести параллельно с двух позиций – «лингвистического дуализма» и «лингвистического монизма».

2. Рассмотрим определение: «...согласование есть подчинение прилагательного тому существительному, к которому оно относится, и подчинение глагола тому именительному падежу, к которому он относится [172.61]. О какой связи говорит А. М. Пешковский в данном определении – формальной или формально-смысловой? Видимо, о формальной, поскольку падеж, число и род у прилагательного и падеж у существительного, по А. М. Пешковскому, – это формальные синтаксические категории, и словосочетания, связь внутри которых он называет 'согласованием, выделены им 'по формальному признаку'²⁰.

²⁰ Ср., например, наше утверждение о том, что при установлении формальной связи за; связь отвечают формальные принадлежности слов (одна формальная принадлежность обуславливается другой формальной принадлежностью), а при установлении смысловой связи – лексемы, со следующими рассуждениями А. М. Пешковского в разделе «Синтаксические и несинтаксические формальные категории»:

«Возьмем выражение *люблю сестру* и остановимся на форме *сестру*. Она принадлежит к трем категориям: падежа, числа, рода. Сравним между собой две из них, как раз наиболее тесно между собою связанные: падежа и числа. Между 'ними оказывается огромная разница. Падеж слова *сестру* зависит от слова *люблю*, при котором никакого другого падежа быть не может; нельзя сказать *люблю сестры*, *люблю сестре*, *люблю сестрою*, а только *люблю сестру*. Напротив, число слова *сестру* не зависит от слова *люблю*: можно одинаково сказать и *люблю сестру* и *люблю сестер*. То же будет и со всяким другим существительным, состоящим при слове *люблю*: оно всегда должно будет стоять в вин. пад., а число может быть какое угодно. И если некоторые слова все-таки должны будут стоять непременно в ед. ч. или непременно во мн. ч. (*люблю родину*, а не *родины*, *люблю будни*), то это уже будет зависеть от самих этих слов, от того, что у них нет форм того или другого числа, а слово *люблю* тут будет ни при чем. Точно так же в выражении *любовь брата* падеж слова *брата* зависит от слова *любовь* (нельзя сказать *любовь брату*, *любовь братом* и т. д.), а число не зависит (можно сказать и *любовь брата* и *любовь братьев*). И вообще падеж существительных всегда зависит от других слов данного сочетания, а число не зависит.

Категория рода тоже, очевидно, не зависит от других слов, так как одинаково можно сказать *люблю ребенка* и *люблю дитя*, *вызываю ученика* и *вызываю ученицу*, *приглашаю учителя* и *приглашаю учительницу* и т. д. ...

Категория, обозначающие, как падеж существительных, зависимость одних слов в речи 'от других, называются синтаксическими (потому что связная речь изучается в синтаксисе), а категории, не обозначающие такой зависимости, – несинтаксическими, или словообразовательными ...

У существительных мы нашли только одну синтаксическую категорию – падеж. У прилагательных найдем их целых три. В сочетании *покойной ночи* не только падеж слова *покойной* зависит от падежа слова *ночи*, но и число и род слова *покойной* зависят от числа и рода слова *ночи*; нельзя сказать *покойного ночи* или *покойных ночи*; наоборот, если мы заменим слово *ночи* словом *сна*, то мы уже должны будем сказать *покойного сна*, при слове *сновидений* мы скажем *покойных сновидений* и т. д. Таким образом, у прилагательного и падеж, и число, и род – категории синтаксические. Все же другие категории прилагательных – несинтаксические, или словообразовательные (можно сказать и *покойной* и *покойнейшей ночи*, *напокойной* и *препокойной*, *успокоительной* и т. д.) (172. 30 – 32).

Предположив, что согласование может быть определено как формальная связь, сопоставим его с управлением, также определенным как формальная связь, т. е. рассмотрим соотношение управления и согласования, охарактеризованных как формальные связи с позиций лингвистического дуализма. Что общего и различного есть у них? Какие их свойства привлекают внимание разных исследователей и фиксируются в их определениях?

Рассмотрим сначала такие примеры:

А) *белый дом, белого дома, белому дому;*

Б) *подписать договор, подписал договор, подписали договор, подписание договора, подписания договора, подписанию договора.*

Будем считать, как и выше, что для наличия формальной связи необходима зависимость между формальными принадлежностями слов, и исследуем типы таких зависимостей. Отметим, что в случае А установлена зависимость между одной и одной формальными принадлежностями (*ый & 0, ого & а, ому & у*), а в случае Б – между одной формальной принадлежностью и серией формальных принадлежностей (*ть, л, ли & 0, ние, ния, нию & а*). Таким образом, поскольку случай А обычно относят к согласованию, а случай Б – к управлению, то мы можем считать, что противопоставили согласование и управление с позиций лингвистического дуализма по количественному признаку, указанному нами выше.

Проведенное сопоставление управления и согласования дает нам возможность сформулировать определения понятий об управлении и согласовании как дериваты от заданных выше дуалистических определений слова и связи: согласование – это формальная двусторонняя связь, при которой одна формальная принадлежность обуславливает одну формальную принадлежность, а управление – формальная двусторонняя связь, при которой друг друга обуславливают одна формальная принадлежность и серия (при одной и той же основоформе).

3. Устраивают ли нас такие определения? Да, поскольку они построены как дериваты от исходных, определений, т. е. удовлетворяют требованию системных определений. Нет, потому что мы можем привести следующий контрпример. Предположим, у нас есть две группы словосочетаний:

1) *инженер Петров, инженер Петрова;*

2) *белые дома, белые стены, белые окна.*

Анализируя словосочетания первой группы, мы можем считать либо, что *ф, а (Петров – Петрова)* обуславливает *в (инженер)*, либо, что *в (инженер)* обуславливает *в, а (Петров – Петрова)*. Аналогично во второй группе: или *а, ы (дома, окна, стены)* обуславливает *ые (белые)*, или *ые (белые)* обуславливает *а, ы (дома, окна, стены)*. В соответствии с приведенными выше определениями управления и согласования эти две связи противопоставлены друг другу по признаку: «обусловленным является один элемент или серия» (если обусловленным является один элемент, то – согласование, если серия – то управление). Таким образом, если мы располагаем только указанными определениями, то при классификации анализируемых словосочетаний попадаем в тупик: при одной трактовке (первое „либо“) это – словосочетания, между элементами которых установлена связь согласования, при другой трактовке (второе „либо“) – это словосочетания, между элементами которых установлена связь управления. О чем говорит полученное противоречие? По-видимому, о том, что сформулированные нами определения не отражают сущности оппозиции между управлением и согласованием, а основаны на одном из сопроводительных признаков этого противопоставления.

Посмотрим, каким образом можно устранить неоднозначность анализа интересующих нас словосочетаний и построить разбор так, чтобы его результаты соответствовали результатам общепринятой трактовки этих словосочетаний. Очевидно, что для этого мы должны сформулировать правило, в соответствии с которым второе „либо " можно будет также рассматривать как согласование. И значит, при определении согласования мы должны будем предусмотреть возможность рассмотрения в качестве обусловленного не только одного элемента, но и серии. Чтобы при этом не уничтожить грани между согласованием и управлением, мы должны будем указать процедуру построения серии, о которой идет речь в определении понятия управления и согласования. На каком основании происходит отбор формальных принадлежностей в серию? Почему формальные принадлежности слов *подписать, подписал, подписали* мы объединяем в одну серию, а формальные принадлежности слов *подписание, подписания, подписанию* – в другую серию?

Отвечая на эти вопросы, мы приходим к необходимости разбить слова на формальные классы (классы слов по их формальным принадлежностям). Располагая такими классами (например, классами существительных, глаголов, прилагательных и наречий), мы сможем, оставаясь в рамках системных определений, дать более точную характеристику согласования и управления. Так, мы сможем, например, указать, что к согласованию мы относим связь между такими формальными классами, как существительное и прилагательное {*белые дома*}, существительное и существительное (*инженер Петрова*) и т. д., к управлению – связь между глаголами и существительным (*читаю книгу, читаешь книгу*), существительными и существительным (*фасад дома, фасаду дома*) и т. д.

На основании этого исследования мы сможем построить новые определения согласования и управления, более богатые информацией и потому более точно отражающие сущность оппозиции между согласованием и управлением. В соответствии с этими определениями мы сможем сказать, что согласование и управление противопоставлены друг другу, во-первых, по количественному признаку (если обусловленным элементом является не серия, то – согласование) и, во-вторых, по качественному признаку (если обусловленным элементом является серия, то – согласование при наличии одних характеристик у обусловленного элемента и управление – при наличии иных характеристик).

Таким образом, мы сможем показать, что не количественное различие, как таковое, лежит в основе противопоставления согласования и управления, а что само это различие является следствием другого признака – специфичности типа элементов, вовлекаемых в связь: в одних случаях для фиксации специфики обусловленных элементов достаточно одного лишь указания на некоторый количественный признак (один элемент – серия), в других случаях приходится не только отмечать количество обусловленных элементов, но и их „качество" (формальный класс)²¹.

²¹ Ср.: «Между управлением слова словом и серии серией существует лишь градуальное различие, и поэтому различие между управлением и согласованием сводится на нет» [359. 18.]. С этим утверждением мы не согласны и считаем, что различие между управлением и согласованием на самом деле существенно. Экспликацию этого различия можно представить при сравнении вопросов, обсуждаемых в связи с согласованием, и вопросов, на которые обращено внимание исследователей управления. Так, при анализе согласования интерес исследователей вызывают, например, такие вопросы: 1) различные интерпретации согласования; 2) согласование как формальная связь между словами; 3) типы согласования: полное согласование (прилагательное+существительное), не-

Перейдем к вопросу о маркированности интересующих нас связей²². Одним ли и тем же способом упорядочиваются формальные принадлежности элементов словосочетания при управлении и при согласовании? Нам представляется, что нет: при согласовании словосочетание строится таким образом, что формальная принадлежность по крайней мере одного из слов «пополняется» за счет показателя формальной принадлежности другого слова и в силу этого передает синтаксическую информацию обо всем словосочетании в целом (т. е. в одно из слов вводятся кроме показателей его собственных грамматических категорий показатели категорий другого слова). Таким образом, по формальной принадлежности одного из элементов словосочетания всегда можно охарактеризовать формальную принадлежность второго элемента словосочетания; это свойство мы будем называть в дальнейшем двусторонней маркированностью согласования.

В отличие от этого при управлении формальные принадлежности каждого из элементов словосочетания указывают только на его собственные грамматические категории, поэтому по формальной принадлежности одного из элементов словосочетания нельзя ничего сказать о формальной принадлежности второго элемента словосочетания (односторонняя маркированность управления). Учитывая указанные свойства согласования и управления, мы будем говорить, что они противопоставлены друг другу как двусторонняя и односторонняя связь²³.

полное согласование (существительное + существительное); 4) классификация средств согласования в зависимости от их соотношения, с различными парадигматическими системами. Изучение материалов по управлению свидетельствует о постановке ряда проблем, одни из которых аналогичны перечисленным выше, а другие – нет [1] различные интерпретации управления; 2) управление как формальная связь между словами; 3) управление как формально-смысловая связь между словами; 4) типы управления: сильное – слабое управление, предложное – беспредложное управление, и все те, о которых мы говорили в § 2].

Мы полагаем, что указанное различие обсуждаемых проблем имплицировано различием тех объектов, в связи с которыми они ставятся. А так как различие объектов должно, по нашему мнению, находить отражение в определениях понятий об этих объектах, то мы считаем, что при построении теории системных определений (а не наброска отдельных ее фрагментов) необходимо все вопросы, рассматриваемые как при согласовании, так и при управлении, свести воедино и характеризовать каждую из этих связей с точки зрения полученной таким образом анкеты. Естественно, что ряд вопросов, ответы на которые важны при анализе согласования, будут irrelevantны к управлению, и наоборот, но тем не менее для полноты системы ответы должны быть, как нам кажется, даны.

Таким образом, как бы получится, что словосочетания реального языка можно будет группировать как словосочетания управления и словосочетания согласования не только в зависимости от соотношений между их формальными принадлежностями, но также на основании того, какой круг вопросов необходимо освещать при анализе того или иного словосочетания.

²² На необходимость рассмотрения управления и согласования в этом аспекте указал автору С. Е. Яхонтов.

²³ Существует много типов маркированности согласования и управления. Например, в русском языке глагол-сказуемое управляет существительным-дополнением («прогрессивное управление»), а в языке хауса существует тип дополнений, управляющих глаголом-сказуемым («регрессивное управление» – см. стр. 230). В русском языке происходит согласование глагола и существительного (сказуемого и подлежащего) в роде, лице и числе, в английском – в лице и числе, в зулу – в лице, числе и именном классе. В лице, числе и именном классе в языке зулу согласуются не только сказуемое и подлежащее, но сказуемое и дополнение (так называемое субъектно-объектное спряжение). В русском словосочетании *моя книга* слово *моя* согласуется со словом *книга* в роде, числе и падеже. Несколько иную картину мы имеем в зулу. Так, в словосочетании *lami* (1) *ibuku* (2) 'моя (1) книга (2)' *lami* согласуется в именном классе, лице и числе, во-первых, с *ibuku* (показатель именного класса *ibuku* введен в *lami* в виде префикса *la*) к, во-вторых, с *mina* 'я' (показатель именного класса *mina* введен в *lami* в виде постфикса *mi*).

4. Строя определения понятий о согласовании и управлении и ставя i вопрос о маркировании связей и формальных классах, члены которых I: в них участвуют, мы не можем не обратиться к анализу других связей, описываемых в лингвистике, например к примыканию и синтетизму²⁴. Как эти связи соотносятся с управлением и согласованием? Определяются ли они как формальные или как формально-смысловые?

Например, А. М. Пешковский так определяет примыкание: «...,примыкание" есть такое подчинение, которое не является ни управлением, ни согласованием»²⁵.

Как это определение можно интерпретировать с точки зрения нашей системы определений? Мы полагаем так: «Примыкание – это формальная связь (т. е. связь между формальными принадлежностями слов), отличная от управления и согласования». В чем же сходство и в чем отличие этих связей и связи примыкания? Во-первых, можно заметить, что примыкание, подобно управлению, – односторонняя связь. Во-вторых, исходя из возможности построить, например, такую серию: *быстро бегу, быстро бежишь* и т. д., придется признать, что при примыкании устанавливается зависимость между одним элементом и серией. И наконец, в-третьих, можно будет все пары «серия + формальная принадлежность» разбить на две группы: связь между элементами первой группы даст управление (например, *читаю, читаешь, читает книгу*), а связь между элементами второй группы – примыкание (например, *бегу, бежишь, бежит быстро*). В результате мы фактически получим определение понятия «примыкание», соотносимое с определениями понятий «управление» и «согласование» в рамках системы формальных связей.

Что касается синтетизма, то для соотнесения его с другими формальными связями и построения непротиворечивой системы формальных связей управление, согласование и примыкание должны быть охарактеризованы не только на основании учета количества формальных принадлежностей (одна – серия), их класса (существительное – глагол – наречие...) и маркирования связей, но также на основании рассмотрения количества элементов, вовлекаемых в связь.

²⁴ Синтетизмом мы называем такой синтаксический прием, при котором информация о связях между элементами словосочетания, состоящего из трех (и более) слов, сосредоточена в одном из них. Например, в предложении языка зулу *Mina (1) ungi-thanda (2) unina (3)* "Меня (1) его (3) мать (3) любит (2)" информация о связях между словами передана посредством особого упорядочения формантов одного и того же слова *ungithanda* (префикс *u-* указывает на то, что в роли субъекта выступает *unina*, инфикс *-ngi-* – на то, что в роли объекта выступает *mina*; *-thanda* характеризует глагольное действие, субъектом которого является *unina* и объектом *mina*). Соотношение между формантами слова *ungithanda* мы называем синтетизмом. Аналогично мы рассматриваем и примеры типа: *tyukligilola, epdalot* 'он начал куда-то вниз прятать это' (североамериканский язык цимшиан [141. 23]), в которых информация о синтаксических связях всех составных частей предложения передается путем связывания не аффиксов, а слов. Таким образом, термином «синтетизм» мы обозначаем явления, которые у И. И. Мещанинова выступают под названиями «инкорпорирование» и «синтетизм» {ср.: «...основное различие между инкорпорированным и синтетизмом заключается в том, что синтез в первом проводится слиянием слов, а во втором – включением в основное слово ряда служебных частиц» (141. 33)}.

Можно сказать, что синтетизм у нас – это своего рода «усложненное согласование», которое в частном случае допускает представление в виде «суммы согласований»: так, синтетизм в предложении *Mina ungithanda unina* можно представить как сумму согласования *unina ungithanda* (согласовательный префикс *u-*), согласования *mina* и *ungithanda* (согласовательный инфикс *-ngi-*) и таксемы порядка формантов, указывающей на соотношение упомянутых «согласований».

²⁵ Определение согласования у А. М. Пешковского приведено нами выше на стр. 35. Об управлении он пишет так: «...управление есть подчинение существительного какому бы то ни было другому слову» [172. 61].

Так, говоря об управлении, согласовании и примыкании, мы имеем в виду только бинарные отношения²⁶. При переходе к такой связи, как синтетизм, мы обращаемся не только к бинарным сочетаниям, но и к сочетаниям высших порядков и можем отличить, например, согласование от синтетизма по тому признаку, что согласование устанавливается между формальными принадлежностями двух слов, а синтетизм – между формальными принадлежностями трех и более слов.

5. Таким образом, четыре оппозиции (бинарное – небинарное сочетание; односторонняя – двусторонняя ориентация; связь между серией и элементом – связь между элементом и элементом; по формальному классу: глагол – существительное – наречие – прилагательное и т. д.) дали нам возможность выявить все свойства управления, согласования, примыкания и синтетизма и определить их по отношению друг к другу на основании дуалистического подхода к слову и связи. Другими словами, мы смогли построить систему формальных связей, определения которых можно рассматривать как дериваты по отношению к исходным определениям слова и связи (схема 24).

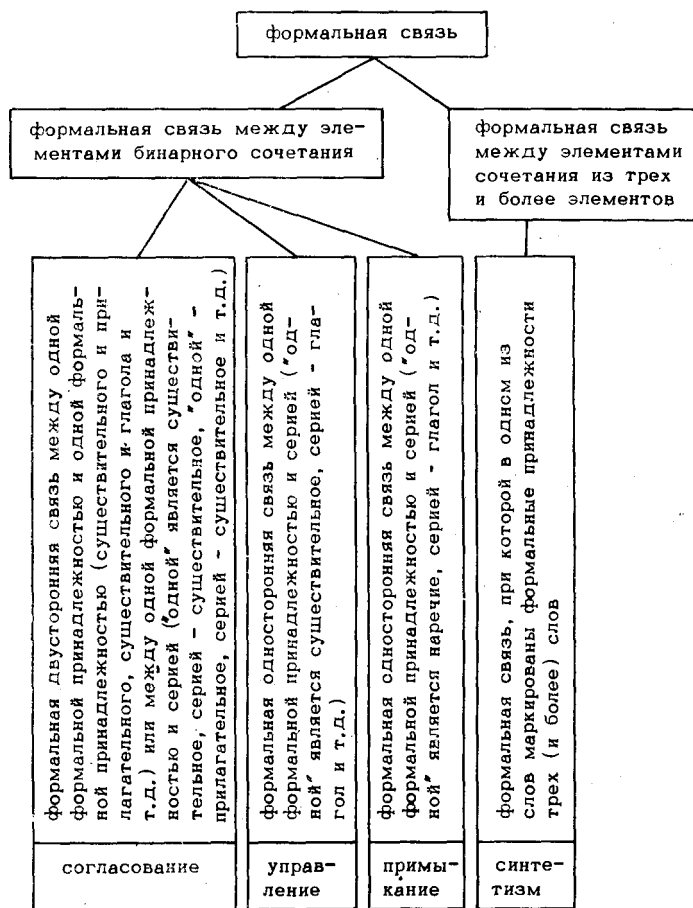
Схема 34

6. Приведенная система определений лингвистических элементов позволяет построить следующую систему самих этих лингвистических элементов (схема 25).

Очевидно, что данная система лингвистических элементов на универсальность претендовать не может. Весьма вероятно, что в дальнейшем для описания какого-либо языка представится целесообразным ввести еще какие-нибудь формальные связи. Их упорядочение в систему может потребовать рассмотрения какой-либо дополнительной оппозиции, а это заставит исследователя охарактеризовать формальные связи не по четырем признакам, а, например, по пяти или шести. Таким образом, схемы системы формальных связей и их определений должны будут несколько измениться: объектов, объединяемых в систему, станет больше, определения понятий о них будут глубже. Однако в принципе эти схемы останутся такими, как приведенные выше.

²⁶ Предлоги при понимании управления как формальной связи рассматриваются как формальные принадлежности одного из элементов сочетания, например, в русском языке либо как постфиксы управляющего слова, либо как префиксы управляемого слова. При более широком понимании формальной связи (см. прим. 11) предлоги можно считать самостоятельными словоформами. Соответственно нужно будет внести изменения в определения управления и других формальных связей.

можно построить логически непротиворечивую систему, компоненты которой противопоставлены друг другу в зависимости от характера ответа на один и тот же вопрос.

Теперь обратимся к исследованиям, в которых управление понимается как формально-смысловая связь, и посмотрим, как в них описывается согласование. Например: «Согласованием обычно называется такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями рода, числа, а для имен – также падежа, для глаголов – лица, причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому...» [51.22].

Определения этого типа встречаются и в других работах. А это значит, что, определяя управление как связь между основой одного слова и формальной принадлежностью другого слова, исследователи при характеристике согласования забывают о принятом ими критерии и дают определения согласования, не соотносимые с определениями управления.

Мы не знаем работ, в которых согласование рассматривалось бы

как формально-смысловая связь (т. е., например, как связь между лексемой или основой одного слова и формальной принадлежностью или окончанием другого слова). Поэтому мы считаем, что согласование и управление можно назвать соизмеримыми объектами только в тех работах, в которых управление рассматривается как формальная связь. В тех работах, где управление соотносено с системой формально-смысловых связей, управление и согласование являются несоизмеримыми объектами, и их соседство в грамматиках можно объяснить только чистой случайностью.

В этой связи возникает вопрос: как быть с термином «управление»? Здесь существуют, как нам кажется, три возможности:

1. Признать, что управление и согласование – объекты, которые участвуют в построении двух различных теорий. Согласно одной теории, слова расщепляются на форму и значение; с позиции другой теории – слова едины и неделимы. Термин «управление» участвует в построении обеих теорий, термин «согласование» – в построении только первой теории. Другими словами, мы должны считать оба термина неравнообъемными, т. е., употребляя тот и другой термины, помнить, что имеем дело с несоизмеримыми объектами.

2. Переопределить согласование, т. е., расширив значение термина «согласование» и добавив к имеющемуся определению его определение с позиций формально-смысловых связей (если это возможно), мы получим термин «согласование», соизмеримый с термином «управление». В итоге у нас будут два термина («управление» и «согласование»), каждый из которых сможет участвовать в построении обеих названных теорий.

3. Переопределить управление, т. е., сузив значение термина «управление» и изъяв из него определение управления с позиций формально-смысловых связей, мы тем самым закрепим этот термин только за системой формальных связей. В результате этой процедуры мы также получим два соизмеримых объекта, которыми сможем пользоваться при построении теории формальных связей, исходящей из «разбираемости» слов на форму и значение.

В своей работе мы выбрали третью возможность (об этом см. в гл. III).

Нам кажется, что аналогично обстоит дело с примыканием и синтетизмом, и потому управление как формально-смысловая связь, по-видимому, должно быть проанализировано на фоне не этих, а других связей. Каких именно, мы не знаем, и потому за построение фрагмента теории формально-смысловых связей не беремся. Во всех дальнейших рассуждениях, не стремясь к детализации определения управления как формально-смысловой связи, мы будем исходить из определения, которое дано нами выше (стр. 30). Этого определения для наших дальнейших исследований будет достаточно.

§ 4. Подвиды управления

1. Возвратимся к анализу теорий управления. Посмотрим, какие деривационные определения можно построить, опираясь на имеющиеся у «ас» определения управления как формальной (стр. 41) и как формально-смысловой (стр. 30) связи. Начнем с анализа так называемой проблемы сильного – слабого управления.

Чаще всего сильное управление характеризуется как такое, при котором падежная форма подчиненного слова требуется смыслом подчиняющего слова, а слабое – как такое, при котором падежная форма подчиненного слова не требуется смыслом подчиняющего слова. При этом в одних определениях указывается, чем все-таки требуется

падежная форма подчиненного слова, в других определениях – нет²⁷. Таким образом, в определениях сильного – слабого управления фактически идет речь об управлении как формально-смысловой связи.

А как можно определить дихотомию «сильное – слабое управление» при понимании управления как формальной связи? Очевидно, что при рассмотрении управления как формальной связи, т. е. как связи между формальными принадлежностями слов, проблема сильного и слабого управления в том виде, как она возникла При подходе к управлению как формально-смысловой связи, становится бессодержательной: поскольку в этом случае может идти речь только о взаимоотношениях формальных принадлежностей слов, то любые смысловые требования и имплицуемые этими требованиями различия в сильном и слабом управлении («смысл управляющего слова», или «смыслосновы слова», или «смысл всего предложения») необходимо должны быть исключены. Характеристика сильного – слабого управления в этом случае должна 'быть дана, только исходя из формальных требований. Например, мы могли бы сказать, что если формальная принадлежность слова *A* требует постановки формальной принадлежности слова *B* в форме *a*, то перед нами – случай сильного управления, если же формальная принадлежность слова *B* может стоять в любой форме, то налицо случай слабого управления. Правда, эта формулировка не совсем согласуется с определением управления как формальной связи, приведенным выше. В соответствии с имеющейся у нас формулировкой управление – это формальная связь между формальной принадлежностью слова *A* и формальной принадлежностью слова *B*. Теперь, чтобы «проходило» определение сильного – слабого управления, управление должно стать формальной связью между одной из форм формальных принадлежностей слова *A* и одной из форм формальных принадлежностей слова *B*²⁸. Очевидно, что это не может не повлечь переформулировки определений формальной связи и связи: ведь именно из них должны будут вытекать деривационные определения сильного и слабого управления, полученные нами выше. Другими словами, внося любое изменение в какое-либо понятие, входящее в деривационное определение, мы должны зарегистрировать это изменение во всех

²⁷ Ср., например: 1) «При сильном управлении определенная форма косвенного падежа необходима для раскрытия полноты значения управляющего слова: данная падежная форма обуславливается лексическим или грамматическим значением другого, господствующего слова, его морфологическим строением или традиционностью употребления. При слабом управлении глагол в зависимости от своего лексического значения может иметь различные варианты падежных форм, одна из которых выбирается в каждом отдельном случае сообразно с тем, что говорящий хочет выразить в предложении. При слабом управлении не имеет значения грамматическая структура господствующего слова и дополнительно учитывается содержание всего высказывания» [117. 307]; 2) «Сильное управление – это такой вид подчинительной связи, при котором зависимое существительное употребляется в той или иной падежной форме по требованию главного слова. Слабое управление – подчинительная связь, при которой зависимое существительное употребляется в той или иной падежной форме для выражения определенного значения независимо от лексико-грамматического характера главного слова» [209, 2. 271 – 272].

²⁸ В соответствии с таким определением получается, что *ю* в *читаю* управляет не просто *у*, в *книгу*, а *у* как членом парадигмы *a, и, e, у, ой, ... ам, ах. ими* слова:

$$\text{книг} \left\{ \begin{array}{l} a \\ и \\ e \\ у \\ \dots \end{array} \right.$$

и т. д. (при этом считается, что *a, и...* – различные формы формальной принадлежности слова *книга*).

определениях, через которые мы прошли для получения деривата. Таким образом, если мы захотим сформулировать дихотомию «сильное – слабое управление» указанным образом, мы должны будем вернуться к началу нашей работы и фактически перестроить все определения.

Но мы можем поступить и по-другому: посмотреть, в каких терминах можно зафиксировать дихотомию «сильное – слабое управление», чтобы определения сильного и слабого управления строго вытекали из определений, построенных нами выше. При этом мы можем исходить из трех факторов: 1) формальной принадлежности хозяина; 2) формальной принадлежности слуги; 3) формальной принадлежности обоих элементов.

Так, исходя из требований хозяина, мы можем выделить критерий «употребляемость – неупотребляемость формальной принадлежности хозяина без формальной принадлежности слуги». В этом случае сильным управлением будет связь, которая характеризуется тем, что формальная принадлежность слуги всегда сопровождает формальную принадлежность хозяина. В отличие от этого при слабом управлении формальная принадлежность хозяина может употребляться без формальной принадлежности слуги.

Исходя из требований слуги, мы сможем установить совсем другой критерий, чем совместная употребляемость – неупотребляемость двух элементов. Так, мы сможем, говоря, например, о глагольном управлении, все падежи разбить на две группы, такие, что сочетание глаголов с падежами первой группы будет нами трактоваться как сильное управление, а сочетание глаголов с падежами второй группы – как слабое управление (ср. с грамматическими и конкретными падежами у Е. Куриловича).

Наконец, можно подойти к вопросу сильного – слабого управления с позиции формальных принадлежностей обоих слов (слуги и хозяина) и выбрать, например, в качестве критерия, разводящего типы управления, такой формальный признак, который является объединением обоих описанных нами признаков.

2. Рассмотрим дихотомию «связанное – свободное управление» при понимании управления как формальной связи. Установим признак, на основании которого связанное управление можно отделить от свободное управления. В качестве такого признака предложим следующий:

а) управление определенной падежной формой одного слова, которое не может быть связано с помощью союза *и* с другим словом;

б) управление определенной падежной формой двух и более слов, соединяемых союзом *и*. Так, *спустя рукава* в соответствии с предложенным критерием – связанное управление, а *спустя неделю и два дня* – свободное управление.

Сопоставляя дихотомию «связанное – свободное управление» с дихотомией «сильное – слабое управление», мы видим, что при понимании управления как формальной связи связанное управление всегда является разновидностью сильного управления, а свободное управление может включать как факты сильного, так и факты слабого управления.

Очевидно, что дихотомию «свободное – связанное управление» можно провести и при рассмотрении управления как формально-смысловой связи. В этом случае к фактам связанного управления можно будет, например, отнести те явления, в которых основа управляющего слова (ее значение), объединяясь с основой управляемого слова

(ее значением), образует вместе с ней неразложимое словосочетание²⁹, а к свободному управлению надо будет отнести те явления, для которых указанное требование не выполняется. Исходя из такого понимания свободного и связанного управления как разновидности формально-смысловой связи, можно также отметить, что связанное управление всегда является сильным, а свободное управление может быть и сильным и слабым.

3. Обратимся к следующей дихотомии: опосредствованное – непосредственное управление.

Рассматривая управление как формальную связь, разобьем все падежные формы на простые и сложные (без предлога и с предлогом). Управление первыми формами назовем беспредложным (непосредственным) управлением; управление вторыми формами – предложным (опосредствованным) управлением. Отметим, что в свою очередь каждое из названных управлений можно подразделить на управление формой родительного падежа, управление формой винительного падежа и т. п., что дает возможность получить более дробную классификацию интересующих нас фактов³⁰.

Очевидно, что дихотомию «опосредствованное – непосредственное управление» можно провести и в том случае, если рассматривать управление как формально-смысловую связь. Основной вопрос, который возникает при этом, – это вопрос о том, чем именно обуславливается падеж управляемого слова – значением управляющего слова или значением предлога.

4. Понимание управления как формальной связи и исследование таких фактов, как 'вливать в сосуд', 'дойти до предела', 'наехать на верблюда', 'подложить под стол', с одной стороны, и 'вылететь из школы', 'взойти на гору', 'избавиться от неприятностей' – с другой, дает возможность эксплицировать еще одну дихотомию: «эвфоническое – какофоническое управление»³¹.

Отметим, что дихотомия «эвфоническое – какофоническое управление» обычно проводилась только на материале опосредствованного управления, понимаемого как формальная связь (мы не встречали исследований, где изучались бы, например, такие факты непосредственного эвфонического управления, как 'г/знал устройство' в противовес хотя бы такому явлению какофонического управления, как 'узнал содержание'). Наоборот, на материале непосредственного управления, понимаемого как формально-смысловая связь, выделялась другая дихотомия: тавтологическое – нетавтологическое управление. Сущность этого противопоставления можно разяснить на таком примере: *петь песню, сидеть сиднем* (тавтологическое управление), *петь гимн, сидеть мешком* (нетавтологическое управление). Напомним, что тавтологическое управление обычно рассматривалось в лингвистике тогда, когда шла речь о дополнениях внутреннего объекта (Cognate Object)³².

²⁹ Ср.: «Управление, так же как и согласование, может сближать соединяемые им слова до степени лексического их объединения. В таком случае из синтаксического построения получается одно лексическое понятие» [141. 77].

³⁰ См., например, данные М. Н. Петерсона о соотношении беспредложного управления различными падежами: винительным – 37%, родительным – 34,5%, дательным – 15%, творительным – 12% [167. 94 – 100].

³¹ Например, А. Х. Востоков приводит списки примеров на эвфонические и какофонические трансфиксы, которыми являются описываемые им (хотя и под другим названием) сложные элементы: «приставка + предлог» [47. § 140].

³² В связи с этим возникает проблема о взаимоотношении непосредственного тавтологического сильного управления и непосредственного связанного сильного управления: является ли тавтологическое управление разновидностью связанного управления

•или нет.

5. Таким образом, дихотомии «сильное – слабое управление», «связанное – свободное управление», «опосредствованное – непосредственное управление» – парные, а дихотомии «эвфоническое – какофоническое управление», «тавтологическое – нетавтологическое управление» – нет: термины «сильное – слабое», «свободное – связанное», «опосредствованное – непосредственное» управление могут участвовать в построении обеих теорий (дуалистической и неддуалистической), а термины «эвфоническое – какофоническое», «тавтологическое – нетавтологическое» управление таким свойством не обладают: определение понятия, зафиксированного посредством термина «эвфоническое-управление», может быть построено как дериват от дуалистического определения слова и связи, а определение понятия о тавтологическом управлении – как дериват от монистического определения слова и связи.

Глава II

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

1. ЧАСТИ РЕЧИ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

§ 1. Постановка вопроса

1. Описывая в главе I различные значения, которые связаны в лингвистике с термином «управление», мы попытались, исходя из имеющихся определений, дать такое определение термину «управление», которое могло бы выступать как дериват к исходным определениям нашей теории. При этом мы убедились, что определение понятия «управление», достаточно богатое информацией, нельзя построить с позиции дуализма слова и связи без определения понятий «класс слов» и «формальный класс (класс формальных принадлежностей)». Теперь обратимся к этим понятиям.

Сравним два отрывка—один из работы А. А. Потебни, другой— из работы А.М. Пешковского:

а) «Чтобы понятие управления не расплзлось в туман, следует понимать под ним только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого (например, винительный прямого объекта при действительном глаголе, падеж с предлогом при предложном глаголе, как *надеяться на бога*). Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи» [176. 115].

б) «Подчинение слов, в свою очередь, распадается на три крупные рубрики: управление, согласование и примыкание. Понятия эти могут вполне раскрыться читателю только на протяжении всей книги, а первые два из них (управление и согласование) так тесно связаны с категориями частей речи, что, только поняв эти последние (см. ел. главу), он поймет до конца и сущность разницы между этими видами подчинения» [172.60].

Анализируя эти отрывки, можно отметить, что А. А. Потебня связывает проблему управления с вопросом о членах предложения, а А. М. Пешковский — с вопросом о частях речи.

Почему один ученый говорит об одних классах, а второй ученый — о других классах? Или, может быть, классы у обоих одни и те же, только названия им даны разные? Посмотрим, в чем здесь дело: придерживаясь дуалистического подхода к слову и связи, проанализируем соотношение теорий о частях речи и членах предложения в лингвистике.

2. Части речи и члены предложения во всех известных нам работах по лингвистике описываются как классы слов, т. е. классы «естественных единиц», на которые разбиваются тексты. Иначе говоря, любой элемент, входящий в эти классы, равен целому числу слов (одному слову, двум словам, трем словам и т. д.), а не какой-нибудь части слова (скажем, его половине, одной трети или пяти четвертым). А это

означает, что в обоих случаях (при построении системы частей речи, и системы членов предложения) исследователи работают с результатами одной и той же процедуры: разбиением продукта речевой деятельности на отрезки, которые они называют словами. Поскольку продукт речевой деятельности (например, текст) в принципе можно членить не только на отрезки указанного типа (например, его можно разбить на отрезки, называемые буквами; отрезки, называемые морфемами; отрезки между двумя вхождениями буквы *x*, отрезки между двумя всплесками интонации и т. д. и т. п.), то мы считали необходимым особо подчеркнуть однородность элементов, участвующих в построении интересующих нас систем.

Что из этого следует?

3. Прежде всего построим гипотезы и логические возможности соотношения частей речи и членов предложения.

Поскольку части речи—классы слов и члены предложения—классы слов, то, чтобы эти классы были различными, исследователи должны располагать двумя разными основаниями классификации. Назовем эти основания парадигматическим и синтагматическим признаками. Это означает, что мы предположили, будто существуют два признака: 1) синтагматический (отношения между словами в синтагматической цепи) и 2) парадигматический (отношения между словами в ассоциативном ряду), которые могут быть основаниями двух различных классификаций.

В зависимости от значения первого признака слова как члены синтагматических цепей разбиваются на группы (члены предложения), а в зависимости от значений второго признака слова как члены ассоциативных рядов группируются в классы (части речи). Далее возникает вопрос: являются ли оба признака взаимообусловленными или нет? Рассмотрим оба случая.

1. Предположим, что парадигматический признак логически не зависит от синтагматического признака, и наоборот.

Тогда в результате разбиения слов на основании каждого признака мы получим две непересекающиеся, логически независимые системы: систему групп и систему классов¹.

Другими словами, мы как бы предлагаем проделать следующую процедуру:

- а) раздублируем все слова данного текста („удвоим" текст) ;
- б) выберем некоторый признак (назовем его парадигматическим), служащий основанием сравнения слов первого текста;
- в) сформируем классы слов на основании их реакции на парадигматический признак;
- г) выберем некоторый признак (назовем его синтагматическим), служащий основанием сравнения слов второго текста;
- д) сформируем группы слов на основании их реакции на синтагматический признак.

Графически результаты такой процедуры можно представить в виде схемы 1:

¹Ср.: «При определении частей речи принимаются во внимание лексико-морфологические признаки (свойства) слов.

При определении членов предложения... на первом плане выступает синтаксическая роль данного слова в предложении... Отсюда следует вывод, что члены предложения и части речи, хотя и находятся в тесной взаимосвязи, но рассматриваются в разных планах: члены предложения в основном с точки зрения их синтаксической роли в предложении, а части речи с точки зрения общего грамматического значения и формы тех или других групп слов в словарном составе языка» [187. 15—16].

Выделив группы и классы, естественно задать вопрос о соотношениях между элементами тех и других. Можно зафиксировать следующие логические возможности соотношения между элементами каждого класса и каждой группы:

- α) взаимное одно-однозначное соответствие,
- β) взаимное одно-многозначное соответствие,
- γ) взаимное много-однозначное соответствие,
- δ) взаимное много-многозначное соответствие.

Если мы назовем совокупность классов совокупностью частей речи, а совокупность групп—совкупностью членов предложения, то перечисленные логические возможности можно соответственно интерпретировать так:

α) Любое слово, являющееся членом предложения $П_1$, является всегда частью речи P_1 , и наоборот, любое слово, являющееся частью речи P_1 , является всегда членом предложения $П_1$.

β) Любые слова, каждое из которых является членом предложения $П_1$ или $П_2$, или ..., или $П_n$, является частью речи P_1 , а любое слово, являющееся частью речи P_1 , является либо членом предложения $П_1$ либо членом предложения $П_2$, либо, ..., либо членом предложения $П_n$.

γ) Любые слова, каждое из которых является частью речи P_1 , или P_2 , или ..., или P_k , является членом предложения $П_1$, а любое слово, являющееся членом предложения $П_1$, является либо частью речи P_1 , или частью речи P_2 , или..., или частью речи P_k .

δ) Любые слова, каждое из которых является членом $П_1$, или $П_2$, или, ..., или $П_n$, является частью речи P_1 , или P_2 , или..., или P_k , и наоборот: любые слова, каждое из которых является частью P_1 , или P_2 , или..., или P_k , является членом предложения $П_1$, или $П_2$, или, ..., или $П_n$.

2. Предположим, что один из признаков (синтагматический или парадигматический) логически зависит от второго. Тогда мы должны установить иерархию признаков и проводить разбиение слов сначала на основании главного признака, а затем на основании второстепенного. Если главным признаком мы будем считать парадигматический, то в результате разбиения слов на основании этого признака мы получим систему классов, которую будем затем, уже после разбиения, характеризовать в терминах второго (синтагматического) признака.

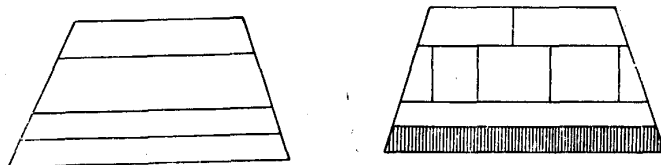
Другими словами, мы как бы предлагаем проделать следующую процедуру:

- а) выберем некоторый признак (назовём его парадигматическим), служащий основанием сравнения слов из текста,
- б) сформируем классы на основании их реакции на п а р а д и г м а т и ч е с к и й признак,
- в) выберем некоторый признак (назовем его синтагматическим), служащий основанием сравнения слов того же самого текста,
- г) проверим, как каждый из классов реагирует на синтагматический признак,

и припишем каждому члену класса характеристику, которая регистрирует его реакцию на синтагматический признак.

Графически результаты такой процедуры можно изобразить в виде схемы 2:

Схема 2

Проведя указанную процедуру, естественно представить ее результаты в виде некоторой системы. Здесь возможны два случая:

а) Все члены каждого из классов, полученных в результате разбиения слов на основании первого признака, одинаково реагируют и на второй признак (имеют одну и ту же характеристику, являющуюся некоторым значением второго признака), т. е. каждый класс представляет собой однородное явление по отношению к обоим признакам.

б) Не все члены каждого из классов, полученных в результате разбиения слов на основании первого признака, одинаково реагируют на второй признак, т. е. классы разбиваются на подклассы в зависимости от реакции на второй признак.

Следовательно, если мы под классами будем понимать части речи, а под группами—члены предложения, то представленные выше логические возможности можно интерпретировать соответственно следующим образом:

а) Любое слово, которое является частью речи P_1 , имеет в качестве своей характеристики функцию «выступать в роли члена предложения Π_1 », и любое слово, выступающее в роли члена предложения Π_1 , является частью речи P_1 .

б) Слова, которые являются частью речи P_1 , могут выступать в функции Π_1 , или в функции Π_2 , или, ..., или в функции Π_n , и слова, которые выступают в функции Π_1 , или в функции Π_2 , или, ..., или в функции Π_n , являются частью речи P_1 .

Очевидно, что в качестве главного признака мы могли выбрать синтагматический, а в качестве второстепенного—парадигматический,—ход рассуждения оставался бы тем же. Подчеркнем, что характеристики, даваемые элементам классов, полученных на основании иерархического выбора признаков, принципиально отличаются от характеристик, даваемых элементам классов, полученных на основании трактовки признаков как логически равноправных. Так, в первом случае мы, например, говорим, что «слово X , которое является глаголом, выступает в роли сказуемого» (или «глагол X выступает в роли сказуемого» и т. д.). Во втором случае—«слово X является глаголом и слово X является сказуемым». Таким образом, в первом случае одна характеристика (например, быть глаголом) мыслится как постоянно присущая данному элементу, а вторая (например, быть сказуемым)—как временная, появляющаяся у элемента в определенных условиях. Во втором случае обе характеристики мыслятся либо как постоянно присущие элементу (обе вместе), либо как временно появляющиеся у него (в зависимости от того, с каким рядом явлений сопоставлен данный элемент).

Очевидно, что если указанные два признака положить в основание разбиения слов на части речи и члены предложения, то могут представиться следующие возможности:

1) части речи выделены на основании парадигматического признака, а члены предложения — на основании синтагматического (в соответствии с типами 1α — 1β и 2α — 2β);

2) части речи выделены на основании синтагматического признака, а члены предложения—на основании парадигматического;

3) и части речи и члены предложения выделены на основании синтагматического признака;

4) и части речи и члены предложения выделены на основании парадигматического признака;

5) ни один из признаков структурно не выделен, и оба ряда слов — и части речи и члены предложения — строятся на основании смещения обоих признаков.

4. Теперь посмотрим, как реально представлено соотношение частей речи и членов предложения в лингвистических исследованиях. Нельзя ли известные нам работы о частях речи и членах предложения расклассифицировать в зависимости от того, какую из рассмотренных возможностей они реализуют?

Начнем со следующего замечания. Нам не известны работы, в которых реализованы вторая и четвертая возможности. Не встречены нами также грамматики, составленные в соответствии с типами 1α — 1γ и 2α первой возможности. Почему это происходит? По-видимому, разумно предположить, что в реальных языках явления морфологического плана и явления синтаксического плана² соотносятся друг с другом таким образом, что лингвистам не удалось вогнать их в прокрустово ложе возможностей первой (1α — 1γ , 2α), второй и четвертой,—не удалось, несмотря на изобретательность, с которой они реализовали все , остальные возможности.

§ 2. Что говорят грамматики?

1. К описанию типа 1 5, видимо, можно отнести главы 28—32 работы Л. Теньера «Элементы структурного синтаксиса» [414]. Интерпретируя идеи Л.Теньера с позиций нашей теории, мы можем выделить в этой работе два независимых признака: синтагматический, на основании которого устанавливаются члены предложения, и парадигматический, на основании которого выделяются части речи. Исходя из семантического и категориального содержания слов, т. е. парадигматического признака, Л. Теньер сначала делит все слова на «полные», которые непосредственно выражают мысль, и «пустые», которые не имеют семантического содержания, но только являются грамматическими средствами (*outils grammaticaux*)³. Затем, основываясь на существовании

² К явлениям синтаксического плана мы относим связи между словами в синтагматической цепи, к явлениям морфологического плана—связи между словами в парадигматических рядах.

Ср.: «...все явления синтаксиса относятся к синтагматике. Надо научиться сводить таким порядком каждое явление к его ряду, синтагматическому или ассоциативному, и распределить все содержание грамматики по ее двум естественным осям...» [211.131].

³ «Полные слова — это те, которым присуща семантическая функция, т. е. те, форма которых непосредственно ассоциируется с какой-либо идеей... Пустые слова — те, которым не присуща семантическая функция. Это — просто грамматические средства, единственная роль которых — указывать, уточнять или изменять категорию полных слов и устанавливать связи между ними» [414. 53].

двух типов идей—частных и общих (*les idées particulières et 1 idées générales*)—и считая, что первые характеризуют предметы сад по себе, а вторые являются категориями, посредством которых мы улавливаем частные идеи, он делит полные слова на те, которые выражают частные идеи, и те, которые выражают общие идеи (*mots pleins particuliers et mots pleins généraux*). Первые, говорит Л. Теньер, имеют семантическое и категориальное содержание, а вторые имеют только категориальное содержание и лишены семантического⁴.

Избрав категориальное содержание в качестве классификационного принципа, Л. Теньер выделяет две оппозиции: 1) субстанция—процесс 2) абстрактное—конкретное, в терминах которых записывает исследуемые «полные» слова, и две оппозиции: 1) связывание слов—не связывание слов; 2) перевод слов из одного разряда в другой — отсутствие перевода, в терминах которых записывает «пустые» слова.

В результате получаются четыре разряда «полных» слов (СН табл. 1).

Таблица 1

конкретное	субстанция	процесс
	абстрактное	субстантив адъектив

«Пустые» слова, в свою очередь, делятся на два разряда: «связки» и «транслятивы»⁵.

Переходя к классификации слов в синтагматической цепи, Л. Теньер выделяет пять типов синтаксических единиц: ядро (*le noeud*), три актанта (*les actants*) и обстоятельства (*les circonstants*). Принцип, которым он руководствуется при этом (связи, существующие между элементами синтагматической цепи), объяснен им при помощи следующей аналогии: «Глагольное ядро... выражает целую драму в миниатюре. Как и настоящая драма, она обязательно предполагает процесс и чаще всего актеров и обстоятельства. Перенесенные из плана драмы объективной действительности в план структурного синтаксиса, процесс, актеры и обстоятельства становятся соответственно глаголом, актантами и обстоятельствами» [414.102].

Таким образом, Л. Теньер выделяет два ряда классов — части речи и члены предложения, а затем переходит к описанию соотношения между теми и другими (поскольку синтагматический и парадигматический признаки являются у Л. Теньера независимыми, неиерархическими и тем более не тождественными друг другу, то он, не рискуя прийти к логическому кругу, вправе обратиться к характеристике членов предложения в терминах частей речи, или наоборот).

Отмечая, что ядро в любой глагольной фразе всегда является гла-

⁴ Следовательно, если за основание классификации слов принять категориальное содержание, то все слова будут сравнимы (по этому признаку) между собой и полученная в результате такого сравнения система классов должна быть логически обоснованной (поскольку семантическое содержание есть не у всех, но только у «полных частных» слов, то семантическое содержание не может быть принято как основание классификации).

⁵ «Связки — это пустые слова, функция которых — соединять полные слова или ядра предложений, которые они образуют. Транслятивы — это пустые слова, функция которых — изменять категорию полных слов» (414. 81—82).

голом, актанты — субстантивами или их эквивалентами, а обстоятельства— наречиями или их эквивалентами, Л. Теньер в общем логически непротиворечиво⁶ записывает выделенные им члены предложения в терминах частей речи (обратной записи—частей речи в терминах членов предложения—у Л. Теньера нет).

2. А. А. Потебня определяет части речи и члены предложения в разделе «Члены предложения и части речи» [176], видимо, в соответствии с третьей возможностью, т. е. части речи и члены предложения выделены А. А. Потебней на основании одного и того же—синтагматического — критерия.

Остановимся на определении А. А. Потебней таких частей речи, как глагол и имя.

Ставя вопрос о частях речи, А. А. Потебня говорит не о классе слов глагол, но о классе слов глагол-сказуемое⁷. Это означает, что А. А. Потебня выбирает синтагматический признак (быть сказуемым) и на основании этого признака выделяет синтагматический класс слов, которые он называет «личными глаголами», «глаголами-сказуемыми» и определение которых он принимает как определение части речи «глагол» (т. е. парадигматического класса слов). Затем, исходя из этого класса слов, А. А. Потебня выделяет *tertium comparationis* и, пользуясь им, описывает второй класс слов—имя, трактуемый автором также как часть речи (т. е. парадигматический класс слов).

Но поскольку первый класс слов (глагол-сказуемое, личный гла-, гол) фактически выделен как синтагматический класс, то и второй класс, имеющий общие основания сравнения с первым, по необходимости получается синтагматическим (а не парадигматическим) классом слов. Таким образом, „часть речи“ глагол-сказуемое оказывается сопоставленной с „частью речи“ именем-подлежащим (или именем-дополнением), т. е. с той „частью речи“, которая связана с глаголом-сказуемым в синтагматической цепи. Поэтому, при формальном определении частей речи, которое «должно состоять не в содержании, а в способе его представлять» (176. 81), А. А. Потебня не смог не обратиться к тем элементам, которые указывают *e* предложению на связь исследуемых частей речи, и, выделив их из остальных элементов, должен был рассматривать именно их в качестве формальных показателей частей речи.

Покажем, что именно этот ход рассуждений представлен в X разделе «Введения». С точки зрения А. А. Потебни, предложение—это цепочка, которая состоит из частей речи (в указанном смысле): «Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи; если их нет, то нет и нашего предложения» [176. 69]. В качестве формальных показателей частей речи А. А. Потебня фактически рассматривает показатели синтагматических отношений. Обращаясь к различным элементам, выделяемым в составе таких частей речи, как глагол и имя (в указанном понимании), А. А. Потебня констатирует, что эти элементы обычно разбиваются на две группы—так называемые корни вещественные (как *вид*—в слове *видеть*) и корни формальные (как *ть* в том же слове). Затем он отмечает, что

⁶ Мы говорим «в общем непротиворечиво», подразумевая общий принцип записи членов предложения в терминах частей речи, но не конкретное осуществление его у Л. Теньера, поскольку в его описание вклиниваются такие части речи, как эквиваленты субстантивов и эквиваленты наречий, которых в перечне частей речи, приведенном им ранее, не было.

⁷ Ср.: «На вопрос „что такое глагол-сказуемое и чем отличается он от ближайшей к нему части речи, имени?“ прежде всего следует отвечать таким образом...» [176. 81].

в арийских языках глагол всегда, а имя почти всегда «обнаруживает (по меньшей мере) двойственность своего состава: *вЪсть (-вЪд+ть)* -3 л. ед. наст., *вЪсть (вЪд+ть)* — именит, ед. ж. р.» [176, 81], и на этом основании говорит, что «определение глагола или имени, совпадающее с определением одной из их составных частей (части *вид*, *вЪд* или части *ти*, *ть*), будет ошибочно» [176. 81]. Точно так же ничего не дает для различения имени и глагола, считает А. А. Потебня, понятие о качественном (глагольном) и относительном (местоименном) корнях, поскольку и те и другие представлены в словах, относящихся к любой из этих частей речи.

Отметив все это, А. А. Потебня переходит к личным окончаниям как «знакам связи сказуемого с подлежащим» и, ссылаясь на Штейнталя, указывает, что образование личных окончаний из указательных слов собственно и превратило слово, обозначающее «энергию действующего лица», в глагол-сказуемое⁸.

Таким образом, это рассуждение показывает, что личные окончания для А. А. Потебни — это в первую очередь знаки связи (но не знаки таких категорий, как время, аспект, модальность) и, значит, при определении части речи «глагол-сказуемое» интерес А. А. Потебни был обращен к синтагматическим (но не парадигматическим) элементам. Вследствие этого единственным постоянным свойством глагола он назвал то, что глагол изображает «признак во время его возникновения от действующего лица»⁹, — соображение, с которым никак нельзя согласиться, если исходить, из парадигматических критериев выделения частей речи¹⁰.

Переходя к сравнительному определению А. А. Потебней глагола и имени, можно отметить, что и здесь присутствует тот же синтагматический критерий, только перенесенный в план психологических категорий¹¹.

⁸ «Личные окончания как знаки связи сказуемого с подлежащим образовались из указательных слов, имевших вещественное значение. До этого не было еще глагола-сказуемого в выше определенном смысле, но возникновение его могло быть известным образом подготовлено. Штейнталь думает, что до появления личных окончаний разница между названием действующего лица и его энергии была в арийских языках намечена тем способом, который в семитических языках есть главное средство образования форм...» f 176. 86].

⁹ «Глагол изображает признак во время его возникновения от действующего лица, а имя — нет. В этом определении глагола безразлично, будет ли момент возникновения признака современен речи говорящего или нет; будет ли время представляться продолжительным или мгновенным; будет ли самое возникновение признака фактом, или повелением, желанием, условием. При большом разнообразии прочих формальных определений в глаголе постоянно лишь то, что в нем признак представляется „энергетическим обнаружением силы, непосредственно вытекающим из действующего лица“ (Humb. Veb. Versch. 256. 259; Steint. Charakt. 278). В понятие о глаголе непременно входит отношение к лицу, каково бы ни было это последнее: известное или нет, действительное или фиктивное» [176. 84].

¹⁰ Мы пишем: «вследствие этого», ибо из указанного определения глагола вытекает, что единственным постоянным элементом в составе глагола (т. е. элементом, который обозначает постоянный признак глагола) является личное окончание как знак синтагматической связи (.и только как знак такой связи).

¹¹ «Отыскивая такое определение имени, которое бы соответствовало вышеприведенному определению личного глагола, находим, что, по отношению к познающему лицу и акту познания, имя относится к глаголу, как воспоминание прежде познанного к познанному вновь; что, по отношению к познаемому, в имени представляется признак не как производимый предметом (солнце светит), а как данный в предмете, находящийся в нем (светлое солнце, свет солнца). Когда говорю: „солнце светит“, то это (при ясности этимологического значения слова „солнце“ — светлое, светящее) значит: то, что я прежде называл светлым и что под этим ярлыком было сложено в моей памяти, то, как замечаю, производит теперь свет» [176. 87].

Чтобы выяснить, на основании какого критерия А. А. Потебня выделяет члены предложения, сравним «определение, которое он дает глаголу-сказуемому как члену предложения (в ряду других членов предложения—подлежащего, дополнения), с определением, цитированным выше, которое А. А. Потебня дает глаголу-сказуемому как части речи (в ряду других частей речи — имени, наречия): «Согласно с определением глагола-сказуемого главного предложения как признака во время его возникновения от действующего лица, определим подлежащее главного предложения таким образом: оно есть вещественное указание на непосредственного производителя признака, означаемого сказуемым» [176:93].

Из сравнения указанных определений становится очевидным, что и части речи и члены предложения А. А. Потебня выделял на основании синтагматического критерия, т. е. в указанных местах своего сочинения он попросту превратил части речи в своеобразные члены предложения¹². В результате этого они стали фактически излишними в грамматической системе А.А. Потебни¹³.

3. В работе Ч. Фриза «Структура английского языка» (311] выделение частей речи и членов предложения осуществлено также в соответствии с третьей возможностью — аналогично тому, как это

¹² Необходимость оговорки — «в указанных местах своего сочинения» — вызвана тем, что вне сопоставительного описания частей речи и членов предложения, которое представлено в X разделе «Введения», А. А. Потебня характеризует части речи на основании парадигматического критерия (лексико-грамматического значения категории как совокупности слов ассоциативного ряда). Так, рассматривая слово *верста*, он отмечает, что оно не только означает длину в 500 сажень, но и является существительным женского рода в именительном падеже. На основании этого он делает вывод о том, что данное слово можно охарактеризовать отношением его к классу слов, парадигмы которых представляют один и тот же набор грамматических категорий: «Подобное слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других. Указание на такой разряд определяет постоянную роль слова в речи, его постоянное отношение к другим словам. Из ближайших значений двойного рода, одновременно существующих в таком слове, первое мы назовем частным и лексическим, значение второго рода — общим и грамматическим. Ближайшее значение первого рода мы прежде назвали формальным, по отношению к значению дальнейшему...; но по отношению к грамматическим категориям само это формальное значение является вещественным. По такому значению слово, как *верста*, назовем вещественным и лексическим» [176. 25].

Отсюда он делает вывод о том, что все слова можно разбить на два класса — класс слов, одноптиных с *верста*, которые он называет самостоятельными, и класс слов, «которые не имеют своего частного содержания и не бывают самостоятельными частями речи. Вся суть их в том, что они служат указателями функций других слов и предложений. Нередко слова эти лишены даже звуковой самостоятельности (*по-воду, знаешь-ли*), так что могут называться словами лишь в том смысле, в каком суффиксы и предлоги, считающиеся слитными, суть слова. Такие слова называются чисто формальными и грамматическими. Их можно также назвать служебными, противопоставляя вещественным („знаменательным“) как главным, на содержании которых сосредоточен весь интерес мысли» [176. 26].

Таким образом, здесь представлен принцип отделения частей речи от „частиц“ речи не на основании синтагматического критерия, как при отделении имени от глагола, а на основании парадигматического критерия.

Отметим, что члены предложения (сказуемое, подлежащее, приложение и др.) выделены в этой части работы на основании независимого синтагматического критерия и сопоставляются с частями речи путем записи частей речи в терминах членов предложения: «*Верста*, в каком бы ни было значении, и всякое другое слово с теми же суффиксами, будучи существительным, может быть только подлежащим, приложением или частью сложного сказуемого и т. д.» (176. 25).

¹³ Аргументация в пользу этого тезиса приведена в работе А. А. Холодовича «О второстепенных членах предложения (из истории и теории вопроса)» [233].

сделано в X разделе «Введения» у А. А. Потебни: с точки зрения соотношения парадигматики и синтагматики (но не с других точек зрения) эти работы нам представляются сходными, несмотря на очейь большие терминологические отличия.

Термин «член предложения» в работе Ч. Фрда отсутствует, однако причину его отсутствия можно объяснить только парадоксом: части речи (parts of speech) Ч. Фриза являются по сути не чем иным, как членами предложения (если под частями речи, как и выше, понимать явления парадигматического порядка, а под членами предложения — явления синтагматического порядка). Другими словами, предметом морфологии Ч. Фриза являются члены предложения одного типа, предметом "его синтаксиса — члены предложения другого типа, а частями речи как явлениями парадигматического порядка он вообще не занимается.

Не останавливаясь в данной части работы на процедуре выделения Ч. Фризом классов слов (parts of speech), отметим, что эта процедура построена так, что части речи выделяются на основании следующего синтагматического признака: в один класс объединяются слова, имеющие одинаковую синтаксическую сочетаемость¹⁴.

Выделив части речи как синтагматические классы, Ч. Фриз далее в терминах этих классов записывает опять-таки синтагматические явления, т. е. фактически от одних членов предложения переходит к другим членам предложения, являющимся просто укрупнением первых. Это становится очевидным, например, из следующего тезиса книги: «Подлежащее—это явление формально-лингвистической структуры; особая конструкция для слов 1-го класса» [311.176] (словами 1-го класса у Ч. Фриза являются имена существительные, а принципом объединения слов 1-го класса в разряд «подлежащее» (subject) является некоторый тип синтаксической сочетаемости имен существительных).

4. Большинство работ, посвященных классификации частей речи и членов предложения, составлено аналогично работам А. А. Потебни и Ч. Фриза. Попробуем разобраться в истоках этого явления.

Сначала рассмотрим с точки зрения нашей теории «Синтаксис» А. Дискола.

Термин «член предложения» в «Синтаксисе» А. Дискола отсутствует, хотя под частями речи (partē tu logu) А. Дискол фактически понимает то, что мы бы назвали «членами предложения». Покажем это.

Сделав объектом своего изучения синтагматический ряд, А. Дискол разбивает его на единицы, имеющие самостоятельное значение вне связи с другими единицами, и единицы, имеющие значение только в связи с другими¹⁵. Отметим: если рассматривать этот признак (самостоятельность значения слова вне связи с другими словами) как синтагматический критерий, то все слова можно разбить либо на два класса [а именно: 1) слова, обладающие данным признаком, и 2) слова, не обладающие им], либо на много классов—в зависимости от того, характеризуются их члены большей или меньшей самостоятельностью и обладают ли они «способностью привлекать к себе, с целью

¹⁴ «Мы предположили, что все слова, которые могут занимать один и тот же „набор позиций" в моделях английских простых свободных высказываний, должны принадлежать к одной и той же части речи» [311].

¹⁵ «Как буквы разделяются на произносимые самостоятельные (гласные) и на произносимые в соединении с первыми, так и части речи разделяются на слова с самостоятельным значением и на слова, имеющие смысл только в связи с другими частями, речи» [63. IX.1—X.9].

пополнения своего смысла, другие разряды слов» [63. III]. А. Дискол идет по второму пути и разбивает синтагматическую цепь на девять разрядов слов, называемых им «части речи».

Как отмечает А. Добиаш, даже самый порядок, в котором перечисляются у А. Дискоса части речи, обусловлен этой количественной характеристикой самостоятельности слов: так, наиболее самостоятельными оказываются *opoma*, *rhema* и *metochē*, а затем в порядке убывания самостоятельности следуют шесть остальных частей речи¹⁶.

Таким образом, *mere tu logu* являются не парадигматическими, но синтагматическими классами (на этот факт указывали многие исследователи А. Дискоса, в том числе А. Добиаш: «В самом деле, уже тем, что Аполлоний, руководствуясь *tō dēlume pōtēs lexēōs*, признал известную *lexis*, например, за *erigrhēma*,—уже этим самым, я говорю, он указывал на способность этой *lexis* присоединяться в речи *syn ta itesthai* к другим разрядам слов, вместе с которыми она может способствовать *te autoteleia tu logu*, и, таким образом, в самом определении известной части речи и в самом группировании всех *lexeis* на части речи решалась, с точки зрения Аполлония, задача чисто синтаксическая» [63.65].

У А. Добиаша мы находим также замечание о том, что вторую синтагматическую систему (в виде членов предложения) А. Дискол не строил, термины «подлежащее и сказуемое Аполлонию совсем неизвестны» [63.57]. «Таким образом, — пишет А. Добиаш, — все то, что наши синтаксисты или умеют, или не умеют отнести, к подлежащему, сказуемому и дополнению как особым частям предложения, Аполлоний, со своей стороны, весьма систематически разбирает как синтаксическое построение, в коем первенствующую роль играет личная глагольная форма как особая часть речи, все же остальные слова входят... в весьма определенное отношение к этой части речи как ее распространители» [63.61].

Выделив части речи как синтагматические классы, А. Дискол обратился к парадигматической характеристике этих классов и фактически установил некоторый парадигматический критерий (наличие падежных форм у имени), логически подчиненный первоначально принятому синтагматическому критерию¹⁷.

На основании этого парадигматического критерия каждой части речи (*merē tu logu*) была сопоставлена ее парадигматическая характеристика (например, видоизменяемость имени по падежам) и затем произведена запись предложений либо в терминах синтагматических классов (*merē tu logu*), либо в терминах синтагматических классов, имеющих определенные парадигматические характеристики. Так, если мы сравним такие два определения, как: «все существительные, распространяющие глагол, в свою очередь могут распространяться другими разрядами слов» [63.175] и «необходимы бывают прилагательные при ипартктических личных глаголах» [63.50], то увидим, что первое определение построено на основании записи предложения в терминах

¹⁶ При группировке остальных частей речи (не их выделении, но описании) принимается во внимание еще один синтагматический признак — разряд слова, с которым связано исследуемое слово: например, сразу же после описания *opoma*, *rhema* и *metochē* автор считает необходимым описывать *andron* «как примыкающие преимущественно к этим частям речи» в синтагматической цепи.

¹⁷ О логической подчиненности критериев здесь надо говорить потому, что парадигматический критерий выбирается А. Дисколом не как основание классификации слов, не зависящей от синтагматического разбиения их на части речи, но как признак, который рассматривается в качестве характеристики уже выделенных классов.

магических классов (глагол, существительное), второе определение— на основании записи предложения в терминах синтагматических классов, имеющих определенные парадигматические характеристики (например, личный глагол—в противоположность неличным формам глагола, ипарткический—в противовес не ипарткическим и т. д.). А это, как нам кажется, подтверждает, что А. Добиаш был прав, когда писал, что А. Дискол «старался уразуметь и систематически разобрать построение речи и самого предложения, не выходя из области терминов о частях речи (т. е. фактически о членах предложения.—Л. С.), об их видоизменяемости... и об их подразделении на разряды по особенностям их значений» [63.64].

Другими словами, предметом «Синтаксиса» А. Дискола были синтагматические классы слов, в качестве характеристик которых были приняты такие парадигматические признаки, как например падежные формы. Следовательно, морфология у А. Дискола действительно была подчинена синтаксису и рассматривалась не сама по себе, но как обслуживающая синтаксис, и, значит, «Синтаксис» А. Дискола мы вправе рассматривать как описание типа $2f$, реализующее первую логическую возможность.

Установив эти факты, можно вернуться к вопросу о том, откуда в лингвистике появились исследования, реализующие третью логическую возможность. С первого взгляда может показаться: какая связь между этим вопросом и «Синтаксисом» А. Дискола? Но попробуем разобраться в этом внимательнее. Проведем следующий мысленный эксперимент.

Предположим, что *mere tu logu*—это не члены предложения (такowymi они являются с точки зрения понимания частей речи как парадигматических классов, а" членов предложения — как синтагматических классов), а части речи.

Считая, что *merē tu logu* — части речи, мы, естественно, захотим дать им синтагматическую (а не парадигматическую, как у А. Дискола) характеристику, т.е. попытаемся, исходя из заданных частей речи, выделить члены предложения как элементы, каждый из которых является „совокупностью" части речи и типа ее сочетаемости с другими частями речи (например, имя, связанное с глаголом, играющим роль сказуемого, будем рассматривать как член предложения *Π*; наречие, связанное с глаголом, играющим роль сказуемого, будем рассматривать как член предложения *Ο* и т. д.). Отметив, что в терминах парадигматических классов невозможно построить систему членов предложения, мы перейдем к парадигматическим подклассам (например, имя в именительном, имя в винительном падеже и т. п.) и сможем на основании этого определить, что имя в именительном падеже, связанное с личным глаголом, является подлежащим; имя в винительном падеже — дополнением и т. д.

Если выводы нашего эксперимента сравнить с описанием частей речи и членов предложения в X разделе «Введения» А. А. Потебни, то нельзя не отметить их сходство. Однако из этого становится совершенно очевидно, что части речи у А. Дискола и у А. А. Потебни — классы, сходные только по названию, и что причину появления описаний, реализующих третью возможность, следует скорее всего искать в забвении синтагматичности выделенных А. Дисколом разрядов слов *merē tu logu* и трактовке их как парадигматических классов;

В заключение можно сказать, что и у А. Дискола и у А. А. Потебни на первом этапе таксономическая задача решалась одинаково: и в том и в другом случае на основании синтаксической сочетаемости были вы-

делены синтагматические классы (мы называем их членами предложения); на втором этапе А. Дискол и А. А. Потебня пошли прямо противоположными путями: А. Дискол дал синтагматическим классам парадигматическую характеристику, а А.А. Потебня — синтагматическую.

5. В качестве исследования, в котором реализована первая возможность по типу 2β (т. е. на основании некоторого парадигматического критерия строятся части речи, которым затем дается синтагматическая характеристика), можно привести работы Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» и «Русский язык».

Автор дает следующую характеристику построенной им системы частей речи (парадигматический критерий нам представляется здесь очевидным, поэтому особо на этом вопросе мы останавливаться не будем): «В русском языке мы можем различать следующие грамматические, или формальные, классы слов: 1) слова без всяких форм; 2) слова только с формами словообразования; 3) слова с формами словообразования и словоизменения, а в них: а) слова с формами склонения, но без форм изменения в роде: существительные, часть местоимений, часть числительных; б) слова с формами склонения и с формами изменения в роде: прилагательные, часть местоимений, часть Числительных (порядковые); в) слова с формами спряжения: глаголы» [224. 73—74]. При построении системы членов предложения Д. Н. Ушаков говорит следующее: «Если в числе слов, указывающих, о чем говорится, есть независимый именительный падеж, то он называется Подлежащим... Если в числе слов, указывающих, что говорится, есть глагол, согласованный с подлежащим, то он называется сказуемым» [225.102]. Таким образом, получается, что в составе парадигматических классов выделяются подклассы (например, в составе имени существительного выделяется подкласс существительных в именительном падеже), этим подклассам дается определенная синтагматическая характеристика и в результате осуществляется переход от частей речи к членам предложения.

6. Примеров исследований, которые являются реализацией пятой возможности, в лингвистике очень много. Но они не представляют интереса в связи с рассматриваемыми нами задачами. Поэтому на них останавливаться мы не будем.

§ 3. Выводы

1. Противопоставление частей речи и членов предложения не во всех работах соответствует дихотомии «парадигматика—синтагматика»: очень часто части речи у различных авторов менее похожи друг на друга, чем части речи у одного автора на члены предложения у другого (так, например, часть речи у А. А. Потебни «глагол-сказуемое» и член предложения у Ф. И. Буслаева «сказуемое» значительно ближе друг к другу, чем та же часть речи у А. А. Потебни и часть речи у Ф. И. Буслаева «глагол»).

2. Поэтому для объяснения принципов выделения этих двух систем в лингвистике недостаточно исследовать только вопрос о соотношении синтагматики и парадигматики, но нужно еще привлечь какие-то другие критерии. В качестве таковых ниже мы рассмотрим два фактора: интерпретации, даваемые частям речи и членам предложения, и характеристики процедур их построения. Изучив эти факторы, мы сможем вернуться к вопросу о том, что общего и различного между

частями речи и членами предложения интересующих нас авторов, а также вопросу о том, с каким классом слов связан термин «управление» в той или иной работе.

Примечание. Но действительно ли необходимо изучать проблему интерпретаций и процедур построения интересующих нас систем, чтобы ответить на вопрос о связи термина «управление» с классом слов? Мы полагаем, что — да, поскольку исследования проблемы о соотношении синтагматики и парадигматики оказались недостаточно полными для выяснения сходств и различий частей речи и членов предложения у тех других лингвистов. Так, на основании анализа, проведенного в § 2 этой главы, стало очевидным, что части речи (*A* и *B*) у *A. Дискало* и члены предложения (*A* и *B*) у *А.А. Потебни* — синтагматические классы. Но можно ли на основании этого утверждать, что между *A* и *B* в синтагматической цепи *A. Дискало* устанавливает ту связь, что и *А. А. Потебня* между своими *A* и *B*? Конечно, нет; можно только сказать, что оба ученых устанавливают синтагматические (а не парадигматические) связи. Дать же более подробный ответ о сходстве и различии обеих связей мы сможем только тогда, когда установим все признаки, по которым синтагматические классы *А. А. Потебни* отличаются от синтагматических классов *А. Дискало*. Так, например, найдя, что синтагматические классы *А. А. Потебни* имеют не ту интерпретацию, что синтагматические классы *А. Дискало*, мы сможем сказать, что связи между *A* и *B* у *А. А. Потебни* и *А. Дискало* подобны друг другу по критерию «синтагматичности классов *A* и *B*» и различны по критерию «интерпретации классов *A* и *B*». Поэтому, если бы оказалось, что и *А. А. Потебня* и *А. Дискало* дали связям между *A* и *B* одно и то же название, то мы смогли бы показать, что это название фактически соответствует двум разным объектам, даже если оба ученых стоят в отношении дуализма на одной и той же позиции.

2. ЧАСТИ РЕЧИ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ; ИНТЕРПРЕТАЦИИ

§ 1. «Смыслы» различных цепочек

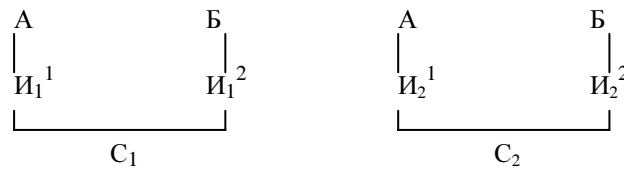
1. Записывая то или иное предложение в терминах таких классов слов, как части речи и члены предложения, мы фактически имеем дело с цепочками формальных элементов (цепочками терминов классов), с которыми связан определенный смысл. Какой смысл связывается с цепочкой слов — очевидно: это — смысл, который имеет цепочка значений данных словоформ.

А какой смысл стоит за цепочками терминов? С какими системами значений соотносится смысл цепочки терминов по мнению того или другого лингвиста?

2. Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны рассмотреть интерпретации, даваемые частям речи и членам предложения в лингвистике;

затем на основании этого исследования выделить типы интерпретаций, своего рода системы отсчета, с которыми можно будет соотносить любую работу. После этого мы сможем расклассифицировать имеющиеся у нас исследования по типам интерпретаций, а это даст нам возможность утверждать, что в исследованиях, отнесенных нами к одной и той же системе отсчета, цепочка терминов классов слов связана с одним и тем же (с точки зрения системы отсчета) смыслом. Отсюда можно будет заключить, что связи внутри двух цепочек терминов, соотнесенных с одной и той же системой отсчета, тождественны друг другу относительно системы интерпретаций, даваемых классам слов в лингвистике. Наоборот, связи внутри двух цепочек терминов, соотнесенных с разными системами отсчета, придется, при тех же условиях, признать различными.

Примечание. Возвратимся к нашему примеру, рассмотренному в конце предыдущего раздела. Допустим, при тех же условиях выяснилось, что синтагматические классы *А. Дискало* (C_1) имеют интерпретацию I_1 , а синтагматические классы *А. А. Потебни* (C_2) — интерпретацию I_2 (см. схему);

Связь C_1 нетождественна связи C_2 : хотя A и B — у обоих авторов — классы синтагматические, но с точки зрения интерпретаций это разные синтагматические классы, и, значит, термины I_1 и I_2 у А. Дискало обозначают не те же объекты, что термины A и B у А. А. Потебни. Естественно, что связи C_1 и C_2 , как связи между объектами разных типов, нетождественны друг другу.

3. При осуществлении нашей работы мы поступали в соответствии с ходом рассуждения, представленным выше. Но при изложении результатов исследований мы считаем возможным отступить от последовательности, в которой мы проводили наши исследовательские операции. Поэтому, опуская описание процесса построения системы интерпретаций в лингвистике, мы сразу же перейдем к представлению результатов этого процесса, т. е. сформулируем итог построения системы интерпретационных типов и проиллюстрируем каждый тип на примере.

§ 2. Интерпретационные системы и примеры

1. На основании анализа изученных работ мы установили четыре типа интерпретаций, которые даются в грамматиках частям речи и членам предложения:

- а) логический—путем соотнесения с различными понятийными категориями;
- б) денотатный—путем соотнесения с различными явлениями объективной действительности;
- в) грамматический — путем соотнесения с какими-либо грамматическими явлениями;
- г) психологический — путем соотнесения с результатами психологической реакции различных индивидов.

2. Остановимся на каждом из названных типов.

а) Логическая интерпретация частей речи и членов предложения представлена в грамматике Пор-Рояля [262]. В ней синтагматические цепи разбиваются на три элемента, которые интерпретируются путем соотнесения с логическими категориями («понятиями об объектах наших мыслей» и «способах нашего мышления») ¹⁸.

¹⁸ Логическая интерпретация частей речи и членов предложения в грамматике Пор-Рояля не является единственной разновидностью логической интерпретации этих классов, встречающейся в грамматиках. Так, в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова части речи соотносятся не с понятиями о некоторых объектах, как в грамматике Пор-Рояля, а с представлениями о них (ср., например: «Существительные обозначают ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа» [247.422]). На вопросе, о различиях внутри того или иного типа интерпретаций и анализе следствий из различий такого рода мы остановимся ниже. Цель данного раздела—показать, по какому принципу мы отделяем, например, тип а) от типа б), тип б) от в) и т. п.

Ф. Брюно так характеризует это соотнесение: «Разум, говорит Арно, понимает, судит и делает умозаключения. Третья операция — всего лишь расширение второй, поэтому достаточно рассмотреть только первые две. Итак, человек говорит не для того, чтобы просто выразить то, что он понимает, но чтобы изречь то, над чем он размышляет. Самое простое предложение *la terre est ronde* есть суждение. Это предложение заключает в себе субъект *terre*, о котором нечто утверждается; атрибут *ronde*, который представляет собой то, что утверждается; и, кроме того, связь между этими двумя терминами *est*. Два первых термина—понятия, третий—сама деятельность нашего разума, способ нашего мышления. Собственно говоря, в мышлении существует лишь два вида элементов: объекты наших мыслей и способы нашего мышления, главным из которых является суждение — к нему надо добавить еще и другие движения нашей души: желания, требование, вопрос и т. п.» [281.56].

В полном соответствии с разбиением синтагматических цепей парадигматический ряд разбивается на два класса: слова первого класса обозначают объекты наших мыслей, слова второго класса—форму и способ наших мыслей. Внутри эти классы расчленяются на подклассы: первый класс состоит из подклассов имен, артиклей, местоимений, частиц, предлогов и наречий, второй класс — из подклассов глаголов, союзов и междометий. Затем каждому подклассу дается интерпретация, аналогичная той, которая была приведена для синтагматических классов, например: «Объекты наших мыслей—это или предметы, обычно называемые „субстанциями" (например, *земля, солнце, вода, лес*), или их характеристики, такие, как *быть круглым, быть красным, быть твердым, быть ученым*: их обычно называют „акциденциями". Различие между предметами, или субстанциями, и характеристиками предметов, или акциденциями, в том, что субстанции существуют сами по себе, а акциденции лишь благодаря субстанциям. Именно этим вызвано' принципиальное различие между словами, которые обозначают объекты наших мыслей, ибо те, что обозначают субстанции, названы субстантивами, а те, что обозначают акциденции при указании на субъект, которому принадлежат эти акциденции, — адъективами» [262.273— 274].

б) Говоря о денотатной интерпретации, мы имеем в виду чрезвычайно распространенные в грамматиках различных языков описания членов предложения и частей речи, в которых классы слов соотносятся не с теми или другими категориями нашего мышления (см. логический тип интерпретаций), а с теми или иными явлениями объективной действительности, находящейся «вне человека». Приведем примеры отдельных определений, иллюстрирующие этот тип интерпретаций: «Определение—второстепенный член предложения, обозначающий качество и отличительные признаки предметов в широком понимании» [48.89]. «Дополнение обозначает объект (предмет), подвергающийся какому-либо действию, являющийся результатом действия, а также предмет, на который действие направлено или совместно с которым либо при помощи которого оно совершается» [216.209]. «Неглагольные слова обозначают признаки, не протяженные во времени; глагольные, наоборот, обозначают признаки, протяженные во времени» [168.180].

в) В качестве примеров грамматической интерпретации приведем определения членов предложения у А. А. Потебни и частей речи у А. И. Смирницкого: «Значение слов, как членов предложения, формально и, как таковое, сказывается в синтаксическом употреблении, есть само это употребление» [176. 67]. «Класс слов, характеризующий

некоторой основной парадигматической схемой (в отвлечении от отдельных ее вариантов) и определенной грамматической сочетаемостью, обычно выступает как особая часть речи» [202.34]¹⁹.

г) И наконец, для иллюстрации психологической интерпретации частей речи и членов предложения приведем исследования Г. Габеленца, ван Гиннекена и С. Филленбаума [312; 316; 306]. Краткую характеристику интерпретаций этого типа мы находим у Ж. Вандриеса: «Можно представить себе также классификацию психологическую, основанную не только на представлениях, заключенных в самих словах, но и на ценности, которую сознание приписывает этим представлениям... Действительно, психология, изучая явления памяти, может измерить соотносительную степень „прикрепленности" (adhesion) слова к мозгу, и на этом изучении строится особая классификация слов в зависимости от быстроты забывания слов» [33.131].

§ 3. Количество классов и интерпретационные типы

1. Выше мы писали, что выделение интерпретационных типов нам потребовалось для некоторой классификации исследований по теории частей речи и членов предложения. Для чего нам нужна эта классификация? Чтобы найти тех авторов, которые одинаково решают проблему соотношения частей речи и членов предложения, т. е. называют одними и теми же именами одни и те же объекты. При этом мы рассуждали так. Возьмем, к примеру, логическую интерпретационную систему и отберем те исследования, в которых система членов предложения осмысливается по отношению к ней. Выберем из этих исследований те описания, в которых члены предложения представлены как синтагматические классы. В результате мы получим набор исследований, авторы которых под термином того или иного члена предложения понимают одно и то же. Например, то, что называет исследователь *A* сказуемым, будет сказуемым и для исследователя *B* и для исследователя *B*, и т. д. Следствием этого должно оказаться, что число элементов в системах членов предложения у всех исследователей «из одного и того же набора» будет одно и то же. Например, все те, кто пользуется логической интерпретацией, будут выделять шесть членов предложения. В отличие от них последователи других интерпретационных систем, возможно, получают не шесть, а больше или меньше классов. Например, те, кто исходит из грамматической интерпретации, придут к десяти классам, а те, кто пользуется денотатной интерпретацией, будут говорить о двух классах слов.

Таким образом, мы фактически пришли бы к тому, что, например, такой термин, как сказуемое, можно было бы определить по отношению к каждой интерпретационной системе и получить строго фиксированные четыре типа сказуемых, выделенных в лингвистике (условно можно их назвать: логическим, денотатным, грамматическим и психологическим сказуемыми). Точно так же поступив и в отношении частей речи, мы получили бы, к примеру, четыре типа глаголов (логический, денотатный, грамматический и психологический глаголы). Затем мы могли бы сопоставить между собой типы сказуемых и типы глаголов. Если бы выяснилось, что каждое сказуемое имеет себе пару, то мы могли бы заняться анализом того, чем отличаются друг от друга

¹⁹ Другими словами, значение терминов классов слов есть значимость этих терминов, определяемая по соотношению терминов внутри системы терминов.

члены пары; установив же, чем отличаются друг от друга все члены пар одного и того же интерпретационного типа, мы могли бы сказать, чем отличаются члены предложения от частей речи при их соотношении с одной и той же интерпретационной системой.

Но могло бы оказаться и так, что мы бы выяснили, например, следующее: психологическая и грамматическая интерпретация обычно применяются только при построении систем частей речи, а логическая и денотатная — только при построении систем членов предложения. В этом случае, даже не производя дальнейшего анализа, мы бы сразу могли сказать, на основании какого признака части речи отделяются в лингвистике от членов предложения (на основании реакции на оппозицию: «денотатные и логические интерпретации // психологические и грамматические интерпретации»).

Таким образом, подобный ход рассуждений позволил бы нам выяснить интересующий нас вопрос о соотношении классов слов в лингвистике, и мы бы смогли вернуться к управлению и показать, чем, в частности, термин «управление глагола» отличается от термина «управление сказуемого».

Обратимся к конкретным исследованиям. Проанализируем известные нам работы в двух отношениях: с точки зрения числа классов, выделяемых представителями каждой интерпретационной системы, и с точки зрения того, какие интерпретации связываются с системой частей речи, а какие — с системой членов предложения.

2. Начнем с логических интерпретаций систем частей речи. Э. Сэпир пишет: «Мы можем представить качество или действие и в виде вещи. Мы говорим о „высоте дома" или о „падении яблока", как будто бы эти идеи были параллельны таким, как „крыша дома" или „кожура яблока", забывая, что высота, падение (выраженные „именами") не перестали указывать на качество и действие... никакая логическая схема частей речи — их число, характер и разграничение — не представляет ни малейшего интереса для лингвиста» [216.91—93]. Таким образом, с точки зрения Сэпира, логическая интерпретация фактически приводит исследователя к системе частей речи, состоящей из одного класса.

Н. Бозэ [270], также дававший частям речи логическую интерпретацию, этот вопрос решает следующим образом: «Он различает два вида... слов: 1) слова, имеющие общее значение (*sens general*), которое поэтому может получить различные степени определения, и 2) слова, сами по себе имеющие относительное значение и требующие к себе термина, соответствующего отношению, которое они выражают». К первым Н. Бозэ относит имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия, которые не требуют к себе (по своей семантике) каких-либо дополнительных слов. Ко вторым Бозэ причисляет «относительные» имена существительные, различая при этом относительные *père, mère* и т. п. и взаимно-относительные (*frère, cousin, collègue*), а также «относительные» имена прилагательные и глаголы, т. е. требующие к себе обязательного дополнительного слова, например: *aimer Dieu, se repentir de sa faute, commencer à boire* или *égal à qun, dissemblable à qun*. Относит Бозэ к этой группе слов и некоторые наречия, например: *relativement (à mes uues), conformement (à la loi)*.

Таким образом, ко второй группе слов Бозэ относит те, которые современная грамматика характеризует как синтаксически „недостаточные" [7.17].

На основании приведенного отрывка можно сказать, что в соответствии с теорией Н. Бозэ логическая интерпретация дает возможность построить систему частей речи, состоящую уже не из одного, но

из двух классов (и восьми подклассов). Если же мы после этого обратимся к «Синтаксису русского языка» А. А. Шахматова, то не сможем не отметить, что он на основании логической интерпретации частей речи сумел построить систему, состоящую не из одного и не из двух классов, а из четырнадцати.

Таким образом, наше предположение об однородных классах внутри каждой интерпретационной системы не подтвердилось: приведенные примеры показывают, что, несмотря на соотносительность с одной и той же интерпретационной системой, части речи Н. Бозэ, Э. Сэпира и А. А. Шахматова—явления, совершенно разные. Но может быть, положение с логическими интерпретациями — исключение и для остальных интерпретационных систем наши первоначальные предположения оказываются истинными?

3. Анализ других интерпретационных систем, например основанных на грамматической интерпретации классов слов, дает следующие результаты. М. Свадеш на основании грамматической интерпретации фактически указывает на возможность построения системы частей речи, состоящей из одного-единственного класса²⁰. В отличие от него Ж. Вандриес, который также исходит из грамматической интерпретации²¹, предлагает построение двухклассной системы частей речи (к первому классу он относит те слова, которые можно назвать глаголами и именами, ко второму классу—все остальные слова).

Кроме одноклассной и двухклассной систем частей речи, построенных на основании грамматической интерпретации, можно назвать немало других систем: четырехклассных, шестиклассных и т. д. Самой остроумной из них, по мнению О. Есперсена, является четырехклассная система Варрона, который «различает четыре части речи: часть речи, имеющую падежи (имена), часть речи, имеющую времена (глаголы), часть речи, имеющую и падежи и времена (причастия), и часть речи, не имеющую ни того, ни другого (частицы)» [67.62].

Таким образом, и здесь—среди грамматических интерпретаций— нет той однородности, которую мы так хотели найти.

4. А как обстоит дело с членами предложения? Одни ли и те же системы членов предложения выделяют лингвисты, исходящие, например, из логической интерпретации?

Начнем с систем членов предложения, состоящих из двух классов. В качестве таковых можно привести все те системы, авторы которых на основании логической интерпретации делят члены предложения на главные и второстепенные [142.17].

Обращаясь к трехклассным системам, укажем на систему синтагматических классов (субъект, предикат и связка), представленную в грамматике Пор-Рояля (о логической интерпретационной системе, стоящей за этой классификацией, мы уже писали выше). Переходя к более дробным классификациям членов предложения, за которыми стоит логическая интерпретационная система, назовем, к примеру, восьмиклассную систему Н. И. Греча [52]. (Более подробно о грамматике Н. И. Греча мы будем говорить в гл. III.)

Что касается грамматических интерпретаций, то можно отметить

²⁰ См., например: «...глагольное личное спряжение в дене-финских языках частично или полностью сходно с употреблением местоименных притяжательных морфем при имени. Это привело некоторых ученых к мысли, что глагол можно рассматривать совершенно так же, как имя: я *бегу* выражалось бы тогда как *мой бег*. Эта концепция, сформулированная для некоторых языковых семей, может быть применена ко всему рассматриваемому кругу языков» [191. 283].

²¹ Ср.: «Различные виды слов, нами здесь отмечаемые, чаще всего имеют для своего выражения специальные морфемы, различаемые 'в различных языках» [33. 131].

наличие двухклассных, пятиклассных, шестиклассных и т. д. систем; в качестве примера двухклассной системы можно назвать систему, представленную в автореферате докторской диссертации В. Н. Никитина [153]; самой дробной из систем, построенных на основании грамматической интерпретации, по-видимому, является десятиклассная система А. А. Шахматова [247].

Таким образом, с системами членов предложения дело обстоит так же, как и с системами частей речи: несмотря на соотносительность с одной и той же интерпретационной системой, члены предложения у различных исследователей оказываются объектами, сходными только по названиям. И значит, ни один из терминов классов не выступает как объект, одинаково определенный даже у тех исследователей, которые работают с интерпретационной системой одного и того же типа.

5. Другая проблема—какие интерпретации привлекаются при построении систем частей речи, а какие — при построении систем членов предложения. Проявляют ли системы классов избирательность в этой области?

Рассматривая вопрос о количестве классов слов, которые конструируются в соответствии с той или иной интерпретацией, мы приводили примеры систем частей речи и систем членов предложения, которые построены на основании логической и грамматической интерпретаций. Таким образом, по отношению к этим двум системам классы слов не проявляют избирательности. То же самое происходит и по отношению к денотатной и психологической системам. В качестве примера приведем двухклассные „парные“ системы частей речи и системы членов предложения: обе системы одной пары выделены на основании психологической интерпретации, а обе системы второй пары — на основании денотатной интерпретации. Членами первой пары являются система частей речи В. А. Богородицкого²² и система членов предложения Г. Габеленца²³, членами второй пары—система частей речи М. В. Ломоносова²⁴ и система членов предложения И. П. Лыскова²⁵.

6. Таким образом, ни части речи, ни члены предложения не являются системами, „прикрепленными наглухо“ к каким-либо интерпретациям: каждая система классов может быть построена на основании любого типа интерпретационных систем. Следовательно: сущность оппозиции «части речи—члены предложения» надо искать не в квадратной оппозиции «логический — денотатный — грамматический — психологический типы интерпретационных систем». Таков негативный результат, полученный на основании изучения приведенных примеров.

²² В. А. Богородицкий на основе психологической интерпретации выделяет два класса слов — знаменательные и абстрактные. Объясняя принцип их отделения, он опирается на следующий факт: при афазии больной, забывая значения слов, принадлежащих к знаменательным частям речи (т. е. существительных, прилагательных и глаголов), помнит лучше абстрактные слова (союзы, частицы, междометия и местоимения) [23. 108].

²³ Исходя из психологической интерпретации, Г. Габеленц предлагает деление синтагматических цепей на элементы двух типов: психологический субъект и психологический предикат, и, значит, фактически тем самым говорит, какая двухклассная система членов предложения может быть построена на основании психологической интерпретационной системы, ср., например: «Что имеют целью, когда к кому-то обращаются? Тем самым хотят пробудить в нем мысль. Я думаю, что сюда относятся два явления. Первое—чтобы обратить внимание (процесс его мышления) на что-то. Второе—чтобы побудить его думать то-то и то-то об этом „что-то“. И я называю то, о чем я заставляю думать того, к кому обращаюсь, психологическим субъектом, а то, что именно он должен думать об этом—психологическим предикатом» [312. 378].

²⁴ См. деление слов на главные (знаменательные) и служебные (вспомогательные) [119. 26].

²⁵ См. деление слов на эмоциональные и неэмоциональные [124. 19].

Кроме того, мы можем отметить следующее. Число классов, получаемых исследователями, не зависит от типов интерпретационных систем, описанных выше: так, несмотря на то что Н. Бозэ, Ж. Вандриес, В. А. Богородицкий и М. В. Ломоносов давали частям речи различные интерпретации, они получили системы частей речи, состоящие из одинакового числа классов; в то же время Э. Сэпир, Н. Бозэ и А. А. Шахматов следовали одному и тому же типу интерпретационной системы, но пришли к установлению разного количества классов. Таким образом, вопрос о числе классов и, значит, о соотношении классов между собой нельзя решить на основании анализа тех обобщенных типов, с которыми мы работали выше.

Значит, наша надежда на получение стандартных систем классов, которыми пользуются все лингвисты, или хотя бы классов, обладающих достаточной степенью общности среди лингвистов, не оправдалась: из восьми работ по теории частей речи, рассмотренных выше, нет даже двух, системы классов в которых были бы одинаковы.

А что случится, если мы будем рассматривать не восемь работ, а 15, 20 или 100? Очевидно, что количество различных систем классов станет еще больше. В это нетрудно поверить, особенно если вспомнить, что каждая из систем классов может строиться не только на основании какого-то одного интерпретационного типа, но также на основании двух, трех или даже четырех типов. В качестве примера системы частей речи, построенной на основании двух типов интерпретаций (логического и грамматического), можно привести парадигматическую двухклассную систему Л. В. Щербы, которая состоит из класса служебных слов и класса знаменательных слов (при этом нужно отметить, что и служебным и знаменательным словам дана одновременно и логическая и грамматическая интерпретация)²⁶.

Особенно часты системы этого типа в описаниях синтагматики. Однако в отличие от Л. В. Щербы создатели систем членов предложения, как правило, соотносят одни части систем с интерпретационными системами одного типа, а другие части—с интерпретационными системами другого типа. Остановимся на нескольких примерах.

В работе Е. В. Кротевича [110.4] описывается трехклассная система, которая состоит из трех типов членов предложения: «1) главные, которые образуют структурное ядро двусоставного предложения; 2) второстепенные, среди которых выделяется группа членов, находящихся в полупредикативных отношениях с обслуживаемыми ими членами; 3) сопутствующие члены, которые выражают субъективно-объективные или модальные отношения».

Приведенная цитата показывает, что система членов предложения в этой работе фактически построена при смешении двух типов интерпретаций—логической и грамматической: «сопутствующие» члены предложения выделены на основании логического критерия, а «главные» и «второстепенные»—на основании грамматического критерия.

Построение систем такого типа имеет прочную традицию

²⁶ См., например: «...следует отметить две соотносительные категории: категорию слов знаменательных и категорию слов служебных. Различия между этими категориями сводятся к следующим пунктам: 1) первые имеют самостоятельное значение, вторые лишь выражают отношение между предметами мысли; 2) первые сами по себе способны распространять данное слово или сочетание слов..., вторые сами по себе неспособны распространять слова...; 3) первые могут носить на себе фразовое ударение; вторые никогда его не имеют, кроме случая выделения слов по контрасту что является особым случаем, так как по контрасту могут выделяться и неударяемые морфемы (части) слов. Второе и третье различия следует считать формальными признаками этих категорий» [254. 67—68].

в лингвистике. Обращаясь к трудам русских ученых, достаточно вспомнить хотя бы Ф. И. Буслаева и Ф. Ф. Фортунатова. Так, подлежащее и сказуемое у Ф. Ф. Фортунатова выделены на основании грамматического критерия, а дополнение, определение и обстоятельство—на основании логического критерия²⁷. В работе Ф. И. Буслаева «Историческая грамматика русского языка» (М., 1869) все сделано как раз наоборот. Вот что пишет по этому поводу Н. М. Александров: «...для Буслаева подлежащее и сказуемое предложения совпадают с подлежащим и сказуемым (субъектом и предикатом) суждения, хотя совершенно очевидно,— и это было известно и Ф. И. Буслаеву, — что это не так... т. е. субъект и предикат суждения соответствуют — если придерживаться точки зрения Ф. И. Буслаева — подлежащему и сказуемому с относящимися к ним второстепенными членами предложения. Ведь логика второстепенных элементов суждения не различает» [6.43].

Не стремясь увеличивать список классификаций, построенных на основании интерпретаций смешанного типа, укажем только, что критику этих классификаций можно найти в работах Н. М. Александрова [7], В. Н. Мигирова [142], В. М. Никитина [151] и других исследователей, которые полагают, что все члены предложения должны выделяться на основании одного и того же критерия (или одних и тех же критериев).

7. Подведем итоги. Обобщенные типы, с которыми мы работали выше, не дают возможности выявить какие-либо закономерности противопоставления частей речи и членов предложения в лингвистике: с их помощью не удалось построить классы, общие для целых групп лингвистов. Поэтому остается предположить следующее.

Чтобы описать системы классов в каждой грамматике, нужно перейти к менее общим категориям, чем наши интерпретационные типы: по-видимому, наши типы надо разбить на подтипы и затем, работая с подтипами, выяснять, какой из них реализуется в каждой²⁸ конкретной работе. Поскольку таких подтипов будет много, то нечего даже и думать о получении какой-то одной стандартной системы классов слов (общей для всех лингвистов или хотя бы для большинства из них). Поэтому и выделение системы терминов классов, однозначно определенных в имеющихся у нас лингвистических работах, не представляется возможным: фактически в каждом из исследований автор пользуется своей собственной терминологией, которая только по форме напоминает терминологию другого автора.

²⁷ См., например: «...грамматическим сказуемым является та часть словосочетания, которая заключает в себе форму сказуемости, а грамматическое подлежащее есть та часть словосочетания, с которою сочетается грамматическое сказуемое. Дополнением называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает самостоятельный предмет мысли в данном его отношении к другому предмету мысли в части предложения; определением называется такая второстепенная часть предложения, которая обозначает несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому, самостоятельному предмету мысли в части предложения; обстоятельством называется такая второстепенная часть, которая обозначает несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому, несамостоятельному предмету мысли в части предложения; т. е. обстоятельство обозначает в данном предмете мысли признак признака» (229. 264).

²⁸ Мы говорим о каждой конкретной работе, потому что в действительности любая система классов может быть соотнесена, хочет того автор или нет, с какой-то интерпретационной системой. Зная об этом, большинство авторов реагируют на этот факт негативными определениями — указывают, с какой интерпретационной системой их системы не соотносятся. См., например, следующее заявление, одного из исследователей о несопоставимости его системы членов предложения с денотатной интерпретацией: «Необходимо со всею настойчивостью заявить, что такие термины, как подлежащее, косвенное дополнение, прямое дополнение, не имеют никакого отношения к подлинным фактам объективной действительности» [311. 175].

Иными словами, обращаясь к анализу различных грамматик, мы как будто попадаем в страну кривых зеркал: не успел один какой-то термин войти в употребление, и вот уже, отраженный в грамматических системах различных исследователей, он превращается в целую толпу двойников, слегка исправленных и потому чем-то отличающихся от своих собратьев.

Вследствие этого предложение, записанное в терминах частей речи, которые имеют, например, психологическую интерпретацию у одного ученого, представляет собой цепочку терминов, осмысленных по отношению к соответствующей интерпретационной системе (в данном случае — по отношению к психологической системе данного ученого) и не осмысленных по отношению к другим интерпретационным системам (в данном случае — по отношению к логической, денотатной и грамматической системам, а также к психологическим системам других ученых). Поэтому цепочка терминов, имеющих, например, психологическую интерпретацию типа *X*, приобретает совсем другой смысл, нежели, например, цепочка терминов, имеющих логическую, денотатную, грамматическую и психологическую интерпретацию типа *не-X*. Получается, что мы как бы имеем дело с переводом предложения не на один язык (язык цепочки терминов частей речи или членов предложения), а соответственно на много языков: язык цепочки терминов (частей речи или членов предложения), имеющих психологическую интерпретацию типа *X*, язык цепочки терминов, имеющих логическую интерпретацию типа *У*, и т. д.

Таким образом, члены предложения у Арно и Лансло, А. Н. Гвоздева, А. А. Потемни и Габеленца (или части речи у А. А. Шахматова, М. Н. Петерсона, А. И. Смирницкого и С. Филенбаума)—совершенно различные явления, которые только по недоразумению получили одно и то же название: одни и те же имена даны объектам, соотносимым с совершенно различными системами²⁹.

²⁹ На наличие различных интерпретационных систем частей речи неоднократно указывалось в литературе по этому вопросу.

Так, например, И. П. Лысков в работе «О частях речи» (124) выделяет три типа интерпретационных систем, на основании которых возможны различные разбиения слов на классы: деление слов на служебные и знаменательные части речи, по И. П. Лыскову, обусловлено семасиологическим подходом; на изменяемые—неизменяемые части речи — грамматическим, а на эмоциональные — неэмоциональные части речи — логическим.

Однако констатация этого факта (возможности соотнесения частей речи с различными интерпретационными системами) не помогла тому же И. П. Лыскову построить классификацию частей речи путем соотнесения всех разрядов с одними и теми же интерпретационными системами.

Так, если мы обратимся к определению имени существительного в его работе, то увидим, что существительное выделено на основании денотатной (существительное как знаменательное слово в противовес незнаменательным словам), логической (существительное как часть речи, обозначающая представление о предмете) и грамматической интерпретации; имя прилагательное, местоимение и союз — на основании денотатной и грамматической интерпретаций, а междометие — на основании логической интерпретации. См., например: «Итак, именем существительным называется знаменательная часть речи, обозначающая представление о предмете, требующая согласования от частей речи с родовыми и личными формами и изменяющаяся по падежам и числам, если формы в ней имеются» [124. 33]. «Именем прилагательным называется знаменательная часть речи, обозначающая признак предмета, возникающий в нем независимо от деятельности предмета, в качестве определения согласуемая во всех формах с именем существительным и в качестве сказуемого имеющая два вида согласования, полное и неполное» [124. 41]. «Местоимением называется служебная часть речи, заменяющая различные разряды знаменательных слов и соответственно этому занимающая то или другое место в предложении» [124. 43]. «Союзом называется служебная часть речи, связывающая предложение или его равносильные части» [124. 80].

3. ЧАСТИ РЕЧИ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ЯЗЫК—РЕЧЬ?

§ 1. Типы лингвистических описаний

1. Вопрос о том, чем части речи отличаются от членов предложения, и поиск критериев, которые дают возможность их развести, влекут за собой вопрос о противопоставлении «язык—речь». Не объясняет ли эта оппозиция сущности деления классов слов на части речи и члены предложения? По мнению одних лингвистов — объясняет, по мнению других—нет³⁰. Поэтому прежде чем формулировать свою точку зрения, остановимся на указанном вопросе более подробно.

2. Начнем с выяснения того, как отражается оппозиция «язык—речь» на типе процедур, обычно связываемых с проблемой частей речи и членов предложения, а именно: 1) на построении системы частей речи или системы членов предложения; 2) на опознавании принадлежности того или иного слова из текста к некоторому классу уже построенной системы.

По-видимому, наличие теории частей речи (соответственно — членов предложения) должно предполагать наличие описаний четырех типов: 1) описание процедуры построения системы частей речи; 2) описание результатов этой процедуры, т. е. описание частей речи как системы, абстрагированной от процесса ее получения; 3) описание процедуры опознавания принадлежности любого элемента из текста к тому или иному классу; 4) описание результатов этой процедуры, т. е. фактически классификация слов из текста по частям речи с указанием факторов, на основании которых произведена классификация.

Каждый из указанных типов описаний не зависит от другого и должен строиться в соответствии с правилами, варьируемыми в зависимости от того, какая сфера выбирается для его применения. Например, если наше описание должно быть использовано при работе с автоматом, мы должны будем потребовать, чтобы оно было выполнено в виде некоторой формальной системы. Другими словами, нам придется перекодировать имеющееся у нас описание и представить его в виде набора знаков определенного вида. При этом возникает вопрос—какое из четырех указанных описаний мы должны будем переводить в другую форму? Ответ самоочевиден: то описание, с которым должен будет работать автомат. Другими словами, если мы ставим перед собой задачу „ознакомить“ автомат с результатами процедуры построения системы частей речи, то перекодировать нам придется только эти результаты: при этом описание процедуры получения результатов может оставаться точно таким, как было до постановки задачи перед автоматом. Наоборот, если мы хотим “научить” автомат строить самостоятельно интересующую нас систему частей речи, то мы должны будем перевести на язык, понятный для автомата, шаг за шагом все операции той процедуры, которой мы хотим обучить автомат.

Таким образом, формализация одного типа описания вовсе не предполагает, что одновременно будет осуществлена и формализация

³⁰ Ср.: 1) «Часть речи—единица языка, член предложения—единица речи» [154. 51] и 2) «Постулирование категории частей речи (*partes orationis*) античными грамматиками знаменовало собой возникновение взгляда на язык как на стабильную систему, развитую и четко охарактеризованную в парадигматическом плане и обладающую якобы обозримой — во всяком случае — несущественной синтагматической протяженностью. Но язык неотделим от речи: он в большей мере функционален, нежели системен по своей сущности—именно поэтому ни одна из существовавших доньше и, вероятно, ни одна из имеющих существовать классификаций частей речи не могла и не сможет быть адекватной своему предмету» [200. 12].

другого типа описания. Поэтому наличие, например, формализованного описания системы частей речи вовсе не свидетельствует о наличии формализованного описания процедуры ее построения или процедуры распознавания элементов в тексте (208. 185—188).

3. Теперь обратимся к оппозиции «язык—речь» и посмотрим, как она связана с четырьмя типами описаний, рассмотренными выше. Предположим, что оппозиция «язык—речь» построена на основании признака «потенциальная осуществимость—реализация». Тогда становится очевидным, что описание языковых явлений применительно к теории частей речи должно будет включать в себя описание второго типа (и, значит, описание первого типа как описание процедуры, на основании которой мы строим языковую теорию). Наоборот, описание явлений речи в части теории классов слов нельзя будет построить, минуя описание четвертого типа (и, значит, описание третьего типа). Поэтому можно сказать, что описания первого и второго типов относятся к плану языка, а описания третьего и четвертого типов — к плану речи.

Выше мы показали, что все четыре описания должны строиться независимо друг от друга: так, концепция частей речи как языковой системы *suī generis* в принципе может не иметь никакого отношения к концепции того, как распознавать в речи, что слова x_1, x_2, \dots, x_n являются глаголами, а слова y_1, y_2, \dots, y_i —наречиями и т. д. И значит, вопрос о признаках, по которым в том или ином слове из текста можно опознать, например, существительное, а по каким—дополнение, на самом деле не имеет отношения к вопросу о том, как соотносятся между собой система частей речи и система членов предложения в данном языке³¹.

§ 2. Контрверзы, связанные с оппозицией «язык—речь»

1. Почему вопросу о типах лингвистических описаний мы уделяем так много внимания? Потому что неразличение перечисленных типов описаний ведет к контрверзам, наличие которых, по-видимому, сказывается в том, что среди лингвистов нет общего мнения о зависимости между оппозицией «части речи—члены предложения» и оппозицией «язык—речь».

Что это за контрверзы? Остановимся на них подробнее.

2. «С значением или без значения» должен работать лингвист, строящий теорию частей речи (или членов предложения)? Для уяснения сущности этой дилеммы рассмотрим следующее высказывание Ч. Фриза: «Различие прежних традиционных процедур грамматического анализа и предложенной нами теории основано на том, что традиционный анализ исходит из нерасчлененного общего значения высказывания и ставит вопрос: „Какие имена соотносятся с различными частями этого значения?“, тогда как наш анализ исходит из описания реально существующих формальных механизмов и моделей, которые делают их значимыми, и приходит к структурному значению как результату анализа [311.56—57].

³¹ Например, для описания системы частей речи в русском языке мы можем использовать денотатный критерий, а для описания алгоритма отнесения слов из текста к уже построенным языковым классам — грамматический критерий. Так, можно сказать, что глагол и имя противопоставлены в системе частей речи русского языка по признаку «название действия — название предмета»; при описании алгоритма распознавания в тексте глаголов и имен можно воспользоваться данными другого порядка — типом формантов, из которых состоят интересующие нас слова.

О чем говорит здесь Ч. Фриз? Фактически о двух вещах: 1) традиционный анализ при опознавании принадлежности данного слова из текста к тому или другому классу исходит из значений, которые принимаются в качестве характеристик этих классов; 2) анализ Ч. Фриза при построении системы классов опирается только на форму исследуемых им элементов. Как мы показали выше, это два совершенно различных подхода: каждый из них не предполагает и не отрицает другого. Поэтому указанное противопоставление в действительности является мнимым: ведь Ч. Фриз ничего не говорит ни о том, какими процедурами он пользуется при опознавании слов, ни о том, какие процедуры применяют приверженцы традиционного направления при построении системы классов. Следовательно, приведенная формулировка Ч. Фриза—одно из свидетельств того, что различные лингвисты просто не всегда понимают друг друга.

По-видимому, точно так обстоит дело и с дилеммой «с значением или без значения надо работать?» Мы думаем, что в большинстве случаев в этом споре копия остались бы целы, если бы спорящие о правомерности (неправомерности) привлечения значений предварительно выяснили, об одних ли и тех же этапах работы они при этом говорят или нет, т. е. четко указали, когда правомерно привлекать значение, а когда — нет.

Так, мы думаем, что построение системы частей речи или системы членов предложения в языке нельзя осуществить без апелляции к значению языковых форм; наоборот, построение процедуры опознавания принадлежности элементов текста к выделенным предварительно языковым классам, безусловно, можно построить без ссылки на значения исследуемых языковых форм. Поэтому тот, кто занят системами членов предложения в языке, должен работать со значениями языковых форм, а тот, кто имеет дело только с процедурами перехода к этим системам, может поступать двояко: либо апеллировать к значению, либо исключить его из игры; правомерность первого³² или второго³³ подхода определяется исключительно той практической задачей, в связи с которой осуществляется данная игра.

Таким образом, контрверза «работать либо со значением, либо без него» оказывается мнимой и превращается в суждение «работать со значением при одних обстоятельствах и без него — при других обстоятельствах».

3. «Нужны или не нужны строгие определения в описаниях частей речи и членов предложения?»

Обратимся к следующему тезису О. Есперсена: «При преподавании элементарной грамматики я не стал бы начинать с определения различных частей речи и тем более с обычных определений, которые говорят так мало, а претендуют на многое. Я избрал бы более практический способ. Опытный грамматист, не прибегая к таким определениям, всегда знает, чем является данное слово — прилагательным или глаголом. И подобно тому как мы с первого взгляда различаем корову и кошку, могут научиться различать части речи и дети... Наблюдая таким образом за различными разрядами, учащиеся приобретут постепенно грамматическое чутье» [67.67—68].

³² См., например, семантические интерпретации членов предложения в грамматике Пор-Рояля, которые можно рассматривать как руководство к интуитивным процедурам опознавания членов предложения в тексте.

³³ Выше мы указывали, что «parts of speech» Ч. Фриза являются синтагматическими классами, т. е. «членами предложения» в нашем понимании, выделяемыми из текста с помощью формальных процедур.

С первого взгляда может показаться, что О. Есперсен противопоставляет метод определения понятий о каких-то объектах методу „тыкания пальцем“ в эти объекты. Но на самом деле сущность утверждения О. Есперсена совсем в другом. Фактически автор говорит следующее: при преподавании родного языка не надо ничего говорить детям о построении системы частей речи в их языке, но надо только учить их опознавать элементы этих систем в текстах. Иначе говоря, О. Есперсен противопоставляет метод определения понятия об одном объекте (системе частей речи) методу „тыкания пальцем“ в другой объект: слова данного текста; т. е. он фактически не ставит вопрос о том, какой метод результативнее при обучении детей языку, но невольно задает вопрос о том, надо учить детей только, родному языку или параллельно с этим их надо приобщать и к лингвистике.

Отметив этот факт, мы можем вернуться к контрверзе 3 и на основании изложенного ответить на нее так: «При построении теории частей речи как системы языка нужны одни определения, при построении алгоритмов отнесения слов из текста к тем или иным языковым классам — другие определения». Первые определения, по-видимому, не могут не быть строгими, если идет речь о построении научной теории; вторые определения могут быть составлены либо в виде строгих алгоритмов (если они, например, рассчитаны на автомат), либо в виде нестрогих предписаний по типу тех, о которых говорит О. Есперсен. Таким образом, контрверза 3 в этом случае фактически также оказывается мнимой.

4. Эти наблюдения показывают, (что указанные противоречия возникают как следствие неразличения типов описаний, о которых мы говорили выше и распределение которых на две группы обуславливается оппозицией «язык—речь»). Поэтому можно сказать, что исследуемые противоречия появляются вследствие нечеткой дифференциации явлений языка и явлений речи (т. е. потенциальной осуществимости и реализации—применительно к фактам данного языка).

5. Теперь обратимся к оппозиции «части речи—члены предложения» и посмотрим, как связана она с оппозицией «язык—речь». Прежде всего отметим, что контрверзы, приведенные выше, формулируются совершенно аналогично для обоих классов слов—и частей речи и членов предложения. Затем укажем, что наличие четырех типов описания необходимо для построения как теории частей речи, так и теории членов предложения. Это означает, что, если учитывать опыт прошлого, нельзя обойтись при построении каждой из теорий без рассмотрения соотношения между планом языка и планом речи: в каждой теории должно быть отражено, какие ее фрагменты связаны с теорией классов в плане языка, а какие—с теорией классов в плане речи. Другими словами, мы приходим к тому, что и части речи и члены предложения должны строиться как категории и языкового и речевого планов³⁴. Отсюда следует, что оппозиция «язык—речь» иррелевантна для оппозиции «части речи—члены предложения». Таким образом, и члены предложения и части речи мы рассматриваем как явления, потенциально существующие в плане языка и реализующиеся в плане речи. И следовательно, можно говорить о парадигмати-

³⁴ В противном случае отмеченные противоречия пришлось бы решать как-то иначе. Как — мы не знаем, и потому считаем возможным принять указанное условие в качестве единственного выхода для разрешения интересующих нас проблем.

ческих явлениях в плане языка и в плане речи и о синтагматических явлениях в плане языка и в плане речи³⁵.

§ 3. Следствия решения вопроса о соотношении оппозиций «язык /речь»—«части речи / члены предложения»

1. В предыдущих параграфах этой главы мы пытались показать, что вопрос о соотношении оппозиций «части речи—члены предложения» и «язык—речь» не является самодовлеющим, но связан с целым рядом проблем: решение этих проблем зависит от того, как именно решен вопрос о соотношении данных оппозиций. Фактически мы показали, что предположение «части речи—явления языка и речи», «члены предложения — явления языка и речи» дает возможность выделить указанные четыре типа описаний, а это в свою очередь позволяет снять противоречия, из-за которых возникли сформулированные выше контрвопросы.

Теперь посмотрим, к каким следствиям может привести другой подход к соотношению интересующих нас оппозиций. Какие типы описаний мы должны будем построить, если будем рассматривать части речи (соответственно—члены предложения) как явления либо плана языка, либо плана речи?

2. Начнем с плана языка. Если мы признаем, что, скажем, части речи — это явления плана языка и в плане речи таких классов нет, то, исследуя текст, мы фактически не сможем опознавать в том или ином слове представителя какой-то части речи по характеристикам, которые можно извлечь из анализа текста (речи), но будем вынуждены судить о каждом слове только на основании его языковых параметров. Другими словами, предположив, что, например, в русском языке система частей речи существует лишь в плане языка, мы должны будем при анализе конкретного предложения как бы расчленить его на отдель-

³⁵ Ср.: «В отличие от синтагматических парадигматические отношения не являются реальными отношениями внутри определенного текста, а представляют собой потенциальные отношения, которые реконструируются на основе некоторой совокупности текстов» (181. 46].

Если противопоставление синтагматики и парадигматики понимать, как это было нами описано выше, то из этого тезиса можно вывести такие следствия: 1) оппозиция «части речи—члены предложения» имплицитно оппозицией «язык—речь»; 2) «часть речи — единица языка, член предложения — единица речи» (154. 51].

А это значит, что если части речи и члены предложения противопоставлены друг другу как явления языка и явления речи, то либо надо рассматривать члены предложения как манифестации частей речи, либо придется заключить, что не все, что есть в речи, имеется в языке. По-видимому, к последнему выводу и приходит В. Н. Никитин, который строит члены предложения из свойств («соотношений»), привносимых в некоторую субстанцию («слово») при переходе из плана языка в план речи («каждое слово само по себе является частью речи, но лишь становится в акте общения членом предложения, становится им только как продукт тех или иных соотношений»).

Против указанной точки зрения можно выдвинуть, как нам кажется, следующие возражения: 1) слово само по себе не является ни частью речи, ни членом предложения, — тем или другим его делает наше отношение к слову в процессе его характеристики; 2) в зависимости от систем (парадигматической или синтагматической), с которыми мы соотносим слова, мы рассматриваем их либо как части речи, либо как члены предложения; 3) в том и другом случае мы имеем дело со словами как явлениями языка, если говорим о соотношении слов с системами и разбиении систем на классы; 4) каждая система (частей речи и членов предложения) как любая замкнутая система может быть охарактеризована с точки зрения соотношения между отдельными ее компонентами,—эти соотношения должны быть установлены в плане языка: в плане речи мы наблюдаем только их реализации; б) когда мы решаем вопрос о том, чем является то или иное слово в предложении, мы обращаемся к явлениям речи и соотносим их с явлениями языка (соотнесение конкретного, данного слова в речи с его «двойником», являющимся элементом системы в языке).

ные элементы, каждый из которых соответствует какому-то языковому элементу, затем обратиться к нахождению свойств этих языковых элементов и, установив их, приписать их дубликатам языковых элементов, с которыми мы имеем дело в речи. Таким образом, относительно интересующих нас элементов в речи мы сможем сказать одно: они обладают теми же свойствами, что и их двойники в языке. Практически это приведет нас к необходимости строить алгорифмы (распознавания принадлежности слов данного текста к классам) не на основании информации, которую можно почерпнуть из конкретных предложений, но на основании характеристик, потенциально присущих каждому слову³⁶. Поэтому, если бы все слова данного языка можно было однозначно сопоставить с системой частей речи, то рассмотрение частей речи как явлений плана языка было бы вполне удобным для решения задачи, состоящей в классификации слов из текста по частям речи: поиск в речи характеристик, позволяющих в каждом конкретном случае получить решение указанной задачи, был бы просто излишним. Но так как ни в одном реальном языке, по-видимому, невозможно построить такую систему частей речи, то рассмотрение частей речи как явлений только плана языка не может не повлечь нежелательных следствий указанного типа при анализе текста и потому навряд ли может конкурировать с рассмотрением частей речи как явлений и языка и речи.

Точно так же обстоит дело и с членами предложения; особо на этом вопросе мы останавливаться не будем.

3. Теперь перейдем к плану речи. Предположим, что члены предложения—для нас исключительно явления речи и к плану языка они отношения не имеют. Очевидно, что в этом случае наши интересы будут сосредоточены на следующем: 1) на проблеме опознавания членов предложения в речи; 2) на проблеме построения системы членов предложения на основании данных речи. Что это дает на практике?

Мы как бы предполагаем, что ничего о составляющих данного текста заранее не знаем и все характеристики получаем только из анализа текста. При этом мы можем рассуждать двояко: 1) считать, что текст—это формально-смысловой элемент; 2) считать, что текст—это цепочка символов, за которой не стоит никакого значения.

Допустим, мы остановились на первом предположении и, например, на основании ста страниц текста установили систему членов предложения, в которой сказуемое характеризуется, скажем, такой парадигмой:

<i>ю, ешь, ет, ...,</i>	<i>φ, а, о, е</i>
глагол	существительное

Можем ли мы надеяться, что человек, который откроет сто первую „границу той же книги, останется доволен нашим предписанием, рекомендуя, например, относить к сказуемым слова, окончания которых

³⁶ Например, в качестве такой потенциальной характеристики слова *читать* можно принять помету в словаре — «инфинитив»: очевидно, что, встретив в тексте *читать*, любой исследователь сможет соотнести речевое *читать* с его словарным дубликатом «*читать* — инфинитив» и на основании этого сказать по поводу речевого *читать*: «Это — инфинитив». Но уже такое слово, как *печь*, намекает на нецелесообразность анализа явлений речи только на основании фиксированных (языковых) данных без учета лабильных (речевых) характеристик; так, при слове *печь* в словаре (языке) можно поставить две пометы: инфинитив и существительное. Чтобы узнать, с какой из двух реализации мы имеем дело в данном предложении (речи), необходимо будет учитывать характеристики, извлечь которые можно лишь из анализа конкретного высказывания, т. е. из анализа речи.

входят в указанную парадигму? А если он встретит предложение *Мальчик—в саду?* Как он должен будет поступить в этом случае: расширить нашу парадигму в процессе „самообучения" или признать, что *в саду*—не сказуемое, а сказуемого в данном предложении нет?

Очевидно, что возможность таких казусов не может не натолкнуть составителя грамматики на мысль о том, что при построении описания гораздо целесообразнее исходить не только из данных текста, но и из собственных знаний, а также из опыта составителей других грамматик. Тем более придет исследователь к такому выводу, если будет рассматривать текст как бессмысленную цепочку символов: ведь в этом случае в один и тот же класс он сможет объединить только те элементы, которые имеют одинаковую форму. Поэтому даже такой класс сказуемых, как в предыдущем случае, получить ему не удастся.

Таким образом, когда мы строим процедуры выделения членов предложения на основании данных только текста (без обращения к нашей языковой интуиции), мы фактически игнорируем языковые данные и обращаемся исключительно к явлениям речи. Поэтому если в плане языка всегда можно однозначно охарактеризовать любой член / предложения (или часть речи)³⁷, то в плане речи, наоборот, «в значительной части случаев нет возможности выделить ту или иную словесную форму как тот или иной член предложения только по ее собственным показателям именно потому, что внешне могут совпадать два-три разнохарактерных члена предложения» [149. 48]. В связи с этим, чтобы построить систему классов слов, которая „будет работать" на текстах большого объема, на деле любому лингвисту приходится обращаться к явлениям языка и апеллировать либо к языковому чутью, т. е. к значениям, стоящим за различными формами в речи, либо к знаниям о языковом формальном аппарате, результаты функционирования которого представлены в речи в виде тех или иных форм. Другими словами, любому лингвисту по сути приходится постоянно сопоставлять план речи с планом языка и на основании явлений языка делать заключения о явлениях речи.

Естественно, что поскольку формальные процедуры строятся, как правило, в плане речи, то, обращаясь к ним при распознавании членов предложения или частей речи, мы и не выходим из сферы речевых явлений, которых в принципе недостаточно для решения поставленной задачи. Можно сказать, что применение формальных процедур, построенных на основании данных только речи, как бы проводит круг, отгораживающий текст от языка, — круг, из которого мы можем выйти, только установив процедуры на основании данных самого языка (т. е. „вскрыв нашу интуицию").

4. ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ ВОПРОСА «ЧАСТИ РЕЧИ—ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

§ 1. Общие соображения

1. В начале этой главы мы поставили вопрос о том, на основании какого признака части речи можно отделить от членов предложения. Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к различным лингвистическим исследованиям и установили, что существует три претендента

³⁷ Ср., например: «Несомненно, что части речи представляются точно определенными и разграниченными между собой категориями, смешать одну часть речи с другой невозможно» [247. 423].

на роль искомого признака: 1) бинарная оппозиция «синтагматика-парадигматика»; 2) квадранный оппозиция «логический—денотатный — грамматический — психологический интерпретационный тип»; 3) бинарная оппозиция «язык—речь».

Анализ отношения указанных претендентов к проблеме разграничения частей речи и членов предложения показал следующее: ни один из этих признаков не является универсальным критерием, на основании которого все лингвисты производят отделение частей речи от членов предложения. Среди рассмотренных нами работ есть исследования, авторы которых индифферентны либо к первой оппозиции (например, случаи, когда и части речи и члены предложения получены как синтагматические классы), либо ко второй (например, случаи, когда и части речи и члены предложения построены на основании только логической интерпретации), либо к третьей (например, случаи, когда и части речи -я члены предложения определены как явления только плана речи).

2. Исследование отношения конкретных работ к четырем обобщенным интерпретационным типам, установленным во втором разделе, показало, что на деле все рассмотренные нами системы частей речи разнородны. Аналогично обстоит дело и с исследованными системами членов предложения. Вследствие этого, например, такой термин, как глагол, должен пониматься не как термин, имеющий в лингвистике одно определенное значение, но как обозначение некоторой расплывчатой „категории“, на деле являющейся абстракцией от суммы таких категорий: глагол в смысле А. Дискола, глагол в смысле грамматики Пор-Рояля, глагол в смысле А. А. Потевни, глагол в смысле А. М. Пешковского и т. д. То же самое относится и к остальным терминам, которые обычно связывают с системами частей речи и членов предложения, например к терминам «имя существительное», «имя прилагательное», «наречие», «подлежащее», «дополнение» и т. д. Поэтому если вернуться к определению термина «управление», то придется констатировать следующее: на основании анализа известных нам работ термину «управление» может быть дано строгое определение только при понимании управления как связи между конкретными слова-м и. При переходе к терминам классов слов понятие управления остается неопределенным, поскольку неопределенным остается понятие классов слов, которыми оперируют лингвисты.

3. Таким образом, мы приходим к тому, что лингвистика как единая теория не существует: в лингвистике столько разных лингвистик, сколько есть лингвистов.

Предпосылки этого явления в области систем классов можно изобразить в виде таблицы 2.

Эта таблица означает следующее. Различные системы частей речи и членов предложения можно сопоставлять друг с другом на основании того, какой тип оппозиции принимается в качестве релевантного при их построении. Исчисление логических возможностей, если учитывать только три исследованные оппозиции, показывает, что существующие системы могут быть 480 видов. Однако, как было показано выше, отличие систем классов этим не исчерпывается: каждый из интерпретационных типов можно разбить на подтипы, и различия между подтипами рассматривать как оппозиции, релевантные для построения систем классов. Итак, немного изобретательности— и количество логических возможностей можно увеличить до любой мыслимой величины.

Поэтому тот, кто хочет конструировать лингвистику как систему определений, должен самостоятельно разработать критерии отбора нуж-

Таблица 2

№	Типы оппозиций (релевантность оппозиционности при построении систем классов)			Система частей речи	Система членов предложения
	Синтагматика — парадигматика	Язык — речь	Логический — денотатный — грамматический — психологический типы		
1	+	—	—	парадигмат., план языка и план речи, логический	синтагмат., план языка и план речи, логический
2	+	—	—	парадигмат., план языка, денотатный	синтагмат., план языка, денотатный
...
33	—	+	—	парадигмат., план языка, логический	парадигмат., план речи, логический
...
180	+	+	—	парадигмат., план языка, логический	синтагмат., план речи, логический
...
480	+	+	+	парадигмат., план языка, логический	синтагмат., план речи, психологический

ных ему фрагментов теории из имеющихся „разных лингвистик“. Другими словами, начав строить лингвистическую теорию и убедившись, что развивать ее дальше нельзя, например, без введения терминов классов слов, исследователь должен выяснить, какие требования к классам слов вытекают из предыдущего фрагмента его теории. Затем в соответствии с этими требованиями исследователь может приступить к конструированию классов слов, реализуя одну из указанных возможностей и учитывая те следствия, к которым приводит каждый его шаг. При этом он должен постоянно помнить: противоречия, которые можно разрешить при одном подходе, превращаются в неразрешимые при другом подходе. Поэтому, каждую логическую возможность целесообразно реализовать только в той сфере практической деятельности, для которой неразрешимые при данном подходе противоречия оказываются несущественными.

§ 2. Характеристика классов слов

1. В соответствии с аргументацией, приведенной выше, можно отметить следующее.

Чтобы завершить построение теории управления, нужно перейти от управления как связи между конкретными словами к управлению как связи между терминами классов слов. Какие требования к классам слов предъявляем мы?

А. Нам нужны классы слов, работа с которыми давала бы возможность: выделить четыре типа описания, указанных на стр. 70, разрешить контroversы 1, 2 (см. стр. 71—73) и избежать тех следствий, к которым приводит соотношение классов слов, описанное на стр. 74—76.

Исходя из этого требования, мы сразу же можем отвергнуть все логические возможности, при которых и части речи и члены предложения не устанавливаются как явления обоих планов (речи и языка).

Б. Следующее требование, которое мы ставим перед конструируемыми классами: соотношение между классами должно быть таким, чтобы с его помощью можно было описать противопоставление морфологии и синтаксиса. Самое простое решение в этом случае заключается в том, чтобы одну систему классов (части речи) постулировать как морфологическую, вторую (члены предложения) — как синтаксическую. А так как противопоставление морфологии и синтаксиса мы, вслед за Ф. Соссюром (см. стр. 51), считаем возможным объяснить с помощью оппозиции «парадигматика—синтагматика», то и системы классов оказываются противопоставленными друг другу соответственно как явления парадигматики и явления синтагматики. Таким образом, мы приходим к такой дихотомии: морфологическая подсистема—части речи — явления парадигматики, синтаксическая подсистема — члены, предложения — явления синтагматики.

Очевидно, что учет этого требования заставит нас еще сильнее сократить круг логических возможностей, которые подлежат нашему анализу: теперь мы фактически вычеркнем все те строчки, где части речи и члены предложения не противопоставлены друг другу как парадигматические и синтагматические классы, выделяемые в плане языка и в плане речи. Другими словами, невычеркнутыми останутся 16 строк, в которых соотношение значений оппозиций «синтагматика—парадигматика», «язык—речь» жестко фиксировано указанным образом, а значение оппозиции «интерпретационные типы» может быть выбрано любое.

В. И наконец, последнее. Анализируя различные интерпретации частей речи и членов предложения, мы установили, что на практике можно построить очень много конкретных интерпретационных систем. Естественно, что ни одна из этих систем не будет обладать достаточной степенью общности, а будет служить только индивидуальной характеристикой какой-то конкретной системы классов. Таким образом, теория, описывающая эту конкретную систему, не сможет претендовать на звание „общелингвистической теории“, но сможет рассматриваться лишь как частный случай некоторой общей лингвистической теории. Единственный выход: пренебречь различиями в интерпретационных системах и строить общую теорию классов без их учета. Получив общую теорию, можно будет, „подключая“ к ней ту или иную интерпретационную систему, осуществить создание всего многообразия систем классов, отраженное в табл. 2.

Сформулируем изложенное требование так: уровень абстракции системы классов должен быть достаточно высоким, чтобы теория классов могла выступать не как конкретная, а как общая. Достижение этого уровня можно осуществить с помощью абстрагирования от параметра «типы интерпретационных систем».

2. Исходя из указанных требований³⁸, мы получим систему классов, которой можно дать такую краткую характеристику. Система клас-

³⁸ Очевидно, что учет других требований привел бы исследователя к построению совершенно иной системы классов, а значит, иной теории классов и иной теории связей.

сов состоит из двух подсистем: части речи и члены предложения. Обе подсистемы представляют собой явления и языка и речи. Члены предложения являются синтагматическими классами, части речи—парадигматическими. Элементы, которые группируются в классы, — это единицы, соизмеримые со словами.

Приведенная формулировка показывает, что конструируемые нами классы— явления, абстрагированные от частных работ и четко противопоставленные друг другу. Поэтому мы можем вновь вернуться к теории управления и посмотреть, как ее можно развить, исходя из полученных определений классов.

Глава III

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ТЕРМИНАМИ КЛАССОВ СЛОВ

1. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

§ 1. Список связей

1. В предыдущей главе мы показали, что считаем нужным выделить два класса слов, противопоставленные друг другу по признаку: синтагматические—парадигматические классы. Синтагматические классы мы назвали членами предложения, парадигматические—частями речи.

В соответствии с этой дихотомией мы можем каждое слово рассматривать в трех аспектах: 1) как конкретное слово, имеющее индивидуальную форму и значение; 2) как представитель парадигматического класса слов; 3) как представитель синтагматического класса слов.

2. Говоря о соотношении двух слов, мы можем иметь в виду отношения между ними в одном из двух рядов: парадигматическом или синтагматическом. В первом случае мы имеем дело с парадигматическими связями слов, во втором—с синтагматическими. Следовательно, мы можем установить 12 типов связей между словами:

1) синтагматическую связь между словами, рассматриваемыми как конкретные слова, имеющие индивидуальную форму и значение;

2) синтагматическую связь между словами как представителями парадигматических классов слов;

3) синтагматическую связь между словами как представителями синтагматических классов слов;

4) синтагматическую связь между словами, одно из которых рассматривается как конкретное, а второе—как представитель парадигматического класса слов;

5) синтагматическую связь между словами, одно из которых рассматривается как конкретное, а второе—как представитель синтагматического класса слов;

6) синтагматическую связь между словами, одно из которых рассматривается как представитель синтагматического класса слов, а второе—как представитель парадигматического класса слов.

То же—для парадигматических связей.

3. Возвращаясь к логическим возможностям, перечисленным на стр. 19, мы можем теперь говорить не о пяти, а о 60 типах связей, описанных или могущих быть описанными в лингвистике.

Изложенное выше можно представить в виде схем 1 и 2:

Схема 1

Слово		
конкретное слово (1)	абстрактное слово (2)	
	представитель синтагматического класса (21)	представитель парадигматического класса (22)

Связь									
парадигматическая (П)					синтагматическая (С)				
смысловая (P _с)		формальная (P _ф)		синтетическая* (P _с)	смысловая (C _с)		формальная (C _ф)		синтаксическая (C _с)
завися- щая	не за- вися- щая	завися- щая	не за- вися- щая	(P _с)	завися- щая	не за- вися- щая	завися- щая	не за- вися- щая	(C _с)
от формальной (P _{сз})		от смысловой (P _{фз})			от формальной (C _{сз})		от смысловой (C _{фз})		
	(P _{сн})		(P _{фн})						

* Описывая систему парадигматических связей, мы считаем неудобным (терминологически) пользоваться оппозицией: «синтаксические* (формально-смысловые)/ формальные и смысловые связи» и вместо нее говорим об оппозиции: «синтетические (формально-смысловые)/аналитические (формальные и смысловые) связи».

4. Список связей между словами:

- 1) 1P_{сз}1, 1P_{сн}1, 1P_{фз}1, 1P_{фн}1, 1P_с1, 1C_{сз}1, 1C_{сн}1, 1C_{фз}1, 1C_{фн}1, 1C_с1;
- 2) 21P_{сз}21, 21P_{сн}21, 21P_{фз}21, 21P_{фн}21, 21P_с21, 21C_{сз}21, 21C_{сн}21, 21C_{фз}21, 21C_{фн}21, 21C_с21;
- 3) 22P_{сз}22, 22P_{сн}22, 22P_{фз}22, 22P_{фн}22, 22P_с22, 22C_{сз}22, 22C_{сн}22, 22C_{фз}22, 22C_{фн}22, 22C_с22;
- 4) 1P_{сз}21, 1P_{сн}21, 1P_{фз}21, 1P_{фн}21, 1P_с21, 1C_{сз}21, 1C_{сн}21, 1C_{фз}21, 1C_{фн}21, 1C_с21;
- 5) 1P_{сз}22, 1P_{сн}22, 1P_{фз}22, 1P_{фн}22, 1P_с22, 1C_{сз}22, 1C_{сн}22, 1C_{фз}22, 1C_{фн}22, 1C_с22;
- 6) 21P_{сз}22, 21P_{сн}22, 21P_{фз}22, 21P_{фн}22, 21P_с22, 21C_{сз}22, 21C_{сн}22, 21C_{фз}22, 21C_{фн}22, 21C_с22¹.

§ 2. Примеры различных синтагматических цепочек

1. Посмотрим, какие из перечисленных связей описываются в лингвистике. При этом с терминами классов, употребляемых лингвистами, будем связывать только те понятия, определения которым мы дали выше. Следовательно, встретив в какой-то работе термин «глагол», мы будем интересоваться только одним: понятие о синтагматическом или о парадигматическом классе слов связано с данным термином². Так, установив, к примеру, что в некоторой работе термин «часть речи» связан с понятием о парадигматическом классе, и встретив затем в этой же работе термин «глагол», мы будем связывать с этим термином только одно: какой-то парадигматический класс. Если затем в той же работе мы встретим термин «имя», то отметим следующее: по-видимому, этим термином автор назвал класс слов; этот класс — парадигматический, но не тождественный классу, названному термином «глагол». Только с информацией этого типа мы и будем работать, описывая типы связей, представленные в лингвистике.

¹ Очевидно, что в соответствии с принятой аксиоматикой приведенный список является полным списком связей.

² Вопросом о соотношении связей и оппозиции «язык — речь» мы займемся ниже (см. раздел 3, § 2).

2. Выше мы показали, что *megē tu logu* в «Синтаксисе» А. Дискولا являются синтагматическими классами слов. Посмотрим, как трактуются в этой работе связи между названными классами слов и отдельными их представителями.

Утверждение А. Дискولا о том, что «прямой падеж никогда не составляет законченного предложения без, глагола, и притом глагола, не требующего другого падежа, косвенного» [10.137], можно рассматривать на фоне следующих рассуждений. Выше (см. стр. 21) мы показали, что в «Синтаксисе» А. Дискولا имплицитно присутствует деление связей на смысловые и формальные.

С одной стороны, автор как бы исследует смысловые элементы, на основании их анализа говорит о законченности и незаконченности данного высказывания по смыслу и рассуждает о следствиях, к которым приводят регистрируемые им факты. Например, он считает, что различные глаголы имеют различные значения и поэтому ведут себя неодинаково по отношению к количеству синтагматических связей, необходимых для законченности предложения по смыслу³. Так, для законченности предложений необходимо, чтобы при каждом глаголе было занято определенное свойственное ему число мест, обусловливаемое смыслом данного глагола. Следовательно, перед нами как бы система смысловых мест, заполняемых в предложении различными словами: место 1 (например, «глагол *вредит*», «глагол, обозначающий душевное или телесное состояние» и т. п.), место 2 (например, «слово, отвечающее на вопрос кто?»), место 3 («слово, отвечающее на вопрос кому?») и т. д.

С другой стороны, каждое предложение рассматривается А. Дисколом с точки зрения формальных связей между членами предложения. При таком подходе, естественно, идет речь только о взаимосогласованности — невзаимосогласованности (солекизме) слов, но не о полноте—неполноте смысла⁴.

Таким образом, каждое предложение в соответствии с системой А. Дискولا может, быть охарактеризовано в двух планах—смысловом и формальном⁶ и затем на основании таких двухплановых характеристик отнесено к одному из следующих типов (табл. 1).

³ См., например, «...этот прогуливается — законченное предложение, а *вредит* — нет, так как не хватает кому» [10. 137].

⁴ См., например: «...согласованность или несогласованность заключается не в предметах, но в соединении слов, которые могут изменяться в должном направлении, между тем как предметы все время остаются теми же. Слова распространяются так, чтобы получилось соединение с тем, к чему они могут относиться, например, множественное к множественному при наличии совпадения в лице—*пишем, мы, пишут люди*» (10. 138).

⁵ Если мы, сопоставив оба плана рассмотрения связей между синтагматическими элементами, захотим затем расклассифицировать глаголы на основании смыслового или формального критерия, то увидим, что глаголы, попадающие в, один класс с точки зрения смыслового критерия, могут попасть в разные классы с точки зрения формального критерия, и наоборот. Так, если мы возьмем, например, русские глаголы *трогать, дотрагиваться* и *касаться*, то увидим, что они образуют законченное предложение при заполнении трех мест и, следовательно, на основании смыслового критерия могут быть объединены в один смысловой класс. Однако этот смысл оформлен по-разному (ср. *трогаю стол, дотрагиваюсь до стола, прикасаюсь к столу*), и на этом основании все три глагола должны быть распределены по трем разным формальным классам. Если же мы возьмем, например, глаголы *прислоняться* и *прислонять*, то по смыслу они должны быть отнесены к двум различным смысловым классам (глагол *прислоняться* образует законченное предложение при наличии трех смысловых элементов, а глагол *прислонять* — при наличии четырех смысловых элементов), а по форме оба эти глагола могут быть объединены в один формальный класс, если объединение в один формальный класс сформулировано в терминах: «глаголы, входящие в один класс, имеют одинаковые формы» (если объединение в один формальный класс сформулировано в терминах: «глаголы, входящие в один класс, имеют все только одинаковые формы», то эти глаголы должны быть отнесены к разным классам).

Таблица 1

№	Тип предложения	Пример
1	законченное взаимосогласованное	<i>Этот вредит мне</i>
2	законченное невзаимосогласованное	<i>Эти вредит мне</i>
3	незаконченное взаимосогласованное	<i>Этот вредит</i>
4	незаконченное невзаимосогласованное	<i>Эти вредит</i>

Таблица показывает, что смысловые и формальные связи в системе А. Дискало можно рассматривать как равноправные, независимые отношения, каждое из которых не имплицирует другое. Поэтому смысловые связи не являются интерпретацией формальных связей, формальные связи—выражением смысловых.

Анализ типов синтагматических цепей, между элементами которых А. Дискало устанавливает связи (смысловые и формальные), обнаруживает наличие двух типов цепочек: в одних случаях А. Дискало подходит к предложению как к последовательности слов (ср. *этот, вредит* и т. п.), в других—как к последовательности классов ел (ср. *Не хватает «кому», совпадает «в лице»* и т. п.). Поэтому можно предположить, что в соответствии с этим им устанавливаются и связи либо между словами, либо между терминами классов слов.

Следовательно, выделенные выше четыре типа предложений можно дополнить четырьмя типами цепочек терминов классов, а также четырьмя типами смешанных цепочек, состоящих из конкретных слов терминов классов: итого получается восемь типов последовательностей, которые можно построить на основании анализа «Синтаксиса» А. Дискало. Не перечисляя их все, приведем для примера следующие:

Таблица 2

№	Тип цепочки	Пример
1	законченное взаимосогласованное предложение (цепочка слов)	<i>Этот вредит мне</i>
2	законченная взаимосогласованная цепочка терминов классов слов и т. д.	<i>Кто + глагол, обозначающий действие + кому</i>

Таким образом, можно сказать, что синтаксические отношения (отношения между элементами синтагматических цепей) по А. Дискало — это отношения между словами, но поскольку слова на основании синтагматического признака группируются в классы, то, значит, отношения между словами можно рассматривать и как отношения между классами, в которые они входят⁶.

⁶ Эти замечания нам представляются особенно важными в связи со следующим тезисом Фирса и его последователей: «Грамматические отношения следует рассматривать не как отношения между словами, как таковыми... — между *watched* и *him* в *watched him* — но между личным местоимением, первым лицом единственного числа именительного падежа, прошедшим временем переходного глагола и третьим лицом единственного числа личного местоимения косвенного падежа» [307.13]. Ср. также

В итоге, соотнося связи в работе А. Дискола с нашей системой связи, можно отметить, что связи А. Дискола являются реализацией следующих типов связей (см. стр. 82):

1) тип $IC_{cn}I$ (синтагматическая смысловая связь, не зависящая от формальной и устанавливаемая между двумя конкретными словами);

2) тип $IC_{fn}I$ (синтагматическая формальная связь, не зависящая от смысловой и устанавливаемая между двумя конкретными словами);

3) тип $2IC_{cn} 2I$ (синтагматическая смысловая связь, не зависящая от формальной и устанавливаемая между словами, как представителями синтагматических классов);

4) тип $2IC_{fn}2I$ (синтагматическая формальная связь, не зависящая от смысловой и устанавливаемая между словами, как представителями синтагматических классов);

5) тип $IC_{cn}2I$ [синтагматическая смысловая связь, не зависящая от формальной и устанавливаемая между словами, одно из которых — конкретное слово, второе — представитель синтагматического класса (термин класса)];

6) тип $IC_{fn}2I$ (синтагматическая формальная связь, не зависящая от смысловой и устанавливаемая между словами, одно из которых — конкретное слово, второе — термин синтагматического класса).

3. Аналогично тому, как выделил смысловой план синтагматических элементов А. Дискол, подошел к описанию смыслового плана и Э. Кондильяк (292). В «Трактате об искусстве писать» он выделяет идеи, абсолютно необходимые для выражения наших мыслей, и идеи дополнительно, уточнительные, которые не являются необходимыми, но добавляются к уже законченному смыслу⁷. Поскольку каждое предложение можно рассматривать с точки зрения необходимых и добавочных идей, то различные части предложения выступают как реализации либо необходимых, либо добавочных идей.

К числу элементов предложения, передающих необходимые идеи, Э. Кондильяк относит субъект, атрибут и глагол; добавочные идеи, в соответствии с его точкой зрения, описываются модификаторами, которые служат для формирования необходимых идей⁸.

Следовательно, смысловой критерий «законченности—незаконченности» предложения А. Дискола может быть соотнесен со смысловым критерием «необходимых—добавочных идей» Э. Кондильяка. Однако А. Дискол и Э. Кондильяк синтагматическую цепь разбивают по-разному. Например, определяя законченность предложения, А. Дискол оперирует такими терминами классов, как «глагол», «прямой падеж имени», «косвенный падеж имени» и т. п., а Э. Кондильяк в аналогичной

«В синтаксисе отношения устанавливаются между словами не как индивидуумами, но как членами классов слов и носителями грамматических категорий, связываемыми в различные конструкции или синтаксические структуры. Индивидуальные слова, употребляемые в манифестациях таких синтаксических структур и отношений, являются поэтому несущественными на грамматическом уровне — в том случае, если они образуют правильное высказывание в исследуемом языке» [400. 23].

Как только мы вспомним, что классы «личное местоимение» и «глагол», о которых говорит Фирс, являются парадигматическими, то сразу станет очевидным коренное различие между трактовкой связей у А. Дискола и тех из современных лингвистов, которые в этом вопросе следуют за Фирсом.

⁷ «Если отнять второстепенные слова, то предложение еще существует: это — идеи, которые не являются абсолютно необходимыми для сущности мысли, а лишь служат для ее формирования» [292. 95].

⁸ «Три элемента существенны в каждом предложении: субъект, атрибут и глагол. Но каждый из них может быть модифицирован, и модификаторы, которые их сопровождают, называются „второстепенными“, т. е. словами, которые служат для согласования, присоединения, связи» [292. 95].

ситуации — такими, как «субъект», «атрибут», «обстоятельство» и т. п.

Таким образом, смысловые связи в работах А. Дискола и Э. Кондильяка различные, однако это различие другого порядка, чем то, которое мы договорились регистрировать при построении общей теории:

с точки зрения принятых нами абстракций связи в обеих грамматиках—одного и того же типа, различными они становятся при переходе на уровень конкретизации общей теории, а также при соотнесении с интерпретационными типами.

Аналогично обстоит дело и с системой формальных связей в описываемой работе Э. Кондильяка. Конечно, система формальных связей Э. Кондильяка не дублирует системы формальных связей А. Дискола. Так, Э. Кондильяк, рассматривая отношения между словами, выделяет связь субординации (одностороннюю зависимость), а А. Дискол — отношение «взаимосогласованности — невосогласованности» (двустороннюю зависимость). Однако это отличие в рамках принятой нами системы связей должно остаться незарегистрированным, а это означает, что в работе Э. Кондильяка нами рассматриваются те же типы формальных связей, которые были отмечены нами при анализе «Синтаксиса» А. Дискола.

4. Перейдем к связям, описанным в «Истинных принципах французского языка» Г. Жерара [317].

Рассматривая предложение как пучок связей, Г. Жерар как бы выделяет набор смысловых связей и затем разбивает синтагматическую цепь на элементы, каждый из которых реализует ту или иную связь. В результате он получает семь частей предложения (*subjectif, attributif, objectif, le circonstanciel, conjonctif, adjectif*), т. е. систему членов предложения он описывает как функцию системы установленных им связей. Следовательно, в этом вопросе Г. Жерар идет по пути, прямо противоположному тому, который мы зафиксировали у А. Дискола и Э. Кондильяка⁹.

И тем не менее типы связей, описанные у Г. Жерара, по сути ничем не отличаются от типов связей, зарегистрированных нами у А. Дискола и Э. Кондильяка, поскольку во всех перечисленных работах системы членов предложения строятся таким образом, что они выступают как независимые по отношению к системе формальных связей (при этом у А. Дискола и Э. Кондильяка система членов предложения вообще не зависит от систем связей, а у Г. Жерара не зависит только от формальных связей).

5. В работе Ц. Дюмарсе [303] «Принципы грамматики» за исходное приняты два отношения — отношение тождества (*rapport d'identité*) отношение определения (*rapport de détermination*). Так же, как и Э. Кондильяк, Ц. Дюмарсе соотносит элементы предложения с избранной им системой связей и говорит, что отношение тождества подчиняет слова законам согласования (*de la concordance*), а отношение определения—законам управления (*du régime*). Затем Ц. Дюмарсе сопоставляет члены предложения, выделенные им ранее, с системой связей и характеризует члены предложения в терминах системы связей (например, дополнение к глаголу, связанное с ним связью управления, Ц. Дюмарсе называет *determinant*).

⁹ Мы говорим о «прямо противоположном пути», поскольку система связей Г. Жерара может быть соотнесена с той же интерпретационной системой, что и система Э. Кондильяка. Так, например, Э. Кондильяк говорит о том, что обстоятельство, присоединяясь к глаголу, передает сверхдобавочные идеи, к числу которых он относит понятия о цели, мотиве, средствах осуществления действия, а Г. Жерар говорит, что, исходя из понятия о цели предикции (*le but de l'attribution*), можно выделить такую часть предложения, как терминатив (*terminatif*).

На основании этого можно сказать, что формальные связи выступают у Ц. Дюмарсе как вторичные по отношению к смысловым связям и их можно рассматривать как форму выражения смысловых. Следовательно, в отличие от работ А. Дискола, Э. Кондильяка и Г. Жерара, мы имеем здесь, скажем, не тип $IC_{сн}I$, а тип $IC_{сз}I$, не тип $IC_{фн}I$, а тип $IC_{фз}I$ и т. д.

Таким образом, анализ работ А. Дискола, Э. Кондильяка, Г. Жерара и Ц. Дюмарсе фактически знакомит нас с большинством синтагматических связей, перечисленных в списке на стр. 82.

Исключением являются, пожалуй, только три типа связей между отдельными словами и представителями синтагматических классов $IC_{сз}I$, $2IC_{сз}2I$, $IC_{сз}2I$ и типы связей между представителями парадигматических классов (например, связи типа $220_{сз}22$, $220_{сн}22$, $22C_{фз}22$, $22C_{фн}22$ и т. д.). Что представляют собой они? В поисках связей этих типов обратимся к работам М. В. Ломоносова и Н. И. Греча.

6. Выше мы отмечали, что в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова слова выступают как единые формально-смысловые элементы: план формы и план содержания у М. В. Ломоносова слиты воедино. Поэтому, говоря о связях между словами у М. В. Ломоносова, мы можем пользоваться термином «синтаксические (формально-смысловые) связи». Что это за связи?

«Имена прилагательные, местоимения и причастия должны с существительными, к которым прилагаются, быть согласны в роде, числе и падеже». «Сии знаменательные части слова должны иметь между собою соответствие, чтобы мы могли, изобразить наши мысли» [119.189].

Из этой цитаты можно заключить, что между классами, которые автор называет «частями слова»¹⁰, он устанавливает в синтагматической цепи формально-смысловые связи, указывающие на то, что происходит «согласование форм и мыслей»¹¹. Иначе говоря, связи, которые рассматриваются в «Российской грамматике», можно классифицировать как связи типа $IC_{сз}I$, или $2IC_{сз}2I$, или $IC_{сз}2I$.

7. Заканчивая наш обзор, рассмотрим формальные и смысловые связи, о которых можно говорить на основании анализа работ одного из наиболее интересных русистов прошлого века Н. И. Греча [52; 53; 54; 55].

Части речи у Н. И. Греча—явление парадигматического порядка, а члены предложения — синтагматического¹². Между частями речи Н. И. Греч устанавливает формальные отношения, а между членами предложения — смысловые: так, он говорит о том, что слова как члены предложения связываются между собой по способу определения или

¹⁰ Сравнивая «части слова» М. В. Ломоносова и *mere tu logu* А. Дискола, трудно согласиться с мнением акад. В. В. Виноградова о том, что изложение способов «сочинения» слов у М. В. Ломоносова «опиралось на теорию частей речи» [37.33], конечно, если части речи рассматривать как парадигматические классы. Более вероятным в этом случае представляется допущение о том, что изложение способов «сочинения частей слова» у М. В. Ломоносова опиралось на теорию синтагматических классов (*mere tu logu*) А. Дискола.

¹¹ Если мы захотим более детально проанализировать смысловые компоненты формально-смысловых связей у М. В. Ломоносова, то должны будем отметить, что они соотносятся то с денотатной, то с логической интерпретационной системой. Так, наряду со связями в объективной действительности (например, между «обстоятельствами» и «вещами или переменами») автор описывает также и связи между различными понятиями. (Ср.: «Предлоги для знаменования обстоятельств, к вещам или переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам раздельно». «Союзы самых понятий соответствие между собой показывают» [119. 24].

¹² Ср., например: «Дополнения состоят из имен существительных в косвенном падеже или из частей речи, заменяющих имена» [54.72].

дополнения, а слова как части речи—управляют другими словами или согласуются с ними¹³.

Формальные отношения (согласование и управление), по Н. И. Гречу, могут выражаться четырьмя способами: «1) местом каждого из членов отношения, 2) падежом без предлога, 3) падежом с предлогом и 4) двумя предлогами, из коих один совокуплен с управляющим словом, а другой находится перед управляемым» [52.252]. Причиной формальных отношений между словами как представителями частей речи являются, как полагает Н. И. Греч, смысловые связи¹⁴.

И наконец, смысловые отношения интерпретируются Н. И. Гречем в терминах некоторой определенной системы универсальных категорий («действие—движение—покой»); так, говоря об отношении между предметами, он разбивает их на две группы: спокойные и действующие. «Первые обозначают совокупность, связь, совместное пребывание предметов, без движения, без действия, например, *лист де рева, кровля дома, волосы на голове, хозяин в доме, господин над слугами*. Последние выражают отношение одного предмета к другому, являющееся в силе действия, движения, например, *Иван едет в Москву; солнце греет землю; она кланяется сестре* и т. д.» [52. 251].

Кроме универсальных категорий «действие—движение—покою Н. И. Греч вводит еще такие категории, как случайность связи и ее необходимость, опосредствованность и непосредствованность, и находит способы грамматического выражения этих категорий (например, посредством падежей и предлогов). Таким образом, Н. И. Греч фактически вводит трактовку связей как элементов, имеющих форму и значение: формальный план связей реализуется посредством системы падежей и предлогов, а смысловой план — посредством апелляции к «спокойным, действенным, случайным» отношениям как особым силам, присущим словам¹⁵.

Таким образом, можно сказать, что смысловые связи, описанные у Н. И. Греча, соотносятся с нашими типами синтагматических смысловых связей, не зависящих от формальных и устанавливаемых между терминами синтагматических классов, а формальные связи—с типами синтагматических формальных связей, зависящих от смысловых и устанавливаемых между терминами парадигматических классов. Другими словами, формальные связи у Н. И. Греча можно рассматривать как иллюстрации типов $22C_{\phi_3}22$ и $1C_{\phi_3}22$.

§ 3. Типы синтагматических цепочек (конкретные и абстрактные)

1. Поскольку любая грамматика не может не строиться в терминах некоторых абстрактных элементов, то любой исследователь фактически начинает свое описание с того, что выделяет некоторые классы слов, дает им названия и строит из этих терминов синтагматические цепоч-

¹³ См., например: «...сила управления, заключающаяся в глаголе... не теряется при переходе сего глагола в другую часть речи, как-то: в причастие, деепричастие, имя существительное отглагольное, прилагательное и наречие» [52. 252].

¹⁴ См.: «Слова получают силу управлять другими не столько от грамматической своей формы, сколько от смысла, в оных заключающегося» [52. 251].

¹⁵ Эти силы Н. И. Греч иначе еще называет центрипетальной и центрифугальной: центрипетальная (центростремительная) сила проявляется в согласовании, которое обнаруживает стремление слов к соединению, к слитию, к подведению под один уровень; центрифугальная (центробежная) сила проявляется в управлении, посредством которого в словах выражается противоположность, взаимное отношение разнообразных предметов и их качеств.

ки, с которыми впоследствии и сравнивает конкретные предложения. Другими словами, при построении грамматик обычно осуществляется переход от конкретных предложений данного языка к абстрактным предложениям некоторого языка конструкторов, т. е. к цепочкам символов, между которыми установлены связи. Очевидно, что абстрактные предложения и по форме и по смыслу отличаются от конкретных предложений (ср., например, смысловой и формальный планы, с которыми можно соотнести цепочки символов: 1) *Мальчик рисует носорога* и 2) N_1VN_2 ¹⁶].

2. Очевидно, что тип цепочек зависит от компонентов, из которых они образуются, и связей между ними. Поскольку компонентами цепочек, описываемых в лингвистике, являются либо слова, либо термины классов слов, то полный перечень типов связей, устанавливаемых между компонентами цепочек, является в то же время и полным списком цепочек, описываемых лингвистами.

Из этого следует, что список на стр. 82 может выступать в качестве основания сравнения для любых абстрактных и конкретных цепочек, с которыми приходится иметь дело при исследовании теорий связей и предложения.

Поэтому, построив указанный список, мы получили возможность вернуться к вопросам, на которые не смогли ответить при характеристике термина «управление», понимаемого как связь между представителями классов слов.

2. ОСТАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА «УПРАВЛЕНИЕ»

§ 1. Сфера значений термина «управление»

1. На основании анализа, предпринятого в главе I, можно сказать, что термин «управление» употребляется в лингвистике как название следующих синтагматических связей:

a—формально-смысловой между двумя конкретными словами;

b—формально-смысловой между двумя элементами, один из которых является конкретным словом, а второй—термином класса слов;

в—формально-смысловой между двумя терминами классов слов;

г—формальной между формальными принадлежностями двух конкретных слов;

д—формальной между двумя элементами, один из которых является формальной принадлежностью конкретного слова, а второй—термином класса (например, класса, представленного серией формальных принадлежностей);

e—формальной между двумя терминами классов.

2. Рассмотрение классов, с которыми работают лингвисты, и выводы, к которым мы пришли в главе II, позволяют перевести значения,

¹⁶ Так, обращение к смысловому плану первой цепочки у автора данной работы¹ связано с апелляцией к представлениям о денотатах слов *мальчик*, *рисует*, *носорог*; обращение к смысловому плану второй цепочки — с апелляцией к представлениям о денотатах слов *подлежащее*, *выраженное существительным в именительном падеже*, *сказуемое*, *выраженное финитным глаголом*, *дополнение*, *выраженное существительным в винительном падеже*. Обращение к формальному плану первой цепочки заставляет автора думать о таких единицах формального плана, как буквы и словоформы, а обращение к формальному плану второй цепочки—о таких единицах, как элементарные символы (например, *N*, *V*, 1, 2) и их комбинации (например, N_1), построенные по определенному «синтаксису», отличному от того, с каким мы имеем дело в цепочках словоформ из естественных языков.

связываемые с термином «управление» в лингвистике, на язык тип связей, описанных в главе III (см. стр. 82).

Для этого мы должны выяснить, термины каких классов участвуют в определении управления — синтагматических или парадигматических, затем подставить полученную информацию в строчки *b*, *в*, *д*, *е* и переписать весь список *a* — *е* в терминах типов связей.

Прежде всего отметим те из типов связей, о которых можно с дить на основании материалов главы I. Это такие типы: $IC_S I$ (синтагматическая формально-смысловая связь между двумя конкретными словами в единстве их форм и значений); $IC_{\phi} I$ ¹⁷ (синтагматическая формальная связь между формальными принадлежностями двух конкретных слов). Кроме этих типов в главе I была описана формальная связь установленная между формальной принадлежностью одного элемента и серией формальных принадлежностей второго элемента словосочетания. Эта связь также была рассмотрена как управление. Если слово «серия» мы заменим выражением «термин класса», то сможем считать исследованным еще один тип связи: $IC_{\phi} 2 I$ или $IC_{\phi} 2 2$ —в зависимости от того, термин синтагматического или парадигматического класса введем в игру. Мы полагаем, что материалы главы I свидетельствуют в пользу типа $IC_{\phi} 2 2$: „несинтагматичность" серии *ю, ешь, ет, ..., ть* (см. стр. 32) навряд ли может вызвать сомнение. Поэтому класс, который главе I мы называли просто «класс формальных принадлежностей»; теперь мы можем зарегистрировать как парадигматически класс формальных принадлежностей.

Таким образом, то, что термин «управление» связывается в лингв1 стике с типами $IC_S I$, $IC_{\phi} I$, $IC_{\phi} 2 2$, несомненно. Посмотрим, как обстоит дело с другими типами.

3. Обратимся к работе И. И. Мещанинова «Члены предложения части речи» [141] и посмотрим, какое определение термину «управление там дано. «Управление относится к числу тех синтагматических приемов, которыми устанавливаются синтаксические группы. Господствующее в такой группе слово, будь то имя или глагол, уточняется определяющими словами, которые в строе предложения выступают в зависимом положении определений или обстоятельств. В отдельных случаях? когда по семантике сказуемого и выступающего в нем глагола требуется наличие при нем объекта, и последний также получает зависимо положение. Таким образом, даже дополнение в тех же индоевропейских языках может оказаться зависимым от сказуемого. И если все эти зависимые слова получают зависимое падежное оформление, то мы уже имеем управление. Слово ставится в определенном падеже, и эта его формальная сторона имеет своим назначением отметить ту значимость, которую слово получает в предложении» [141. 76].

Нам представляется, что в соответствии с изложенной точкой зрения предложение разбивается на синтагматические элементы (например сказуемое и дополнение) и между этими элементами устанавливается; смысловая связь, формой выражения которой является управление. Таким образом, сказуемое по смыслу требует дополнения, и это требование реализуется посредством особой формальной связи между сказуемым и дополнением, заключающейся в том, что формы слов, посредством которых выражены сказуемое и дополнение, особым образом сопоставляются друг другу.

¹⁷ Вопрос о том, зависит исследуемая формальная связь от смысловой или нет, в гл. I не ставился. Поэтому вместо типов $IC_{\phi n} I$ и $IC_{\phi z} I$ мы будем говорить только о типе $IC_{\phi} I$. Аналогично обстоит дело и с типами $IC_{\phi n} 2 I$, $IC_{\phi z} 2 I$, $IC_{\phi n} 2 2$, $IC_{\phi z} 2 2$ и т. п. Ниже мы покажем, что на наших результатах это огрубление не отразится.

Отсюда следует, что изложенная теория позволяет говорить об управлении как о синтагматической формальной связи, которая устанавливается между терминами двух синтагматических классов, т. е. о связи типа $2IC_{\phi}21$.

4. Остановимся на одном из следствий, к которым приводит теория И. И. Мещанинова.

Нам представляется, что в соответствии с теорией И. И. Мещанинова сказуемое можно установить как синтагматический класс, характеризующийся определенной формой и значением. Что это значит?

Рассмотрим два предложения: *Я читаю* и *Я весел*. Считая в соответствии с описываемой теорией, что между подлежащим и сказуемым каждого из этих предложений установлена связь, формой выражения которой является особое соотношение форм слов *я* и *читаю*, *я* и *весел*, мы можем выявить парадигму формальных соотношений, которые являются выражением смысловой связи между подлежащим и сказуемым. Например, можно установить такую парадигму:

- 1) показатель именительного падежа существительного единственного числа — окончание глагола *ет*
- 2) показатель именительного падежа местоимения 1-го лица единственного числа — окончание глагола *ю*
- 3) показатель именительного падежа местоимения 1-го лица единственного числа — окончание краткого прилагательного \emptyset

и т.д.

Приведенный пример показывает, что в качестве значения члена предложения «сказуемое» мы можем, например, принять значение «быть действием или состоянием субъекта», а в качестве формы — серию формальных принадлежностей, три элемента которой мы записали выше (*ет, ю, в*).

Получив этот результат, вернемся к серии формальных принадлежностей, о которой мы говорили при определении управления как связи типа $IC_{\phi}22$ (см. стр. 36).

Сопоставим две серии: 1) *ю, ет, ..., ты (читаю, читает, ..., читать)*; 2) *ю, ет, ..., в (читаю, читает, ..., весел)*. Отметим, что парадигматичность одной и синтагматичность второй при та'кой записи становится еще более очевидной.

5. А теперь перейдем к конкретным примерам и посмотрим, чем управление как связь между представителями синтагматических классов отличается от управления как связи между представителями парадигматических классов.

Исследованные нами материалы показывают, что в паре *читаю книгу* из предложения *я читаю книгу* можно установить следующие типы связей:

y_1 —Управление как формальная связь между словами, соотнесенными с парадигматическими классами: связь, которая устанавливается

¹⁸ Таким образом, исследователь русского языка, идя от функционального значения «связь между подлежащим и сказуемым», получает форму выражения этого значения (парадигму, элементы которой приведены выше). Снабдив этой парадигмой своего читателя, исследователь даст ему возможность на основании формы анализировать значения синтагматических элементов (т. е. по формальным элементам парадигмы опознать функциональное значение). Таким образом как бы удается найти материальный субстрат членов предложения. Значит, если материальным субстратом слова является словоформа, посредством которой оно «записано» в тексте, то материальным субстратом члена предложения можно считать конструкт из элементов парадигмы, посредством которой он как бы задан в нашей интуиции (или в грамматике, отражающей эту интуицию). Исходя из этого, легко понять, что попытки найти материальный субстрат члена предложения непосредственно в тексте — тщетны.

между формальной принадлежностью слова *читаю* как члена парадигматического класса и формальной принадлежностью слова *книгу* также как члена парадигматического класса¹⁹, т. е. связь, при которой:

парадигма <i>A</i>	управляет	парадигмой <i>B</i>
$\left\{ \begin{array}{l} \text{ю, ешь, ..., ть} \\ \text{читаю, читаешь, ..., читать} \end{array} \right.$		$\left\{ \begin{array}{l} \text{у, \phi, ..., и} \\ \text{книгу, журнал, ..., книги} \end{array} \right.$

уз—Управление как формальная связь между словами, соотнесенными с синтагматическими классами: связь, которая устанавливается между формальной принадлежностью слова *читаю* как члена синтагматического класса и формальной принадлежностью слова *книгу* также как члена синтагматического класса²⁰, т. е. связь, при которой:

парадигма <i>B</i>	управляет	парадигмой <i>Г</i>
$\left\{ \begin{array}{l} \text{ю, , ет, ..., \phi} \\ \text{читаю, читает, ..., весел} \end{array} \right.$		$\left\{ \begin{array}{l} \text{у, \phi, ..., и} \\ \text{книгу, журнал, ..., книги} \\ \text{что он идет домой} \end{array} \right.$

Отметим, что парадигмы *A* и *B*, *B* и *Г* должны строиться не тождественными друг другу, потому что они являются манифестациями различных классов (*A* и *B*—парадигматических, *B* и *Г*—синтагматических). Составы классов *A* и *B*, *B* и *Г*, конечно, могут пересекаться, но какое-то несовпадение, несомненно, должно существовать: в противном случае окажется, что *A* и *B*, *B* и *Г* попарно дублируют друг друга, а это значит, что синтагматика и парадигматика при конструировании классов фактически совпадают²¹.

уз—Управление как формальная связь между словами, одно из которых (например, *читаю*) рассматривается как конкретное слово, а второе—как член парадигматического класса²². Это—связь, при которой:

формальная принадлежность слова <i>читаю</i>	управляет	парадигмой <i>B</i>
---	-----------	---------------------

у₄ — Управление как формальная связь между словами, одно из которых (например, *читаю*) рассматривается как конкретное слово, а второе — как член синтагматического класса²³. Это связь, при которой

¹⁹ Ср. с привычными формулировками: «форманты глагола управляют формантами существительного», «форма глагола управляет формой имени» и т. п.

²⁰ Ср. с привычными формулировками: «форманты сказуемого управляют формантами дополнения», «сказуемое по форме управляет дополнением» и т. п.

²¹ Очевидно, что эти рассуждения справедливы для частного случая, когда вся парадигматическая система состоит только из двух классов *A* и *B*, а вся синтагматическая система — из двух классов *B* и *Г*. В более общем случае, по-видимому, может оказаться, что, например, *A=B*, *B=Г*. Но это возможно только тогда, когда наряду с *A* и *B* существует в системе парадигматический класс *Д*, а наряду с *B* и *Г* — синтагматический класс *Е*, такой, что *Д≠Е*. Таким образом, строго говоря, для отличия синтагматической системы от парадигматической необходимо различие составов не всех классов, а минимум двух. Но так как *A*, *B*, *B* и *Г*, рассматриваемые в нашей теории,— это любые классы любых систем, то, не умаляя общности, можно считать, что в любой системе найдутся классы, для которых рассуждения о нетождественности их состава окажутся справедливыми.

²² Ср. с общепотребительным: «Окончание слова *читаю* управляет формантами существительных».

²³ Ср.: «Окончание слова *читаю* управляет окончанием дополнения».

формальная принадлежность управляет парадигмой *Г*
слова *читаю*

y_5 —Управление как формальная связь между словами, одно из которых (например, *читаю*) рассматривается как представитель парадигматического класса, а второе — как представитель синтагматического класса²⁴. Это связь, при которой:

парадигма *A* управляет парадигмой *Г*

y_6 —Управление как формально-смысловая связь между словами в единстве их форм и значений, соотнесенными с парадигматическими классами²⁵.

y_7 —Управление как формально-смысловая связь между словами, в единстве их форм и значений, соотнесенными с синтагматическими классами²⁶.

y_8 —Управление как формально-смысловая связь между словами, одно из которых (например, *читаю*) рассматривается как конкретное слово в единстве формы и значения, а второе—соотнесено с парадигматическим классом (также в единстве формы и значения)²⁷.

y_9 —Управление как формально-смысловая связь между словами, одно из которых (например, *читаю*) рассматривается как конкретное слово в единстве формы и значения, а второе — соотнесено с синтагматическим классом (также в единстве формы и значения)²⁸.

y_{10} —Управление как формально-смысловая связь между словами, одно из которых (например, *читаю*) рассматривается как представитель парадигматического класса, а второе—как представитель синтагматического класса²⁹.

Возвращаясь к списку значений, в которых, как мы писали на стр. 89, употребляется термин «управление» в лингвистике, можно отметить еще два возможных типа анализа интересующего нас словосочетания:

y_{11} —Управление как формальная связь между формальной принадлежностью слова *читаю* и формальной принадлежностью слова *книгу*³⁰.

y_{12} —Управление как формально-смысловая связь между словом *читаю* и словом *книгу* в единстве их форм и значений³¹.

Итого мы получили 12 видов определения связи между двумя элементами словосочетания, которые могут соотноситься в лингвистике с термином «управление».

б. Все эти определения являются конкретными реализациями определений, приведенных нами на стр. 89. Запишем перечисленные нами определения в терминах типов связей и соотнесем их с определениями, приведенными выше. Результат можно изобразить с помощью такой таблицы (табл. 3).

²⁴ Ср. «Окончание глагола управляет окончанием дополнения».

²⁵ Примером такой связи является, скажем, связь, эксплицируемая определением: «Глагол (по форме и по смыслу) управляет существительным».

²⁶ Ср. «Сказуемое (по форме и по смыслу) управляет дополнением».

²⁷ Ср. «Слово *читаю* (по форме и по смыслу) управляет существительным в винительном падеже».

²⁸ Ср. «Слово *читаю* (по форме и по смыслу) управляет прямым дополнением».

²⁹ Ср. «Глагол (по форме и смыслу) управляет прямым дополнением».

³⁰ Ср. «Форма слова *читаю* формально управляет формой слова *книгу*», «Слово *читаю* по форме управляет словом *книгу*».

³¹ Ср. «Слово *читаю* управляет (по форме и по. смыслу) словом *книгу*».

Таблица 3

Символ связи ¹	Символ реализации этой связи ²	Символ типа связи
<i>a</i>	y_{12}	$1C_s1$
<i>б</i>	y_3 y_3	$1C_s22$ $1C_s21$
<i>в</i>	y_6 y_7 y_{10}	$22C_s22$ $21C_s21$ $22C_s21$
<i>г</i>	y_{11}	$1C_\phi1$
<i>д</i>	y_3 y_4	$1C_\phi22$ $1C_\phi21$
<i>e</i>	y_1 y_2 y_5	$22C_\phi22$ $21C_\phi21$ $22C_\phi21$

¹ Описывается на стр. 89.

² Описывается на стр. 91—93.

§ 2. «Управление» в нашем понимании

1. В предыдущем параграфе мы зарегистрировали четыре различных значения термина «управление», которые живут на страницах лингвистических работ,— типы $1C_s1$, $1C_\phi1$, $1C_\phi22$, $21C_\phi21$.

Подобрать примеры реализации остальных восьми типов также не составляет труда. Достаточно напомнить уже рассмотренные выше высказывания об управлении М. И. Ломоносова (тип $21C_s21$), Н. И. Греча (тип $22C_\phi22$), Е. В. Кротевича (тип $1C_s22$), М. Д. Лесник ($22C_s22$) и т. д. Другими словами, утверждение о том, что термин «управление» в лингвистике употребляется неоднозначно, теперь, по-видимому, ни у кого сомнения вызвать не может.

Расплывчатость термина «управление» обусловливается, во-первых, тем, что управление понимается то как формальная, то как формально-смысловая связь, и, во-вторых, тем, что оно соотносится то с элементами парадигматических, то с элементами синтагматических систем.

2. Поскольку употребление одного и того же термина для обозначения различных явлений ведет к нивелированию различий между самими явлениями, а это служит причиной ошибок и противоречий в лингвистической теории, мы считаем необходимым сохранить название «управление» только за одним из описанных типов связи. Поэтому далее мы будем применять термин «управление» только по отношению к типам связей $1C_\phi1$, $1C_\phi22$, $22C_\phi22$ ³², т. е. только по отношению к

³² Мы считаем возможным сохранить одно и то же название за этими тремя типами связей, поскольку различие в этих типах можно однозначно зафиксировать, не прибегая к изменению названия связи, но только отмечая тип элементов, между которыми фиксируется связь: управление формальной принадлежностью слова *читаю*, управление формальной принадлежностью глагола и т. п.

формальным синтагматическим связям между формальными принадлежностями слов, рассматриваемых либо как конкретные слова, либо¹ как представители парадигматических классов.

Управление в значении формальной синтагматической связи между формальными принадлежностями слов, рассматриваемых как представители синтагматических классов, мы заменим термином «детерминация», а управление в смысле формально-смысловой связи между словами, рассматриваемыми как представители синтагматических классов,— термином «синтаксическое требование» (или просто «требование»).

Таким образом, мы будем говорить, что «глагол (его формальная принадлежность) управляет существительным (например, его формальной принадлежностью, представленной формантами винительного падежа)», но что «сказуемое требует дополнения» или что «формальная принадлежность сказуемого детерминирует формальную принадлежность дополнения»³³.

3. СИСТЕМА ТЕРМИНОВ

§ 1. Валентность и управление: план языка и план речи

1. При построении теории связей и исследовании употребления различных терминов, могущих иметь отношение к этой теории, нельзя пройти мимо термина «валентность»³⁴. Посмотрим, как этот термин соотносится с термином «управление».

2. Говоря «элемент *A* имеет валентность на элемент *B*», мы описываем явления, относящиеся к плану языка, т. е. под термином «валентность» понимается способность некоторого элемента сочетаться в синтагматической цепи с другим элементом. В отличие от этого, когда мы переходим к плану речи, мы говорим не о валентности, но о е е р е а л и з а ц и и в синтагматической цепи³⁵.

3. Говоря, что «элемент *A* управляет элементом *B*», мы описываем явления, относящиеся к плану речи. Соответственно в плане языка мы должны говорить о том, что «элемент *A* имеет способность к управлению элементом *B*» (или «*A* потенциально управляет *B*»).

³³ Еще больше уточняя значение термина «управление» и сужая сферу его употребления, можно указать, какая именно формальная связь (зависящая от смысловой или нет) имеется в виду в данной работе. Тогда можно будет, например, сформулировать, что термин «управление» относится только к типам связей *1Сфн1*, *1Сфц22*, *22Сфн22*, но не к типам связей *1Сфз1*, *1Сфз22*, *22Сфз22* (или наоборот).

³⁴ Термин «валентность» введен в лингвистическое употребление А. Райхлингом и впервые использован в статье Грута «Структурная лингвистика и классы слов» [325. 437]; см. об этом в работе Ван-Вика «Северный Суто» [425. 239]. В лингвистической литературе на русском языке термин «валентность» впервые употреблен в работе С. Д. Кацнельсона «О грамматической категории» [97. 132]: «Полновесное вещественное слово в каждом языке не есть слово вообще, а слово с конкретными синтаксическими потенциями, позволяющими употребить его лишь строго определенным образом, пред-указанным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать синтаксической валентностью».

³⁵ Этот факт, например, отражен у Бринкмана [279]: имея в виду потенциальные явления, автор говорит о валентности, а переходя к описанию их реализации в плане речи, он пользуется термином «позиция (die Stelle)». Ср. также: «Валентность определяется нами как потенциальная сочетаемость однородных элементов языка. Валентности характеризуют свойства различных единиц кода (языка), тогда как реализованные валентности или связи принадлежат сообщению (речи)» [73. 133—134].

4. Следовательно, при построении теории связей мы должны выделять два ряда терминов — соответственно для плана языка и плана речи и только после этого переходить к описанию конкретного материала. Например, мы можем предложить такие два ряда терминов:

План языка	План речи
1. <i>A</i> имеет валентность на <i>B</i>	<i>A</i> реализует имеющуюся у него валентность на <i>B</i>
2. <i>A</i> потенциально управляет <i>B</i>	<i>A</i> управляет <i>B</i>

5. Что происходит, если эти два ряда терминов не фиксируются в теории? Отражается это на практической работе или нет? В качестве примера возьмем работу Ю. Д. Апресяна «О сильном и слабом управлении» [14]. Ю. Д. Апресян ставит три задачи, при решении которых, по его мнению, необходимо иметь четкое понимание терминов «сильное и слабое управление»: «1) обоснование классификации второстепенных членов предложения; 2) решение ряда вопросов теории словосочетания, особенно вопроса о продуктивных способах образования словосочетаний одних типов от словосочетаний других типов; 3) автоматический синтаксический анализ текста. В словаре основ, составляемом для целей такого анализа, для каждой сильно управляющей основы должно быть указано, какими формами она может управлять» (14.32]. Далее Ю. Д. Апресян, анализируя различные определения понятий сильного и слабого управления у Е. Куриловича, А. М. Пешковского и Л. Н. Иорданской, которые, как ему кажется, имеют отношение к решению перечисленных им задач, говорит о несостоятельности указанных определений и необходимости построения новых определений понятий «сильного и слабого управления», основанных на учете статистических характеристик текста.

Проанализируем вопросы, поставленные Ю. Д. Апресяном, с точки зрения дихотомии «язык—речь». Для этого сопоставим каждой из задач, предложенных Ю. Д. Апресяном, соответственно следующие три задачи: 1¹) опознавание принадлежности того или иного слова в предложении к определенному классу системы членов предложения; 2¹) решение вопроса о том, какие из способов образования словосочетаний и в какой мере реализуются в речи; 3¹) алгоритмы автоматического анализа текста на основании словаря основ, в котором для каждой сильно управляющей основы указано, какими формами она может управлять.

Очевидно, что обе серии задач как бы дополняют друг друга: одна серия (задачи Ю. Д. Апресяна) имеет дело с фактами плана языка (потенциальными явлениями), вторая серия (наши задачи)—с фактами плана речи (явлениями, реализуемыми в речи).

Теперь если мы рассмотрим с точки зрения дихотомии «язык — речь» критикуемые Ю. Д. Апресяном определения понятий сильного и слабого управления у Е. Куриловича, А. М. Пешковского и Л. Н. Иорданской, то увидим, что каждый из этих авторов изучает явления речи (управление одних слов другими в плане речи) и на основании фактов речи делает выводы о законах языка (по типу: «если слово *L* управляет словом *B*, то значит, оно и может управлять им»). При этом Е. Курилович и А. М. Пешковский решают проблему «глазами управляемого слова», а Л. Н. Иорданская — «глазами управляющего слова». Так, например, А. М. Пешковский, исходя из позиции зависимого слова, говорит о том, что слабо управляемые элементы способны обособляться, а для сильно управляемых форм это не характерно. Л. Н. Иорданская

подходит к вопросу управления со стороны управляющего слова; под сильным управлением она понимает свойство некоторых основ с достаточно большой вероятностью предсказывать одну или несколько форм зависящего от них слова. Таким образом, в одной работе ставится вопрос о том, что такое «быть управляемым», а в другой — что такое «быть управляющим».

Естественно, что в плане речи, откуда черпается исследователями материал, это—две разные проблемы и решаться они должны отдельно для управляющего и отдельно для управляемого слова; алгоритмы распознавания управляющих и управляемых слов не обязательно должны использовать одни и те же факты. Но в плане языка обе проблемы трансформируются в одну: если слово *A* способно управлять словом *B*, то слово *B* способно управляться словом *A*; если слово *B* способно управляться словом *A*, то слово *A* способно управлять словом *B*.

Таким образом, если исследователь захочет решить третью задачу Ю. Д. Апресяна, то для него окажется безразличным, на основании каких фактов речи («глазами управляющего» или «глазами управляемого») можно будет ее решить, т. е. узнать, какими способностями к управлению располагают элементы, включаемые им в словарь основ. Вопрос «может или не может глагол *X* управлять существительным *У*» будет казаться ему первоочередным. Наоборот, вопрос «как узнать о том, что глагол *X* может управлять существительным *У*», не обязательно будет для него существенным.

Аналогично обстоит дело и с вопросом об обосновании классификации второстепенных членов предложения: решая этот вопрос в плане языка, нельзя не указать, какие члены предложения считаются управляемыми, какие — управляющими, какие — сильно управляемыми, а какие—слабо управляемыми. Но отвечать на вопрос: «как мы узнали об этом» — вовсе не обязательно. Таким образом, для решения задач, поставленных Ю. Д. Апресяном, определения Е. Куриловича, А. М. Пешковского и Л. Н. Иорданской действительно мало что дают. Но их неэффективность объясняется вовсе не тем, что эти определения плохие или нечеткие, а тем, что они сформулированы с учетом применимости для решения совсем не тех задач, о которых говорит Ю. Д. Апресян.

Нацеленные на план речи, эти определения могут, например, послужить для решения тех задач, которые были сформулированы нами. Так, приступая к решению задач, поставленных нами в плане речи, мы можем, например, воспользоваться советом А. М. Пешковского и, исходя из свойств управляемых элементов, без обращения к свойствам управляющих элементов, построить алгоритм опознавания второстепенных членов предложения или алгоритм опознавания сильно управляемых слов и т. д. Но можем мы поступить и по-другому: сформулировав правила распознавания управляемых элементов на основании информации, регистрируемой у управляющего элемента, мы можем составить алгоритм, оперирующий, например, фактами, аналогичными тем, которые приведены у Л. Н. Иорданской.

§ 2. Синтагматическая связь (план языка и план речи)

1. Все, что выше говорилось о терминах «валентность» и «управление» в плане дихотомии «язык — речь», относится к термину «синтагматическая связь». Можно говорить либо о «связи между *A* и *B*» (план речи), либо о «способности *A* и *B* к связи друг с другом» (план языка),

2. Этот вывод согласуется с тезисом о том, что классы слов также-следует рассматривать в двух планах: в плане языка и в плане речи. Таким образом, мы получаем два ряда явлений, относящихся как к системам связей, так и к системам элементов, между которыми устанавливаются связи. Следовательно, список связей, приведенный на стр. 82, может быть соотнесен с оппозицией «язык—речь» простым удвоением его элементов. Но так как в число связей, приведенных в этом списке, входят и связи между конкретными словами, то, стремясь к единообразию, мы можем также постулировать и для каждого конкретного слова необходимость его соотнесенности с планом языка и планом речи.

Это означает, что в исходное определение слова мы должны ввести тезис о том, что для каждого слова, употребляемого в плане речи, резервируется его языковой дубликат. Например, мы можем условиться, что *читаю* — слово плана языка, а 'читаю' — слово плана речи. Аналогично мы можем поступить и с терминами классов. В результате система членов предложения как система плана языка будет формироваться, например, из «курсивных» слов, а система членов предложения как система плана речи — из «простых» слов.

§ 3. Соотношение между терминами

1. Сопоставляя термины «реализация валентности», «управление» и «синтагматическая связь», можно поставить вопрос о том, сходны или различны по ориентации явления, обозначаемые этими терминами. В соответствии с нашими интуитивными предположениями мы можем отметить следующее.

Термин «синтагматическая связь» обозначает двусторонне направленное бинарное отношение (если *A* связано с *B*, то *B* связано с *A*); в отличие от связи реализации валентности и управление—это односторонне направленные бинарные отношения (если *A* управляет *B*, то *B* управляется *A*, но не *B* управляет *A*; если *A* реализует валентность на *B*, то *B* вовлекается в реализацию валентности *A*, но не *B* реализует валентность на *A*).

В соответствии с этим можно предположить также, что при любой синтагматической связи «*A* реализует валентность на *B* и *B* реализует валентность на *A*». Поэтому констатация равноправия участия двух элементов в некотором отношении может быть зафиксирована посредством термина «синтагматическая связь», а констатация неравноправия — термином «реализация валентности».

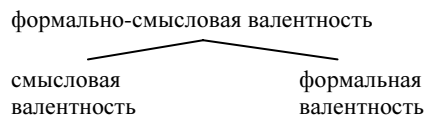
Другими словами, можно противопоставить термины «синтагматическая связь» и «реализация валентности» в отношении направленности, т. е. выделить реализацию валентности как одностороннюю синтагматическую связь, и на основании этого приписать реализации валентности все те характеристики, которые мы считаем релевантными для связи. Так, мы можем выделить формально-смысловую (назовем ее иначе „синтаксической“), формальную и смысловую валентности у слова *A* на слово *B*: формально-смысловой валентностью слова *A* на слово *B* будет потенциальное одностороннее отношение между словами *A* и *B*, не членимыми на форму и значение; смысловой валентностью³⁶ —

³⁶ Термины «смысловая» и «формальная» валентность для обозначения явлений, описываемых в этом разделе работы, подсказаны автору проф. С. Д. Кацнельсоном.

потенциальное одностороннее отношение между значениями слов *A* и *B*; формальной валентностью—потенциальное одностороннее отношение между формами слов *A* и *B*.

Используя указанные соотношения, можно сконструировать дуал «формально-смысловая валентность» (см. схему 3), аналогичный дуалу «формально-смысловая связь», который был нами уже построен выше.

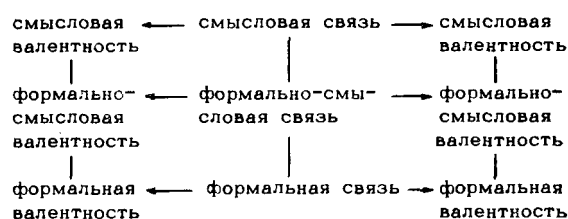
Схема 3

Сравнивая связь и валентность и принимая во внимание приведенные выше конструкции, можно сказать, что формально-смысловая связь складывается из двух реализаций формально-смысловых валентностей, формальная связь — из двух реализаций формальных валентностей и, наконец, смысловая связь—из двух реализаций смысловых валентностей.

Символически этот результат можно представить в таком виде:

Схема 4

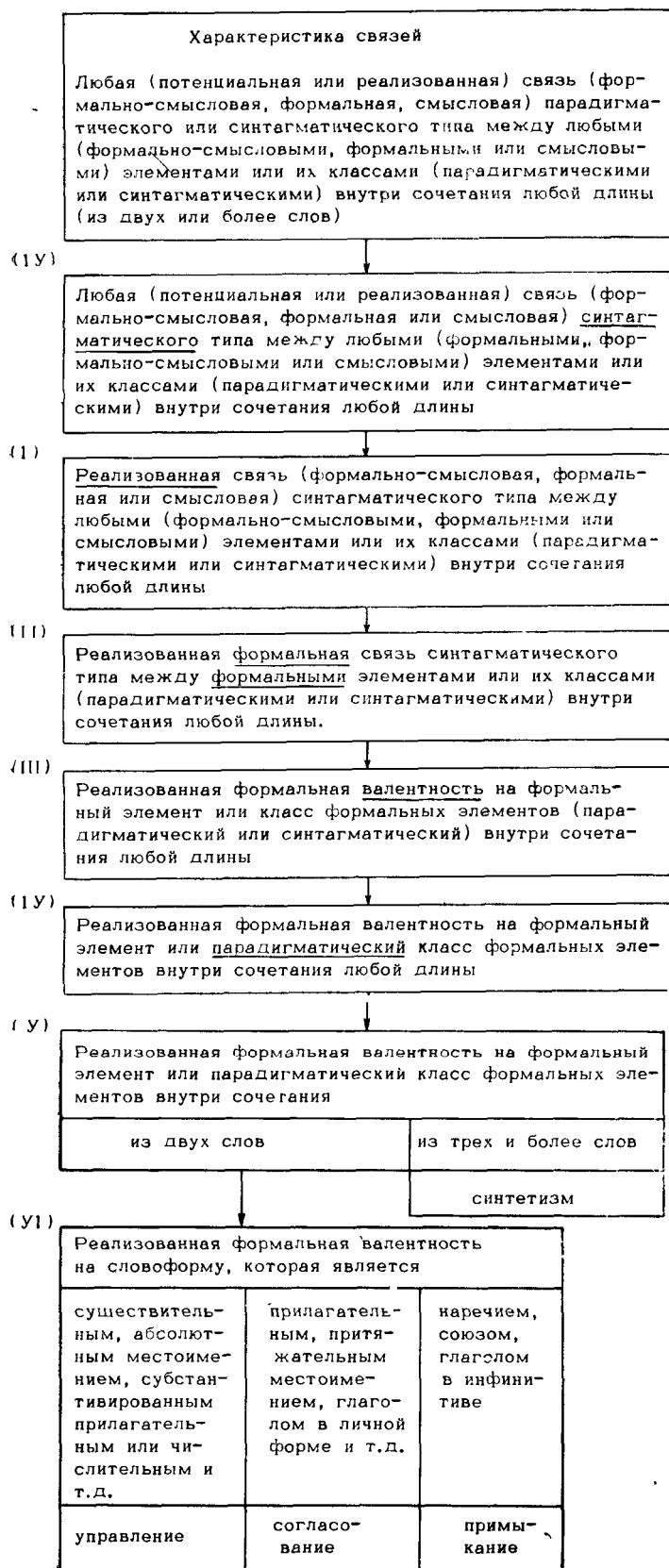

2. Выше мы перечисляли различные типы синтагматических связей: например, синтагматическую связь между двумя конкретными словами, между двумя словами как членами предложения и т. д.

Аналогично можно говорить и о реализациях валентности: например, о реализации формально-смысловой валентности одного конкретного слова на другое конкретное слово, одного члена предложения на другой член предложения и т. п. (т. е. каждая из 30 синтагматических связей, перечисленных на стр. 82, может быть представлена как совокупность соответствующих двух реализации валентности).

3. Вернемся к вопросу о том, как соотносятся между собой термины «управление» и «валентность». Выше (стр. 95) термин «управление» мы условились употреблять по отношению к формальным синтагматическим связям между формальными принадлежностями двух конкретных слов и слов, рассматриваемых как представители парадигматических классов, а поскольку с термином «формальная валентность» мы связали понятие односторонней формальной связи, то из этого можно заключить, что под управлением мы фактически понимаем один из типов реализации формальной валентности.

4. Для характеристики этого типа реализации формальной валентности составим схему соотношения явлений, обозначенных терминами «валентность» и «управление» (схема 5).

Односторонние независимые³⁷ синтагматические связи

I. Формально-смысловая валентность <i>A</i> на <i>B</i> , где: 1) <i>A</i> и <i>B</i> —конкретные слова	II. Смысловая валентность <i>Л</i> на <i>B</i> , где: <i>A</i> и <i>B</i> — значения конкретных слов	III. Формальная валентность <i>A</i> на <i>B</i> , где: <i>A</i> и <i>B</i> — формы конкретных слов
2) <i>A</i> и <i>B</i> —слова как представители парадигматического класса (<i>ПК</i>)	<i>A</i> и <i>B</i> — значения слов как представителей <i>ПК</i>	<i>A</i> и <i>B</i> —формы слов как представителей <i>ПК</i>
3) <i>A</i> и <i>B</i> —слова как представители синтагматического класса (<i>СК</i>)	<i>A</i> и <i>B</i> — значения слов как представителей <i>СК</i>	<i>A</i> и <i>B</i> —формы слов как представителей <i>СК</i>
4) <i>A</i> —конкретное слово, <i>B</i> —представитель парадигматического класса (<i>ПК</i>)	<i>A</i> — значение конкретного слова, <i>B</i> —значение слова как представителя <i>ПК</i>	<i>A</i> —форма конкретного слова, <i>B</i> —форма слова как представителя <i>ПК</i>
5) <i>A</i> —конкретное слово, <i>B</i> —представитель синтагматического класса (<i>СК</i>)	<i>A</i> — значение конкретного слова, <i>B</i> —значение слова как представителя <i>СК</i>	<i>A</i> —форма конкретного слова, <i>B</i> —форма слова как представителя <i>СК</i>
6) <i>A</i> — представитель парадигматического класса (<i>ПК</i>), <i>B</i> — представитель синтагматического класса (<i>СК</i>)	<i>A</i> —значение слова как представителя <i>ПК</i> , <i>B</i> —значение слова как представителя <i>СК</i>	<i>A</i> —форма слова как представителя <i>ПК</i> , <i>B</i> —форма слова как представителя <i>СК</i>

Отмечая, что приведенная схема позволяет четко определить соотношение валентности и управления, сформулируем этот результат в явном виде: управление—это реализация потенциального управления, которое может быть определено как один из частных случаев 111(1), 111(2) или 111(4) формальной валентности.

§ 4. Схема рассуждений

1. Рассуждения, проведенные в главах I, II, III, позволили нам сформулировать определение понятия «управление» как дериват от определений, которые были приняты за исходные. Подводя итоги, остается представить в некоторой компактной форме все те шаги, с помощью которых мы смогли перейти от исходных определений к дериватам.

2. Используем для этой цели оппозиции, которые нас интересовали в процессе построения описания исследуемых терминов:

I. Потенциальность—существование.

II. Форма—значение.

III. Двусторонняя направленность—односторонняя направленность

IV. Синтагматика—парадигматика.

V. Количество связываемых элементов: два элемента—больше чем два элемента.

VI. Тип формантов, участвующих в связи: форманты имен и не-имен, глаголов и не-глаголов и т. д.

С помощью перечисленных оппозиций представим результат образования деривационных определений (см. схему 6).

³⁷ «Независимые» — термин, посредством которого мы обозначаем то, что система смысловых связей не зависит от системы формальных связей, и наоборот. Вся система синтагматических связей состоит из пяти подсистем: 1) формально-смысловые связи (6 связей), 2) смысловые независимые связи (6 связей), 3) смысловые зависимые связи (6 связей), 4) формальные независимые связи (6 связей), 5) формальные зависимые связи (6 связей).

Глава IV

СИНТАГМАТИКА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ЕГО ДЕФИНИЦИИ

§ 1. Принцип параллелизма

1. Попробуем встать в метапозицию по отношению к собственным исследованиям.

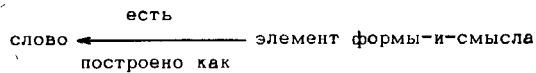
Мы начали со слова. «Слово—это формально-смысловый элемент»,—сказали мы, и постулировали, что тем самым определили понятие о слове через понятие о формально-смысловом элементе. Другими словами, мы как бы выделили две системы объектов и затем постулировали наличие взаимного одно-однозначного соответствия между элементами обеих систем (схема 1).

Схема 1

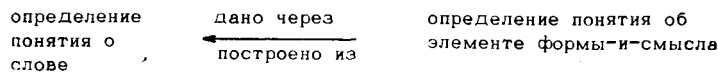
Кроме того, между элементами первой системы мы установили некоторое отношение (слово—это формально-смысловый элемент, т. е. слово есть элемент формы-и-смысла, или слово может быть построено как элемент формы-и-смысла) (схема 2).

Схема 2

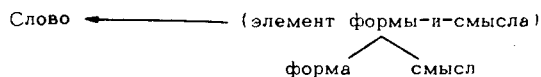
Установленное отношение из плана первой системы мы перенесли в план второй системы, сказав, что определение понятия о слове дано через определение понятия об элементе формы-и-смысла (схема 3).

Схема 3

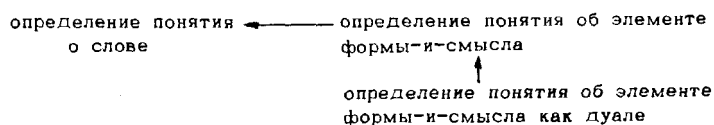
После этого мы перешли к конструированию элемента формы-и-смысла и задали его в виде дуала (схема 4).

Схема 4

Автоматически это повлекло вывод о том, что элемент формы-и- смысла был определен нами как дуал (схема 5).

Схема 5

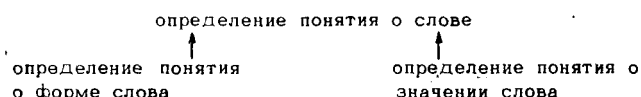
Затем на основании того, что элемент формы-и-смысла мы сконструировали из двух компонентов (схема 4), и того, что слово строилось нами как объект, тождественный элементу формы-и-смысла (схема 2), мы нашли возможным „разломить“ на две части и слово. Одну половинку мы назвали «формой слова», а вторую — «значением слова» (схема 6).

Схема 6

На следующем шаге мы отметили, что свели определение понятия о слове к определениям понятий о форме слова и его значении (схема 7).

Схема 7

2. Прodelывая указанную процедуру, нельзя не заметить параллелизма между миром лингвистических объектов и миром определений понятий о них (ср. схемы 1, 2 и 3, 4 и 5, 6 и 7). Получается, что мы, во-первых, дублируем все элементы первой системы и, во-вторых, переводим во вторую систему все связи, которые фиксируем в первой системе. В результате мы приходим к двум системам, которые тождественны друг другу по соотношению связей и несвязей между их элементами. При этом не сохраняется ни тип элементов (например, *A* переходит в определение понятия об *L*), ни тип операций, на основании которых устанавливаются связи в обеих системах (например, операция «*X* синтезируется из *У*» преобразуется в операцию «*X* выводится из *У*»).

3. Эти результаты натолкнули нас на мысль о том, что отмеченный параллелизм — явление не случайное. Поэтому мы его решили использовать на практике. Мы рассуждали так.

При работе со словом мы шли от системы 1 к системе 2 (т. е. от объекта к определению понятия о нем) и, фиксируя каждый шаг, смогли построить цепочку определений, «параллельную» цепочке объектов. Иначе говоря, в работе со словом мы как бы перешли от схемы 1 к схемам 2 и 3, затем — к схеме 4 и 5 и т. д.

Но может быть, можно перестроить процедуру? Сначала работать с определениями, затем — с объектами. Так, например, начав со схемы 2, можно затем перейти к схемам 4 и 6, после этого — к схемам 7,

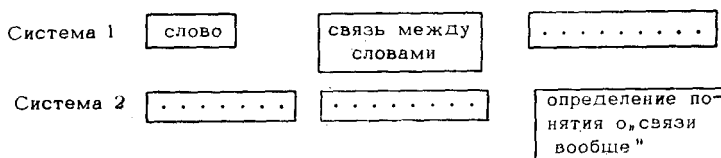
5, 3 и „замкнуть круг" схемой 1. Можно поступить и по-другому: начав со схемы 7, обратиться к 5, 3, 1, 2, 4, 6. Такое построение соответствовало бы следующим рассуждениям: взяв некоторое определение (7), можно найти определения, из которых оно вытекает (5, 3), затем на основании постулата о параллелизме (1) сконструировать объект (2), соответствующий исходному определению (3), и от него перейти к конструктивным объектам (4, 6), которые будут выступать как реализация (*p*) соответствующих определений: 4-*p* (5), 6-*p* (7).

Высказав предположение о возможности различных перестроек процедуры работы с объектами и их определениями, мы далее рассуждали так.

Допустим, с самого начала нам были заданы некоторые строго фиксированные объекты—слова и, кроме того, указано некоторое определение понятия о „связи вообще". Поставлена задача: на основании этих данных построить конструктивный объект—связь, который был бы таким, чтобы его определение не противоречило (с точки зрения здравого смысла) заданному определению понятия о связи вообще.

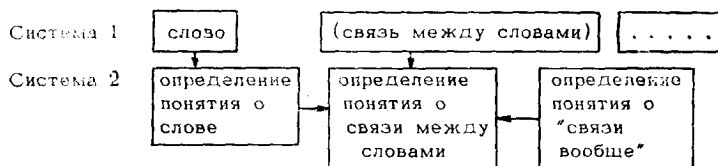
Графически условия нашей задачи можно изобразить так (схема 8):

Схема 8

Анализируя условие данной задачи, мы предположили, что ее решение можно будет построить, если удастся заполнить пробелы необходимыми данными в соответствии, например, с такой схемой (см-схему 9):

Схема 9

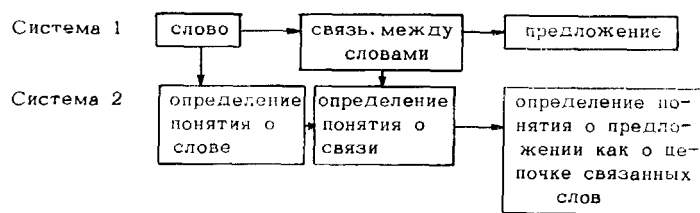

Другими словами, на основании имеющегося у нас определения понятия о связи вообще и определения понятия о слове, которое мы могли построить, располагая объектом — словом, мы должны были бы сконструировать определение понятия о связи между словами и после этого постулировать существование конструктивного объекта «связь между словами», определение понятия о котором совпадало бы с тем, которое мы только что построили.

4. Поставив задачу о связи, мы перешли к предложению. Очевидно, что при наличии слова и связи такой конструктивный объект, как предложение, построить нетрудно: так можно, например, постулировать, что предложением является любая совокупность слов, между которыми есть связи. В этом случае в качестве определения понятия о предложении следовало бы принять формулировку: «Предложение —

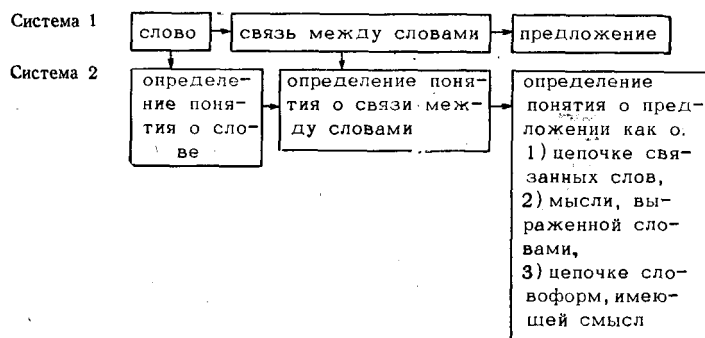
это цепочка связанных слов». Таким образом, можно было бы построить две системы следующего типа (см. схему 10).

Схема 10

Однако наличие в лингвистике еще двух определений («Предложение—это мысль, выраженная словами», «Предложение—это цепочка словоформ, имеющая смысл») заставило нас заняться вопросом о единственности (неединственности) объекта, соответствующего всем указанным определениям (т. е. о единственности предложения как конструктивного объекта, построенного на основании трех различных определений). Постулировав единственность интересующего нас объекта, мы рассмотрели три указанных определения как определения одного и того же объекта, данные с разных сторон, и на основании этого предположили, что все три определения должны не противоречить нашим исходным определениям слова и связи (схема 11).

Схема 11

Приняв такое допущение, мы должны были, во-первых, проверить, не противоречат ли определения 2 и 3 исходным определениям слова и связи между словами, и, во-вторых, выяснить, чем эти определения отличаются друг от друга и от определения 1: установление такого элемента „отличия" позволило бы нам ввести его и определения понятия о слове и о связи между словами и, перекonstrуировав их, обратиться к слову, связи между словами и предложению как элементам первой системы. „Перекроив" эти элементы в соответствии с указанными определениями, мы получили бы в итоге новые конструктивные объекты — слово, связь между словами и предложение. Очевидно, что полученное таким путем предложение и было бы тем конструктивным объектом, определение понятия о котором можно было бы зафиксировать посредством всех трех определений, сформулированных выше.

Во Введении указанную работу мы проделали только частично: выяснили, что условие выводимости определения 3 из исходных определений слова и связи не требует перестройки исходных объектов (слова и связи). После этого мы должны были бы, в принципе, заняться определением 2, но прежде чем переходить к окончательному выяснению вопроса о том, что такое предложение как конструктивный объект, формируемый нашей теорией, мы сочли необходимым более подробно остановиться на характеристике таких объектов, как слово и связь. В соответствии с этим целью наших исследований, представленных в главах I—III, было сопоставление исходных объектов нашей конструкции с исходными объектами конструкций, которые создавались другими лингвистами.

Анализируя сходства и различия определений понятий об интересующих нас объектах, мы тем самым фиксировали сходство и различия самих объектов, и наоборот: беря за основу анализа различные объекты, мы показывали, какие определения им можно сопоставить и какие следствия из этих определений можно вывести. В этом случае мы шли от аксиом к следствиям. Кроме того нас интересовал и обратный путь: от следствий к аксиомам. Поэтому на основании того или иного определения-следствия мы строили конструктивный объект, соответствующий этому определению, и затем полученный объект сопоставляли с каким-то другим объектом (например, с исходным объектом наших конструкций либо с исходным объектом конструкций какого-то другого исследователя).

Таким образом, мы как бы „ввели в оборот" наши конструктивные объекты и показали, при каких обстоятельствах они являются копиями с объектов наших предшественников, а при каких обстоятельствах отличаются от них. Тем самым мы как бы продемонстрировали 'функционирование элементов, которые были созданы как продукт описанной выше процедуры параллелизма объектов и определений.

§ 2. Теория системных определений

1. Во Введении мы писали, что объекты, исследуемые при работе с языком, можно разбить на два класса: языковые и лингвистические. Соответственно два класса можно выделить и среди определений: 1) языковые определения (определения понятий о языковых элементах); 2) лингвистические определения (определения понятий о лингвистических элементах).

2. Приступая к работе с языковыми и лингвистическими элементами, можно поставить вопрос об их упорядочении. Например, в качестве критерия упорядочения языковых элементов можно выбрать их классификацию по вхождению некоторых формальных компонентов (букв) в словоформы или классификацию по вхождению некоторых смысловых компонентов (лексем) в значения слов.

Упорядочение по формальным компонентам можно назвать формальным упорядочением, упорядочение по смысловым компонентам — смысловым. При этом можно отметить, что предпосылкой формального упорядочения языковых элементов является то, что их формальные стороны „разбираются" на элементарные формальные фигуры (например, буквы), предпосылкой смыслового упорядочения—то, что их смысловые стороны разбираются на элементарные смысловые фи-

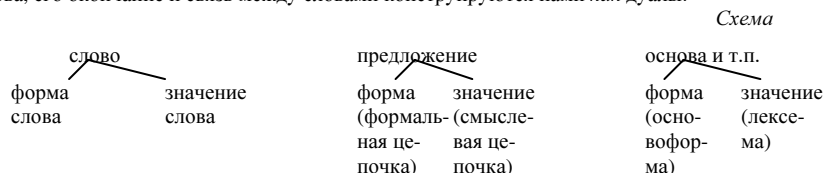
гуры¹. К аналогичным выводам можно прийти и в отношении лингвистических элементов².

Очевидно, что для работы с языковыми и лингвистическими элементами необходимо располагать описанием методов и целей работы (например, описанием методов и принципов упорядочения) и, значит, надо иметь в наличии некоторую теорию процедур над языковыми и лингвистическими элементами (например, теорию построения словарей различного типа: толковых, понятийных, орфографических, двуязычных).

3. Вопрос об упорядочении можно поставить также тогда, когда мы приступаем к работе с определениями. Какие типы упорядочения можно выделить здесь?

По-видимому, упорядочения определений строятся по принципу параллелизма тем или иным языковым и лингвистическим классификациям. Например, упорядочение определений лингвистических элементов в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо (М., 1960) построено по принципу параллелизма формальной классификации лингвистических элементов и их определений: в начале каждой статьи стоит лингвистический элемент, за ним следует определение понятия о нем; статьи упорядочены по формальному признаку (лингвистические элементы расположены в алфавитном порядке). Упорядочение определений лингвистических элементов в нашей работе построено по

¹ Остановимся на этом тезисе более подробно. Выше мы показали, что слово, предложение, основа слова, его окончание и связь между словами конструируются нами как дуалы:

Кроме того, было отмечено, что предложение состоит из слов, а слова — из основ и окончаний, т. е. большой дуал (предложение) можно собрать из меньших дуалов (слов), а эти дуалы, в свою очередь — еще из меньших дуалов (основ, окончаний). А из чего следует компоновать основы и окончания? Тоже из дуалов? По-видимому, да. Однако на каком-то этапе оказывается, что дуал приходится собирать из элементов, дуалами не являющихся. Эти элементы мы вслед за Л. Ельмслевым называем фигурами. Фигуры бывают двух типов: формальные и смысловые. Таким образом, самый маленький дуал можно собрать из формальных и смысловых фигур, а так как большой дуал — совокупность меньших, то и большой дуал можно построить как совокупность тех же формальных и смысловых фигур и т. д., до самого большого дуала. Ср.: «...язык должен быть удобным в обращении, практичным в усвоении и употреблении. При условии неограниченного числа знаков это достигается тем, что все знаки строятся из незнаком, число которых ограничено, и предпочтительно строго ограничено. Такие незнакомы, входящие в знаковую систему как часть знаков, мы назовем фигурами... Таким образом, язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи. Следовательно, имеются все основания предполагать, что в указанной черте — построении знака из ограниченного числа фигур — обнаруживается наиболее существенная черта в структуре любого языка» [66. 305].

² Последнее подтверждается практикой составления словарей. Так, орфографические словари можно рассматривать как упорядоченные системы языковых и лингвистических элементов, построенные в виде формального упорядочения словоформ по принципу алфавитного вхождения букв. Понятийные словари — это также упорядоченные системы языковых и лингвистических элементов. Но принцип упорядочения здесь выбран другой: систематизация в понятийных словарях осуществляется фактически на основании учета смысловых фигур, на которые можно разобрать систематизируемые элементы.

принципу параллелизма двух процедур: процедуры построения лингвистических элементов и процедуры построения определений этих элементов.

Таким образом, чтобы работать с языковыми и лингвистическими определениями, мы также должны располагать описанием методов и принципов работы. Другими словами, у нас должна быть не только теория процедур над элементами, но также теория процедур над определениями этих элементов, например теория построения системы определений, элементы которой находятся в том или ином фиксированном отношении.

4. Следовательно, для работы с языком должна существовать теория, описывающая методы и принципы обращения со всеми четырьмя типами элементов (языковыми объектами, языковыми определениями, лингвистическими объектами, лингвистическими определениями).

Вернемся к Введению. Там говорилось о делении теории на языковую и лингвистическую. Уточняя это деление, можно сказать, что языковая теория — это теория языковых элементов и их определений, а лингвистическая теория — это теория лингвистических элементов и их определений. Аналогично можно уточнить и понятия, относящиеся к классификации метатеорий.

5. Используя эти уточнения, определим тип теории, фрагмент которой строится в данной книге под названием «теории системных определений». Под теорией системных определений мы понимаем теорию определений понятий о лингвистических элементах, в основе которой лежит принцип параллелизма элементов и их определений и методом построения которой является вывод деривационных определений из исходных.

6. Для чего нам потребовалась теория системных определений?

Во-первых, для того, чтобы с ее помощью получить процедуру построения всех лингвистических элементов в виде конструкторов, аналогичных тем, функционирование которых исследовалось выше. Эту задачу мы называем чисто теоретической.

Во-вторых, для того, чтобы с помощью конструктивных элементов и их определений попытаться смоделировать механизм перехода от одного понятия к другому. Этот механизм, по нашему мнению, осуществляется в человеческом мышлении и может быть принят в качестве аналога мышления автомата (например, при создании „интеллектуального партнера" лингвиста). Эту задачу мы относим к числу прикладных.

7. Любую теорию можно оценивать в трех аспектах. Во-первых, можно говорить о противоречивости или непротиворечивости 'всей конструкции по отношению к аксиомам, лежащим в ее основе; во-вторых, о пригодности или непригодности теории для решения каких-то задач и, наконец, в-третьих, об удачности или неудачности (например, с точки зрения здравого смысла) избранных аксиом.

При построении теории системных определений мы исходили из теоретической и прикладной задач, указанных выше, и стремились, чтобы система была внутренне непротиворечивой. При этом мы не задумывались над тем, соответствуют ли аксиомы, послужившие основанием нашей конструкции, тем требованиям, которые согласуются с какими-то общепринятыми мнениями.

Выше мы показали, что основой нашего метода при создании лингвистической теории является принцип параллелизма исследуемых объектов и определений понятий о них. Хорош этот принцип или плох? Согласуется он с общепринятой точкой зрения (если таковая существу-

ет) или нет? Нам представляется, что независимо от ответа на эти вопросы, важно совсем другое: работает или нет указанная теория на те цели, о которых мы писали выше.

§ 3. Синтагматика и парадигматика речевой деятельности

1. Во Введении мы поставили задачу: определить с позиций нашей теории термин «предложение» и построить конструктивный объект, который можно было бы рассматривать как реализацию этого определения. В качестве исходных данных нами были выбраны три определения термина '«предложение», существующие в лингвистике. Отметив различия в этих определениях, мы занялись анализом явлений, которые, как нам казалось, могли послужить ключом для разгадки сущности зафиксированных нами различий. С этой целью мы исследовали определения, понятий связи, сформулированные лингвистами.

Наш интерес к понятию связи объяснить нетрудно: достаточно напомнить, что два из исследуемых нами определений термина «предложение» сформулированы как дериваты от определения понятия о связи.

Теперь мы продолжим построение конструктивного объекта «предложение», такого, чтобы все три интересующих нас определения можно было рассматривать как определение понятия об этом конструкте.

2. При исследовании связей мы принимали их деление на синтагматические и парадигматические. С тех же позиций мы рассматривали и классы слов. Всего нам удалось установить 120 типов связей, в терминах которых можно осуществить запись любого сочетания из двух элементов, которые являются конкретными словами или терминами классов слов. 60 типов связей нами были выделены в группу синтагматических связей, остальные 60 типов связей мы отнесли к парадигматическим.

Если любое бинарное сочетание слов или терминов классов слов, между которыми есть синтагматическая связь, считать синтагматической цепочкой, то, интерпретируя результаты предыдущего анализа, можно сказать, что при описании синтагматических цепочек в нашей теории может идти речь о 60 (и только) типах последовательностей, реализующих 60 типов установленных выше синтагматических связей.

3. Термином «предложение» обычно называют синтагматические цепочки (ср. определение, данное выше: синтагматика может быть противопоставлена парадигматике как то, что упорядочено во времени, тому, что не упорядочено во времени). Следуя этой традиции, мы также попытаемся построить определение понятия о предложении через определение понятия о синтагматических цепочках, т. е. через определение понятия о синтагматических связях.

4. Определение «Предложение—это цепочка связанных слов» показывает, что предложение как объект, характеризуемый данным определением, не является неким, неделимым элементом. Наоборот, можно сказать, что предложение — это совокупность элементов (слов и связей) и, значит, его можно рассматривать как результат некоторой процедуры, примененной к отдельным элементам. Из этого следует, что должен существовать механизм, порождающий эту процедуру... И действительно, такой механизм существует: в процессе речевой деятельности человек порождает предложения, которые можно охарактеризовать посредством интересующих нас определений, т. е. речевую

деятельность человека можно рассматривать как механизм, который порождает интересующие нас объекты.

При этом можно зафиксировать две „части" речевой деятельности: ввод некоторых данных и вывод. Ввод фиксируется посредством процесса восприятия, вывод—посредством процесса порождения. И значит, процесс говорения можно определить как процесс речевой деятельности, объединяющий восприятие одних данных и порождение других данных.

Какие результаты процесса говорения известны лингвистам? Предложение, сконструированное индивидом; предложение, повторенное индивидом; предложение, переведенное индивидом с одного языка на другой язык, и тому подобные синтагматические цепочки. Являются ли результатом процесса говорения какие-либо парадигматические совокупности? Конечно. Парадигма, сконструированная индивидом; парадигма, повторенная индивидом; парадигма из одного языка, соответствующая какой-то парадигме из другого языка, и т. д.

Следовательно, процесс говорения можно описать как по отношению к синтагматическим цепочкам, являющимся его результатом, так и по отношению к парадигматическим цепочкам, и, значит, при описании процесса говорения можно выделить два аспекта: синтагматический и парадигматический, или, как мы будем говорить, — синтагматику и парадигматику процесса говорения.

Аналогично можно зафиксировать синтагматику и парадигматику процессов восприятия и порождения и, значит, синтагматику и парадигматику процессов речевой деятельности.

Итак, под процессами речевой деятельности мы будем понимать такие процессы, как восприятие, порождение и говорение. Термином «синтагматика речевой деятельности» мы будем называть тот аспект процессов речевой деятельности, который связан с синтагматическими цепочками. Соответственно о парадигматике речевой деятельности мы будем говорить в тех случаях, когда будем рассматривать аспект процессов речевой деятельности, апеллирующий к парадигматическим совокупностям.

6. Для чего нам понадобилась эта терминология?

Выше мы писали, что наша цель—построить конструктивный объект «предложение». Прежде всего мы установили, что этот объект можно определить как продукт речевой деятельности. Затем мы предположили, что, проанализировав требования, предъявляемые синтагматикой речевой деятельности к элементам, которые вводятся в нее или из нее выводятся, мы сможем сформулировать свойства, которыми должны обладать элементы, пригодные для участия в процедурах речевой деятельности. Тем самым мы опишем свойства, которыми должен обладать и наш конструктивный объект «предложение» (если, конечно, мы хотим, чтобы он мог быть использован „на входе" или „на выходе" речевой деятельности).

При этом нужно отметить следующее. Факт множественности процессов речевой деятельности может дать повод исследователю рассматривать каждый из них в отдельности. Став на такую точку зрения, мы должны были бы для объяснения одного процесса строить один механизм, для объяснения второго процесса — второй механизм и т. д. Такой путь нам показался невыгодным, и мы решили построить свое описание иначе. Предположив, что процессы восприятия, порождения и говорения—это различные модификации одного и того же процесса— процесса речевой деятельности, мы поставили своей задачей показать, при каких условиях эта гипотеза представляется разумной и дает возможность построить некоторый — один — механизм, легко модифицируемый

то в механизм порождения, то в механизм восприятия, то в механизм говорения.

7. Какую методiku построения конструктивного объекта «предложение» мы применяем в этой главе? Аналогичную той, на которой мы основывали свои предыдущие построения и в соответствии с которой пользовались принципом параллелизма лингвистических элементов и их определений.

Мы показали, что определение «Предложение—это цепочка связанных слов» позволяет рассматривать предложение как продукт речевой деятельности. Затем мы отметили, что определения «Предложение—это мысль, выраженная словами» и «Предложение—это цепочка словоформ, имеющая смысл» должны 'быть' определениями одного и того же продукта речевой деятельности. На основании этого мы решили, что объект, определяемый как «мысль, выраженная словами», и объект, определяемый как «цепочка словоформ, имеющая смысл», можно сконструировать как элемент, принимающий участие в процессах речевой деятельности. Поэтому возник вопрос: как надо определить процессы речевой деятельности, чтобы элемент, участвующий в этих процессах, являлся бы объектом, который можно определить и как «мысль, выраженную словами», и как «цепочку словоформ, имеющую смысл».

Таковы те рассуждения, на основании которых проводилось исследование, описанное ниже.

§ 4. Определение понятия о предложении через понятия о процессах речевой деятельности

1. Посмотрим, чем определения «Предложение—это цепочка словоформ, имеющая смысл» и «Предложение—это мысль, выраженная словами» отличаются друг от друга.

Возьмем какое-либо предложение на русском языке, например: Я (1) люблю (2) *ego* (3). В соответствии с первым определением можно сказать, что перед нами цепочка из трех словоформ, имеющая смысл. Переведем это предложение на язык зулу, т. е. сохраняя смысл, передадим его по-другому: *Ngimthanda* (1+2+3). Мы получили «цепочку» из одной словоформы на языке зулу, имеющую тот же смысл, что и цепочка из трех словоформ на русском языке³. Очевидно, что зулусская цепочка словоформ не похожа на русскую. Какое общее основание сравнения можно найти у этих цепочек, если рассматривать их как цепочки формальных элементов, за которыми не стоит смысл? По-видимому, никакого.

³ Вопрос о том, как узнать, что *Я люблю ego* является переводом *Ngimthanda*, не обсуждается. Формулировка «*Л* является переводом *5*» понимается так: 'предполагается, что у *A* и *B* есть некий смысловой инвариант и сущность процесса перевода состоит в том, чтобы передать этот смысловой инвариант с помощью средств различных языков. Следовательно, наш анализ проводится так, как если бы было предварительно зафиксировано: «Дано, что *Я люблю ego* перевод *Ngimthanda*; дано, что мысль, стоящая за *Я люблю ego* и *Ngimthanda*, — одна и та же. На основании этого 'посмотрим...»'. Естественно, что не каждый может согласиться с таким подходом: можно предположить существование индивида, здравый смысл которого восстанет и против того, что *Я люблю ego* перевод *Ngimthanda*, и против того, что в процессе перевода что-либо сохраняется, и против того, что за *Я люблю ego* стоит какая-то мысль, и т. д. и т. п. Конечно, все это совершенно естественно. Но мы считаем, что вопросы такого рода никакого отношения к данной книге не имеют: аксиоматика, положенная в ее основу, не обязательно должна прийтись по вкусу любому читателю. И если чей-то здравый смысл будет возмущен, разве не вправе он создать другую конструкцию, основанную на другой системе взглядов?

2. Обратимся к определению: «Предложение—это мысль, выраженная словами». Его можно расшифровать двояко:

1) предложение—это мысль, выраженная словами—словесно, вербально, а не, например, посредством пантомимы, музыкального произведения, картины и т. п.;

2) предложение—это мысль, выраженная вербально посредством определенных единиц вербального плана—слов.

Другими словами, предложение в первом понимании—это мысль, выраженная посредством любых единиц речевой деятельности (букв, слов, цепочек), а предложение во втором понимании—это мысль, выраженная посредством некоторых определенных единиц речевой деятельности — слов.

3. Обратимся снова к нашим предложениям. *Я люблю его*,—это мысль, выраженная словами. *Ngimthanda*—это тоже мысль (причем— та же самая мысль), выраженная словами.

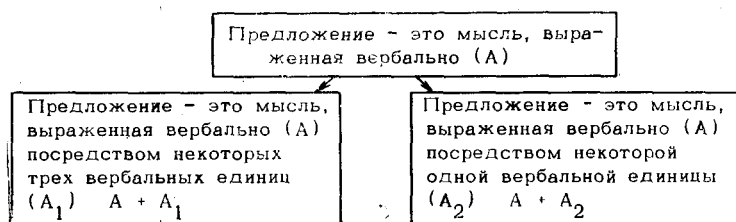
В каком смысле—первом или втором—мы пользуемся термином «предложение», когда утверждаем, что одно предложение является переводом другого?

Допустим, что во втором. Тогда *Я люблю его*—«мысль, выраженная тремя словами» (определение 1), а *Ngimthanda*—«мысль, выраженная одним словом» (определение 2). Тожественны друг другу определения 1 и 2? Нет. Значит (в силу принципа параллелизма), и объекты, характеризуемые определением 1 и определением 2, не тождественны друг другу.

Вернемся к первой расшифровке интересующего нас определения. В соответствии с ней: *Я люблю его*—«мысль, выраженная вербально» (определение 3), и *Ngimthanda*—«мысль, выраженная вербально» (определение 4). Тожественны друг другу определения 3 и 4? Да. Значит, и объекты, характеризуемые определением 3 и определением 4, тождественны друг другу.

Таким образом, сравнивая *Я люблю его* и *Ngimthanda*, мы можем воспользоваться, первой расшифровкой термина «предложение» для установления их тождества и второй расшифровкой—для установления их отличия: сначала мы как бы фиксируем, что *Я люблю его* и *Ngimthanda* тождественны друг другу (передают одну и ту же мысль, передают ее вербально), а затем указываем на различия в способах передачи (три слова, одно слово). Переноса связи между элементами этой процедуры на связи между определениями, фиксирующими ее этапы, мы получаем упорядочение определений (схема 12).

Схема 12

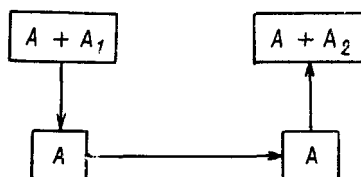

4. Теперь можно перейти к процессу перевода одного и того же предложения с одного языка на другой и на основании принципа параллелизма построить определение понятия о данном процессе.

При процессе перевода предложений мы как будто проходим два этапа: 1) сравниваем мысли, выраженные вербально, независимо от

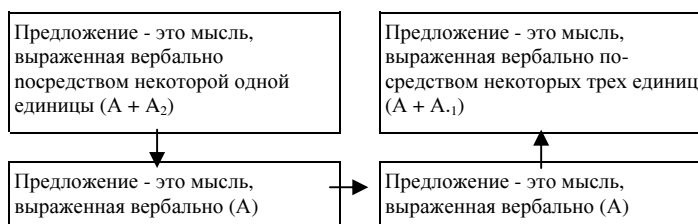
того, какими конкретными вербальными единицами они переданы;
 2) определяем, какими именно вербальными единицами они выражены в каждом конкретном языке. Упорядочивая фрагменты этих этапов во времени в соответствии с нашим представлением о ходе процесса перевода, получаем схему:

Схема 13

Тогда на основании принципа параллелизма определение понятия о процессе перевода предложений с языка на язык можно изобразить в виде схемы 14 (допущение W).

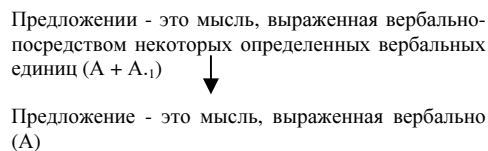
Схема 14

§ 5. Соотношение дефиниций при описании различных процессов речевой деятельности

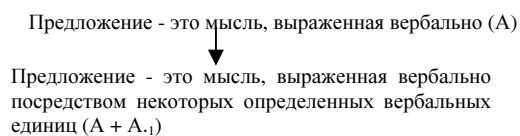
1. Определение понятия о процессе восприятия предложения можно изобразить в виде схемы 15:

Схема 15

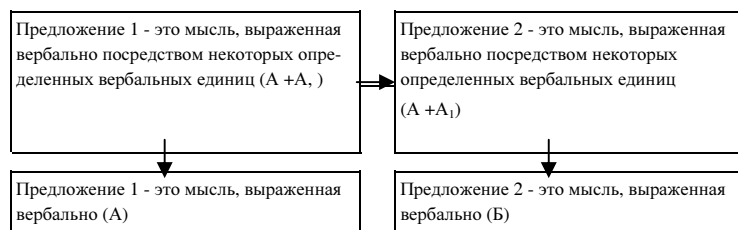
2. Определение понятия о процессе порождения того же предложения можно представить в виде схемы 16:

Схема 16

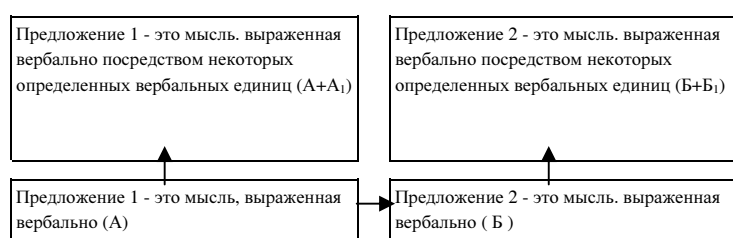
3. Соответственно определение понятия о процессе восприятия двух предложений на одном и том же языке можно представить в виде схемы 17:

Схема 17

Определение понятия о процессе порождения двух предложений на одном и том же языке можно изобразить в виде схемы 18:

Схема 18

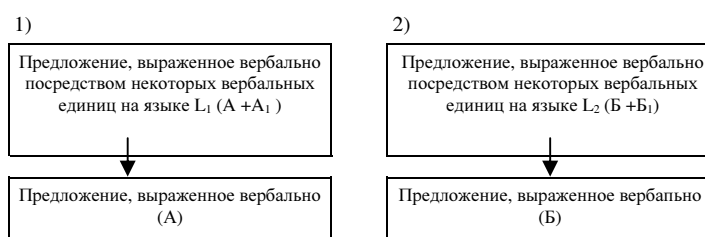
Переноса эти схемы на основании принципа параллелизма на мир объектов, мы можем трактовать их так: в первом случае мы «сначала слышим (первый ярус), а затем осознаем услышанное (второй ярус)», а во втором случае—мы «сначала думаем (второй ярус), а потом говорим (первый ярус)».

Следствием процесса восприятия является замыкание A и B ($A \rightarrow B$) через средство замыкания $(A+A_1)$ и $(B+B_1)$: «слушая собеседника, мы связываем мысли между собой через средство связности элементов речевого потока».

Следствием процесса порождения можно считать замыкание $(A + +A_1)$ и $(B+B_1)$ через средство замыкания A и B : «говоря, мы связываем предложения в соответствии с мысленными связями».

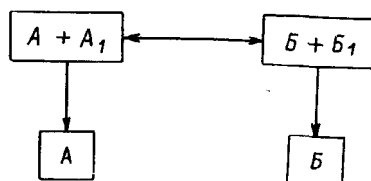
4. Возвратимся снова ,к схеме перевода. Составляя схему 13, мы имели в виду определение понятия о переводе одного и того же предложения с языка на язык. Поставим теперь вопрос о том, какова схема определения понятия о сопоставлении предложений, которые не являются переводом друг друга (см. схему 19).

Схема 19

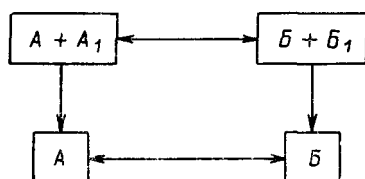
Сопоставляя два предложения, мы, по-видимому, проводим такую связь (см. схему 20).

Схема 20

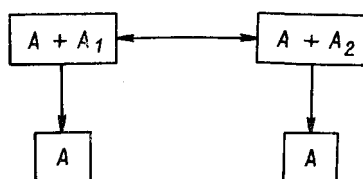
«Читаем предложение, написанное на L_1 ($A+A_1$), осмысливаем его (A), затем читаем предложение на L_2 , ($Б+Б_1$), осмысливаем его ($Б$) и, наконец, сопоставляем A и $Б$ » (это выражается в том, что мы исследуем, является ли одно предложение переводом второго или нет, и затем констатируем, что не является). Таким образом, мы устанавливаем еще одну связь (схема 21).

Схема 21

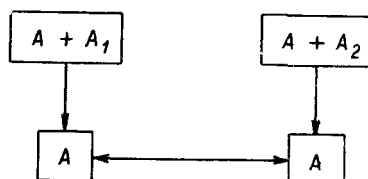
Возвращаясь к схеме перевода (см. схему 13) и рассматривая перевод как задачу, решение которой основано на сравнении различных предложений, мы можем отметить, что указанная нами выше схема перевода не совсем правильно отражает суть вещей: мы можем «сравнивать смыслы между собой только после того, как услышим (сравним) их вербальные формы» ($A+A_1 \leftrightarrow A+A_2$). Следовательно, мы сначала как бы решаем задачу:

Схема 22

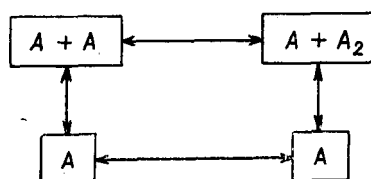
а затем переходим к решению задачи о сравнении смыслов в блоке $A \leftrightarrow A$:

Схема 23

Сравнив смыслы в блоке $A \leftrightarrow A$ и признав их тождественность, мы можем затем возвратиться к задаче о том, какими вербальными единицами выражается эта тождественность в обоих случаях (схема 24);

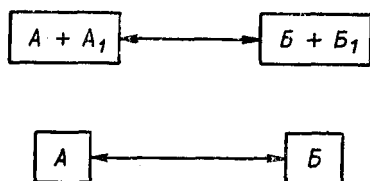
Схема 24

Таким образом, наше исходное допущение (Т) было неверным. Вместо него мы должны принять допущение о том, что при сравнении двух предложений на разных языках мы пользуемся определением, соответствующим процессу, изображенному на схеме 24.

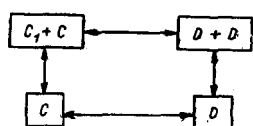
5. Выше был рассмотрен вариант, когда два предложения на разных языках являются переводом одия другого. Но мы должны предусмотреть и такую возможность, когда два предложения не являются переводом один другого:

Схема 25

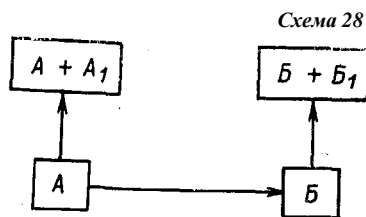
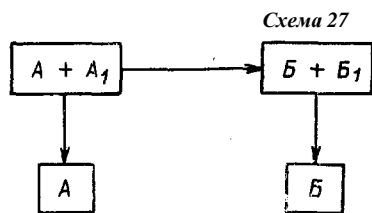
Сравнение схем 24 и 25 показывает, что равенство элементов (A, A) в схеме 24 и их неравенство (A, B) в схеме 25 можно рассматривать как частные случаи (как результат операции сравнения двух элементов) по отношению к случаю:

Схема 26

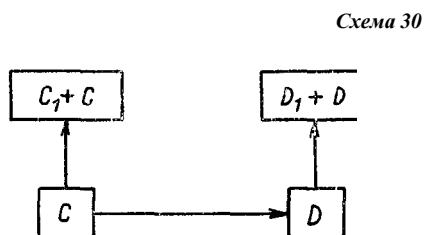
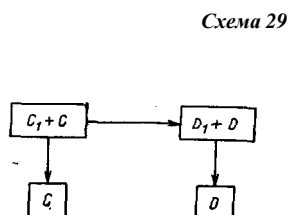

где нам неизвестно, равны или нет C и D . На основании этого мы можем сказать, что при сравнении любых двух предложений на двух разных языках мы пользуемся схемой 26.

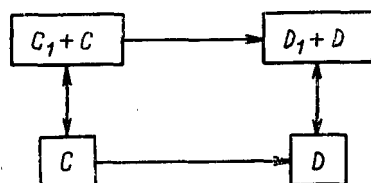
6. Возвратимся к схемам определений понятий о процессах порождения и восприятия и построим схемы процессов, соответствующие схемам определений 17 и 18 (схемы 27 и 28):

В частных случаях A и B могут быть равны друг другу (когда в процессе восприятия мы «слышим подряд два одних и тех же предложения» или в процессе порождения «повторяем дважды одно и то же предложение»), т. е. мы можем и здесь говорить о случаях, при которых неизвестно, равны A и B или нет (схемы 29 и 30):

7. Попробуем объединить схемы 29 и 30 в одну схему (наложив обе схемы друг на друга):

Сравнивая схемы 31 и 26, мы видим, что схему 31 можно представить как частный случай схемы 26. Таким образом, схемы восприятия, порождения предложений на одном и том же языке, перевода одного и того же предложения на разные языки и сравнения предложений на разных языках можно представить как различные варианты одной и той же схемы 26. Другими словами, описанные процессы восприятия, порождения, сравнения и перевода предложений можно представить как результат различных комбинаций из одних и тех же элементов схем. Следовательно, моделируя любой из этих процессов, мы должны располагать одними и теми же исходными данными и только менять алгоритмы их упорядочения.

§ 6. Проблема формы и значения при дефиниции предложений

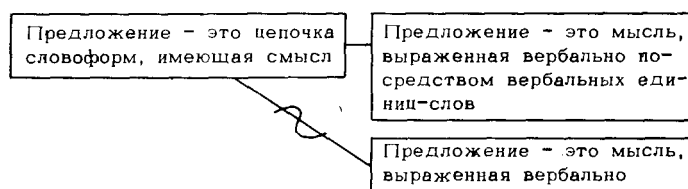
1. Итак, определение «Предложение—мысль, выраженная вербально» как бы фиксирует тождество двух предложений, которые являются переводами один другого. Наоборот, определение «Предложение—

мысль, выраженная посредством особых вербальных единиц—слов» фиксирует отличие двух таких предложений. Таким образом, когда говорят о возможности перевода предложений с одного языка на другой язык, имеют в виду первое определение предложений (говорят о равенстве, эквивалентности, тождественности предложений). Когда говорят об осуществлении перевода с одного языка на другой язык, переходят ко второму определению предложений (говорят о сохранении семантического инварианта и, следовательно, подразумевают несохранение семантического неинварианта, за которым стоит констатация различий двух предложений).

2. Перейдем к определению «Предложение — это цепочка словоформ, имеющая смысл». С каким определением (первым или вторым) его можно соотнести? Мы полагаем, что со вторым.

Следовательно, если мы принимаем за основу своей теории аксиому «Предложение—это цепочка словоформ, имеющая смысл», то мы можем в процессе построения своей теории, „перевернув" эту аксиому, заменить ее аксиомой «Предложение—это мысль, выраженная вербально посредством указанных вербальных единиц»; однако мы не можем заменить указанную аксиому аксиомой «Предложение — это мысль, выраженная вербально», не предупредив при этом читателя о неравнообъемности понятий, подвергаемых замене (схема 32).

Схема 32

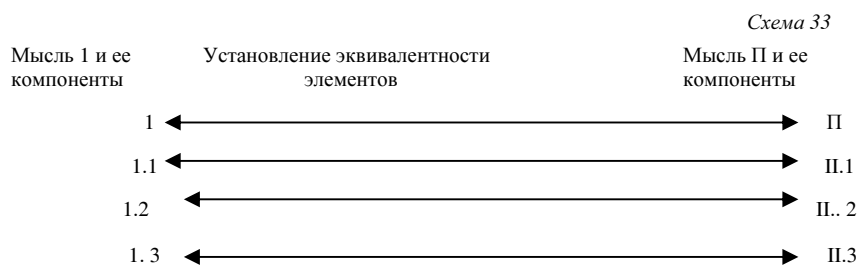
3. Для дальнейших построений нам необходимо ввести еще одну аксиому о структуре мысли, выраженной в предложении. При этом мы можем исходить из двух предпосылок: 1) любое предложение соответствует мельчайшей единице смысла и, значит, никакое предложение нельзя разложить на какие-либо компоненты, равные целым единицам смысла; 2) предложения соответствуют совокупности смысловых единиц и их можно разложить на компоненты, которые равны целым единицам смысла.

Допустим, мы исходим из второй предпосылки, т. е. мы принимаем, что мысль можно разложить на компоненты⁴. Что это дает для дальнейших построений?

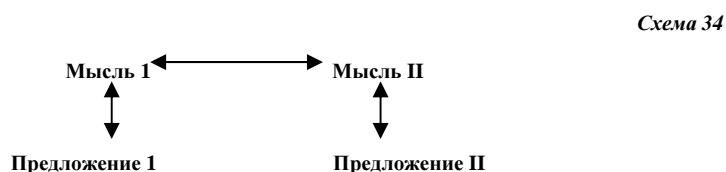
⁴ Если исходить из первой предпосылки, то 'придется признать, что в каждом языке есть столько „мельчайших единиц смысла", сколько в нем может быть предложений. Совокупность предложений любого живого языка, по-видимому, является открытым множеством. Поэтому и совокупность „мельчайших единиц смысла" в живом языке также должна рассматриваться как открытое множество. И значит, в этом случае невозможно построить конечный список элементов, из которых складывается смысл текста. Тем более невозможно установить операции перехода от элементарных смыслов к смыслу текста (не выяснив, к чему применяются искомые операции, нельзя узнать, какими они должны быть). Таким образом, описание процессов порождения, восприятия и перевода текста в терминах элементарных смысловых составляющих становится неразрешимой задачей, и мы можем думать только о характеристике каждого отрезка текста: теория интересующих нас процессов сводится к теории механической регистрации результатов этих процессов. Следовательно, проблема поиска теории процессов речевой деятельности в этом случае просто снимается.

Выделив компоненты мысли и установив между ними соотношения, мы можем изобразить мысль, передаваемую в данном предложении, через посредство смысловой структуры. А так как предложение — это мысль, выраженная вербально, но не обязательно с помощью таких единиц, как слова (см. определение 1 яа стр. 112), то и каждый компонент мысли не обязательно соизмерим со словом: он может быть частью слова, совокупностью слов, совокупностью элементов, каждый из которых является частью слова и т. п. Сопоставляя в этом случае между собой две мысли, мы должны смотреть, на какие компоненты они разлагаются: если смысловые структуры обеих мыслей одинаковы, то мы можем считать, что перед нами одна и та же мысль; если смысловые структуры различны, то мы можем утверждать, что мысли разные.

Установив тождество двух мыслей по смысловой структуре, мы можем перейти к поиску единиц, посредством которых выражаются смысловые компоненты, и в качестве этих единиц избрать слова: сравнив два предложения (в понимании определения 1), мы можем начать рассматривать каждое предложение, понимая его теперь в смысле определения 2. Так, признав, что мысль I *Ngimthanda* эквивалентна мысли II *Я люблю его* (смысловые структуры *Ngimthanda* и *Я люблю его* одинаковы: количество смысловых компонентов, их „качество“, связи между ними в обоих предложениях одни и те же), мы можем воспользоваться определением! и в соответствии с ним построить такую схему (схема 33):

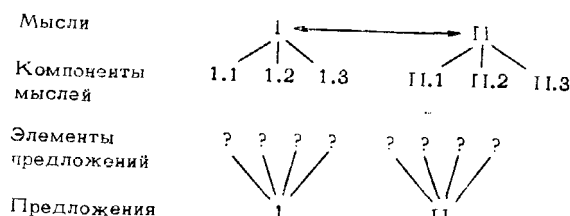
Утверждая затем, что одна и та же мысль выражена посредством двух различных предложений *Ngimthanda* и *Я люблю его*, мы устанавливаем такие соотношения (здесь слово «предложение» употреблено все еще в смысле определения 1) (схема 34):

Далее в соответствии с определением 1 мы должны рассуждать так: нам известно, что мысль, во-первых, состоит из компонентов, во-вторых, выражена предложением.

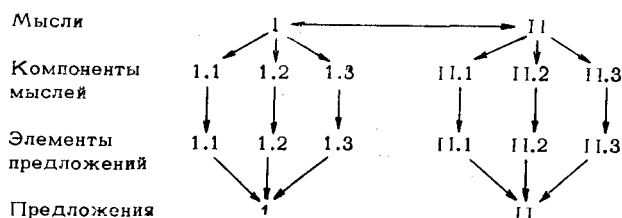
Предположим, что не только мысль, но и предложение можно расчленить на некоторые элементы. Что это за элементы? (см. схему 35):

Схема 35

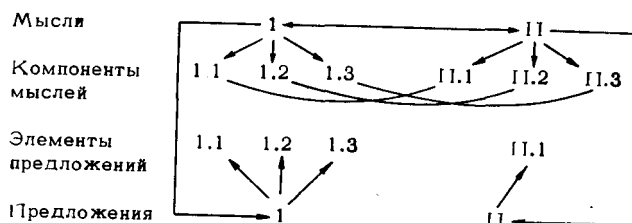
Ставя вопрос о соотношении компонентов мысли и элементов предложения, можно допустить, что каждый один элемент предложения передает один компонент мысли (схема 36):

Схема 36

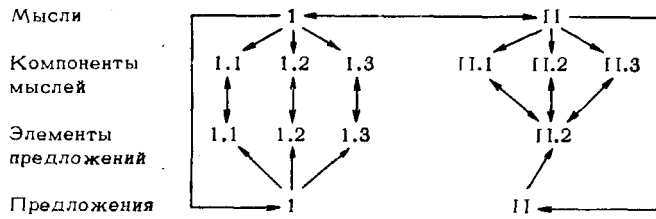
Но можно принять и другое решение: установив соотношения между компонентами мысли, выраженной посредством некоторого предложения (в смысле определения 1—см. схему 36), можно перейти затем к определению предложения в смысле 2 и в качестве его элементов рассматривать слова независимо от того, передает ли каждое слово один целый компонент мысли, какую-то его часть или несколько частей (схема 37):

Схема 37

Соотношение между компонентами мысли и элементами предложения можно изобразить посредством следующей схемы (схема 38):

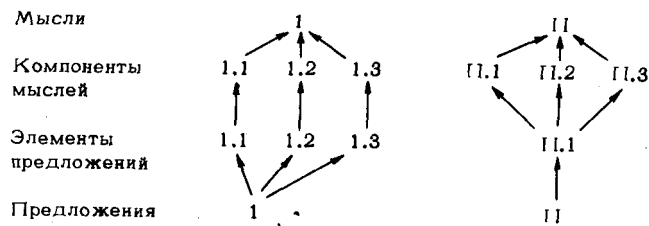
Схема 38

Рассматривая предложение *Я люблю его* и сравнивая схемы его анализа (36 и 38), можно предположить, что результаты сопоставления компонентов мысли и элементов предложения в обоих случаях одинаковы: безразлично, идти ли от элементов предложения к компонентам мысли, которые за ними стоят, или наоборот. Но обращаясь к предложению *Ngimthanda* и сравнивая схемы его анализа 36 и 38, нельзя не заметить ошибочность этого последнего предположения: если идти от элементов предложения к компонентам мысли (схема 38), то перед нами случай взаимного одно-многочленного соответствия; если идти от компонентов мысли к их выражению посредством элементов предложения (схема 36), то мы имеем дело со случаем взаимного одно-однозначного соответствия.

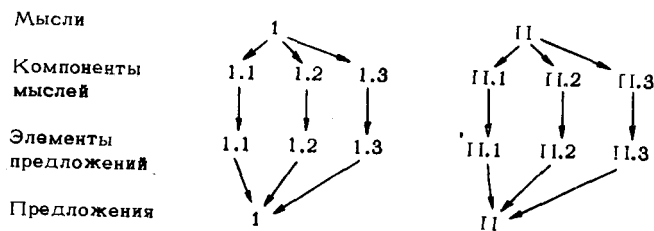
Переходя к интерпретации полученных результатов и соотнося схемы 36 и 38 с данными нашего опыта, можно отметить, что при восприятии предложений, видя предложение, мы раскладываем его на формальные элементы и сопоставляем им смысловые компоненты, которые за ними стоят (схема 39)

Схема 39

а при порождении предложений мы, оперируя со смысловыми компонентами, сопоставляем им элементы предложения, посредством которых они оформляются (схема 40).

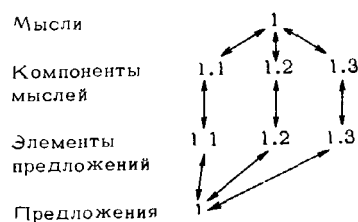
Схема 40

Таким образом, если предположить наличие единого агрегата восприятия — порождения, схемы 39 и 40 пришлось бы объединить в одной схеме—41. Какой вид имела бы эта схема?

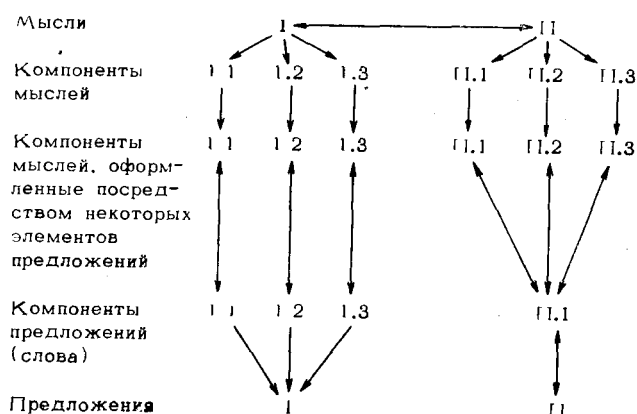
Рассматривая левые части схем 39 и 40, можно было бы предположить, что искомая схема имела бы вид:

Схема 47

Но обращение к правым частям исследуемых схем показывает несостоятельность этой идеи; по-видимому, может идти речь только о следующем соединении схем 39 и 40 (схема 42):

Схема 42

Другими словами, композиция обеих схем осуществима только в том случае, если она дает возможность сначала сопоставить компоненты мыслей с элементами предложений, посредством которых они выражаются, а затем произвести перевод этих элементов в слова.

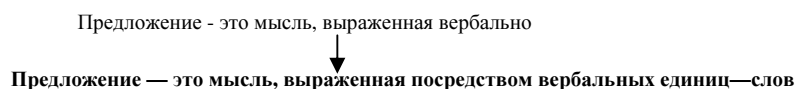
§ 7. Дефиниции и практические задачи

1. Мы отмечали, что оперирование элементами в процессе речевой деятельности заставляет нас строить предложение в виде конструкта, который при прохождении через одни процессы можно определить как «цепочку словоформ, имеющую смысл», а при участии в других процессах — как «мысль, выраженную вербально посредством вербальных единиц—слов». Назовем эти определения „перевертышами“.

2. Сконструируем „перевертыш“ к другому определению предложения: «Предложение—это мысль, выраженная вербально». Очевидно, что искомым будет определение: «Предложение — это вербальная цепочка, имеющая смысл».

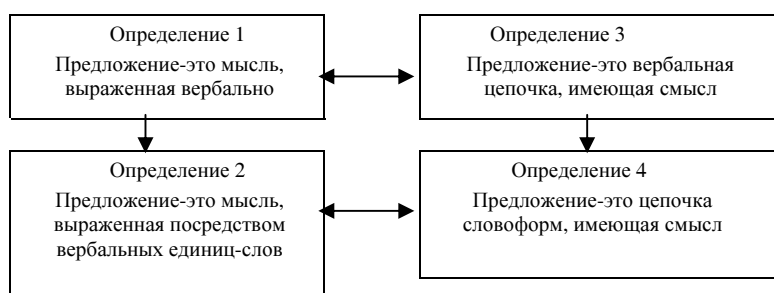
Выше было показано, что существуют процессы, этапы которых упорядочены друг с другом таким образом, что проходящий через них объект должен представлять то как «мысль, выраженная вербально», то как «мысль, выраженная посредством вербальных единиц-слов». А это дает нам в силу принципа параллелизма конструкцию, в состав которой входят оба определения, упорядоченные как элементы одной и той же теории в следующем порядке (схема 43):

Схема 43

Вводя в нашу теорию определения, «перевертыши» и учитывая принцип параллелизма, мы можем зафиксировать следующую конструкцию (схема 44):

Схема 44

Эта конструкция показывает, что все четыре определения совместимы друг с другом в рамках одной и той же теории и могут быть использованы как определения одного и того же объекта, демонстрирующего перед нами, в зависимости от тех или иных конкретных условий, свои различные стороны.

Посмотрим, какие из сторон интересующего нас объекта можно зарегистрировать при анализе процессов речевой деятельности, определения которых были построены выше.

3. Обратимся к задаче двуязычного перевода. Какие стороны нашего объекта на каких этапах решения этой задачи можно зафиксировать и какую последовательность определений, исходя из этой фиксации, можно построить?

Выше мы показали необходимость выделения двух различных этапов при построении теории перевода:

- 1) этап перевода смыслов,
- 2) этап оформления цепочек смыслов в виде цепочек словоформ. Очевидно, что каждый из названных этапов можно рассматривать как самостоятельную задачу, решение которой связано с построением двух различных определений: задача перевода смыслов требует построения определения процесса, которое является дериватом к определению 1; наоборот, задача оформления цепочек смыслов в виде цепочек словоформ может быть решена только при переходе к определению процесса, которое основано на определении 2.

Таким образом, если бы проблеме перевода можно было при-

равнять к решению двух названных задач, то мы бы могли предположить, что определения 3 и 4 бесполезны для *решения проблем* перевода. Однако, обращаясь к схемам 29 и 30 и отмечая, что процессы восприятия и порождения предложений могут быть рассмотрены как частные случаи перевода, мы должны, говоря о теории перевода, также проанализировать определения, которые стоят за процессами восприятия и порождения.

4. Процесс восприятия предложений начинается с прочтения предложения, т.е. с работы над его материальными компонентами: буквами, слогами, словоформами¹⁵. Значит, если мы противопоставили определения 1 и 2 определениям 3 и 4 как определения, построенные при примате значения, и определения, построенные при примате формы, то мы сможем сказать, что определение процесса перевода смыслов и оформления цепочек смыслов в виде цепочек словоформ основано на определениях, построенных с приматом значения. В противовес этому этап «начало процесса восприятия» не может не описываться в терминах определений с приматом формы⁶. Следовательно, характеристика этого этапа должна строиться на определениях 3 и 4 (при предположении, что четыре указанных определения являются полной системой определений термина '«предложение» в нашей теории).

Предположим, что этапы процесса восприятия образуют такую последовательность :

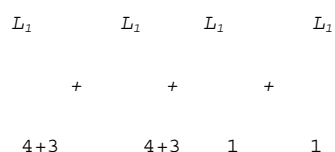
- 1) прочтение (без осмысления) предложения по отдельным компонентам,
- 2) прочтение (без осмысления) предложения в целом,
- 3) осмысление предложения в целом,
- 4) разложение предложения на смысловые компоненты и соотнесение смысловых компонентов с отдельными словами.

Тогда определение понятия о процессе восприятия должно строиться как последовательность четырех определений, таких, что первое определение основано на понимании предложения в смысле определения 4, второе—в смысле определения 3, третье—в смысле определения 1 и, наконец, четвертое — в смысле определения 2:4+3+1+2.

5. Определение понятия о процессе порождения представляет другую последовательность блоков — последовательность, основанную, по-видимому, на цепочке определений: 2+1+3+4.

6. Соотношение определений, описывающих сравнение предложений на различных языках с целью выборки эквивалентных друг другу предложений в теории перевода, представляет собой такую последовательность определений (схема 45):

Схема 45

А соотношение определений, характеризующее сравнение предложений с целью выборки предложений, которые не являются перево-

⁵ У взрослых этот процесс слит воедино с этапом осмысления увиденного, т. е. прочтение предложения включает в себя как ознакомление с материальной формой предложения, так и осмысление ее. У детей, которые только-только научились читать, эти два процесса разведены: ребенок сначала читает предложение (например, читает по слогам), совершенно не понимая его смысла, и только сложив слоги в слова, а слова — в предложения, начинает осознавать воспринимаемое.

⁶ Прочтение текста на незнакомом языке является иллюстрацией обрыва процесса восприятия на этом этапе.

дом один другого, представляет собой иную цепочку определений (схема 46);

Схема 46

$$\frac{L_1}{4+3} + \frac{L_2}{4+3} + \frac{L_1}{1} + \frac{L_2}{1} + \frac{L_1}{2} + \frac{L_2}{2}$$

7. Таким образом, мы приходим к тому, что определение процесса перевода можно построить как цепочку тех же определений, которые характеризуют и процессы восприятия и порождения, и, значит, к тому, что теория процесса перевода должна состоять из блоков, каждый из которых представляет собой теорию, построенную на основании перечисленных определений.

§ 8. Полнота системы дефиниций

1. Очевидно, что, строя некоторую теорию, мы наряду с определением конкретных предложений должны предусмотреть возможность определения абстрактных предложений, в которых вместо конкретных компонентов выступают термины классов, образуемых конкретными компонентами.

2. Анализируя различные исследования, мы установили, что части речи и члены предложения выделяются в них как классы слов, т. е. классы вербальных единиц, фигурирующих в определениях 2 и 4. Следовательно, образуя цепочки из терминов этих классов, мы сможем получить два типа абстрактных предложений: 1) цепочки терминов частей речи (A_1), 2) цепочки терминов членов предложения (A_2).

3. Из самого принципа построения этих цепочек (классы слов) вытекает, что их определение может быть соотнесено с определениями 2 и 4 и, значит, на основании этих цепочек можно построить такие два определения абстрактных предложений:

2¹. Предложение (абстрактное)—это мысль, выраженная вербально посредством терминов классов слов.

4¹. Предложение (абстрактное) —это осмысленная цепочка терминов классов слов.

Таким образом, теоретически мы имеем:

2¹₁. Предложение (абстрактное)—это мысль, выраженная вербально посредством терминов частей речи.

2¹₂. Предложение (абстрактное)—это мысль, выраженная вербально посредством терминов членов предложения.

4¹₁. Предложение (абстрактное)—это осмысленная цепочка терминов частей речи.

4¹₂. Предложение (абстрактное)—это осмысленная цепочка терминов членов предложения.

4. С каким из теоретически возможных абстрактных предложений мы сталкиваемся на практике при решении указанных выше задач? На этом вопросе мы и остановимся. Предварительно еще раз подчеркнем, что определения 2 (2¹₁ и 2¹₂) построены при примате значения, а определения 4 (4¹₁ и 4¹₂)—при примате формы. Исходя из описания, представленного в главах I, II и III, покажем, как соотносятся форма и значение при выделении частей речи и членов предложения, а затем перейдем к интересующему нас вопросу о дефиниции абстрактных предложений.

§ 9 . Проблема формы и значения при дефиниции частей речи и членов предложения

1. Напишем какое-либо русское предложение, например: *Петя и Миша идут в сад*. Членение его на слова задано. Посмотрим, как мы объединяем слова в классы.

2. Возьмем слово *Петя*, составим перечень всех слов, имеющих ту же основу: *Петя, Петю,...*, *Петин*, и выберем из этого перечня парадигму окончаний, имеющих значение предметности (разряд *N*). Любое слово, имеющее разряд *N*, назовем существительным. Затем возьмем слово *и*. Оно не имеет разряда *N* (т. е. не имеет парадигмы форм со значением предметности), назовем его «не-имя существительное». Слово *Миша* имеет разряд *N*, поэтому его мы назовем существительным и объединим со словом *Петя* в один класс: часть речи «существительное». Выбрав все существительные из данного предложения, мы перейдем к не-существительным и выделим следующий разряд—парадигму окончаний, имеющих одно и то же значение (например, разряд *V*—парадигму окончаний со значением процессуальности). Таким образом мы определим принадлежность слов к еще одной части речи и т. д., пока не расклассифицируем все слова по частям речи.

Отметим, что построение системы частей речи в русском языке, проведенное в соответствии с указанным типом процедуры, осуществлено нами по принципу: от формы слов к их значениям.

3. Обратимся опять к предложению: *Петя и Миша идут в сад*. Выше мы отмечали, что деление на слова нам задано самим текстом. Поэтому, когда мы выделяем части речи и идем от формы к значению, вопрос об элементах, объединяемых в классы, перед нами не стоит: заранее известно, что *Петя*—это слово, *и*—это слово и т. д. Сам текст как бы задает единицы формального плана, т. е. элементы, которые подлежат объединению в классы. А как обстоит дело при построении системы членов предложения в русском языке?

Прочитав предложение и осознав его, мы разбиваем его на некоторые смысловые компоненты, выражающиеся посредством одного или нескольких слов. В зависимости от того, какие смысловые компоненты мы выделяем, мы находим и форму их выражения. Так, если все смысловые компоненты нами группируются в два отряда: подлежащее и сказуемое, то предложение *Петя и Миша идут в сад* в соответствии с этой группировкой рассматривается как двухэлементное: *Петя и Миша* — подлежащее, *идут в сад* — сказуемое.

Если смысловые компоненты мы делим на три отряда—подлежащее, сказуемое, обстоятельство, — то предложение *Петя и Миша идут в сад* разбивается на три элемента: *Петя и Миша*—подлежащее, *идут* — сказуемое, *в сад* — обстоятельство.

Разбив предложение на элементы, соответствующие компонентам мысли, выделяемым в зависимости от системы, с которой мы соотносим данное членение, мы переходим к описанию форм, посредством которых они выражаются⁷. Так, например, мы говорим, что сказуемое

⁷ «Отдельное высказывание приобретает синтаксическое строение предложения. причем предложение, цельное по своему содержанию, получает в свою очередь членение внутри своего состава. Выделяются члены предложения. При этом членении вырабатываются синтаксические сочетания слов предложения, все слагаемые части которого являются носителями приуроченного им смыслового содержания и в своей совокупности представляют одно построение. В связи с этим составные части предложения вступают между собою в синтаксические отношения. Такие синтаксические отношения существуют между главными членами предложения, между ними и второстепенными, внутри членений предложений между их составными частями» [141. 21].

выражается словами *идут в сад*, а подлежащее—словами *Петя и Миша*⁸. Далее мы можем рассматривать «подлежащее» и «сказуемое» как термины классов и, обращаясь к другим предложениям, разбивать и их на элементы, соотносимые с выделенными нами классами—членами предложения. Следовательно, если члены предложения построены в соответствии с указанной выше процедурой, то их можно охарактеризовать как классы слов, которые выделены по принципу: от значения слов к их форме.

4. Выше части речи и члены предложения противопоставлялись нами как классы слов, выделенные на основании парадигматических и синтагматических критериев. Теперь можно отметить еще один принцип их дифференциации: тип процедуры, применяемой при их построении. Кратко различие в типах процедур можно сформулировать так: «При построении парадигматической системы в русском языке текст членится на словоформы, каждой словоформе сопоставляется парадигма ее форм, затем словоформы с одним и тем же значением парадигм объединяются в один класс—часть речи. Этому формальному классу—классу формальных принадлежностей—дается смысловая интерпретация. Ход построения данной системы: от формы слов — к их значениям. При построении синтагматической системы текст членится на смысловые компоненты, которые в одних случаях имеют форму одной словоформы, в других—форму совокупности словоформ. Смысловые компоненты, имеющие какое-то определенное „одно и то же" значение, объединяются в один класс. Полученному смысловому классу сопоставляется парадигма форм, посредством которых выражаются элементы данного класса; ход построения: от значения слов к их форме».

5. В соответствии с нашим методом мы теперь можем рассмотреть следствия из тезиса о том, что части речи и члены предложения должны быть противопоставлены не только как парадигматические и синтагматические классы, но и как классы, получаемые на основании двух типов процедур: 1) от формы к значению и 2) от значения к форме. Полученные теоретические следствия мы можем сравнить с нашим опытом в решении интересующих нас вопросов. Если теоретические следствия и наш практический опыт совпадут, то это даст нам право предположить, что тезис об указанной роли процедур при построении систем классов в русском языке соответствует действительному положению вещей. Поэтому, приняв его впоследствии за аксиому при определении классов слов, на аргументации его истинности мы сможем не останавливаться.

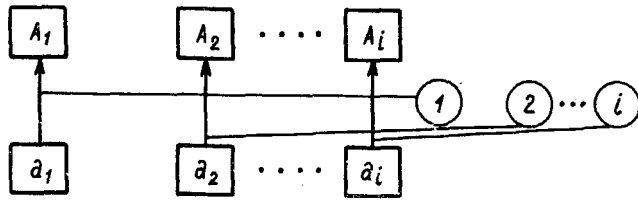
Анализ следствий из интересующего нас тезиса начнем с вопроса о процедуре проведения связей между словами, рассматриваемыми как представители классов. Посмотрим, какой она должна быть, если деление классов на части речи и члены предложения действительно зависит от типа процедуры, применяемой при их построении.

6. Изобразим эту процедуру схематически. Обозначим кружками слова данного предложения, квадратами, в которые вставлены заглавные буквы,— значения слов, а квадратами, в которые вставлены строчные буквы,—формы слов.

Поскольку при построении системы частей речи мы идем от формы слов к их значению, то анализ предложения как цепочки терминов частей речи можно представить в виде схемы 47:

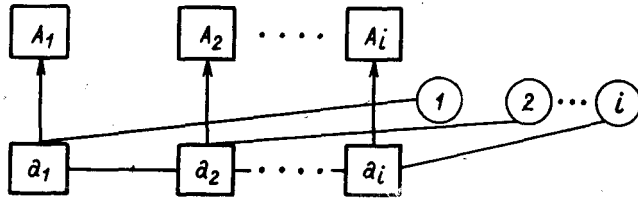
⁸ Подчеркнем, что так же, как и при выделении частей речи, мы и здесь работаем со словами как вербальными единицами.

Схема 47

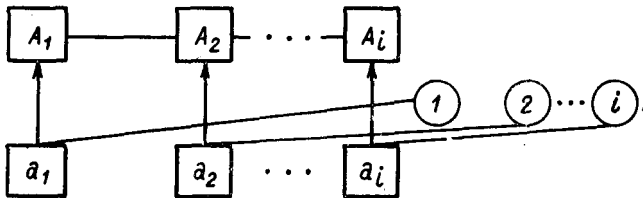
Выявление формальных связей между словами как представителями частей речи покажем на схеме 48:

Схема 48

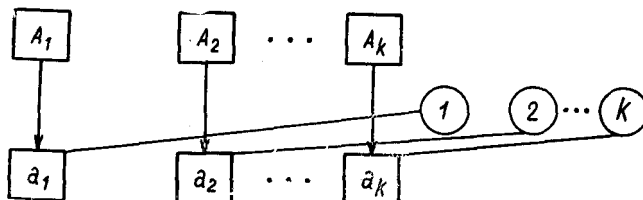
а установление смысловых связей — на схеме 49:

Схема 49

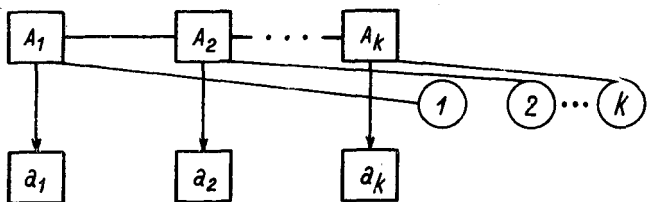
При построении системы членов предложения мы, наоборот, исходим из значения, поэтому анализ предложения как цепочки терминов членов предложения можно представить в виде схемы 50:

Схема 50

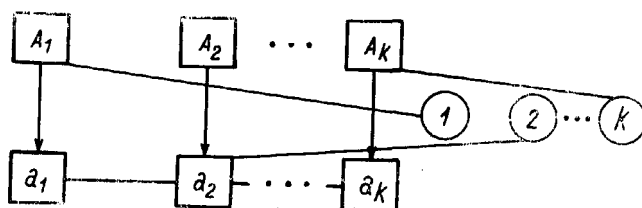
Выявление смысловых связей между словами как членами предложения покажем на схеме 51:

Схема 51

а установление формальных связей — на схеме 52:

Схема 52

Таким образом, формальные связи между словами как членами предложения должны проводиться только после установления смысловых связей⁹ между ними, а смысловые связи между словами как представителями частей речи — только после проведения формальных связей¹⁰.

Следовательно, если наш тезис о роли типов процедур при построении классов верен, то, подходя к предложению как к последовательности синтагматических элементов, мы должны начинать свой анализ со смысловых связей, а рассматривая его как последовательность парадигматических элементов,—с анализа формальных связей.

Предположив, что указанное соотношение между формой — значением и парадигматикой—синтагматикой работает и в обратном направлении, мы получим, что в этом случае анализ предложения, начатый исследователем с формальных связей, должен привести его к записи этого предложения в терминах парадигматических классов (частей речи), а анализ предложения, начатый исследователем со смысловых связей,—к записи в терминах синтагматических классов (членов предложения). Таким образом, окажется, что при построении синтаксического анализа предложений русского языка в терминах классов исследователей должны привлекать два аспекта: анализ по формальным связям в терминах частей речи и анализ по смысловым связям в терминах членов предложения. При этом два других аспекта (анализ по смысловым связям в терминах частей речи и анализ по формальным связям в терминах членов предложения) должны оставаться в тени. Таковы те теоретические следствия, к которым приводит тезис о влиянии типов процедур на формирование системы частей речи и системы членов предложения в русском языке.

⁹ Мечта лингвистов об анализе „наоборот“, т. е. о возможности рассматривать последовательность синтагматических элементов в том же духе, что и последовательность парадигматических элементов, отразилась, например, в извечном поиске материального субстрата членов предложения, о котором говорит А. А. Холодович в статье «О второстепенных членах предложения (из истории и теории вопроса)» [233].

¹⁰ Так, зная, что *на березе* в предложении *Листья на березе распустились* является определением, обозначающим признак предмета, описываемого словом *листья*, мы можем сказать, что *на березе* — это несогласованное определение к *листья*. Но на основании того, что *на березе* выражено существительным с предлогом, а *листья* выражено существительным без предлога и констатации несогласуемости этих слов по форме, мы не можем, не обращаясь к остальному контексту, заключить, что *на березе* является определением к слову *листья*. Ср., например, различные контексты, в которых между теми же словами можно установить самые различные отношения: *Листья — на березе, иголки — на сосне. Я говорю о листьях на березе, а не на сосне. Листья на березе — красивые. Девочка рисовала повсюду синие листья: на березе, на тополе и на яблоне.*

Теперь посмотрим, соответствуют ли эти теоретические положения. практике.

7. Возьмем слово *береза*. У него есть форма и значение, и оно может вступать в смысловые и формальные парадигматические и в смысловые и формальные синтагматические связи. При реализации смысловых связей образуется „смысловая совокупность“, а при реализации формальных связей—„формальная совокупность“. Это означает, что в качестве основания сравнения элементов синтагматической или парадигматической совокупности выделяется либо смысловой, либо формальный признак. Например: рассматривая совокупность *береза, ель, дуб* и совокупность *сначала береза, потом сосна*, можно сказать, что они выделены по смысловым признакам (в качестве смыслового признака, на основании которого установлена парадигматическая совокупность *береза, ель, дуб*, является родо-видовое отношение; в качестве смыслового признака, на основании которого выделена синтагматическая совокупность *сначала береза, потом сосна*, является отношение «упорядоченная последовательность объектов во времени»). Примерами формальных совокупностей можно назвать такие последовательности: 1) *береза, стояла, печка*; 2) *сначала береза, потом*. Принципом построения первой совокупности (парадигматической) является формальный признак: «у всех элементов совокупности на конце есть а»; принципом построения второй совокупности (синтагматической) является другой формальный признак: «символы, входящие в нее, упорядочены во времени ($c+n+a+4+...+o$)».

Теперь предположим, что слово *береза*—элемент какого-либо предложения, например: *Береза стояла на обрыве*. Допустим, это предложение мы дали разобрать по синтаксическим связям студенту-филологу. О каких связях в данном предложении обычно говорят в таких случаях? Как правило, о связях двух типов: парадигматических формальных связях и синтагматических смысловых. Так, апелляцию к парадигматическим формальным связям можно увидеть в формулировке: «существительное *береза* согласуется в роде, лице и числе с глаголом *стояла*», а указание на работу с синтагматическими смысловыми связями—в формулировке: «предложение *Береза стояла на обрыве* описывает ситуацию, в которой можно выделить упорядоченные во времени и пространстве элементы *береза* и *обрыв*».

Что касается парадигматических смысловых связей и синтагматических формальных, то они, как правило, в синтаксическом анализе не фигурируют: то ли само собой разумеется, что речь идет о дереве, а не о чем-то другом, то ли этот факт кажется несущественным... Аналогично обстоит дело и с синтагматическими формальными связями: нам не приходилось слышать, чтобы кто-либо в процессе синтаксического разбора апеллировал к ним. Однако то, что говорит студент,—не случайно: университету предшествовала школа, в котором приучали к технике разбора. Таким образом, можно сказать, что внимание к одним типам связей и неучет других типов связей объясняется, по-видимому, грамматической традицией, созданной трудами многих исследователей. Поэтому можно предположить, что наш тезис о наличии двух типов процедур при построении систем классов в русском языке ведет к следствиям, согласующимся с представлениями наших предшественников о соотношении грамматических явлений в русском языке.

8. На основании принципа параллелизма определения процедур построения классов слов также можно разбить на два типа:

- 1) определения процедур, построенных «от формы к значению»;
- 2) определения процедур, построенных «от значения к форме».

Переходя теперь к определениям абстрактных предложений и рассматривая абстрактные предложения как цепочки терминов классов, полученных на основании процедур первого или второго типа, мы можем составить таблицу соотношения определений, отражающую факты русского языка ч (табл. I):

Таблица I

Исследуемое определение	Примат значения при определении абстрактного предложения и составляющих его элементов	
	предложение в целом	входящие в него термины классов
Определение 2 ¹ ₁	+	—
Определение 2 ¹ ₂	+	+
Определение 4 ¹ ₁	—	—
Определение 4 ¹ ₂	—	+

* Так, в соответствии с 2¹₂ абстрактное предложение—это мысль, выраженная (примат значения) вербально посредством терминов членов предложения (члены предложения выделены также при примате значения); и соответствии с 4¹₁ абстрактное предложение—это осмысленная цепочка (примат формы) терминов частей речи (части речи выделены также при примате формы) и т. п.

9. Остановимся еще на одном следствии из принятого нами тезиса о релевантности типов процедур для построения систем классов.

Можно предположить, что выделение оппозиции «аморфные (изолирующие)—неаморфные (флективные, агглютинативные) языки» связано с представлениями о том, как синтагматика и парадигматика соотносятся с формой и значением слов в различных языках. Так, во флективных языках части речи выделяются по схеме «форма слов—значение слов», а члены предложения—по схеме «значение слов—форма слов»; в аморфных языках, наоборот, части речи выделяются по схеме «значение слов—форма слов», а члены предложения—по схеме «форма слов—значение слов». Таким образом, соотношение формы и значения при построении грамматики данного языка могло бы выступать в качестве критерия классификации языков.

По-видимому, любой язык фиксирует закрепление приоритета формы или значения за синтагматикой или парадигматикой. Поэтому оппозицию «части речи—члены предложения» как функцию от оппозиции «синтагматика—парадигматика» мы находим во всех известных нам грамматиках.

¹¹Мы говорим «русского языка», потому что не считаем возможным абсолютизировать правило о том, что синтагматические классы—члены предложения—выделены в любом языке при примате значения, а парадигматические классы—части речи—при примате формы (об этом см. ниже).

Исходя из этого, попробуем объяснить факты, которые с первого взгляда могут показаться случайными. Работая с флективным языком, А. Дискол рассматривал конкретное предложение как цепочку смысловых элементов и поэтому строил абстрактное предложение в терминах *mege tu logu*, которые являются синтагматическими классами, записанными в терминах классов с приматом формы (см. определение 2¹). В изолирующем языке, стараясь сохранить синтагматичность классов, мы должны будем абстрактные предложения не только записывать, но и выделять при примате формы. Наоборот, во флективном языке, сохраняя синтагматичность классов, свою работу мы должны будем начинать с исследования значений слов. Последователи А. Дискалола, работая с флективными языками, пытались разбить синтагматические цепи на формальные элементы и потому перешли от *mege tu logu* не к членам предложения, но к частям речи—единственным формальным элементам, которые выделяются во флективных языках. Если бы последователи А. Дискалола занимались изолирующими языками, в которых синтагматические элементы выделяются формально, а парадигматические наоборот, по смыслу, то стремление к разбиению синтагматической цепи на формальные элементы привело бы последователей А. Дискалола к выделению формальных частей предложения, сравнимых со смысловыми частями предложения у А. Дискалола.

Очевидно, что в качестве характеристики системы частей речи и системы членов предложения можно принять различные признаки. В нашей работе такими признаками являлись два дифференциальных признака для выделения системы частей речи (парадигматичность классов и примат формы при выделении классов) и два дифференциальных признака для выделения системы членов предложения (синтагматичность классов и примат значения при выделении классов). Принимая в качестве критерия выделения частей речи и членов предложения какой-либо один из двух указанных признаков, мы будем получать и самые различные результаты. Так, если в качестве характеристики системы частей речи мы принимаем только второй признак, то, работая с флективным языком, мы должны будем получить парадигматические классы, а работая с изолирующим языком, прийти к синтагматическим классам (см., например, *parts of speech* Ч. Фриза). Таким образом, хотя *parts of speech* Ч. Фриза напоминают части речи А. А. Потебни (см." стр. .56) и хотя и А. А. Потебня и Ч. Фриз фактически просто удвоили члены предложения, тем не менее причины этого совершенно разные: А. А. Потебня как бы не учел парадигматичность частей речи и примат формы при их выделении в русском языке, а Ч. Фриз—парадигматичность частей речи и примат значения при их выделении в английском языке.

§ 10. Теория речевой деятельности

1. Можно предположить, что теория речевой деятельности—одна из частей общелингвистической теории. В этом случае принципы ее построения должны вытекать из принципов построения общелингвистической теории. И значит, построение теории речевой деятельности в данной работе должно быть основано на принципе параллелизма, применявшемся при построении других фрагментов нашей теории.

Таким образом, теория речевой деятельности должна представлять собой фрагмент теории системных определений. Другими словами, она должна состоять из совокупности определений, упорядоченных в

систему точно таким же образом, как и элементы, охарактеризованные в определениях.

Поэтому, приняв за основу то, что речевая деятельность состоит из процессов восприятия, порождения и говорения, которые в своей совокупности образуют единое целое, мы можем считать, что и теория речевой деятельности должна состоять из совокупности определений, характеризующих эти процессы. Выше мы показали, что процесс говорения можно представить как комбинацию процессов восприятия и порождения. Отсюда вытекает, что определение процесса говорения можно дать через определения процессов восприятия и порождения. Применительно к случаю работы с конкретными предложениями такая система была построена в § 5. Однако наличие абстрактных предложений заставляет поставить вопрос о дальнейшем обобщении установленных результатов и построении системы, о которой можно было бы говорить при работе с любыми предложениями. Посмотрим, как это можно сделать.

2. Прежде всего отметим, что конкретное предложение можно рассматривать как частный случай абстрактного предложения (случай, при котором весь класс ограничивается одним элементом и поэтому название данного элемента может выступать в роли термина класса). Значит, если бы нам удалось построить теорию работы с абстрактным предложением, ее можно было бы перенести и на случай конкретных предложений: особо на этом можно было бы не останавливаться.

Ниже мы попытаемся построить теорию речевой деятельности для случая абстрактных предложений, т. е. попытаемся составить цепочки определений, отражающих последовательность различных этапов работы с конструктивным объектом предложение. Фиксация этапов работы осуществляется, как и выше, с помощью указания на то, к какой стороне нашего объекта данный этап процедуры применяется, т. е. с помощью последовательной регистрации различных определений данного объекта, в соответствии с которыми открывается то та, то другая его сторона. Например, один этап работы можно определить как такой, во время которого осуществляется обработка предложения, кажущегося на этом этапе цепочкой терминов парадигматических классов; при переходе на другой этап наш объект может казаться либо тем же (и тогда эту тождественность можно зафиксировать посредством указания на сохранение одного и того же определения), либо другим (это различие можно зафиксировать с помощью отметки о переходе к другому определению).

Таким образом, определения процессов речевой деятельности оказываются сконструированными через различные определения предложения. Значит, если все указанные определения представляют описание одного и того же объекта, то получающиеся определения процессов речевой деятельности должны дать картину того, какие преобразования с ним происходят во время этих процессов, и, следовательно, интересующие нас процессы мы сможем определить как одну целостную процедуру через ее результаты. Конечно, такой метод описания не дает указания на то, как от одного этапа перейти к другому этапу. Но цель данной главы не в том, чтобы показать, как перейти, а в том, чтобы доказать, что такой переход возможен, т. е. что можно построить последовательность операций, применяемых к одному и тому же объекту так, чтобы эта процедура соответствовала нашим представлениям о процессах речевой деятельности и давала возможность определить объект точно в соответствии с теми формулировками, исследование которых нами было предпринято. Доказательство этого, как мы отмечали выше, можно принять в качестве необходимого усло-

вия для утверждения о существовании конструктивного объекта, определение понятий о котором будет включать все три определения предложения, зафиксированные во Введении.

3. Поскольку процесс восприятия конкретных предложений начинается с этапа восприятия формальных элементов предложений (словоформ), то определение процесса восприятия следует строить как дериват от определения 4 (см. схему 44). Переходя к теории абстрактных предложений и учитывая результаты § 6, можно допустить, что в основу соответствующего определения для случая абстрактных предложений можно положить определение 4^1_1 . На следующем этапе восприятия конкретных предложений происходит осмысление предложения и разложение его «а смысловые компоненты—определение, отражающее эти факты на уровне абстрактных предложений, должно, как нам кажется, основываться на определении 2^1_2 . Таким образом, процесс восприятия представляет собой последовательность этапов, которую можно зафиксировать с помощью такой цепочки определений: « $4^1_1 \rightarrow 2^1_2$ ».

Процесс порождения предложений, по-видимому, происходит иначе: предложения строятся не из отдельных слов, а из блоков слов, каждый из которых является определенным членом предложения. Образно говоря, мы берем какой-либо смысловой компонент (ср. определение 2^1_2), „отливаем его в форму“, которую нам представляет для этого язык (ср. определение 4^1_2), затем берем второй смысловой компонент и т. д., пока не изготовим последний „синтагматический кирпичик“. Следовательно, определение процесса порождения должно быть представлено последовательностью определений: $2^1_2 \rightarrow 4^1_2$.

Поскольку в нашем сознании процесс порождения и процесс восприятия связаны воедино, попробуем связать в одну цепочку и описывающие их определения: $4^1_1 \rightarrow 2^1_2 + 2^1_2 \rightarrow 4^1_2$ или $4^1_1 \rightarrow 2^1_2 \rightarrow 4^1_2$.

Поставим вопрос о том, при каких условиях, кроме тех, которые вызваны принципом параллелизма, возможна связь определений в одну цепочку. Поскольку для связи элементов необходимо, чтобы между ними было что-то общее (основание сравнения), то для связи определений в одну цепочку необходимо, чтобы у них было общее хотя бы одно звено. Очевидно, что таким звеном может явиться только звено 2^1_2 . Значит, если звено 2^1_2 в цепочке $2^1_2 \rightarrow 4^1_2$ является тем же, что и в цепочке $4^1_1 \rightarrow 2^1_2$, то искомую цепочку возможно построить; если это условие не соблюдено, то цепочку $4^1_1 \rightarrow 1^1_2 \rightarrow 4^1_2$ нельзя построить.

4. Соответствует ли этот теоретический вывод тому, что нам подсказывает здравый смысл при анализе конкретных ситуаций? Предположим, на необитаемом острове вырос ребенок. Поскольку процесс порождения предложений возможен только как следствие процесса восприятия, то, если лишить нашего ребенка восприятия предложений, он не сможет и порождать предложения. Допустим, что ребенку дали возможность воспринять одно предложение. Следует ли из этого, что ребенок будет дальше порождать предложения?

Обратимся к процессу восприятия. Что означает «ребенку дали возможность воспринять одно предложение»? По-видимому, то, что „в ребенка ввели“ материальную форму данного предложения (Φ_j) и его смысл (C_j): $\Phi_j + C_j$. Соответственно: то, что ребенок „породил предложение“, означает, что он „взял“ некоторый смысл (C_i) и облек его в материальную форму (Φ_i): $C_i + \Phi_i$. В каком случае это возможно? Только в одном: если $C_i = C_j$, а $\Phi_i = \Phi_j$ (т.е. $i=j$). Таким образом,

для того чтобы $\Phi_j + C_j \rightarrow C_i \rightarrow \Phi_i$, необходимо, чтобы $j=i$, т.е. чтобы $\Phi_j + C_j \rightarrow C_j \rightarrow \Phi_j$. Другими словами, необходимо замкнуть круг¹² (схема 53).

Следовательно, „введя в ребенка" одну оформленную смысловую единицу, мы создали условие только для того, чтобы он „породил" ту же самую (одну) единицу. Значит, если мы хотим чтобы он „породил" некоторые сто элементарных единиц, отличающихся друг от друга, то л „ввести в него" мы должны минимум те же сто единиц.

Выше мы показали, что предложение не является элементарной смысловой единицей, но состоит из компонентов. Следовательно, „введя в ребенка" одно предложение, мы фактически ввели не одну смысловую единицу, но несколько.

Схема 53

Поэтому, „введя" одно предложение, мы создали условие для порождения нескольких предложений как различных комбинаций введенных перед этим компонентов.

Теперь перейдем к абстрактным предложениям. Допустим, единственное конкретное предложение, которое „ввели" в некоего индивида, является предложением *Петя видит лес*. В соответствии с определением процесса восприятия для случая абстрактного предложения, имеющееся конкретное предложение мы должны рассматривать как осмысленную формальную цепочку, в которой каждая словоформа является представителем некоторого парадигматического класса. После этого мы должны перейти к некоторой смысловой цепочке: очевидно, что этой смысловой цепочкой может быть только смысл, „стоящий" за нашей формальной цепочкой. Следовательно, мы должны указать, что не просто переходим от осмысленной формальной цепочки к оформленной смысловой цепочке, но что переходим от такой формальной цепочки к такой смысловой цепочке, которые являются „оборотной стороной" друг друга. То же самое можно сказать и относительно теории процесса порождения¹³. Следовательно, строя цепочку определений $4^1_1 \rightarrow 2^1_2 \rightarrow 4^1_2$, мы должны указать, что 2^1_2 одно и то же в $4^1_1 \rightarrow 2^1_2$ и $2^1_2 \rightarrow 4^1_2$, т. е. что определение 2^1_2 соответствует одному и тому же объекту в обеих процедурах (постулат А).

5. Другими словами, можно считать, что цепочка определений $4^1_1 \rightarrow 2^1_2 \rightarrow 4^1_2$ на самом деле отражает единство процессов восприятия и порождения только в том случае, если она расшифровывается применительно к одному и тому же объекту. В соответствии с фактами русского языка этот объект, как показывает цепочка определений, сначала выступает как осмысленная цепочка терминов частей речи, затем — как мысль, выраженная вербально посредством терминов членов предложения, и наконец—как осмысленная цепочка терминов членов предложения.

Таким образом, существование конструктивного объекта—лингвистического элемента, соответствующего указанным определениям, показано. Его определение можно представить в виде схемы 54.

¹² Этот вывод соответствует тривиальному утверждению: в процессе передачи информации она может только убывать.

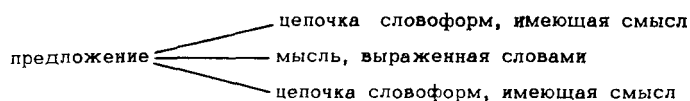
¹³ Интересно отметить: для образования цепочки определений, начинающейся с определения понятия о процессе порождения, у нас нет достаточных оснований (ср. $4^1_1 \rightarrow 2^1_2$, $2^1_2 \rightarrow 4^1_2$, и $2^1_2 \rightarrow 4^1_2$, $4^1_1 \rightarrow 2^1_2$), т. е. мы опять приходим к утверждению, высказанному нами выше: раньше, чем что-либо породить, надо это что-то воспринять.

Схема 54

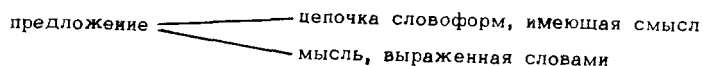
Для конкретных предложений это определение можно изобразить в соответствии со схемой 55.

Схема 55

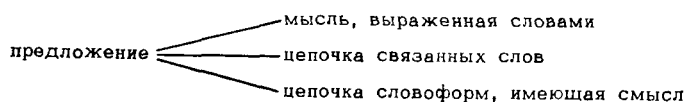
Таким образом, мы получили объект, который, участвуя в процессах речевой деятельности, выступает как лингвистический элемент, определяемый в соответствии со схемой 56.

Схема 56

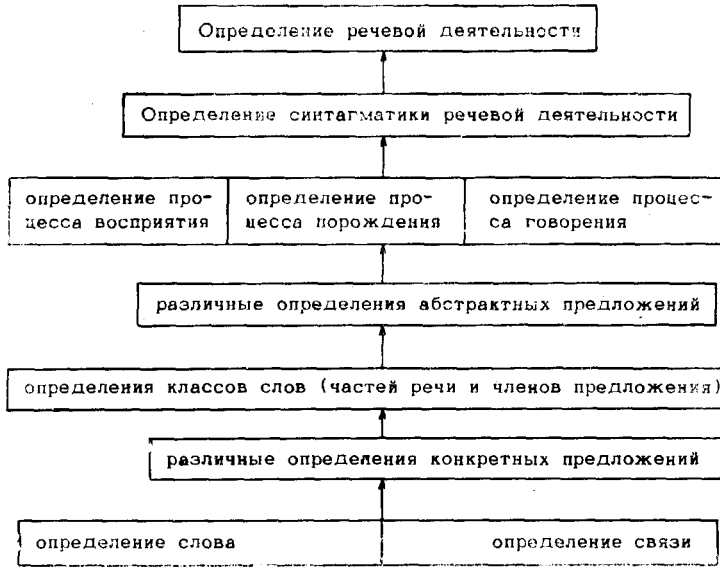

Возвратимся к § 3 и 4. Объект предложение, о котором мы писали там, вводился как результат процессов речевой деятельности посредством определения «это цепочка связанных слов». Относительно этого объекта мы спрашивали: можно ли, определив его как цепочку словоформ, имеющую смысл, и мысль, выраженную словами, допустить его к участию в тех же процессах речевой деятельности? Теперь на этот вопрос мы дали ответ (см. схему 56): да, можно. И значит, тем самым мы показали, что можно построить конструктивный объект предложение, который удовлетворял бы всем определениям, сформулированным во Введении (схема 57).

Схема 57

6. Используя результаты проведенных исследований, теорию речевой деятельности можно представить в виде такой системы (см. схему 58).

Эта система соответствует следующему упорядочению элементов, определенных в теории (таблица 2).

Таблица 2

Механизм	Аспект работы	Название процедуры	Элементы, участвующие в процедуре	
			на входе	на выходе
Речевая деятельность	Синтактика	восприятие предложения	предложение	слово, связь
		порождение предложения	слово, связь	предложение
		говорение предложения	слово, связь, предложение	слово, связь, предложение

§ 11. Дуалистический характер теории речевой деятельности

1. Все объекты, определения которых зафиксированы на схеме 58, сконструированы нами в виде дуалов. О дуализме слова, связи и конкретного предложения мы уже писали выше. Теперь остановимся на дуализме остальных элементов.

В каком смысле можно говорить о дуализме класса слов? Мы полагаем в следующем: о классе слов можно сказать, что он «дуалистический», если все элементы класса — дуалы и при построении класса была использована дуалистическая процедура. Дуалистической мы будем называть процедуру, составленную из двух процессов, применяемых к двум разным элементам. Например, если в работу берется дуал, то требование дуализма применительно к процедуре ведет к тому, что работа над дуалом строится в виде двух процессов:

операции одного процесса применяются к одной стороне дуала, операции второго процесса—ко второй стороне дуала. Если в работу попадает элемент, не являющийся дуалом, то дуализм процедуры потребует расщепления этого элемента на две части и построения двух процессов, каждый из которых осуществляется над одной из частей (и только над ней).

2. Таким образом, чтобы назвать части речи и члены предложения дуалистическими классами, мы должны показать, что все элементы, объединяемые в эти классы, — дуалы и что классы построены на основании дуалистической процедуры. Дуалистический характер элементов, объединяемых в интересующие нас классы, очевиден: это слова и цепочки слов, а дуалистический характер слов, связей, и связанных цепочек слов уже был нами установлен. Не менее легко показать и дуализм процедуры построения частей речи и членов предложения; достаточно напомнить, что построение этих систем было охарактеризовано в терминах процедур двух типов (от формы к значению и от значения к форме) и что каждая из этих процедур была разбита нами на два процесса: один процесс велся с формами слов, второй—со значениями слов как различными половинками дуалов.

3. Дуалистический характер абстрактных предложений как будто также не может вызвать сомнения: поскольку их определения построены аналогично определениям конкретных предложений, а конкретные предложения—это дуалы, то, переходя на основании принципа параллелизма от определений абстрактных предложений к самим абстрактным предложениям как конструктам, построенным по указанным определениям, мы сможем получить искомые конструкты также только в виде дуалов.

4. Теперь обратимся к определениям процессов речевой деятельности. Каждый из процессов речевой деятельности был охарактеризован выше посредством цепочки, фиксирующей тип объектов, над которыми осуществляется тот или другой этап работы. Поэтому процессы, которые можно сконструировать на основании указанных цепочек определений, соответствуют процедурам, описание которых можно зафиксировать, например, так: «возьми формальный объект N , затем перейди к смысловому объекту M , затем — к смысловому объекту P и т. д.

Кроме того, каждая цепочка определений построена так, что в нее входят обязательно определения элементов обоих типов: среди построенных нами цепочек нет ни одной, которая фиксировала бы работу либо только с формальными, либо только со смысловыми элементами. Таким образом, каждая описываемая процедура непременно состоит из двух частей, четко отделенных друг от друга: работы с формой и работы со смыслом.

Следовательно, каждый из описанных нами процессов речевой деятельности может быть назван дуалистическим. А так как синтагматика речевой деятельности может быть представлена в виде композиции указанных процессов, т. е. в виде упорядочения, не влияющего на дуалистический характер компонентов, то можно сказать, что синтагматика речевой деятельности, представленная в данной работе, также дуалистична. Последнее дает нам право предположить, что речевая деятельность также дуалистична, т. е. что речевая деятельность может быть построена как композиция двух процессов: синтагматики и парадигматики речевой деятельности, каждый из которых имеет дуалистический характер.

5. Переходя от лингвистических объектов к их определениям, можно

применить указанные выше названия к определениям и в соответствии с этим переносом сформулировать тезис о дуалистическом характере всех определений, участвующих в построении данной теории, например: о дуалистическом характере определения понятия о слове, связи, предложении и т. д., вплоть до термина «дуалистический характер данной теории».

2. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

§ 1. Язык—речь—речевая деятельность

1. Выше мы отмечали, что лингвистическую теорию можно рассматривать как аппарат, с помощью которого осуществляется конструирование языковых теорий.

К числу языковых теорий мы относим различные описания языковых элементов. Эти описания распадаются на два типа:

1) описания результатов процедур, представляющие собой упорядоченные тем или иным образом системы языковых элементов (например, словари);

2) описания процедур над языковыми элементами (различного рода инструкции по работе с языковыми элементами, например, предписания, как из слов или словосочетаний можно построить предложения, как разделить слова на морфемы).

Некоторые из описаний являются описаниями каких-то частных фактов, другие—общих. Так, в качестве примера описания частной процедуры приведем следующую инструкцию, даваемую школьникам:

«Напишите: *маленький*, разбейте на части: *мал*, *еньк*, *ий*. Запишите результат в таком виде: *мал-еньк-ий*». Как пример общей процедуры назовем правило: «Все слова можно разложить на морфемы». Таким образом, общие процедуры отличаются от частных тем, что формулировка общих процедур делает возможным их применение не к отдельным языковым элементам, а к целым классам.

Почти все процедуры, описываемые лингвистами, являются комбинированными: они построены в терминах конкретных языковых элементов и в терминах классов этих элементов (так, в приведенной выше инструкции упомянуты такие конкретные языковые элементы, как *маленький*, *еньк*, и такие термины классов языковых элементов, как «слова», «морфемы»).

Очевидно, что все изложенное по поводу процедур над языковыми элементами можно перенести и на результаты процедур. Например, частным результатом можно назвать запись, сделанную школьниками:

мал-еньк-ий, общим результатом—заклЮчение учителя: «слово разложено на морфемы», и, наконец, комбинированным результатом — уточнение учителя: «слово *маленький* разложено на морфемы *мал*, *еньк*, *ий*».

Естественно, что построить языковую теорию как описание всех частных процедур над языковыми элементами или описание всех частных результатов—дело немислимое. Поэтому каждый лингвист исходит из некоторой лингвистической теории, дающей ему те средства, с помощью которых он строит свою языковую теорию как описание общих и комбинированных процедур и их результатов.

2. Для чего строятся языковые теории?

По-видимому, чтобы организовать человеческую деятельность в той ее части, где человек имеет дело с языковыми элементами, т. е. там,

где он сталкивается с языком и речью. Вопрос о соотношении языка и речи волновал многих лингвистов. Остановимся на нем и мы.

Начнем с иллюстрации. Предположим, у нас есть исходные элементы: *книг*, *дом*, *а*, *и*, *е*, *у*, *ой*, *ом* и правило построения из них дериватов, гласящее, что дериват можно получить однократным приписыванием одного исходного элемента к другому. Очевидно, что, применяя это правило к исходным элементам, мы сможем получить такие дериваты: *книгдом*, *книга*, *книги*, ..., *ойом*. Предположим, что далее мы почему-то решили наложить ограничения на имевшееся у нас правило и сформулировали новое правило, которое позволяет получать дериваты: *книга*, *книги*, ..., *домом* и не дает возможности получать дериваты *книгдом*, *ойом*. Другими словами, можно сказать, что от комбинаторных дериватов мы перешли к возможным дериватам.

Допустим, мы захотели описать соотношение обеих совокупностей дериватов (комбинаторной и возможной). Мы можем поступить двояко: 1) описать механизм (процедуру) получения дериватов из исходных данных (в обеих совокупностях) и сравнить процедуры; 2) описать результаты обеих процедур и сравнить результаты (схема 59).

Схема 59

Комбинаторная совокупность	процедура _к , результаты _к
Возможная совокупность	процедура, результаты

Очевидно, что описать результаты можно в виде их различных систематизации, например путем задания дериватов списком. Чтобы описать процедуры, мы должны задать списки исходных элементов (списки аксиом) и списки правил образования дериватов из аксиом (списки схем) (схема 60)

Схема 60

Комбинаторная совокупность	процедура _к		результаты _к
	список аксиом _к	список схем _к	список дериватов _к
Возможная совокупность	процедура		результаты
	список аксиом	список схем	список дериватов

3. После этих предварительных замечаний перейдем к вопросу о языке.

Посмотрим, какой смысл обычно связывается со словом «язык». Предположим, некто говорит: «В этой библиотеке хранится более тысячи книг на русском языке». Что он имеет в виду при этом? По-видимому, то, что ему известно хранилище, в котором записи сказанного на русском языке составляют столько-то страниц, т. е. что он знает место, где результаты различных актов речи на русском языке хранятся в виде списков языковых элементов. Теперь предположим, что некто на вопрос: «На каких языках Вы говорите?» — отвечает: «На русском и английском». Какой смысл в слово «язык» он вкладывает теперь? По-видимому, не тот, что он располагает результатами актов речи на русском и английском языках, а тот, что он владеет механизмом порождения этих актов речи.

Иначе говоря, мы считаем, что в одном случае при слове «язык.» наш некто апеллирует к результатам деятельности, а в другом случае—к самой этой деятельности (процедуре).

Назовем процедуру порождения языковых элементов термином «energeia», результаты этой процедуры термином «ergon» и отметим, что термином «язык» мы будем обозначать совокупность:

Схема 61

energeia	ergon
----------	-------

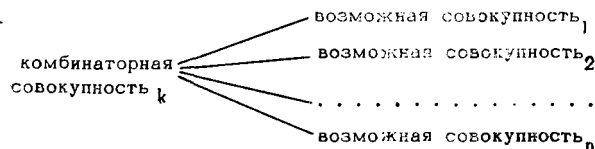
В соответствии с п. 2 этого параграфа под описанием energeia мы будем понимать список аксиом и список схем, а под описанием ergon — .список языковых элементов (дериватов от аксиом) (схема 62).

Схема 62

Я з ы к		
energeia		ergon
список аксиом	список схем	список языковых элементов

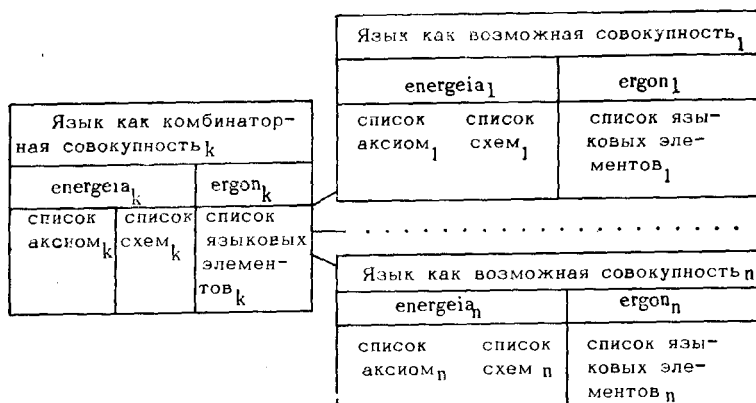
4. Иногда можно услышать такую фразу: 500 лет назад аффикс А можно было присоединить к любому У, а теперь—только к тем-то и тем-то Z: слова (У—Z) вышли из употребления. Используя терминологию, введенную в п. 2, можно эту фразу интерпретировать так: на комбинаторику X и У, которая существовала в языке 500 лет назад, теперь наложены ограничения; язык, с которым мы имеем дело теперь, не является комбинаторной совокупностью, но относится к числу возможных совокупностей. А язык, который существовал 500 лет назад,—был ли он комбинаторной совокупностью или только возможной? Ответ очевиден: поскольку для всех зарегистрированных этапов развития языков истинно, что одни языковые элементы выходят из употребления, оказываются вне законов языка, а другие — вводятся в употребление, становятся нормой языка, то можно сказать, что во все известные нам этапы своего развития естественные языки выступали как возможные, а не комбинаторные совокупности. Таким образом, комбинаторная совокупность—это просто абстракция от возможных совокупностей, которые можно рассматривать как ее манифестации (схема 63).

Схема 63

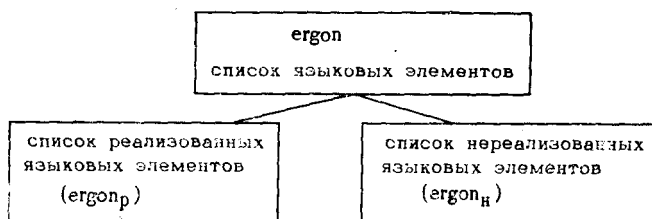
Результаты предыдущих схем можно объединить в схеме 64.

Схема 64

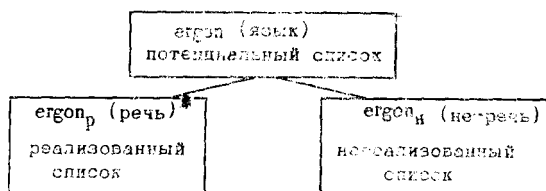
5. Посмотрим, в каком отношении находится к языку речь. Мы противопоставили *energeia* и *ergon* как процедуру и ее результаты, представляющие собой языковые элементы, которые можно получить, применяя схемы к аксиомам. Очевидно, что часть этих результатов действительно порождается в процессе функционирования языка, другая часть—нет (схема 65):

Схема 65

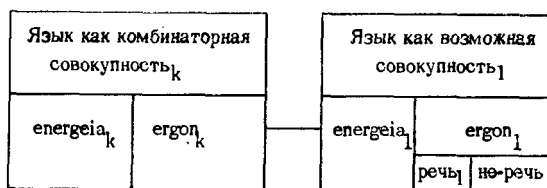
Назовем список языковых элементов (*ergon*) потенциальным списком, список реализованных языковых элементов (*ergon?*)—реализованным списком, список нереализованных языковых элементов—(*ergon,,*) —нереализованным списком. Таким образом, и *ergon* и *ergon?* являются продуктами *energeia*, противопоставленными друг другу как потенциальная возможность и осуществимость. В главе III дихотомия «потенциальная возможность—осуществимость» рассматривалась нами как основа оппозиции «язык—речь». Не отступая от этого, Мы и здесь сохраним противопоставление языка и речи как потенциальной возможности и осуществления и, продолжая рассматривать *ergon* как „часть“ языка, назовем *ergon?* речью (схема 66):

Схема 66

Изобразим соотношение между комбинаторной совокупностью, возможной совокупностью языка и речью посредством схемы 67:

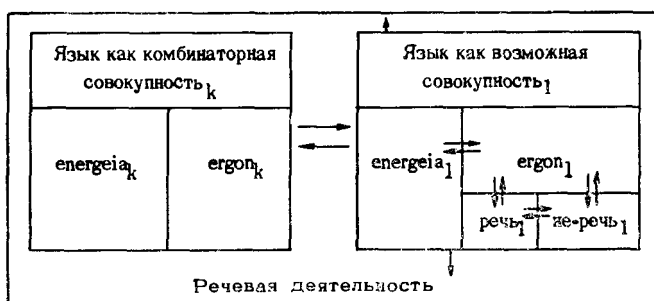
Схема 67

6. Теперь перейдем к речевой деятельности. В каком отношении находится она к языку и речи?

Нам кажется, что речевую деятельность можно определить как тот механизм, который превращает изображенные на схеме 68 элементы в части единой работающей системы.

Схема 63

Другими словами, речевая деятельность как бы переводит язык из одного возможного состояния в другое, отбирает из всего, что может быть построено на данном этапе его развития ($ergon_1$), только какую-то определенную часть ($речь_1$), оставляет нереализованной другую часть ($не-речь_1$), осуществляет постоянный переход от языковой деятельности ($energeia_1$). К ее продуктам ($ergon_1$), соотносит имеющиеся в языке образцы ($energeia_k$) с некоторой идеальной схемой ($energeia_k$) и т. п.

7. Каким образом осуществляется речевая деятельность? Что обуславливает переходы языка от одного возможного состояния к другому? Как происходит отбор речи из $ergon_1$? Почему одна часть $ergon_1$ реализуется, а другая—нет? Какие факторы влияют на динамику изображенной системы?

По-видимому, именно эти вопросы лежат в основе всего языкознания: его историю можно рассматривать как путь, пройденный учеными, чтобы создать модель, с помощью которой они смогут наконец понять, что такое речевая деятельность,—понять, т. е. сконструировать искусственный механизм, работающий как естественный механизм речевой деятельности человека.

Ставя перед собой задачу конструирования такого механизма, естественно начать с анализа требований, предъявляемых к нему. Так, можно отметить, что в основе всей нашей конструкции может лежать такая предпосылка: искомая модель должна создаваться в виде

системы, части которой подогнаны друг к другу так, что становятся возможными все указанные переходы (от идеальной схемы к возможному состоянию, от „образцов внутри мозга“ к продуктам речевой деятельности, и наоборот). Чтобы достичь этого, необходимо построить такое описание $e\eta e\eta e\iota a_k$, чтобы оно давало возможность перейти к $e\eta e\eta e\iota a_1$, затем к $e\eta\eta\eta\eta_1$ и речи η_1 , а после этого в обратном порядке: опять к $e\eta\eta\eta\eta_1$, $e\eta e\eta e\iota a_1$, $e\eta e\eta e\iota a_k$.

Иными словами, мы должны сконструировать механизм, способный осуществлять круговую процедуру следующего типа: «исходные данные—промежуточный результат—оконечные данные—промежуточный результат—исходные данные».

§ 2. Выбор аксиом лингвистической теории

1. Выше мы отмечали, что для построения интересующего нас механизма речевой деятельности мы должны располагать описаниями отдельных блоков этого механизма, сопоставленных друг с другом определенным образом. Обратимся к блоку $e\eta e\eta e\iota a_1 \leftrightarrow e\eta\eta\eta\eta_1$ и посмотрим, каким требованиям должно удовлетворять описание соотношения между $e\eta e\eta e\iota a_1$ и $e\eta\eta\eta\eta_1$.

Из нашего определения $e\eta e\eta e\iota a_1$ вытекает, что описать $e\eta e\eta e\iota a_1$ — значит задать аксиомы и схемы, т. е. перечислить исходные языковые элементы и правила, по которым из исходных языковых элементов можно порождать деривационные языковые элементы. В соответствии с определением $e\eta\eta\eta\eta_1$ описать $e\eta\eta\eta\eta_1$ — это то же, что составить список языковых элементов. Какое требование на описание $e\eta e\eta e\iota a_1$ и $e\eta\eta\eta\eta_1$ надо наложить, чтобы $e\eta e\eta e\iota a_1$ и $e\eta\eta\eta\eta_1$ можно было рассматривать как части механизма речевой деятельности? Нам представляется следующее: описание $e\eta\eta\eta\eta_1$ должно представлять собой не просто список каких-то языковых элементов, но список всех тех (и только тех) языковых элементов, которые участвуют в $e\eta e\eta e\iota a_1$, т. е. список дериватов $e\eta e\eta e\iota a_1$. При этом, чтобы в список дериватов $e\eta e\eta e\iota a_1$ входили все языковые элементы, участвующие в $e\eta e\eta e\iota a_1$, нужно, чтобы в этот список попали и аксиомы (т. е. исходные элементы, из которых порождаются дериваты). Значит, нужно, чтобы среди схем порождения были такие схемы, которые позволяют из аксиом порождать аксиомы (например, схемы типа $A \rightarrow A$, где A — аксиома, и стрелкой обозначена операция дублирования A).

Очевидно, что при соблюдении этого условия переход от $e\eta e\eta e\iota a_1$ к $e\eta\eta\eta\eta_1$ (см. схему 68) будет обеспечен. Другими словами, располагая набором аксиом и схем, мы сможем порождать любой элемент $e\eta\eta\eta\eta_1$ и, значит, относительно каждой пары «аксиома—схема» в $e\eta e\eta e\iota a_1$ сможем сказать, какой элемент ей соответствует в $e\eta\eta\eta\eta_1$.

А возможно ли решение обратной задачи? Можем ли мы только на основании сформулированного выше требования судить о деривационной истории каждого элемента из $e\eta\eta\eta\eta_1$, т. е. можем ли мы по каждому элементу из $e\eta\eta\eta\eta_1$ выдавать соответствующую ему пару из $e\eta e\eta e\iota a_1$? Конечно, нет; чтобы справиться с этой задачей, необходимо будет наложить еще одно требование на отношение между $e\eta e\eta e\iota a_1$ и $e\eta\eta\eta\eta_1$: для каждого элемента из $e\eta\eta\eta\eta_1$ должна быть указана процедура распознавания его выводимости в $e\eta e\eta e\iota a_1$ ¹⁴. Другими словами,

¹⁴ Фактически здесь ставится вопрос о требованиях, которые надо наложить на компоненты нашей модели, чтобы речевую деятельность можно было представить в

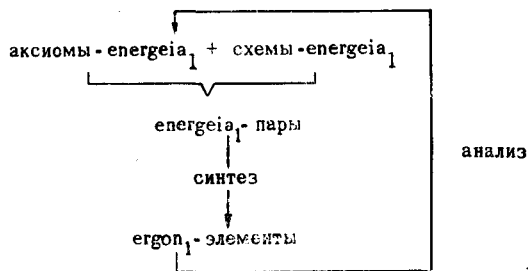
кроме процедуры перехода от $energeia_1$ -пары «аксиома—схема» к $ergon_1$ -элементу, мы должны будем располагать также обратной процедурой, регистрирующей для каждого $ergon_1$ -элемента переход к $energeia_1$ -паре.

В этом случае можно будет сказать, что описание $ergon_1$ и $energeia_1$ удовлетворяет такому соотношению (P), при котором для любой тройки элементов (для $energeia_1$ -пары и $ergon_1$ -элемента) можно будет ответить на два вопроса: 1) является или нет $energeia_1$ -пара парой именно для данного $ergon_1$ -элемента; 2) является или нет $ergon_1$ -элемент элементом именно для данной пары. Соотношение, при котором для каждой тройки указанных элементов можно ответить на эти вопросы, изобразим в виде: $energeia_1$ -пара \leftrightarrow $ergon_1$ -элемент.

Естественно, что построить описание указанного типа было бы очень заманчиво. Поэтому соотношение P мы введем в свою теорию как исходное допущение и цепочку символов $energeia_1 \leftrightarrow ergon_1$, представленную на схеме 68, будем в дальнейшем рассматривать как запись соотношения P , т. е. такого условия, которое выполняется, только если для каждой тройки элементов, входящих в $energeia_1$ и в $ergon_1$, выполняется соотношение: $energeia_1$ -пара \leftrightarrow $ergon_1$ -элемент. Назовем допущение P требованием о взаимном соответствии $energeia_1$ -пары и $ergon_1$ -элемента, переход « $energeia_1$ -пара \leftrightarrow $ergon_1$ -элемент» — синтезом, а переход « $ergon_1$ -элемент \leftrightarrow $energeia_1$ -пара» — анализом.

Указанное понимание символа дает возможность построить круговую процедуру следующего типа:

Схема 68

Располагая такой процедурой, можно будет решить задачу распознавания того, является ли каждый интересующий нас объект элементом языка или нет. При этом проводятся рассуждения такого типа:

«Если контрольный объект является элементом языка, то он должен принадлежать $ergon_1$, и, значит, применив к нему процедуру анализа, мы получим пару (аксиому и схему), которая должна принадлежать $energeia_1$. Сравним данную пару со всеми имеющимися у нас $energeia_1$ -парами. Если полученная пара входит в их число, то мы можем утверждать, что контрольный объект действительно является элементом языка»

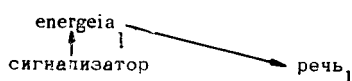
виде порождающего исчисления с разрешимой проблемой выводимости (см.: Н. В. Curry, *Calculus and formal systems*, — «Dialectica», 12, № 3—4, 1958; М. Davis, *Computability and Unsolvability*, McGraw—Hill, 1958; Р. Lorenzen, *Einführung in die operative Logik und Mathematic*, Berlin — Göttingen — Heidelberg, 1955; Е. L. Post, *Formal reduction of the general combinatorial decision problem*, — «American Journal of Mathematics», 1943, 65, № 2; А. А. Марков, *Теория алгорифмов*, — «Труды Математического института им. В. А. Стеклова», 1954, XII; С. Ю. Маслов, *Понятие строгой представимости в общей теории исчислений*, — там же, 1967, ХСIII).

ка. В противном случае контрольный объект элементом языка не является».

2. Перейдем к блоку $ergon_1 \leftrightarrow \text{речь}_1$. Каким образом осуществляется переход от всех языковых элементов, которые можно породить по правилам данного языка, к тем языковым элементам, которые в действительности порождаются в процессе речевой деятельности? Другими словами, если предположить, что $ergon_1$ задан в виде списка, как узнать, какие именно элементы из этого списка переходят в речь, а какие в нем остаются неиспользованными? Что служит сигналом к тому, что, например, элемент A переходит из $ergon_1$ в речь_1 а элемент B — нет?

Мы полагаем, что в качестве таких сигналов выступают объекты, которые не являются элементами языка и которые мы условно можем назвать элементами ситуаций. Другими словами, мы предполагаем, что к механизму, который может породить любые элементы языка, подключается некоторый сигнализационный механизм, указывающий, какие именно из всех возможных элементов должны быть порождены в данный момент времени (т. е. в момент ответа на сигнал, по-

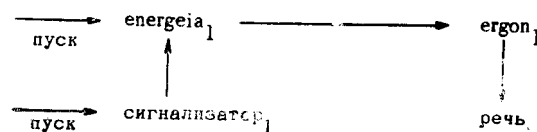
Схема 70 даваемый сигнализатором) (схема 70).

Какому условию должно удовлетворять соотношение между $energeia_1$, сигнализатором и речь_1 ? По-видимому, в качестве основного требования можно предъявить требование (5) однозначности процедуры, ведущей от

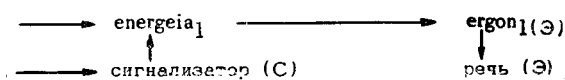
$energeia_1$ к речи. Это значит, что сигнализатор должен состоять из того же числа элементов, что и $ergon_1$, и из элементов сигнализатора и элементов $ergon_1$ должны быть образованы пары, члены которых находятся во взаимном одно-однозначном соответствии: назови элемент из $ergon_1$ — автоматически будет выдан элемент из сигнализатора, и наоборот. Тогда процесс порождения всех элементов $ergon_1$ по порядку, определяемому сигнализатором, можно изобразить так (схема 71):

Схема 71

Процесс выделения элемента речи (Θ), зафиксированного в какой-то момент времени в ответ на сигнал (C), можно представить в виде схемы (схема 72):

Схема 72

Разумно предположить, что надо предусмотреть не только работу «от сигнализатора к речи», но и в обратном направлении, — и, значит, требования, предъявляемые к соотношению $energeia_1$, $ergon_1$, речи] и' сигнализатора, можно представить с помощью схемы 73.

Схема 73

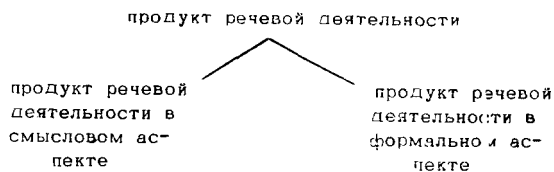
Приведенная схема иллюстрирует, что можно не только выдавать по каждому сигналу соответствующий ему языковой элемент, но и по каждому элементу находить в сигнализаторе соответствующий ему сигнал.

Эти рассуждения показывают, что выбор объектов, которые должны фигурировать как *ergon*₁-элементы, не случаен: этот выбор фактически обуславливается набором элементов, которые введены в сигнализатор. Другими словами, *речь*₁, а значит, и *ergon*₁ мы должны представить как совокупности элементов, каждый из которых имеет „партнера“ в сигнализаторе.

Остановимся на этом более подробно. Обратимся к речевой деятельности какого-нибудь индивида. Прежде всего, в объективной действительности индивид выделяет некоторую ситуацию, затем в его мышлении осуществляется какой-то процесс, и в результате в объективной действительности появляется продукт речевой деятельности, который представляет собой, например, цепочку символов. Если мы ситуацию примем за элемент из сигнализатора, а продукт речевой деятельности—за элемент из речи, то в соответствии с соображениями, изложенными выше, отметив, что в ситуации был выделен один элемент, мы должны будем и полученный продукт постулировать как один языковой элемент, независимо от того, можем ли мы его разложить на какие-то более мелкие элементы. Таким образом, у данного продукта мы как бы выделяем два аспекта: один аспект заключается в том, что продукт нас интересует не сам по себе, а только в отношении к элементам из сигнализатора, и второй аспект—в том, что данный продукт мы начинаем рассматривать сам по себе, безотносительно к элементам из сигнализатора. В соответствии с первым аспектом интересующий нас продукт предстает как один неделимый элемент, в соответствии со вторым аспектом—как цепочка элементов: оба аспекта не зависят друг от друга и заставляют нас фиксировать единицы, которые могут друг с другом не совпадать. Тогда продукт речевой деятельности предстает как двуликий Янус, одна сторона которого обращена к сигнализатору, а вторая—к способу фиксации самого продукта.

Назовем аспект, обращенный к сигнализатору, смысловым, а аспект, обращенный к фиксации, формальным (схема 74).

Схема 74

Таким образом, если мы хотим объяснить механизм отбора элементов из *ergon*₁ с помощью механизма сигнализатора, то мы должны будем предусмотреть, чтобы элементы, попадающие из *ergon*₁ в *речь*₁, могли быть рассмотрены в двух аспектах: формальном и смысловом, т. е. чтобы языковые элементы, описываемые в *ergon*₁, были

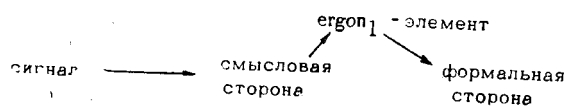
сконструированы таким образом, чтобы в них выделялась формальная и смысловая стороны. Следовательно, указанное соотношение между блоками речевой деятельности приводит нас к мысли о необходимости конструировать элементы, являющиеся результатом $energeia_1$, в виде дуалов (допущение R).

Получив такой результат, можно вернуться к началу этого параграфа и посмотреть, какое описание речевой деятельности возможно построить на основании выдвинутых требований R , P и S [о дуализме языковых элементов из $ergon_1$ (речь₁), о взаимном соответствии $ergon_1$ -элемента и $energeia_1$ -пары и о взаимном одно-однозначном соответствии $ergon_1$ -элемента и сигнала].

Обычно когда говорят о речевой деятельности, имеют в виду процессы говорения, состоящие из восприятия услышанного и порождения нового. Как можно описать эти процессы, соблюдая требования S , R и P ? Прежде всего мы должны будем выделить этап, когда в сигнализаторе приемника воспринимается сигнал из объективной действительности. Затем мы сможем сказать, что на следующем этапе этот сигнал, перерабатывается в смысловую сторону $ergon_1$ -элемента. Этому этапу соответствует включение механизма $energeia_1$ и выбор из всех $energeia_1$ -пар единственной пары, соответствующей сигналу. Этот выбор происходит в силу взаимного одно-однозначного соответствия сигнала и $ergon_1$ -элемента (S) и взаимного соответствия $ergon_1$ -элемента и $energeia_1$ -пары (P). В результате этого этапа из $energeia_1$ „выскачит“ $energeia_1$ -пара, соответствующая данному сигналу, и по процедуре синтеза из этой $energeia_1$ -пары будет создан $ergon_1$ -элемент, который в силу требования о дуализме (R) будет двусторонним (формально-смысловым) элементом, одна сторона которого (смысловая) будет находиться во взаимном одно-однозначном соответствии с воспринятым сигналом, а вторая (формальная) сторона будет выдаваться автоматически при „подаче“ смысловой стороны (в силу взаимного одно-однозначного соответствия между сторонами дуалов).

Таким образом, можно сказать, что работа с $ergon_1$ -элементом при описанной выше последовательности этапов состоит в переходе от смысловой стороны, соответствующей сигналу, к дуалу как единице, имеющей смысловую сторону, и, наконец, к формальной стороне как второй стороне дуала (схема 75).

Схема 75

Другими словами, при этой последовательности этапов мы как бы от смысла переходим к форме.

Однако выше мы писали, что процедура, которую можно будет построить в соответствии с нашей моделью, должна обладать свойством обратимости (Γ),¹ и, значит, в соответствии с этим требованием мы должны будем расположить этапы в такой последовательности, чтобы для того же самого $ergon_1$ -элемента осуществлялся и обратный переход, т. е. переход от формы к смыслу (схема 76).

Схема 76

Соответствует ли такая последовательность этапов какому-нибудь реальному процессу? Конечно. Читая текст на каком-либо языке, мы начинаем восприятие его с того, что буква за буквой, еще не зная смысла, который стоит за цепочкой букв, „вводим“ формальные стороны $ergo_1$ -элементов в наш мозг, затем мозг обрабатывает полученную информацию, и в результате мы говорим, что поняли текст (т. е. фактически построили смысловые стороны $ergo_1$ -элементов), или что не поняли текст (т. е. не смогли перейти от формальных сторон $ergo_1$ -элементов к $ergo_1$ -элементам как дуалам и через их посредство — к смысловым сторонам $ergo_{ii}$ -элементов). И наконец, последнему этапу соответствует тот момент, когда мы „указываем пальцем“ на тот элемент объективной действительности (элемент сигнализатора), который соответствует в ней $ergo_1$ -элементу.

3. Указанное объяснение процессов восприятия и порождения вполне нас устраивает (т. е. соответствует нашему здравому смыслу). Поэтому мы считаем, что модель, построенная при соблюдении описанных выше требований (P , R , S и T), также должна нас удовлетворить. И значит, конструируя лингвистическую теорию, можно ориентироваться на эту модель, т. е. строить такую теорию, которая дает возможность работать с языковыми элементами, пригодными для запуска в описанный выше механизм. Следовательно, языковые элементы, описываемые в нашей теории, должны удовлетворять требованию дуализма их структуры (R). Кроме того, искомая лингвистическая теория должна снабжать нас инструментом, пригодным не только для описания элементов-дуалов, но и процедур с этими элементами, т. е. процедур, при которых четко фиксируется, какая сторона дуалов в них обрабатывается. Таким образом, мы должны располагать аппаратом для описания операций над формальными сторонами дуалов, смысловыми сторонами дуалов и дуалами в единстве их обеих сторон.

Не менее очевидно и то, что для построения описания дуалов мы должны найти средства, которые позволяют получать не только частные результаты и частные процедуры, но также общие результаты и общие процедуры, а значит, в лингвистической теории должна быть охарактеризована как работа с отдельными элементами, так и работа с их классами. А так как нужные нам классы — это классы дуалов, то их описание надо конструировать так, чтобы на каждом этапе работы с ними был четко зафиксирован их тип: от формы к значению дуалов мы шли при их построении, или наоборот.

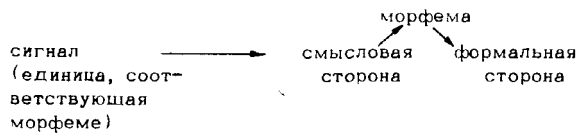
Таковы те требования, которые предъявляет конструируемая нами языковая теория (модель речевой деятельности) к лингвистической теории: именно ими и объясняются те исследования, которые представлены нами выше (Введение, главы I—III, IV.1).

4. Теперь остановимся еще на одном вопросе. Выше мы говорили о том, что $ergo_1$ -элементы должны быть построены как дуалы. Тем самым мы указали, какую структуру должны иметь $ergo_{ii}$ -элементы, но еще не назвали самих элементов.

Обратимся к известным нам языковым элементам (их описание, естественно, мы не можем не строить с помощью лингвистических элементов): *ч* (буква), *чит* (морфема), *читаю* (слово), *читаю книгу* (словосочетание), я *читаю* книгу (предложение) и т. д. Какие из этих элементов можно рассматривать как $ergo_{ii}$ -элементы? В соответствии с принципом дуализма $ergo_1$ -элементов (R) — только те, которые можно представить как дуалы, т. е. элементы, имеющие форму и значение. Мы полагаем, что букву нельзя представить как дуал, остальные элементы — можно.

Другими словами, мы считаем, что уже в морфеме можно выделить смысловую сторону, соответствующую какому-то сигналу (схема 77).

Схема 77

Однако если мы попытаемся в соответствии с требованием *T* построить обратную процедуру, то столкнемся со следующей трудностью: для того чтобы начать работать с формальными сторонами морфем, надо, чтобы запись этих формальных сторон морфем позволяла нам оперировать с различными морфемами как различными единицами, т. е. чтобы текст представлял собой дискретную запись морфем. Тексты на русском языке не удовлетворяют этому требованию: в них дискретно записаны другие единицы — буквы, слова и предложения. Поэтому в качестве элементарной единицы $ergon_1$ морфеме мы выбрать не можем: она не соответствует никакой формальной единице, фиксируемой в том способе записи продуктов речевой деятельности, с которыми мы работаем. Букву мы тоже уже отвергли: она не соответствует никакой смысловой единице в сигнализаторе.

Следующей по сложности частицей, которую мы можем рассматривать в качестве $ergon_1$ -элемента, является слово. Удовлетворяет ли оно требованиям, о которых мы говорили выше? По-видимому, да: слово можно представить как дуал, смысловая сторона которого однозначно сопоставляется с некоторым сигнализатором, а формальная сторона — с дискретной единицей (словоформой) в нашей форме записи продуктов речевой деятельности.

Таким образом, сформулированные выше условия вынудили нас принять в качестве искомого $ergon_1$ -элемента слово, а это в свою очередь заставляет нас в качестве исходного элемента нашей языковой теории также рассматривать слово, причем слово, имеющее структуру дуала. Отсюда: первый вопрос, который должен подлежать рассмотрению в лингвистической теории, — это вопрос о слове, постулированном как дуал, и о классах дуалов¹⁵.

5. Вернемся к соотношению между $energeia_1$ и $ergon_1$: в какой зависимости находятся $energeia_1$ -пары от постулата *R* о дуализме $ergon_1$ -элементов? Во-первых, поскольку требование о дуализме $ergon_1$ -элемента привело нас к выбору в качестве $ergon_1$ -элемента слова, то можно сказать, что постулат о дуализме $ergon_1$ -элементов приводит нас к требованию о том, чтобы $energeia_1$ -пара была парой, которая работает со словом (например, парой, которая синтезирует слово из каких-то компонентов, разбирает слово на компоненты, собирает слова в цепочки, выделяет из цепочек отдельные элементы и т. п.).

Должна ли при этом сама $energeia_1$ -пара обязательно состоять из дуалов? Мы полагаем, что здесь возможны два случая: 1) аксиомы, к

¹⁵ См. Введение, где слово принято за исходный элемент и постулировано как дуал; все остальные элементы (связь, предложение, основа, окончание) уже не постулировались нами, а определялись через их отношение к слову, т. е. как элементы, для построения которых необходимо было сравнить их со словом и его свойствами. Тем же объясняется и наш интерес к частям речи и членам предложения как классам слов.

которым применяется схема, дуалами не являются, и $ergon_1$ -элемент как бы рождается в результате склеивания в дуал двух не-дуалов; 2) аксиомы, к которым применяется схема, являются дуалами, и посредством схемы осуществляется переход от дуала одного типа к дуалу другого типа. Например, в качестве аксиом могут выступать не-дуалы: буквы и некоторые смысловые единицы, соответствующие тому, что лингвисты обычно называют семантическими множителями; схема, применяемая к ним, будет являться совокупностью правил трех типов: 1) правил, работающих с буквами; 2) правил, работающих со смысловыми единицами; 3) правил, склеивающих результаты работы правил первого и второго типов. Если соответствующим образом подобрать все правила, то применение правил первого типа к буквам даст цепочку букв—словоформу; применение правил второго типа к семантическим множителям позволит получить значение слова; и, наконец, в результате применения правил третьего типа можно будет получить дуал (слово), который представит собой искомую $ergon_1$ -единицу. Таким образом, из исходных элементов, не являющихся дуалами, с помощью процедуры, названной выше дуалистической процедурой, можно будет построить $ergon_1$ -единицы в виде дуалов.

Рассмотрим второй случай: в качестве аксиом возьмем дуалы, например слова, и к ним применим схему, в соответствии с которой будут образовываться цепочки слов—предложения. Должна ли быть процедура, построенная при реализации схемы, дуалистической или нет? Мы полагаем, что должна. Если процедура не будет таковой, то, склеив, например, три слова, мы фактически уничтожим дуалистический характер целого, т. е. в результате недуалистической процедуры формальный аспект в $ergon_1$ -элементе будет не отделен от смыслового, и полученный элемент будет не дуалом, а либо трехэлементным комплексом, либо единым, нерасчленимым целым; ср., например, такое склеивание трех элементов-дуалов, в результате которого получить дуалистическую структуру деривата невозможно:

Таким образом, условия, наложенные нами на $ergon_1$, заставляют нас сформулировать требование о необходимости представления всех $energeia_1$ -схем в виде совокупности операций, реализация которых представляет собой дуалистическую процедуру. При этом $energeia_1$ -аксиомы могут быть дуалами или не-дуалами. Значит, в $energeia_1$ -паре всегда либо оба элемента, либо по крайней мере один из них ($energeia_1$ -схема) имеют дуалистический характер (R_1).

Таковы те условия, которые мы должны наложить на $energeia_1$ -пары и $ergon_1$ -элементы, чтобы описанный выше механизм работал как речевая деятельность человека. И значит, при построении лингвистической теории, в терминах которой данный механизм впоследствии будет описываться, мы должны будем создать тот аппарат, который позволит конструировать $ergon_1$ -элементы в виде дуалов, $energeia_1$ -аксиомы—в виде дуалов и не-дуалов, а $energeia_1$ -схемы—в виде дуалистических процедур, собирающих элементарные $ergon_1$ -дуалы из не-дуалов и составные $ergon_1$ -дуалы—из элементарных дуалов.

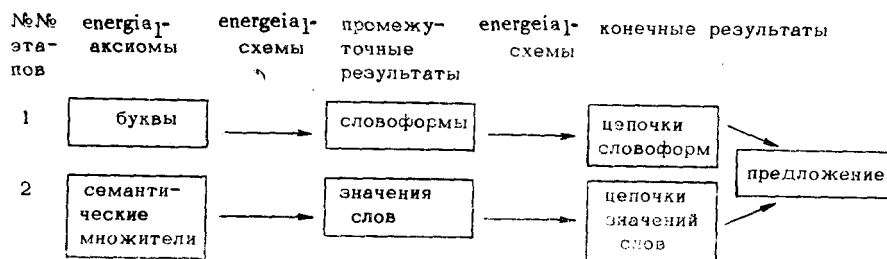
Реализуя эту программу, мы попытались создать лингвистическую теорию, которая выше была названа теорией системных определений. И значит, лингвистическую теорию, представленную в данной книге,

можно рассматривать как теорию, работающую на языковую теорию, которая была выше названа моделью речевой деятельности. А так как построение указанной языковой теории обусловлено практической задачей (потребностью в создании действующей искусственной модели речевой деятельности), то можно сказать, что интересующая нас практическая задача является причиной и целью построения наших теорий: причиной—лингвистической теории и целью—языковой теории.

6. Охарактеризуем в терминах нашей теории процесс синтеза предложения (т. е. его сборки из отдельных частей) и процесс анализа предложения (т. е. его разложения на отдельные части).

Как один из возможных путей синтеза построим процедуру, соответствующую схеме 78.

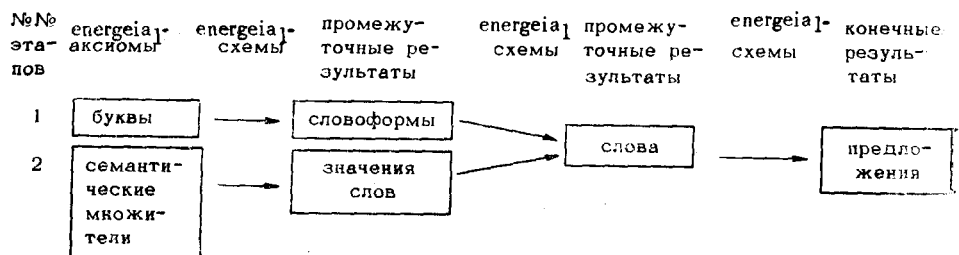
Схема 78

В соответствии с этой схемой мы можем выделить n -операций, состоящих из k -формальных операций (операций с формальными элементами), l -смысловых операций (операций со смысловыми элементами) и m -склеивающих операций ($n=k+l+m$).

Однако к тому же самому результату (дуалу-предложению) мы смогли бы прийти и другим путем. Например, для этого мы должны были бы операции, указанные на схеме 78, упорядочить в другой последовательности (схема 79).

Схема 79

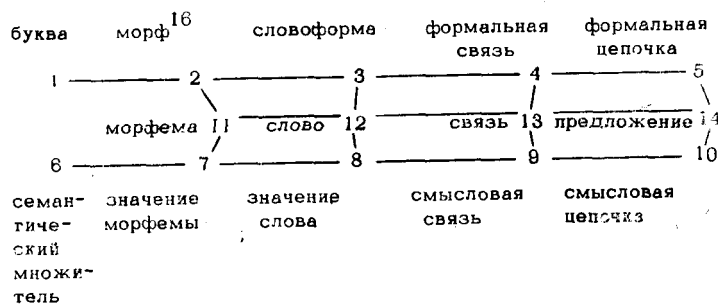

Очевидно, что в соответствии с новым упорядочением количество-формальных (k_1), смысловых (l_1) и формально-смысловых (m_1) операций может оказаться не тем же самым, что раньше: промежуточные результаты, необходимые при одном способе упорядочения, могут оказаться лишними при другом способе. Поэтому, варьируя способы, можно более коротким или более длинным путем прийти к конечному результату и, значит, варьирование способов можно поставить в зависимость от тех или иных конкретных задач. Другими словами, сформулированная теория фактически излагает не принципы построения процедуры получения тех или иных конечных результатов, а прин-

цыпы построения схемы процедуры в виде потенциальной системы, такой, что различные конкретные процедуры (например, процедуры, изображенные на схемах 78 и 79) являются ее конкретными манифестациями.

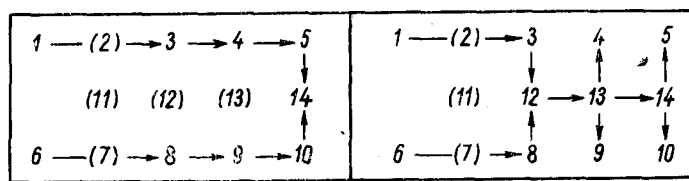
Таким образом, можно сказать, что наша теория позволяет представить синтез предложения (или другого составного элемента) в виде проложения конкретных трасс от исходного пункта к конечному через различные промежуточные пункты, имеющиеся на карте идеальной схемы всех возможных трасс (схема 80).

Схема 80

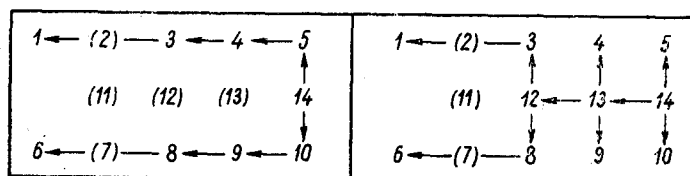
Процедуры, изображенные на схемах 78 и 79, можно представить соответственно в виде следующих трасс с обрывами на аксиомах и конечных результатах (схема 81).

Схема 81

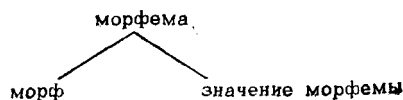

Аналогично можно представить и анализ предложения. В качестве иллюстрации приведем две трассы, обратные к тем, которые изображены на схеме 81 (см. схему 82).

Схема 82

¹⁶ Представляя морфему в виде дуала, мы выделяем в ней формальную сторону (морф) и смысловую сторону (значение морфемы):

Ставя вопрос о выборе трассы в зависимости от той конкретной задачи, для которой проводится данный синтез или анализ, можно предположить, что для каждой частной задачи существует свое оптимальное решение, или „наиболее удобная трасса“. Так, в одних случаях задача может быть сформулирована так, что для ее решения необходимо фиксировать дуализм слова, связи и предложения, а дуализм, например, морфемы вскрывать не надо (скажем, если задача состоит в синтезе предложения из заданных слов). В других случаях постановка задачи может привести нас к регистрации только дуализма предложения (например, если задача состоит в синтезе предложения из двух частей, одну из которых можно собрать из букв, а вторую—из семантических множителей).

А отсюда следует, что нежесткость решений вопросов о выборе трасс позволяет строить наше описание в терминах, обладающих достаточной степенью общности, чтобы охватить все возможные конкретные случаи. Это свойство наряду со свойствами, сформулированными выше в виде постулатов P , R , R_1 , S и T , представляется нам одной из важнейших характеристик модели.

§ 3. Языковые теории и их цели

1. Выше мы показали, какой именно целью было обусловлено построение нашей теории. Теперь посмотрим, с какими целями можно соотнести некоторые другие теории.

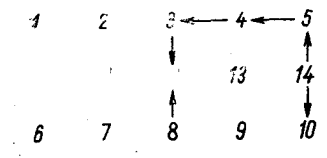
Анализ интересующих нас теорий будем вести с позиций нашей лингвистической теории, т. е. пользуясь терминами, которые мы ввели выше.

2. При синтезировании языковых элементов на основании нашей модели мы будем их получать всегда в виде дуалов, т. е. элементов формы-и-смысла: характерным признаком любой „синтезирующей“ трассы является то, что она завершается дуалом, а любой „анализирующей“ трассы—то, что она начинается дуалом. Почему мы построили модель именно с этими свойствами? Потому что считаем, что в естественных языках такие языковые элементы, как например морфемы, слова и предложения, являются формально-смысловыми объектами, а значит, любая языковая теория, ставившая своей целью описание языковых элементов естественных языков, должна представлять их (тем или иным способом) как формально-смысловые единицы.

Можем ли мы аппроксимировать языковые элементы естественных языков через некоторые формальные (или некоторые смысловые) объекты? Другими словами, можем ли мы аппроксимировать формально-смысловые трассы, приведенные выше, посредством только формальных (или соответственно только смысловых) трасс?

Рассмотрим задачу: разбишка текста на слова. Очевидно, что исходными данными этой задачи являются предложения естественного языка (формально-смысловые элементы). На основании этих данных мы должны построить процедуру работы с формально-смысловыми элементами, в результате которой должны получиться слова, тоже как формально-смысловые элементы. Допустим, мы построили такую процедуру в виде трассы (схема 83).

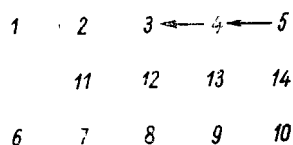
Схема 83

Можем ли мы, располагая этой схемой формально-смысловой процедуры, сказать, что

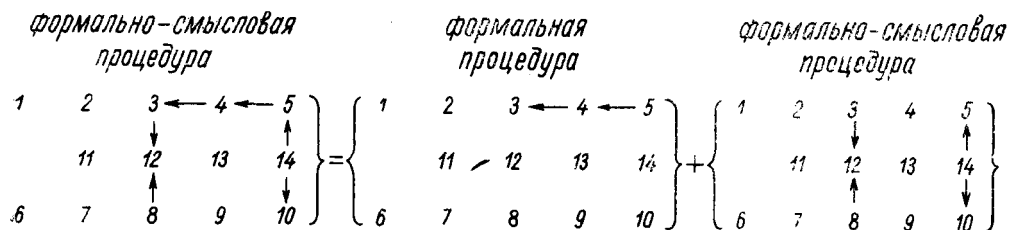
она „равна“, например, формальной процедуре, представленной схемой 84:

С х е м а 84

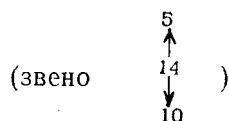

Мы полагаем, что нет. Зато можно утверждать, что формально-смысловую процедуру, представленную на схеме 83, можно изобразить как совокупность двух процедур: формальной (схема 84) и формально-смысловой (см. схему 85).

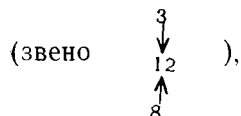
С х е м а 85

Другими словами, мы не можем, занимаясь описанием естественного языка, аппроксимировать разбивку осмысленного текста на слова (см. схему 83) посредством разбивки текста (как цепочек бессмысленных символов) на словоформы (см. схему 84). Но мы можем, предварительно составив схему 85 и установив законы переходов от формально-смысловых элементов к формальным

и от формальных или смысловых к формально-смысловым

описать процедуру, которая применялась бы только к формальным элементам. Это означает, что мы можем аппроксимировать разбивку текста на слова посредством двух процедур: процедуры, операции которой применяются к формальным элементам, и процедуры, операции которой состоят в сопоставлении формальных и смысловых элементов. Таков тот переход, который мы можем осуществлять при замене формально-смысловых элементов на формальные.

А теперь посмотрим, как обстоит дело при замене формальных элементов на формально-смысловые. Можно ли по одной только фор-

мальной процедуре (см. схему 84) охарактеризовать всю формально-смысловую процедуру (см. схему 85)? Конечно, нет. Для того чтобы сказать, что данная формальная процедура (см. схему 84) является формальной частью всей 'формально-смысловой процедуры (см. схему 85), надо знать, как соотносятся между собой эта формальная и неформальная части, т. е. надо располагать информацией, представленной на схеме 85. Иначе говоря, никакая формальная процедура сама по себе не может нам представить данных о формально-смысловой процедуре в целом или о ее неформальной части. Поэтому из того, что мы разобьем один формальный элемент (текст) на другие формальные элементы (словоформы), вовсе не будет следовать, что данные формальные элементы (текст, словоформы)— это формы некоторых формально-смысловых элементов (осмысленного текста, слов). И значит, одно только разбиение текста на словоформы не дает нам никакого права утверждать, что мы произвели в то же самое время и деление осмысленного текста на слова: для такого утверждения нам необходимо было предварительно ввести аксиомы о том, что текст, который мы разбивали на словоформы, является формой осмысленного текста, который мы должны разбивать на слова, и что словоформы, полученные в результате разбиения текста, являются формами слов, которые мы должны получить.

Иначе говоря, никакие формальные процедуры (т. е. процедуры работы только с формальными элементами) не могут в принципе сами по себе открыть какие бы то ни было сведения о формально-смысловых элементах естественных языков: только заранее задав условие о том, что полученные в результате формальной процедуры формальные элементы будут формами именно тех языковых элементов, которые нам заранее известны, мы после проведения процедур сможем сказать, что полученные формальные элементы являются формами формально-смысловых элементов, из свойств которых мы фактически исходили при построении формальной процедуры.

Таким образом, любая формальная процедура сама по себе может дать исследователю только формальные элементы (элементы искусственного формального языка $Яф$), но не может указать, как от формальных элементов $Яф$ перейти к формально-смысловым элементам как элементам естественного языка $Я$.

В соответствии с этим можно сказать следующее. Если в какой-либо работе исследователь за исходные данные какой-то конструкции принимает результаты процедур с чисто формальными элементами без указания на соотношение этих формальных элементов и формально-смысловых элементов естественных языков, то это значит, что конструкция, которую строит данный исследователь, является конструкцией не для описания естественного языка $Я$, но только конструкцией для описания некоторого искусственного языка $Яф$.

Очевидно, что, заменив один язык другим языком, мы можем работать с этим „новым" языком и устанавливать различные соотношения между его элементами. Однако это нам не дает права автоматически переносить законы нового языка на факты „старого" языка: такой перенос можно оправдать, только доказав предварительно изоморфизм обоих языков.

Следовательно, если в процессе работы оказывается целесообразным перевести язык $Я$ в язык $Яф$, то мы при этом, во-первых, должны зафиксировать этот перевод; во-вторых, должны сформулировать те-законы, по которым можно перейти от $Я$ к $Яф$ и от $Яф$ к $Я$.

2. Обратимся к конкретным примерам и постараемся показать, что

те, кто принимает в качестве исходных данных классы Ч. Фриза, фактически строят не описания *Я*, но только описания *Яф*.

Для этого прежде всего покажем, что классы Ч. Фриза — результаты процедур с формальными элементами (*Яф*), которые не сопоставлены формально-смысловым элементам естественных языков (*Я*).

Начнем со следующей цитаты из работы Ч. Фриза «Структура английского языка»: «Итак, английское предложение—это не группа слов, как таковых, но скорее структура, составленная из формальных классов, или parts of speech. Чтобы узнать структурные значения, сигнализируемые формальными группировками исследуемых предложений, не нужно знать лексические значения слов; для этого необходимо только знать те формальные классы, к которым принадлежат данные слова. Поэтому наше описание механизмов, сигнализирующих о структурных значениях, будет строиться в терминах перебора этих наиболее общих формальных классов, или parts of speech, а также формальных окружений, в которых они встречаются» [311.64].

Соотнося это высказывание Ч. Фриза с дистрибутивной процедурой, на основании которой он получает parts of speech и при которой он оперирует только с дистрибуцией символов, мы убеждаемся, что классы Ч. Фриза—это совокупности формальных элементов—словоформ, которые освобождены от лексических значений и за которыми сохранены только значимости, реализующиеся в процессе формальной дистрибуции.

Но может быть, заменив *Я* на *Яф*, и описав работу с элементами *Яф*, а также их классами, Ч. Фриз затем вернулся опять к *Я* и указал как соотносятся элементы *Яф* и элементы *Я* (т. е. указал процедуру перехода от классов формальных элементов к классам формально-смысловых элементов)? Нет. Получив, что английское предложение в результате записи в терминах *Яф* превратилось из элемента естественного языка *Я* в элемент *Яф* («...английское предложение—это не группа слов, как таковых, но скорее структура, составленная из формальных классов, или parts of speech»), Ч. Фриз непосредственно после этого перешел к работе с синтагматическими цепочками элементов из *Яф*.

Эти цепочки он разбил на отдельные компоненты и объединил их в классы. И значит, в результате он получил систему синтагматических классов формальных элементов языка *Яф*.

После этого полученным синтагматическим классам языка *Яф* автор дал название subject, object и т. п., употребляемые другими лингвистами для обозначения классов языка *Я*. При этом, чтобы читатель не впал в заблуждение относительно характера полученных классов и по ошибке не ассоциировал их с обычными членами предложения как классами языка *Я*, Ч. Фриз со всею настойчивостью заявил, «что такие термины, как subject, indirect object, direct object, не имеют никакого отношения к подлинным фактам объективной действительности. Subject—это явление формально-лингвистической структуры, а не явление плана значения слова по отношению к реальной ситуации» [311. 175—176]. А это фактически означает, что отношения между классами элементов, полученных Ч. Фризом, и классами элементов естественных языков были зафиксированы автором только в негативной форме. Таким образом, классы Ч. Фриза как классы формальных элементов *Яф* не являются классами формально-смысловых элементов *Я*, и так как вопрос о том, чем же все-таки являются классы формальных элементов по отношению к классам формально-смысловых элементов естественных языков, автор оставил открытым, то остается заключить, что процедура перехода от *Яф* к *Я* исследователем указана не была.

Поэтому, если какой-либо исследователь берет за исходное при описании языка классы Ч. Фриза (например, если он строит анализ на непосредственным составляющим в терминах классов Ч. Фриза), то он либо должен отмечать, что занимается описанием языка *Яф*, а не *Я*, либо должен, указав на осуществление перехода от *Я* к *Яф*, сформулировать правила этого перехода. Иначе говоря, он должен четко зафиксировать соотношение между естественным языком *Я*, описание которого он хочет получить, и языком конструкторов *Яф*, который фактически выступает в роли посредника при построении описания *Я*.

Если же исследователь не регистрирует правила перехода от *Я* к *Яф* и от *Яф* к *Я*, а просто говорит, что он «описывает естественный язык в терминах классов Ч. Фриза» [Ш], то за этим скрывается только одно: естественный язык *Я* подменяется¹⁷ формальным языком *Яф*.

3. Теперь остановимся на результатах, которые могут получить исследователи, принимающие за исходное в своих построениях классы Ч. Фриза. Выделим те описания, которые посвящены порождающим грамматикам, или (в наших терминах) теориям синтезирующих трасс.

Представим такую ситуацию: существует некоторый индивид, знающий язык и описывающий его; кроме того, имеется другой индивид, не знающий данного языка, но обладающий описанием, составленным первым индивидом. На основании этого описания, и только на основании его, второй индивид должен приобрести способность порождать какие-либо тексты на данном языке.

Из этого следует, что, ставя вопрос о построении описания языка, необходимо различать четыре различных этапа, аналогичные тем, о которых мы говорили выше: 1) извлечение информации о языке, его отдельных элементах и группировке их в классы; 2) описание результатов этой процедуры, 3) опознавание данных, извлеченных исследователем, в анализируемом впоследствии тексте, 4) формирование этих данных в какую-либо систему, в том числе построение из них текстов на языке, информация о котором извлекалась на первом этапе.

Очевидно, что в характеризуемой нами ситуации извлекать информацию о языке (1-й этап) и описывать результаты этой процедуры (2-й этап) будет индивид, знающий язык (назовем его индивидом *А*), а оперировать с данными, полученными на 1-м и 2-м этапах, — индивид, не знающий данного языка (назовем его индивидом *Б*). Таким образом, мы можем сказать, что *А* учит *Б* всему тому, что он знает о данном языке, т. е. что *А* передает *Б* свои знания о языке и практические навыки оперирования с его элементами. Поэтому понятно, что, чем лучше *А* знает интересующий *А* и *Б* язык, тем больше шансов у *Б* научиться этому языку, и наоборот: если *А* не знает языка или знает его очень плохо, то самое большее, чего сможет достичь *Б* с помощью *А*, — это так же плохо, как *А*, выучить язык. Другими словами, охарактеризованная выше ситуация предполагает взаимосвязанность 1-го и 3-го этапов: если исследователь описывает язык *Яф*, то оперирующий этим описанием сможет порождать только предложения языка *Яф*, но не *Я*, и наоборот. Значит, если мы строим описание языка, чтобы кто-то на основании нашего описания смог порождать тексты, то мы должны точно указать, какой язык мы исследуем, для того чтобы читающий наше описание знал, тексты какого языка он сможет порождать.

¹⁷ Обычно этот факт маскируется в работах посредством иносказаний типа: «мы аппроксимируем язык *L* посредством языка *L*₁», «мы моделируем язык *L* посредством, языка *L*₁», «мы отображаем язык *L* на язык *L*₁» и т. п.

В терминах синтезирующих трасс это будет означать следующее. Чтобы построить дуал в конце трассы, надо предварительно исследовать языковые элементы, представить их как дуалы и затем на основании этого исследования составить инструкцию работы с языковыми элементами, которую можно было бы потом изобразить в виде синтезирующей трассы. Поэтому если исследователь *A*, составлявший синтезирующую трассу, предварительно выделил форму и значение интересующих его языковых элементов, то исследователь *B*, снабженный только результатами работы *A*, сможет получать и дуалы и не-дуалы— в зависимости от своих намерений. Но если *A* не зафиксировал дуализм языковых элементов, то *B* никоим образом (при тех же условиях) не сможет получить дуал в конце трассы. Другими словами, если *A* работает только с формальной трассой, то *B* сможет перейти к смысловой или формально-смысловой трассе, только привлекая какую-то дополнительную информацию и основывая свой переход на этой дополнительной информации. При наличии дополнительной информации *B* сможет получить в конце синтезирующей трассы дуал, в противном случае—нет.

4. Выше мы показали, что описание Ч. Фриза построено в сфере формальных трасс. Посмотрим, какого типа порождающие грамматики можно построить на основании классов Ч. Фриза¹⁸.

Допустим, в результате формализованной процедуры по типу Ч. Фриза мы получили три дистрибутивных класса (термины классов: *V*, *N*, *P*), каждый из которых задан списком, например: словоформы, относящиеся к классу *N*: *ребенок, уголь, Петров*; словоформы, относящиеся к классу *V*: *читает, лежит, живет*; словоформы, относящиеся к классу *P*: *в постели, в печи, в Ленинграде*. Кроме того, задана ядерная структура *NVP*. Надо построить цепочки словоформ, реализующих ядерную структуру *NVP* (из заданных словоформ на основании заданных правил).

Посмотрим, являются ли построенные в этом случае цепочки предложениями реального языка (Я) или их можно рассматривать только как конструкты (предложения языка Яд).

Выпишем все предложения, возможные с точки зрения данной грамматики («грамматичные»):

Ребенок лежит в постели.
Ребенок лежит в печи.
Ребенок лежит в Ленинграде.

Уголь живет в Ленинграде.

¹⁸ Выше мы показали, что части речи Ч. Фриза—это синтагматические классы, поэтому, рассматривая порождающие грамматики как списки правил работы с синтагматическими элементами, совершенно естественно принять части речи Ч. Фриза в качестве синтагматических элементов (языка Яф). Но так как никто из последователей Ч. Фриза не подчеркивает синтагматичности его частей речи, то создается впечатление, что при анализе по НС последователи Ч. Фриза работают с парадигматическими классами, т. е. частями речи, а вовсе не с синтагматическими классами, т. е. членами предложения. Это смешение терминологии находит отражение и при составлении порождающих грамматик: цепочки, порождаемые этими грамматиками, характеризуются в парадигматических терминах (*V*—глагол, *N*—имя и т. д.), а не в синтагматических (*V*—сказуемое, *N*—подлежащее и т. п.). Поэтому, читая сочинения Ч. Фриза и его последователей, невольно думаешь, что описать язык—это значит перечислить парадигматические (sic!) элементы языка и операции, на основании которых из парадигматических элементов якобы строятся предложения (т. е. синтагматические цепочки) данного языка.

Все эти предложения с точки зрения данной грамматики одинаково оправданы (человек, мыслящий в соответствии с правилами такой грамматики, не сможет даже представить, что они чем-то различаются между собой), хотя для нас совершенно очевидно, что предложение *уголь живет в Ленинграде* — конструкт точно такой, как например *Green ideas sleep furiously* или *глокая куздра*. Но так как предложения *ребенок лежит в постели* и *уголь живет в Ленинграде* порождены одной и той же грамматикой по одним и тем же правилам, то если одно из них ущербно в определенном отношении, то и другое не отличается от него в этом же отношении, т. е. предложение *ребенок живет в Ленинграде*, порожденное описываемой грамматикой, — такой же конструкт (бессмысленный, с точки зрения нашего, человеческого восприятия), как и *уголь живет в Ленинграде*: оба эти предложения начинают различаться по степени осмысленности не в процессе процедуры их порождения исследуемой грамматикой, но только в процессе восприятия человеком результатов этой процедуры. Следовательно, говорить о степенях грамматичности порождающей грамматики такого типа можно только в таком плане: любые предложения, порожденные данной грамматикой, не являются предложениями реального языка (*Я*), но являются некоторыми конструктами, имеющими одну и ту же степень грамматичности относительно порождаемого языка конструктов (*Яф*) или относительно грамматики, порождающей этот язык.

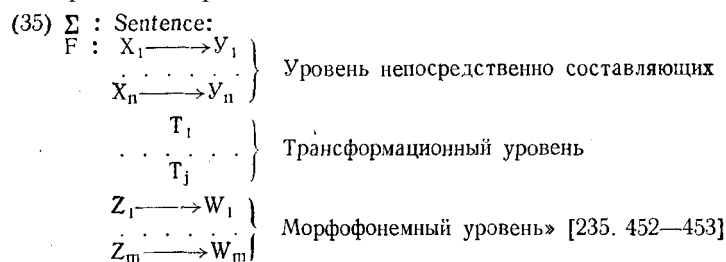
При сопоставлении данного языка конструктов с реальным языком и данной порождающей грамматики с описанием реального языка нельзя не отметить степени несоответствия между сравниваемыми элементами. Эти степени несоответствия делаются очевидными, например, при сопоставлении:

Конструкт	Предложения реального языка
<i>Уголь живет в Ленинграде</i>	—
<i>Уголь лежит в Ленинграде</i>	<i>Уголь лежит в Ленинграде</i>
<i>Уголь лежит в печи</i>	<i>Уголь лежит в печи</i>

Здесь первое предложение из языка конструктов не может быть сопоставлено с предложением реального языка, поскольку соответствующего примера просто нет в реальном языке («так не говорят»); второе и третье предложения могут быть сопоставлены с предложениями реального языка, но если для реального языка слово *уголь* имеет два значения (собирательное и единичное), то для описываемого языка конструктов такая двойственность не существует: словоформы в этом языке, как было показано выше, вообще не имеют значения. (Конечно, если под значением понимать соотношение с некоторой ситуацией объективной действительности: в языке *Яф* словоформы имеют только функциональные значения, т. е. значимости, которые характеризуют место данной словоформы в системе ей подобных бессмысленных словоформ).

5. Порождающая грамматика Н. Хомского в качестве исходных данных использует результаты анализа по непосредственным составляющим (НС), проводимого в терминах классов Ч. Фриза. Значит, эта грамматика предназначена не для порождения предложений реального языка *Я*, а для порождения цепочек конструктов языка *Яф*. Для того чтобы убедиться, что так оно и есть, достаточно, например, исследовать «составные части» грамматики Н. Хомского и отметить, что ни одна из них не затрагивает механизм языковых значений и оперирует

только с языковыми формами¹⁹. Так, Н. Хомский пишет: «Эти рассуждения позволяют нам представить грамматику как систему, обладающую естественным трехчастным строением... грамматика должна выглядеть так:

Таким образом, когда Н. Хомский пишет о степенях грамматичности [287], непонятно, относительно какого объекта измеряется эта степень: если относительно языка, порождаемого его грамматикой, то вопрос о степенях стоять не может: все предложения, порождаемые грамматикой, одинаково грамматичны, т. е. одинаково осмыслены с точки зрения этой грамматики и одинаково бессмысленны с точки зрения грамматики, предназначенной, чтобы породить предложения реального языка. Если степень грамматичности измеряется относительно некоторого реального языка, то вопрос о степенях грамматичности — это вопрос о том, какой язык (*Яф* или *Я*) был принят исследователем в качестве объекта рассмотрения при составлении описания, на основании которого впоследствии должна будет строиться порождающая грамматика. А так как Н.Хомским все время исследовался один и тот же язык (*Яф*), то можно сказать, что все предложения, которые могут быть построены его грамматикой, в равной степени являются грамматичными с точки зрения *Яф* (и соответственно — неграмматичными с точки зрения *Я*).

6. В лингвистической литературе неоднократно писалось, что анализ по НС как бы имитирует школьный разбор предложений. Но стоит только вспомнить, что анализ по НС—это представление предложения как иерархии синтагматических элементов плана формы (ошибочно называемых парадигматическими элементами), а школьный анализ по членам предложения — представление предложения как иерархии синтагматических элементов плана формы-и-смысла, и сразу становится очевидной пропасть между обоими типами анализа: при школьном анализе рассматриваются предложения реального языка, а при анализе по НС — «конструкты из форм» слов реального языка.

Естественно, если мы захотим построить порождающую грамматику на основании анализа по школьным членам предложения, мы в принципе можем ставить задачу о порождении предложений реального языка (поскольку мы исходили из анализа предложений реального

¹⁹ Очевидно, что приведенная здесь аргументация касается не только грамматики Н. Хомского, но всех тех грамматик, которые, как и грамматика Н. Хомского, построены на данных языка *Яф*, а не *Я*. К таким грамматикам можно, например, отнести статистико-комбинаторную модель Н. Д. Андреева, описания процедур З. Харриса и т. п. Анализ большинства работ этого типа представлен в книге: Р. Postal, *Constituent Structure. A Study of Contemporary Models of Syntactic Description*, The Hague, 1964. Подчеркивая мельчайшие различия в классифицируемых им синтаксических описаниях. П. Постал не отметил главного: ни одна из исследованных им моделей не является моделью естественного языка.

языка). Если же мы захотим построить порождающую грамматику, исходя из анализа предложений по НС, то мы даже в принципе не можем ставить задачу о порождении предложений реального языка (поскольку мы исходили не из анализа предложений реального языка, но из анализа предложений-конструктов).

Другими словами, если мы исследуем реальный язык, т. е. языковые элементы в единстве их форм и значений, считая, что предложение—это смысловая структура, которая манифестируется посредством определенной формы, то мы будем в состоянии решить задачу о построении «оформленных значений», или форм, за которыми стоит смысл. Если же мы подходим к языку как к совокупности форм элементов (например, как это делает Ч. Фриз при построении своих классов или американские дескриптивисты при анализе по НС), то мы даже в принципе не сможем говорить о построении «оформленных значений», или форм, за которыми стоит смысл.

§ 4. Проблема формализации

1. На стр. 158 мы указали на существование четырех различных этапов, возникающих при исследовании и описании любого языка.

Каждый из перечисленных этапов может быть связан с проблемой формализации. Констатируя, что тип описания языка должен выбираться в зависимости от сферы его дальнейшего применения, мы можем, сформулировав какую-либо частную задачу, посмотреть, какой тип описания навязывается данной задачей.

2. Часто говорят, что для осуществления автоматического перевода (АП) необходимо построение формализованного описания. Выясним, какой тип формализации (в соответствии с этапами, упомянутыми выше) необходим для автоматического перевода: формализованная процедура 1-го этапа, формализованное описание результатов 1-го этапа, формализованная процедура 3-го этапа или же формализованное описание результатов 3-го этапа.

3. Рассматривая 1-й и 3-й этапы как взаимосвязанные, мы можем представить себе такую ситуацию: один исследователь, решая проблемы 1-го этапа, помечает элементы *A*, *B* и *V* индексами 1, 2 и 3, другой исследователь на основании индексов 1, 2, 3 опознаёт элементы *A*, *B* и *V*. Если мы в качестве первого исследователя выберем лингвиста, составляющего список языковых значений и сопоставляющего им формы, посредством которых они выражаются, а в качестве второго исследователя возьмем автомат, читающий формы и выдающий на основании заложенных в него лингвистом правил значения этих форм, то мы, по-видимому, получим ту ситуацию, которую можно наблюдать при АП (например, в тех случаях, когда автомат анализирует предложение по членам предложения на основании форм, имеющихся в этом предложении).

Установление взаимосвязи между 1-м и 3-м этапами, как это отмечалось выше, предполагает соблюдение следующего закона: автомат может выдать не более того, что в него было заложено лингвистом. Значит, чем больше значений описано лингвистом в терминах языковых форм, тем больше значений опознает автомат на основании анализа языковых форм. Если какие-либо значения *X* не зафиксированы лингвистом посредством форм *У*, то требовать от автомата на основании форм *У* делать суждения о значениях *X*—нелепо. Поэтому, если автомат переводит зулусские предложения *Umfana wayefile* ‘Мальчик умер’

и *Into yasefile* 'Палка сломалась' на русский язык как предложения *Мальчик сломался* и *Палка сломалась* или *Мальчик умер* и *Палка умерла*, то из этого вовсе не следует, что „виноват“ автомат—он «не понимает различия между человеком и палкой», «не способен мыслить по-человечески» и т. п. Все как раз наоборот, виноват человек: приведенный пример доказывает только то²⁰, что в описании языка, составленном лингвистом, отсутствовала дифференциация имен по семантическим подклассам, т. е. значение «принадлежать тому или иному семантическому подклассу» не было записано в терминах языковых форм и, значит, осталось нерелевантным для лингвиста, а вслед за ним—и для автомата.

Таким образом, если человек хочет, чтобы автомат переводил так, как человек, и порождал предложения, ничем не отличающиеся от реальных предложений, произносимых носителем языка, то человек должен предварительно составить такое описание языка, которое учитывает все значения, релевантные для носителей языка в процессе речевой деятельности, и, только имея в руках это описание, он сможет переходить к работе с автоматом.

4. Специфика общения с автоматом требует, чтобы процедура 3-го этапа была формализованной. Тогда какой же должна быть процедура 1-го этапа—формализованной или нет? Покажем, что нет.

Говоря о взаимосвязанности 1-го и 3-го этапов, мы никоим образом не должны под этим понимать взаимосвязанность процедур 1-го и 3-го этапов (например, их зеркальность), но только одно: начальные данные 1-го этапа должны стать выходными данными 3-го этапа, а выходные данные 1-го этапа—начальными данными 3-го этапа (1-й этап: значение $A \rightarrow$ форма B ; 3-й этап: форма $B \rightarrow$ значение A).

Конечно, если бы мы могли построить процедуру узнавания человеком формы на основании значения, передаваемого этой формой как формально-логическую систему ($z \rightarrow x_1 \rightarrow x_2 \rightarrow \dots x_n \rightarrow \phi$, где стрелками отмечен вывод формы ϕ из значения z через посредство элементов x_1, x_2, \dots, x_n), то, „перевернув стрелки“ ($\phi \rightarrow x_n \rightarrow \dots \rightarrow x_2 \rightarrow x_1 \rightarrow z$), мы могли бы снабдить машину процедурой, на основании которой она выдавала бы искомые значения. Невозможность осуществления такого пути решения задачи на данном этапе развития науки заставляет нас искать другой путь, а именно: выделять интуитивно значения, сопоставлять их интуитивно формам и результаты этой интуитивной процедуры представлять как формализованное описание. Затем, принимая эти формализованные данные в качестве исходных, строить — опять-таки на основании интуитивной процедуры исследователя — формализованную процедуру 3-го этапа.

К каким итогам можно прийти, задавая исходные данные 3-го этапа путем формализованной процедуры и оставаясь в рамках логически непротиворечивой системы? Здесь возможна такая альтернатива: 1) либо отказаться от самой постановки задачи о построении АП, результаты которого не будут отличаться от «человеческих», 2) либо доказать, что путем формализованных процедур, применяемых к текстам, можно извлечь из этих текстов все те данные о языковых элементах (их формах и значениях), которые имеются в человеческой интуиции и извлекаются из нее посредством неформализованных процедур.

Мы не видим причин, по которым надо следовать первой возможности, поскольку выше мы показали, что, приняв в качестве исходных данных при построении автоматического анализа результаты интуитивной процедуры, мы в принципе можем

²⁰ Конечно, если соблюдается взаимосвязь между 1-м и 3-м этапами и шумы в канале связи не превышают тех, которые предусмотрены режимом работы автомата.

говорить о решении данной задачи. Попробуем принять вторую возможность. Рассмотрим следствия, которые отсюда вытекают.

Отметим, что, говоря о формализации процедуры извлечения информации из текста (т. е. о формализации процедуры 1-го этапа—процедуры построения грамматики), мы указываем на то, что источником информации является текст. Говоря об интуитивных процедурах, мы имеем в виду другой источник информации — интуицию носителя языка („языковую интуицию“, „язык“ в голове некоторого индивида). Приняв вторую возможность, т. е. предположив, что в результате обеих процедур мы получим одну новую информацию об исследуемом объекте, мы либо должны считать, что речь содержит в своем объеме все формы и значения, которые есть в языке, либо должен полагать, что язык богаче речи (по информации о формах и значениях), но в ходе интуитивной процедуры теряется та разница в информации, которая с самого начала существовала между языком и речью и которая при формализованной процедуре якобы остается неизменной до конца. Согласившись с первым „либо“, мы должны будем прийти к выводу о том, что если на каком-то языке имеются только тексты (например, только одна эта буква), то, несмотря на исторические данные о существовании целого народа, говорившего на этом языке, языка такого не было, а была только буква Т. Остается обратиться ко второму „либо“. Его абсурдность не менее очевидна: ни одно устройство, снабженное перечнем результатов всех формализованных процедур, когда-либо придуманных в лингвистике, не в состоянии соревноваться с ребенком, который интуитивно отличает „правильные предложения“ данного языка от неправильных. Таким образом, предположение о том, что в ходе интуитивной процедуры исчезают какие-то данные о языковых формах и значениях, которые тем не менее сохраняются в ходе формализованной процедуры, также противоречит всем нашему опыту. Поэтому мы не можем принять ни одно из двух „либо“, вытекающих из второй возможности, и приходим к необходимости отказаться от нее.

5. На основании этих соображений мы можем сделать такой вывод: для того чтобы наша грамматика могла быть использована для АП, процедуры ее построения должны быть интуитивными, а не формализованными: только когда человек извлечет из своей интуиции знания о языке и составляющих его элементах и на основании этих фактов составит формализованное описание языковых данных, имеющихся у него в интуиции, только тогда можно будет говорить о построении грамматики, в соответствии с которой автомат будет переводить так же, как человек. И наоборот. На основании грамматик, извлеченных и текстов формальным путем, автомат никогда (в принципе) не будет переводить, как человек²¹.

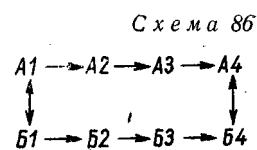
6. Поскольку человек, анализируя текст на родном языке, всегда идет от значения к форме, а автомат — от формы к значению, то с самого начала своей работы мы всегда должны в явном виде четко

²¹ См., например: «Всякое описание языка, предназначенное для использования в машине, должно быть строго формальным. Однако из этого не следует, что метод, при помощи которого достигается строго формальный результат, также должен быть строгим формальным. Существует два понимания термина „формальный“. Первое понимание зачастую имеющее хождение в лингвистике, отождествляет формальный метод с методом исследования языка с точки зрения формы (структуры выражения) без должного учета семантики (структуры содержания). Второе понимание, принятое в этой статье связано с представлением описания строгим, точным, аксиоматическим способом, не оставляющим места двусмысленностям. При этом то, что в первом понимании считается неформальным, а именно — элементы плана содержания, во втором понимании может быть формальным, т. е. строгим, точным, или, иначе говоря, однозначно соотношенными с элементами плана выражения. В этом смысле мы можем говорить о формальном задании соотношения элементов структуры выражения и элементов структуры содержания на основе которого могут производиться исследования над совершенно незнакомым языком чисто механически человеком или устройством. Для того чтобы формально задать соотношение между формой и значением, т. е. чтобы получить формальное описание, необходимо широко пользоваться нашими „интуитивными“ знаниями о языке, применять неформальный метод исследования. Таким образом, результат описания нужно отличать от методов его получения. В этом смысле мы можем говорить о возможности и необходимости создания формальных описаний грамматик языков неформальным путем» [157. 62].

формулировать, от какого значения мы идем, для того чтобы предвидеть, к какому значению придет автомат.

Неудачи тех, кто занимается АП, объясняются не порочным кругом, как это полагает М. Таубе [217], но наоборот: тем, что не уяснена необходимость круга в ситуации, которая изображена на схеме 86.

Здесь под А1 понимаются наши знания о значениях языковых форм, под А2 — языковые формы, за которыми стоят наши знания о них, под А3—языковые формы, которые выступают в реальных предложениях при порождении текста, под А4—значения, которые

стоят за порождаемыми формами в процессе речи, под Б1—знания о значении языковых форм, которые нами „закладываются" в грамматику, под Б2—формы, которые мы регистрируем в грамматике и за которыми стоят Б1, под Б3—формы, которые выступают в цепочках, порождаемых данной грамматикой, под Б4—значения, которые стоят за порожденными данной грамматикой формами.

Таким образом, если мы получаем, что автомат, например, порождает предложения типа *уголь живет в Ленинграде*, то это означает только то, что значение Б1, на основании которого составлялась инструкция для автомата, не соответствует тому значению А1, которое есть в человеческой интуиции. Другими словами, из этого казуса вовсе не следует, что «автомат выдал не то, что мы имели в виду»: просто при составлении грамматики мы сами не знали, что именно из языковых явлений мы имели в виду, и то, что затем „породил" в явном виде автомат на основании нашей грамматики, как раз и показывает, что именно в неявном виде мы учитывали при составлении грамматики.

Можно сказать, что элементы внутри цепей А и Б должны быть связаны друг с другом „жесткой связью". И значит, при постановке вопроса об адекватности грамматики следует рассматривать только соотношения между А1 и Б1, между А2 и Б2, между А3 и Б3, между А4 и Б4, но не отношения между А1 и Б4 или А4 и Б1, как это фактически делается, когда задаются вопросы типа: «Почему данная грамматика, которая порождает объекты А4, не порождает объектов типа Б4»? Ответ может быть только один: потому что ее составитель при построении своей грамматики исходил из объектов типа А1, но не типа Б1²².

²² Нам кажется, что именно этих вещей не понял М. Таубе и поэтому не смог отделить процедуры извлечения информации из текста, проводимые для составления грамматики, от процедур извлечения информации из текста при его анализе на основании уже имеющейся грамматики. См., например: «Другой практический подход к проблеме МП состоит в попытке составить программу вычислительной машины, способную определять синтаксическую структуру предложения путем анализа не контекста, а таких характеристик предложения, как порядок слов в нем, окончания слов, структура фраз и т. д. Стоит заметить, что этот подход содержит порочный круг, так как более разумно предположить, что части речи, порядок слов, окончания и вообще синтаксический характер частей предложения определяются содержанием предложения, а не наоборот—не содержание предложения определяется синтаксическими свойствами его частей. В обычных учебниках грамматики анализ предложения проводится для того, чтобы показать, как выражен смысл, а не для установления того, каково содержание. Без предварительного понимания содержания предложения такого грамматического анализа проводить нельзя. Например, мы исходим из понимания смысла данного слова, когда говорим, что оно является подлежащим предложения. Мы не смогли бы узнать, какой символ служит подлежащим предложения, если бы не знали значения символов» [217. 44].

М. Таубе действительно прав в том, что синтаксический характер частей предложения определяется при „человеческом" анализе содержанием предложения, и поэтому

§ 5. Формализованные процедуры и формальные теории

1. Установив, что при построении грамматики естественного языка формализованная процедура менее удобна, чем интуитивная, мы можем теперь поставить вопрос о том, существуют ли вообще грамматики, построенные на основании формализованных процедур. Поскольку многие исследователи полагают, что такие грамматики в действительности существуют, то мы на этом вопросе остановимся подробнее.

Обратимся к так называемым формализованным процедурам Ч. Харриса. Начнем со следующего фрагмента:

«Если A_1B_1 и A_2B_2 — цепочки, извлеченные из высказываний, которых каждое A_1B_1 — морфема, слово или цепочка слов, то част! бывает возможно объединить A_1 и A_2 в класс $\{A\}$, а B_1 и B_2 — в класс $\{B\}$ таким образом, что A_1B_2 и A_2B_1 , отсутствующие в данном наборе высказываний, также воспринимаются носителями языка как реально существующие предложения... мы скажем, что предложения найденные в высказывании, являются комбинациями отдельных членов этих классов и что такая же комбинация других членов этих классов также будет восприниматься как предложение» [345.8].

Разберем подробно процедуру, которая описана в данном фрагменте.

Отметив, что элемент A занимает некоторую позицию, и найдя рядом с ним элемент B , Ч. Харрис переходит к цепочке, в которой A занимает ту же самую позицию, и, найдя рядом с ним элемент C объединяет B и C в один класс. Таким образом, он получает класс элементов B и C , эквивалентных относительно A . Затем он переходит к элементам D , E и т. д.

Очевидно, что если мы расшифруем это «и т. д.», то станет ясно, что именно сюда „упрятана“ интуиция: для того чтобы B , C , D , E ,..., Z были объединены посредством формализованной процедуры в класс словоформ, эквивалентных относительно A , необходимо, чтобы был исследован текст, в котором имеются сочетания A со всеми этими элементами. Если же в нашем тексте элемент A сочетается только с B , C ,..., Y , то включить элемент Z в один класс с B можно только на основании метода лжеиндукции (конечно, если оставаться в рамках предложенной процедуры).

Но предположим, что, взяв в качестве элемента A артикль *the*, Ч. Харрис выделил-таки класс словоформ, которые следуют за *the*, не прибегая к методу лжеиндукции. Посмотрим, как протекает процедура дальше. Выделив свой первый класс, автор затем берет элемент B и отмечает элемент a_1 , который следует за элементом B , после этого он берет элемент C и отмечает элемент a_2 , который следует за элементом C , и т. д., пока не исчерпает список элементов $A — Z$. Таким образом, a_1 , a_2 ,..., a_n объединяются в один класс — класс элементов,

при извлечении грамматики из текста мы должны идти от значения к форме, а не наоборот. Неправ он в том, что думает, будто эту процедуру мы должны поручить машине. На самом деле мы должны сами сопоставить всем интересующим нас значениям формы, посредством которых они выражаются, и затем на основании этого описания составить алгоритм, дающий возможность по формам опознавать значения и, значит, предусматривающий, что машина будет „выводить“ содержание предложений из синтаксического характера его частей. Таким образом, на основании результатов человеческого анализа мы «сможем составить программу вычислительной машины, способную определить синтаксическую структуру предложения путем анализа не контекста, а таких характеристик предложения, как порядок слов в нем, окончания слов, структура фраз и т. д.» [217. 46].

имеющих одинаковую синтаксическую сочетаемость. Остальные классы автором строятся аналогично.

Теперь проанализируем результаты, к которым приходит автор. Если мы сравним класс $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n$ и класс B, C, \dots, Z , то увидим их разнокалиберность: B, C, \dots, Z — элементы, эквивалентные относительно одного элемента L (или класса, состоящего из одного элемента), а $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n$ — элементы, эквивалентные относительно класса, состоящего из m элементов (от A до Z). Таким образом, объединение B и C в один класс дает право автору формализованной процедуры утверждать, что:

1) если A встречается с B в тексте T и

2) если на основании некоторого текста T_1 элемент B был объединен в один класс с C (элементов, эквивалентных относительно A), то существует текст T_2 , такой, в котором A встречается с C ²³.

Посмотрим, какие утверждения можно основывать на объединении α_1 и α_2 в один класс. По-видимому, в этом случае можно говорить, что:

1) если C встречается с α_1 в тексте T и

2) если на основании текста T элемент α_2 был объединен в один класс с α_2 (элементов, эквивалентных относительно класса B, \dots, Z), то существует текст T_2 , такой, в котором один из элементов класса B, \dots, Z встречается с α_2 . Очевидно, что из этого утверждения ни в коей мере не следует, что с α_2 будет встречаться именно B или C , но речь может идти только об одном из элементов класса.

Из этих замечаний вытекает следующее. Если результаты подобной классификации кто-либо захочет использовать для построения порождающей грамматики, то он должен будет строить ее примерно в виде такой инструкции: возьми элемент A и любой из элементов класса B, C, \dots, Z —получишь правильную последовательность словоформ; возьми элемент α_1 и любой из элементов класса B, C, \dots, Z —получишь либо правильную, либо неправильную последовательность словоформ (если под „правильной“ понимать последовательность, которую мог встретить в тексте тот, кто составлял классы).

Следовательно, для того чтобы грамматика порождала только „правильные“ предложения, необходимо, чтобы при составлении описания, на основании которого строится данная грамматика, выделялись только классы типа B, C, \dots, Z , но не классы типа $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n$. Если же грамматика построена на основании процедуры, выделяющей классы типа $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n$, т.е. классы, не все элементы которых проверены на сочетаемость с контрольным элементом, то ни о какой формализованной процедуре, предшествовавшей данной грамматике, с нашей точки зрения, говорить нельзя.

Нам не известна ни одна языковедческая работа, классы формальных элементов в которой были бы получены вследствие формализованной процедуры как классы, все элементы которых проверены на наличие свойства, положенного в основу построения данного класса. Поэтому мы считаем, что описаний формализованных процедур построения грамматик естественных языков нет.

2. А как обстоит дело с формальными теориями? И что вообще

²³ Если исследователь опускает условие (2) при формулировке исходных данных своей теории, то он нарушает строгость либо при ее изложении, либо при ее построении. В первом случае он, не нарушая формализованной процедуры, приводит некорректное ее описание, во втором случае он, возможно, корректно описывает факты, но сами эти «факты получены путем обращения к объектам, невыводимым в рамках данной формальной теории.

следует понимать под формально-языковой или формально-лингвистической теорией?

Формальной теорией мы будем называть описание формальной системы. Формальную систему мы вслед за Г. В. Карри²⁴ определим через набор условий, которому она должна удовлетворять. В соответствии с этим формальной мы будем называть систему, которая имеет элементарный базис (primitive frame), состоящий из: 1) набора объектов (элементарных термов); 2) набора элементарных суждений, которые являются операциями над термами; 3) набора таблиц, которые регистрируют логическую валентность (истинность—ложность) элементарных суждений.

Таким образом, элементарный базис дает список элементарных термов, а также списки операций и правил, по которым конструируются все остальные термы. С помощью пункта 3) строятся рекурсивные определения: набор аксиом, которые истинны *per definitionem*, а также правила порождения (rules of procedure) других суждений.

Что такое набор элементарных термов? Это—список исходных символов, образно говоря, кирпичиков, из которых (и только из них) будут построены все остальные объекты как различные комбинации этих исходных объектов. Операции, которые нам будет разрешено производить, будут операциями только над исходными символами и их комбинациями. Поэтому если мы ставим вопрос о формальной языковой или лингвистической теории, то прежде всего мы должны выяснить, какие элементы приняты в качестве исходных объектов данной системы и соответствуют ли они тем объектам, которые выше были названы элементарными термами.

3. Допустим, у нас есть определение О: «Теория языка называется формальной, если она относится к актуальным знакам языка [буквам, фонемам, словоформам (words) и т. д.], а не к их значениям»²⁵. Посмотрим, как оно соотносится с определением формальной теории, из которого исходим мы.

Предположим, что оба определения не противоречат друг другу. Тогда на основании определения О (в соответствии с нашим определением) мы можем предположить, что теория языка будет формальной, если в качестве термов в ней выступают буквы и словоформы. Поскольку словоформы действительно можно представить как различные комбинации букв (и только букв), то, приняв букву в качестве элементарного терма, мы сможем представить словоформы как цепочки элементарных термов, и, значит, в этом отношении полученная система будет удовлетворять требованиям формализма. Но будет ли такая система формальной системой естественного языка?²⁶ Очевидно, нет. Объекты естественных языков (слова, предложения) невозможно собрать из букв. Поэтому если мы в качестве элементарных термов примем слова и предложения, то в качестве элементарных термов мы должны будем постулировать не буквы, а какие-то совсем другие единицы.

²⁴ H. B. Curry, *Outlines of a formalist philosophy of Mathematics*, Amsterdam 1951.

²⁵ «A theory of a language is called formal if it refers to the actual signs (letters, phonemes, words and so on) of the language and not to their meaning» [263. 110]. Words мы переводим «словоформы», поскольку именно словоформы суть actual signs, которые соответствуют словам, но при обращении к которым не нужно апеллировать к значениям настоящих слов.

²⁶ Ниже мы более подробно говорим о том, какое понятие связывается в данной работе с термином «формальная система естественного языка».

И значит, прежде всего мы должны выяснить, каковы те кирпичики, из которых можно было бы собрать слова и предложения и которые можно было бы принять в качестве термов формальной системы.

Обратимся опять к соотношению слов и букв. Почему слова не собираются из букв? Потому что слова имеют значение и эти значения невыводимы из букв, т. е. символов, из которых можно собрать формы слов (словоформы). Итак, мы зашли в тупик: единицы естественного языка нельзя собрать из формальных элементов, а формальную систему нельзя построить не из формальных элементов... И значит: либо формальная система, либо естественный язык... Чтобы преодолеть это противоречие, рассмотрим различные варианты построения моделей естественных языков.

Во-первых, при создании модели естественного языка можно попытаться в качестве элементарных единиц принять слова (формально-смысловые дуалы). Однако для того чтобы эти единицы были такими членами формальной системы, как элементарные термы (элементарные единицы формальной системы), необходимо суметь задать их списком. Такой возможности у нас нет. Мы можем составить только список словоформ, соответствующих словам; понятие же «список слов», останется при этом неформализованным (не строго определенным) и ни о какой формальной теории в этом случае не может быть и речи.

Во-вторых, мы можем отказаться от сущности естественных языков и аппроксимировать их через формальные языки, представляющие цепочки словоформ, освобожденных от значений. Именно по этому пути пошел Ч. Фриз и его последователи; порождающая грамматика Н. Хомского фактически показала, что на этом пути формальную систему построить нетрудно. Однако эта система не является моделью естественного языка; формальная же модель естественного языка при таком подходе представилась еще более недостижимой, чем раньше.

Другими словами: попытка создать формальную систему как формальную модель естественного языка путем механического отсечения каких-то свойств естественного языка фактически показала, что этот путь непригоден для осуществления тех задач, в связи с которыми возникла необходимость построения самой модели.

Таким образом, ни первый, ни второй варианты фактически из тупика не выводят; наоборот, эти варианты только еще больше заостряют дилемму, поставленную с самого начала: либо формальная система, либо естественный язык.

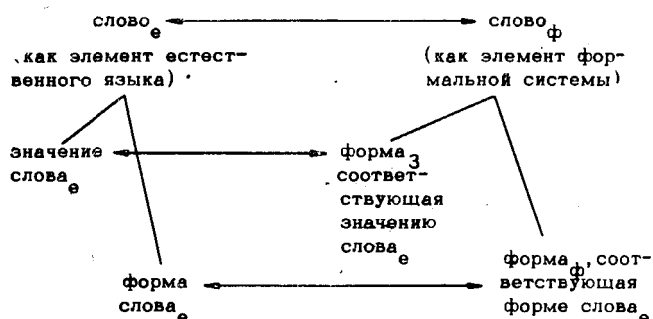
4. Однако попробуем найти выход из этого положения. Для этого опять вернемся к соотношению слов и букв.

Допустим, в качестве неэлементарных термов некоторой формальной системы, являющейся моделью естественного языка, мы хотим выбрать слова. Помня, что слово—это формально-смысловой элемент и что в качестве термов как элементов формальной системы должны выступать „чисто" формальные элементы, мы можем попытаться преодолеть противоречие между формальным характером искомой системы и неформальным характером исходных данных. Для этого сопоставим словам естественного языка (формально-смысловым дуалам) некоторые слова формального языка (квази-формальные дуалы) по такой схеме (см. схему 87).

Будем рассуждать далее так. Чтобы формальная система оказалась моделью естественного языка, надо, чтобы все охватываемые ею элементы соответствовали элементам естественного языка. Поэтому слова (квази-формальные дуалы) мы должны построить так, чтобы результаты работы с ними в точности дублировали результаты работы

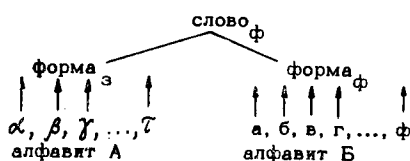
с настоящими словами. Например, предположив, что слово e — неэлементарная единица, мы должны будем ввести аналогичное допущение и для слова f , т. е. сформулировать тезис: слово f является неэлементарным термом и может быть получено из элементарных термов вследствие операций, предусмотренных нашей формальной теорией.

Схема 87

Какими должны быть элементарные термы? Такими, чтобы они соответствовали тем единицам, из которых собираются слова e . Поэтому, если мы допустим, что слово e собирается из двух типов объектов — букв и семантических множителей, то и для слова f мы должны предусмотреть такую же возможность. Эту возможность можно реализовать, выбрав, например, два различных алфавита элементарных символов: один алфавит (A) будет представлять собой список элементарных термов, из которых будут строиться неэлементарные термы, соответствующие форме z неэлементарного терма — слова f , а второй алфавит (B) будет являться списком элементарных термов, из которых будут строиться неэлементарные термы, соответствующие форме f неэлементарного терма — слова f (схема 88).

Схема 88

Таким образом, слово как неэлементарный терм будет построено из пары неэлементарных термов — форма z и форма f , каждый из которых построен из элементарных термов (букв алфавита A и B).

Следовательно, если в качестве элементарных термов нашей формальной теории мы примем элементарные термы, представленные списками A и B , а в качестве правил построения неэлементарных термов и суждений выберем правила, в соответствии с которыми в нашей формальной системе будут порождаться формальные объекты, которые можно будет рассматривать как дубликаты к объектам естественного языка, то мы сможем выйти из тупика, о котором писали выше: с одной стороны, нам удастся построить формальную систему, с другой — эта формальная система будет моделью естественного языка.

Итак, приведенный выше ход рассуждений позволил разрешить сформулированную нами дилемму путем построения двухступен-

чатой (формально-смысловой и квази-формальной) модели естественного языка, или, пользуясь термином, уже употребленным ранее,— путем построения формальной системы естественного языка.

Следовательно, убедившись в невозможности решить „в лоб“ (т. е. путем механического отсечения неформальной части языка) задачу о построении формальной языковой теории, мы пришли к некоторой конструкции, дающей решение интересующей нас задачи. Однако возникает вопрос: не является ли эта конструкция слишком сложной? Нельзя ли предложить другую конструкцию (не двухступенчатую), с помощью которой достигался бы тот же самый результат более просто?

5. Вернемся к приведенным выше первым двум вариантам, с которых мы начинали свои построения. Попробуем превратить их в искомую модель.

Приняв в качестве элементарных (т. е. далее неделимых) термов формальные объекты, соответствующие словам, мы должны будем при построении формальной теории прежде всего составить список элементарных термов, соответствующих всем словам данного языка (при этом поскольку слово считается неделимым далее элементом, то такие единицы, как например *книга* и *книги*, придется считать различными словами). После этого мы должны будем сконструировать правила построения неэлементарных термов, такие, чтобы вследствие применения этих правил к элементарным термам получались единицы, соответствующие единицам естественного языка (словосочетаниям, предложениям, абзацам).

Таким образом, построение формальной системы мы и здесь осуществляем не непосредственно на материале естественного языка, а опосредствованно: сначала мы создаем модель естественного языка, а затем как бы подбираем под нее формальную систему. И значит, принципа двухступенчатости при таком подходе избежать нам не удалось:

фактически мы просто предложили другой тип модели, основанной на том же принципе двухступенчатости.

Остановимся на сравнении некоторых характеристик обоих типов. Отметим, что при построении модели третьего варианта список элементарных термов будет состоять из алфавита формальных фигур (около 50 букв и цифр) и алфавита смысловых фигур (семантических множителей). Количество семантических множителей, из которых можно собрать любое слово данного языка, нам неизвестно. Но если судить по работам, которые ведутся в этом направлении [15; 129; 130], общее количество смысловых фигур едва ли превзойдет тысячу единиц.

В отличие от этого при построении модели первого варианта список элементарных термов будет не меньше миллиона (если учесть, что каждое слово, например в русском языке, имеет, по-видимому, в среднем не менее пяти грамматических форм, каждая из которых должна быть представлена в нашем списке в виде отдельного слова,— тогда цифра 1 000000 едва ли покажется завышенной).

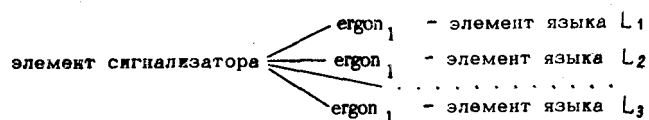
Таким образом, сравнение обеих моделей в отношении списков элементарных единиц, из которых будут строиться все неэлементарные единицы, явно говорит не в пользу модели первого варианта. Можно выдвинуть еще одно соображение, которое целесообразно учитывать при построении моделей и в силу которого преимущества модели третьего варианта становятся еще более очевидными.

Мы имеем в виду требование универсальности модели; в соответствии с этим требованием самой удобной должна считаться конструкция, в которой можно выделить две части—универсальную

и специфическую. Универсальная часть не должна зависеть от языка, на материале которого она строится, и должна быть сконструирована так, чтобы ее можно было использовать при создании модели любого языка; в отличие от нее специфическая часть должна отражать свойства каждого конкретного языка и при переходе от языка к языку меняться.

Исследуя языковые элементы как формально-смысловые единицы, можно отметить, что между смысловыми сторонами языковых единиц из различных языков существует определенное отношение, которое мы назовем тождеством по денотату (или в терминах модели речевой деятельности, описанной в гл. IV, — тождеством по сигнализатору). Это отношение формируется на основании того, что в одной и той же ситуации для указания на один и тот же элемент объективной действительности (например, на обложку этой книги) говорящие на различных языках извлекают из своих списков $ergon_1$ -элементов по одному элементу, с помощью которого все они обозначают одно и то же: обложку этой книги. Другими словами, говорящие как бы устанавливают схему отношений такого типа, при которой элементы из разных языков считаются равными не на основании непосредственного их сравнения между собой, а благодаря сопоставлению каждого из них с элементом сигнализатора (схема 89).

Схема 89

Таким образом, если мы в качестве смысловых фигур $ergon_1$ -элементов различных языков выберем смысловые фигуры, с помощью которых можно будет охарактеризовать тождества и различия $ergon_1$ -элементов по сигнализатору, то тем самым мы сможем выделить инвариантную и специфическую части нашей модели (отнеся к инвариантной части модели смысловые фигуры, с помощью которых передается тождество по сигнализатору $ergon_1$ -элементов во всех языках, а к специфической части—в каждом языке формальные фигуры и те из смысловых фигур, с помощью которых можно эксплицировать различие по сигнализатору, свойственное $ergon_1$ -элементам одного языка и не свойственное $ergon_1$ -элементам другого языка).

Очевидно, что между словами различных языков невозможно установить тождество по сигнализатору (например, то, что передается в языке L_1 с помощью одного слова, в языке L_i может передаваться двумя словами, а в языке L_j — морфемой, т. е. частью слова). Поэтому при построении модели первого варианта мысль об универсальности становится недостижимой мечтой. Наоборот, создавая модель третьего варианта, мы фактически можем всю свою работу поставить в зависимость от требования универсальности и, выделив те или иные семантические множители в каком-то конкретном языке, затем перейти к их „опробованию“ на материале других языков с целью выявления их универсальности или специфичности.

Таким образом, „подправив“ первый вариант, мы не смогли преодолеть принцип двухступенчатости и фактически предложили способ реализации этого принципа, с нашей точки зрения, менее интересный, чем способ реализации, представленный в третьем варианте.

Посмотрим, как можно трансформировать модель второго варианта в модель естественного языка. Приняв за элементарные термы формальной теории некоторые формальные элементы, имеющиеся в естественном языке, можно попытаться построить неформальную теорию и с ее помощью осуществить сопоставление формальных элементов, принятых в качестве элементарных термов, некоторым значениям. Так, выбрав в качестве элементарных термов буквы, мы сможем ввести правила сопоставления букв и значений, например, по такому типу: «буква *л* передает значение плавности, ласки и любви, буква *н* — значение неряшливости, нанизывания и нытья» и т. п. В соответствии с этими правилами можно будет впоследствии выразить и значения неэлементарных термов (в виде различных комбинаций значений элементарных термов).

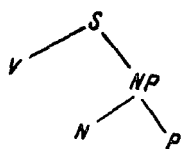
Очевидно, что, работая в этом направлении, мы сможем создать множество неформальных систем, являющихся интерпретациями нашей формальной системы. Найдется ли среди этих интерпретаций та, о которой можно будет сказать, что она соответствует значениям естественного языка? Почему бы нет? Но как скоро и с помощью каких затрат энергии человеческого разума? Ответить на этот вопрос мы не в состоянии.

Однако нам кажется, что наиболее целесообразно задачи такого типа решать с конца: начать с естественной системы и затем „подогнать“ под нее формальную систему, т. е. описать естественную систему так, чтобы принципы описания позволили впоследствии построить по нему формальную модель. После получения искомой формальной модели естественную систему можно соотнести с ней как одну из ее интерпретаций. Другими словами, решение задач указанного типа нам представляется наиболее целесообразным осуществлять именно с помощью принципа двуступенчатости, использованного в моделях первого и третьего вариантов. В связи с этим можно отметить следующее.

При описании языковых фактов, на основании которых составляется порождающая грамматика, мы вынуждены переходить от предложений естественного языка к терминам подклассов и классов (например, от *Я читаю книгу* к PVN_{acc}), т. е. как бы осуществлять много-однозначное отображение цепочек естественного языка на цепочки языка конструкторов. При построении порождающей грамматики мы совершаем обратный переход: осуществляем одно-многозначное отображение цепочек языка конструкторов на цепочки естественного языка. Поэтому когда говорят: «Грамматика языка рассматривается как кибернетическое устройство, порождающее формально правильные предложения. На входе этого кибернетического устройства мы имеем глобальный знак S , который служит абстрактным символом предложения как нерасчлененного элемента. Путем ряда последовательных замен знака S цепочками символов мы получаем — на выходе данного кибернетического устройства разнообразные виды реальных предложений языка» [246.16], — мы должны помнить, что речь идет не о простом переходе от символа S , не имеющего никакого значения, к символу S_1 , также не имеющему значения, и т. д. вплоть до символа, обозначающего конкретную словоформу, а о качественном — преобразовании символов с различными объемами значений (происходит как бы процесс сжатия и расширения значений символов). Таким образом, при построении порождающих грамматик, по-видимому, необходимо вводить ярусы символов, одинаковых по объему значения относительно данной грамматики. Другими словами, схемам такого типа, который изображен нами на

схеме 90, необходимо давать интерпретацию в терминах значений входящих в них символов (так, например, в грамматике, где выделяют два члена предложения *V* и *NP*,

Схема 90

символ *S* вдвое „значимее“ символов *V* и *NP* и т.п.). Если этот процесс удастся довести до элементарных формальных единиц (букв), то задачу о нахождении искомой интерпретации, по-видимому, можно будет считать решенной.

6. Выше мы отмечали, что попытка построения формальной модели естественного языка путем механического отсечения его неформальной части фактически является попыткой подменить естественный язык *Я* формальным языком *Я_ф*. Посмотрим, почему

такая подмена неправомерна. Остановимся на методах, которыми пользуются те, кто работает с формальными языками (например, математики), и сопоставим их с методами, которыми оперируют лингвисты. Обратимся к так называемой абстракции отождествления, которой оперирует математик, и посмотрим, может ли она удовлетворить лингвиста.

В «Теории алгорифмов» А. А. Марков по поводу абстракции отождествления говорит следующее: «Возможность установления одинаковости букв позволяет нам, путем абстракции отождествления, построить понятие абстрактной буквы. Применение этой абстракции состоит в данном случае в том, что мы начинаем говорить о двух одинаковых буквах, как об одной и той же букве. Абстрактные буквы — это буквы, рассматриваемые с точностью до одинаковости. Применение абстракции отождествления оправдано здесь постольку, поскольку соблюдаются условия: всякая рассматриваемая буква одинакова сама с собой (рефлексивность одинаковости); если одна буква одинакова с другой, то последняя одинакова с первой (симметрия одинаковости); две буквы, одинаковые с третьей, одинаковы друг с другом (транзитивность одинаковости)... Две конкретные буквы тогда и только тогда представляют одну и ту же абстрактную букву, когда они одинаковы.

Иными словами, тождество абстрактных букв выражается одинаковостью их представителей»²⁷.

Так выглядит абстракция отождествления, с которой работает математик, — никакой другой абстракцией отождествления при оперировании с математическими объектами ему пользоваться не приходится. Причина этого очевидна: формальный характер математических объектов

Не менее очевидно и то, что объекты, с которыми имеет дело языковед, отличаются от математических объектов именно своим неформальным характером, т. е. своей формально-смысловой структурой. Естественно предположить, что различие в объектах не может не отразиться на методологических принципах их описания. А это наводит на мысль, что в отличие от математика, который пользуется одной абстракцией отождествления (формальных элементов), лингвист должен уметь обращаться с тремя абстракциями отождествления: 1) абстракцией отождествления формальных элементов; 2) абстракцией отождествления смысловых элементов; 3) абстракцией отождествления формально-смысловых элементов.

Именно в этом различии мы видим причину того, что лингвистам не удается автоматически перенести аппарат, созданный логиками, на

²⁷ См : А. А. Марков, Теория алгорифмов, — «Труды Математического ин-та им В.А. Стеклова», 1954, т. 42, стр. 8.

свой объект и построить формальную теорию естественного языка путем механического отсечения его неформальной части²⁸.

7. Итак, под формальной теорией естественного языка следует понимать не любую формальную теорию, но только такую формальную теорию, которая оперирует с формальными элементами, соответствующими элементам естественного языка. Иначе говоря, формальной теорией какого-либо естественного языка можно считать только такую формальную систему, в качестве интерпретации которой может выступать этот естественный язык.

Поскольку существенно различие между процедурой получения результатов и совокупностью результатов, абстрагированных от процесса их получения, необходимо четко фиксировать объект, подвергаемый формализации, и отмечать, идет ли речь о формализации системы, в виде которой представлены результаты языковедческой работы, или о формализации процедуры, с помощью которой языковед получает эти результаты.

В соответствии с этим теории формализации, имеющих место в лингвистике, можно разделить на две части: 1) теории формальных систем (или просто: «формальные теории»); 2) теории формализованных процедур.

Зафиксируем способы, которыми можно составлять языковые теории из этих двух частей [1] из теории процедуры получения некоторых результатов и 2) из теории представления самих результатов (см. табл. 3)].

Таблица 3

№	Формализации		Характеристика	Название
	процедура	результатов		
1	+	+	Формальная система, полученная вследствие формализованной процедуры	Квази-формальная теория
2	+	—	Неформальная система, полученная вследствие формализованной процедуры	—
3	—	+	Формальная система, полученная вследствие неформализованной процедуры	Формальная теория
4	—	—	Неформальная система, полученная вследствие неформализованной процедуры	Неформальная теория

²⁸ Ср.: «Я указывал на определенные явные связи между логической и филологической теориями языка. Но эти связи едва ли являются прочными. Логическая теория языка развивалась безотносительно к филологии, и совершенно очевидно, что логики, хотя и постоянно говорят о языке, тем не менее пренебрегают, по совершенно непонятной причине, результатами филологических построений теории. В частности, понятие знака, отстаиваемое этими учеными, имеет значительные недостатки и несомненно уступает понятию знака у Соссюра; логики не учитывают, что лингвистический знак — двусторонний, состоящий из содержания и выражения, и каждая из этих сторон может быть подвергнута чисто структурному анализу» [362. 76].

Аналогично можно представить соотношение и лингвистических теорий. При этом можно отметить, что целью построения формальной языковой теории обычно является модель искусственного механизма, имитирующего речевую деятельность человека, который говорит *на* данном языке. Цель построения формальной лингвистической теории иная. Это: модель искусственного механизма, имитирующего речевую деятельность человека, который говорит о данном языке. Друг? ми словами, целью построения формальных языковых теорий являются модели механизмов речевой деятельности не-языковеда и не-лингвиста. Целью построения формальных лингвистических теорий являются модели механизмов речевой деятельности языковеда и лингвиста.

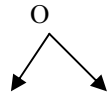
1. ЗНАКИ И ДУАЛЫ

§ 1. Знаковая структура слова, предложения и связи

1. Во Введении мы постулировали рассмотрение слова как дуала. В соответствии с этим были представлены в виде дуалов и другие лингвистические элементы: предложение, синтаксическая связь, основа слова и окончание. Теперь мы можем заняться вопросом о соотношении понятий «дуал» и «знак». Итак, чем дуал отличается от знака?

По-видимому, называя объект дуалом, мы обращаем внимание только на одно: на двойственность его структуры (схема 1).

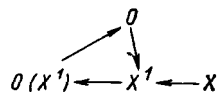
Схема 1

В отличие от этого, говоря, что какой-то объект O рассматривается нами как знак, мы фиксируем не только его внутреннюю двойственную структуру, но также и то, в какие отношения он вступает с другими объектами X (по-видимому, именно с этим связано то, что, называя объект знаком, мы спешим добавить «знаком чего»).

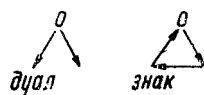
Следовательно, называя объект O знаком объекта X, мы как бы отмечаем, что объект O расщепляется на две части, одна из которых — X^1 — индуцируется объектом X, а вторая — $O(X^1)$ — функционирует лишь как материализация первой (схема 2).

Схема 2

Таким образом, если тройку элементов $O, O(X^1), X^1$ отделить от элемента X как тройку, входящую во внутреннюю структуру O, и элемент, внешний по отношению к внутренней структуре O, то внутреннюю структуру элемента, названного дуалом, можно будет противопоставить внутренней структуре элемента, названного знаком, в соответствии со схемой 3.

Схема 3

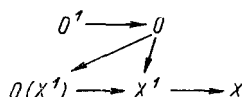
Как видно из схем, при определении понятия «дуал» мы строим свои рассуждения в соответствии с процедурой анализа (от сложного целого к его элементарным составляющим). Поскольку подобный подход не связан с самим понятием о дуале, а обуславливается

методом нашей работы, мы можем провести свои рассуждения в обратном порядке и определить понятие «дуал» с помощью процедуры с и н т е з а (от элементарных составляющих к сложному целому) (схема 4).

Схема 4 С другой стороны, при определении понятия «знак» также допускается не единственная процедура для вскрытия внутренней структуры понятия: так, мы можем сказать, что, взяв некоторый объект O^1 , мы представили его в виде абстрактного объекта O , имеющего только одно свойство— «быть материальной субстанцией другого объекта»— $O(X^1)$, и затем сопоставили этой „чистой материальности“ тот объект X , материализацией (X^1) которого эта субстанция может являться (схема 5).

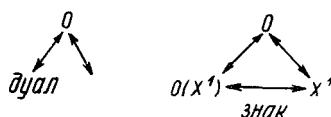

Схема 5

Таким образом, абстрагируясь от объектов O^1 и X , внешних по отношению к внутренней структуре O , и составляя результирующую схему соотношения внутренней структуры O как дуала и O как знака, мы можем получить:

Схема 6

Значит, различие между структурой элемента, постулируемого как знак, и структурой элемента, постулируемого как дуал, сводится к констатации связи между двумя сторонами знака, в одном случае, и отсутствию такой констатации — в другом. Следовательно, если апеллировать только к внутренней структуре элементов, то любой знак можно назвать дуалом; обратное соотношение неверно: знаком можно считать только такой дуал, стороны которого определенным образом фиксированы в отношении друг друга.

2. Как эти выводы можно применить к лингвистическим элементам, исследованием которых мы занимались выше? Можно ли лингвистические элементы, которые мы описали как дуалы, преобразовать в лингвистические элементы-знаки? И если можно, то зачем это нужно и к какой перестройке нашей теории это может нас привести?

В главе IV, описывая работу сигнализатора, мы определили значение $ergon_1$ -элемента как ту часть $ergon_1$ -элемента, которая как бы индуцируется в нем сигнализатором (постулат S). Эту часть $ergon_1$ -элемента мы связали взаимным одно-однозначным соответствием с другой его частью—формой $ergon_1$ -элемента (постулат T). Другими словами, мы определили $ergon_1$ -элемент не просто как дуал (постулат R), но как дуал, между сторонами которого (посредством постулата T) зафиксировано определенное отношение, т. е. фактически с помощью постулатов R и T мы определили $ergon_1$ -элемент как знак.

Пытаясь охарактеризовать отношение, зафиксированное между сторонами $ergon_1$ -элемента, можно сказать, что это такое отношение(Q), при котором значение $ergon_1$ -элемента в то же самое время яв-

ляется значением формы $ergop_1$ -элемента, а форма $ergopi$ -элемента является также формой значения $ergop_1$ -элемента (схемы 7 и 8).

Схема 7

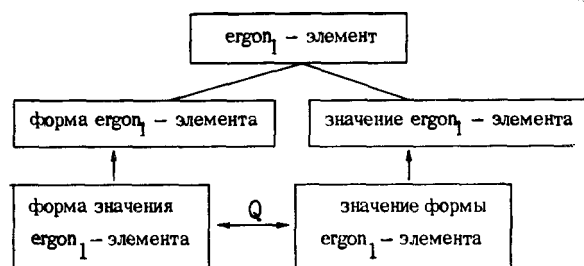
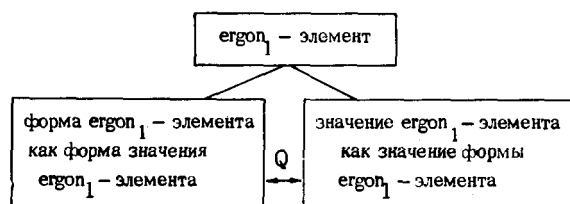

Схема 8

Отсюда следует, что $ergopi$ -элемент, которым мы должны воспользоваться при построении нашей модели речевой деятельности, должен быть не просто дуалом, но знаком, между сторонами которого установлено отношение Q. А так как в качестве указанного $ergop_1$ -элемента мы выбрали слово, то, значит, слово как лингвистический элемент, принятый за исходную единицу нашей теории, следует определить не просто как дуал, но как знак, между сторонами которого установлено отношение Q (схемы 9 и 10).

Схема 9

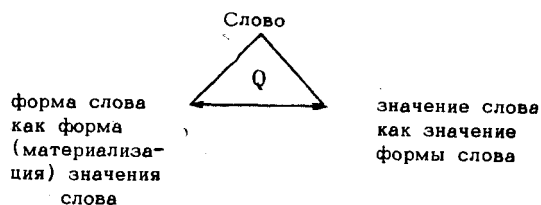

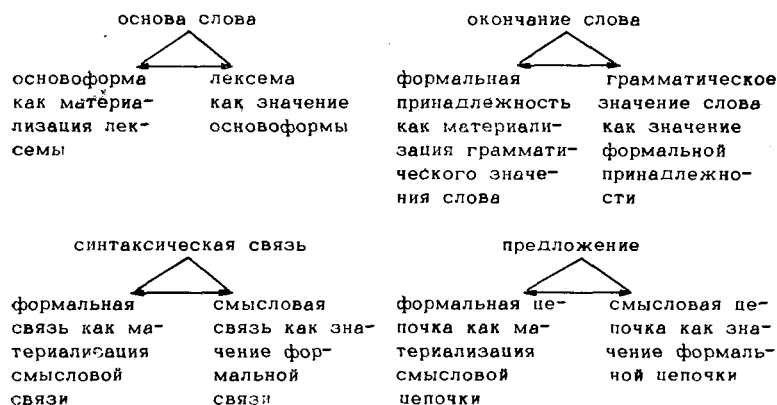
Схема 10

Такое определение слова находится в полном согласии с нашим представлениями о слове, т. е. воспринимается нами как совершенно естественное определение, которое может быть принято в качестве характеристики исходного объекта нашей теории.

3. Очевидно, что переопределение слова должно повлечь за собой переопределение всех лингвистических элементов, построенных как его дериваты. В результате мы получим такой набор знаков (схема 11).

Схема 11

На основании этих схем можно построить определения лингвистических элементов, которые находятся в полном соответствии с определениями, употребляемыми в лингвистике. В то же время эти определения можно получить, следуя принципу параллелизма, как дериваты от исходного определения понятия о слове, — аналогично тому, как это было сделано для определений дуалов: отличаться эти дериваты от прежних будут только одним — констатацией в каждом из них указания на отношение Q. Например, вместо определения «Предложение — это дуал, одной стороной которого является формальная цепочка, а второй стороной — смысловая цепочка» мы получим определение «Предложение — это дуал, формальная сторона которого является формой его смысловой стороны, а смысловая сторона — значением формальной». Отсюда — если слово мы будем рассматривать не просто как дуал, но как знак, то, чтобы перейти от определения «Предложение — это цепочка связанных слов-знаков» к определению «Предложение — это цепочка словоформ, имеющая смысл», нам не понадобится вводить дополнительное условие, о котором мы писали во Введении (см. стр. 16). Задавая при определении слова, связи и предложения отношение Q, мы тем самым фиксируем нужное нам условие, и, значит, оба интересующих нас определения предложения выступают как непосредственные дериваты один другого.

Что касается третьего определения предложения («Предложение — это мысль, выраженная словами»), то его также можно представить как модификацию уже полученных двух определений предложения-знака аналогично тому, как это было сделано для предложения-дуала. Для этого мы должны будем воспользоваться рассуждениями, представленными в главе IV, нарушив их только в одном пункте, касающемся введения дополнительного условия о том, что определение предложения «от формы к значению» должно быть характеристикой того же самого предложения, которое определялось при подходе «от зна-

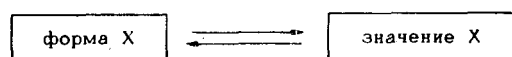
чения к форме» (см. постулат А на стр. 135). Поскольку при определении объектов как знаков между их сторонами мы устанавливаем фиксированное отношение Q, то процедура «форма объекта X → значение объекта X», имевшая место в случае простых дуалов, теперь превратится в процедуру «форма объекта X как материализация значения X → значение объекта X как значение формы объекта X». И значит, работая с формой и значением X, постулированного как знак, мы фактически все время будем фиксировать, что X остается в наших операциях одним и тем же: вводить дополнительный постулат о самождественности X в этом случае нам не придется.

Таким образом, доопределение слова и предложения до знаков несколько упростило нашу теорию, но на общей конструкции лингвистических объектов не отразилось.

§ 2. Знаковые процедуры, семиотики и знаковая теория

1. Посмотрим, какие изменения нам придется внести в конструкцию процедур над лингвистическими объектами при их систематизации в классы. Нам представляется, что сущность этих изменений сводится только к одному — большей жесткости процедур, которая состоит в том, что на каждом шаге осуществляется фиксация не только той части знака, которая находится в работе, но и той части знака, которая „отдыхает“ (эта фиксация осуществляется за счет того, что регистрация одной стороны знака автоматически ведет к регистрации другой стороны знака: если в работе находится форма, то, теперь не просто фиксируется эта форма, но отмечается, что это—форма, имеющая такое-то значение; аналогично обстоит дело при переходе к значению). Другими словами, вместо процедур над дуалами, которые можно изобразить в виде схемы:

Схема 12

мы строим процедуры, которые можно определить в соответствии с такой схемой:

Схема 13

Таким образом, мы констатируем превращение наших процедур из дуалистических в знаковые.

2. Определение элементов как дуалов привело нас к концепции о классах дуалистических элементов, получаемых вследствие дуалистических процедур. Аналогично — постулирование элементов в виде знаков и установление знаковых процедур для формирования классов из этих элементов дает нам основание говорить о классах знаков, или о семиотических классах.

В соответствии с этим результат некоторой систематизации семиотических классов мы будем называть системой семиотических классов, или просто семиотикой классов.

3. Поскольку постулирование элемента в виде знака никак не отражается на использовании принципа параллелизма, то аналогично ТОI как были введены термины «дуалистическое определение слова, связи, предложения, основы слова и его окончания», можно ввести термин «знаковое определение слова, связи, предложения, основы слова и его окончания».

Точно так же можно поступить и в отношении терминов: «дуалистический характер определения понятия о классе и процедуре», «дуалистический характер теории речевой деятельности», «дуалистический характер лингвистической теории», введя соответственно вместо н термин: «знаковый характер определения понятия о классе и процедуре», «знаковый характер теории речевой деятельности», «знаковый характер лингвистической теории» (или просто «знаковая теория»).

§ 3. Реализация знаковой теории на практике

1. В главе IV мы отмечали, что конструирование лингвистической теории мы осуществляем для того, чтобы создать аппарат, который дает нам возможность построить определенную языковую теорию. Описание этой языковой теории не входит в задачу данной книги: «Аналитическая лингвистика» является как бы теоретическим введением в описание фактического материала, т. е. введением в языковую теорию, построением которой мы намерены заниматься в дальнейшем.

2. Здесь мы наметим только этапы построения языковой теории. Прежде всего, это — конструирование семиотических систем классов элементов, принятых нами за исходные $ergon_1$ -элементы, т. е. построение двух семиотик классов слов: семиотики частей речи и семиотики членов предложения, противопоставленных друг другу как парадигматическая и синтагматическая семиотики (с оппозицией «синтагматика/парадигматика» здесь связывается, как и выше, противопоставление «то, что упорядочено во времени/то, что не упорядочено во времени»). Следующий шаг — создание семиотической системы синтаксических связей: очевидно, что, располагая семиотиками классов слов и семиотической системой связей в исследуемом нами языке, мы сможем в терминах этих трех систем описать его макросинтагматику (синтагматические цепочки слов) и макропарадигматику (парадигматические ряды слов), т. е. ту часть речевой деятельности, которая представляет собой операции над словами и их сочетаниями. Самой мелкой единицей, которой мы можем пользоваться на данном этапе, является слово, самой крупной — какой-либо кусок текста (например, абзац). А так как и слово, и предложение, и связь в нашей теории выступают как знаки, то можно сказать, что при построении макропроцессов речевой деятельности мы будем все время оставаться в сфере знаков.

Кроме макропроцессов в речевой деятельности можно выделить еще одну часть: операции над частями слов (основами, окончаниями, или, вообще говоря, морфемами). Эту часть речевой деятельности можно назвать микропроцессами: соответственно микросинтагматикой¹ (синтагматические цепочки морфем) и микропарадигматикой (парадигматические ряды морфем). Самой крупной единицей, которой мы будем пользоваться на этом этапе, является слово, самой мелкой формальной единицей — буква, самой мелкой смысловой единицей — семантический множитель. А так как буквы и семантические множители были

¹ Этот термин мы позаимствовали у Дж. Гринберга [331].

постулированы нами как фигуры, не являющиеся дуалами и, значит, не являющиеся знаками, то можно сказать, что при описании микропроцессов речевой деятельности мы будем находиться как в сфере знаков, так и в сфере не-знаков.

Очевидно, что описание микропроцессов в терминах только классов слов построить невозможно: поэтому работу на данном этапе необходимо начинать с построения систем классов фигур (смысловых и формальных, синтагматических и парадигматических).

Установив эти этапы реализации нашей лингвистической теории, мы можем поставить вопрос о том, как они соотносятся с общепринятым делением описания языка на морфологию и синтаксис².

По-видимому, к синтаксису можно отнести описание макросинтагматики, а к морфологии—описание макропарадигматики. Ставя вопрос о классах, в терминах которых обычно производятся эти описания, можно отметить, что макросинтагматика в синтаксисе описывается в терминах синтагматических классов слов и классов морфем (синтагматических и парадигматических), а макропарадигматика (в морфологии)—в терминах парадигматических классов слов и классов морфем (синтагматических и парадигматических). Таким образом, если мы намерены строить описание макросинтагматики исследуемого языка как его синтаксис, то мы должны, кроме классов слов, выделить еще и классы морфем. Аналогично обстоит дело и с морфологией. В связи с этим прежде всего мы должны дать знаковое определение морфемы [в принципе такое определение возможно, поскольку не-знаками (не-дуалами) в соответствии с нашей теорией являются только буквы и семантические множители] и синтагматической формально-смысловой связи между двумя морфемами, а также указать правила перехода от морфем и синтагматических связей между морфемами к словам и синтаксическим связям между словами, а от них — к предложениям.

3. Выбрав в качестве объекта исследования язык зулу, мы начали реализацию указанной программы с построения синтаксиса языка зулу как описания его макросинтагматики [207].

Прежде всего мы должны были, как отмечалось выше, построить системы классов слов и синтаксических связей, такие, чтобы они являлись реализацией принципов, изложенных в нашей лингвистической теории. Другими словами, мы должны были построить семиотики частей речи, членов предложения и синтаксических связей как системы, элементы которых являются знаками. В процессе реализации этого плана возник целый ряд проблем, решение которых найти было не всегда легко. Наиболее общие из этих проблем, могущие возникнуть при построении семиотик частей речи и членов предложения в любом языке, мы решили обсудить ниже.

4. Реализацию нашей теории на практике мы должны начать с задания каждого языкового объекта, который мы будем описывать. Другими словами, прежде чем строить языковую теорию и заниматься какими бы то ни было операциями с языковыми объектами, мы должны предъявить список самих этих объектов в том виде, в котором они должны быть представлены в соответствии с требованиями нашей лингвистической теории. А это значит, что мы должны составить два списка не-знаков: 1) список формальных фигур (букв) и 2) список

² Очевидно, что в фонологии наша система не нуждается, поскольку мы работаем с продуктами речевой деятельности, представленными в виде письменных знаков. При работе с продуктами речевой деятельности, представленными в виде устной речи, в качестве формальных фигур принять буквы будет нельзя — нужны будут другие „кирпичики" (фонемы).

смысловых фигур (семантических множителей) и по крайней мере четыре списка знаков: 1) список морфем, 2) список микросинтагматических связей, 3) список слов и 4) список синтаксических связей. Очевидно, что в соответствии с нашей лингвистической теорией элементы, входящие в списки знаков, должны быть представлены в виде пар, один член которых собирается из букв, а второй — из семантических множителей. Располагая этими списками, мы сможем приступить к построению модели речевой деятельности, для нужд которой создавалась наша лингвистическая теория.

Таким образом, если бы у нас были под рукой четыре указанных списка, то мы могли бы немедленно приступить к конструированию языковой теории в виде описанной выше модели: теоретические вопросы, которые мы должны были бы при этом обсуждать, сводились бы к вопросам, касающимся построения системы языковых элементов из заданных языковых элементов.

Однако искомым спискам (за исключением списка формальных фигур) у нас нет, и поэтому непосредственной работе над языковой моделью должна предшествовать вспомогательная работа по составлению списков языковых элементов, нужных для дальнейшей работы. А так как в настоящее время мы и этой работы не можем произвести, поскольку у нас нет самих языковых элементов, которые мы могли бы объединить в искомые списки, то вспомогательную работу мы должны по сути начать с добычи нужных нам языковых элементов. Для этого мы должны провести исследование, в котором можно выделить три этапа: 1) аналитическое исследование; 2) синтезирующее исследование; 3) проверка результатов.

Этап аналитического исследования мы должны начать с предположения, что слово, как таковое, нам задано, т. е. что оно существует в виде некоторой объективной реальности. Необходимо расщепить его на две части: словоформу и значение слова. Процедура „отщепления словоформы“ может быть задана в виде инструкции по изъятию из слова всего, что относится в нем к буквам: оставшаяся часть даст вторую часть слова, т. е. его значение. Получив таким образом значения всех слов, мы должны будем предположить снова, что эти значения даны нам как объективная реальность, и начать сравнивать их между собой с целью выделения набора компонентов, из которых они состоят.

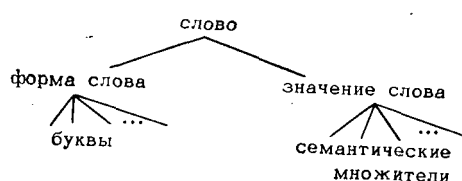
Если этот процесс даст нам конечный набор элементов, то этап аналитического исследования мы сможем считать законченным: теперь мы сможем перейти ко второму этапу—синтезирующему исследованию. Для этого мы должны будем как бы перевернуть ход наших рассуждений, имевших место при аналитическом исследовании, и принять исходные данные первого этапа за неизвестные данные на втором этапе, а неизвестные данные первого этапа — за исходные данные второго этапа.

Так, если в качестве исходных объектов этапа аналитического исследования мы принимали слова как единицы, данные нам в виде объективной реальности, то теперь эти самые слова мы должны будем получить в результате синтезирующего исследования; вместе с тем результат аналитического исследования — семантические множители — мы должны будем принять в качестве исходных объектов синтезирующего исследования. Иначе говоря, синтезирующее исследование будет заключаться в том, чтобы из семантических множителей, полученных в результате аналитического исследования, собрать сложные структуры—слова. Если эти слова совпадут с теми словами, из которых мы

исходили при аналитическом исследовании, то задачу, из-за которой проводились оба этапа исследования, можно будет считать решенной.

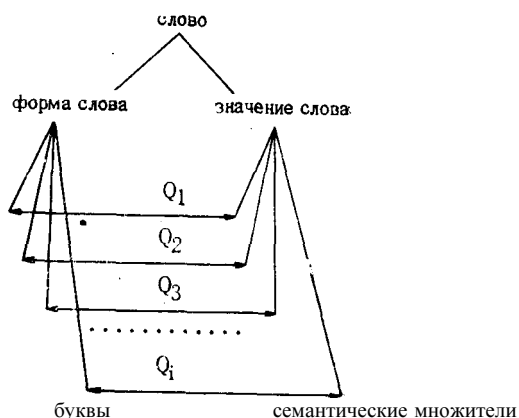
Для выяснения этого мы должны будем провести третий этап исследования — проверку результатов. Этот этап можно построить по-разному. Например, он может заключаться в том, что результаты синтезирующего исследования будут „пропущены” через процедуру аналитического исследования, с которой мы начинали работу: если в итоге мы получим тот же набор семантических множителей, что и сначала, то это может служить косвенным доказательством тождественности единиц, которые были приняты в качестве исходных данных обеих аналитических процедур. Таким образом, нам удастся показать, что слова, которые мы расщепили на семантические множители и буквы при аналитическом исследовании, могут быть собраны из тех же самых фигур при синтезирующем исследовании, и, значит, окончив наше исследование, мы сможем зафиксировать (уже безотносительно к типам исследования) структуру слова в виде дуала, одна сторона которого состоит из семантических множителей, а вторая—из букв (схема 14).

Схема 14

После этого мы сможем поставить вопрос об отношении Q . Устанавливается оно между каждой буквой и каждым семантическим множителем (схема 15) или между формой слова и значением слова в целом (см. схему 16).

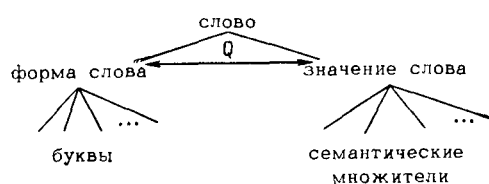
Схема 15

Поскольку семантических множителей значительно больше, чем букв, между буквами и семантическими множителями нельзя установить взаимное одно-одно-значное соответствие. Именно в силу этого ранее мы постулировали, что буквы не являются формами семантических множителей, а семантические множители не являются значениями букв, и, значит, те и другие выступают не как различные стороны некоего элементарного знака, стороны которого связаны отношением Q , но как „одинокие” фигуры. Поэтому отношение Q мы устанавливаем в соответствии с тем, как это показано на схеме 16 (а не 15).

Однако если это допущение окажется неверным и удастся построить такие знаки, что их формами будут буквы, а значениями—семантические множители, то на всех остальных построениях это не отразится: просто надо

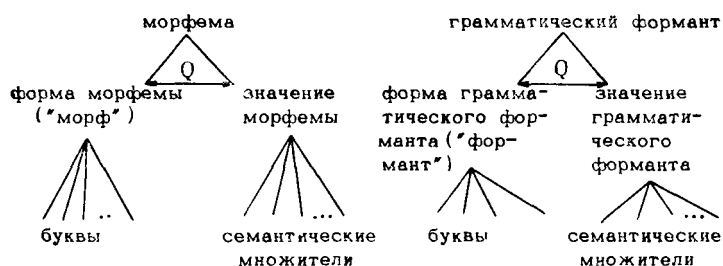
Схема 16

будет считать, что связь Q, представленная на схеме 16, является результирующей по отношению к связям Q_1, Q_2, \dots, Q_n , изображенным на схеме 15.

5. Аналогичные рассуждения можно привести и для морфемы или для грамматического форманта: это становится очевидным при представлении морфемы (соответственно грамматического форманта) в виде знака, составленного из тех же фигур (надо только не забывать, что при аналитическом исследовании мы не занимаемся „открытием“ морфем или формантов, но исходим из морфем и формантов как объективной данности) (схема 17).

Схема 17

6. Перейдем к вопросу о синтаксической связи. В соответствии с требованиями аналитического исследования предположим, будто нам известно, что такое синтаксическая, формальная и смысловая связи. Это знание дает нам возможность построить процедуру, которая для любых двух слов из любого предложения устанавливает, связаны синтаксически эти слова или нет, для любых двух словоформ — связаны они или нет формально и для любых двух значений слов — связаны они или нет по смыслу.

Располагая результатами этой процедуры, можно заняться изучением того, через какие более простые явления можно определить формальную и смысловую связи. Например, мы сможем отметить, что формальная связь фиксируется нами в тех, и только в тех, случаях, когда может быть зарегистрирована какая-либо форма проявления этой связи (например, аффикс, который входит в один из элементов словосочетания и сигнализирует о наличии второго элемента словосочетания; аффиксы, которые входят в оба элемента словосочетания и указывают в одном элементе на наличие второго элемента словосочетания; порядок слов, интонация или тон, посредством которых выражается формальная связь между словами).

Иначе говоря, формальная связь фиксируется в тех, и только в тех, случаях, когда оформление одного из элементов словосочетания

зависит от другого элемента словосочетания (или оформление каждого из элементов словосочетания зависит от другого элемента словосочетания). Если это условие не соблюдено, то формальной связи между элементами словосочетания мы не усматриваем.

Так, в предложениях *Я читаю* и *Я начал читать* между *я* и *читаю*, *я* и *начал*, *начал* и *читать* мы находим формальные связи, а между *я* и *читать* — нет. К этому выводу мы приходим на основании выделения морфем согласования в лице и числе у *я* и *читаю* (форма *я* зависит от формы *читаю* и форма *читаю* зависит от формы *я*) и морфем примыкания при *начал* и *читать* (форма *читать* зависит от формы *начал*: ср. **начал читаю*) и т. п. Поскольку форма *я* не зависит от формы *читать* и форма *читать* не зависит от формы *я*, то мы говорим, что между этими элементами формальной связи не существует.

Таким образом, наличие знания о том, что такое формальная связь, давшее нам возможность построить процедуру отыскания всех формальных связей в текстах, должно было, в частности, проявиться посредством некоторой фиксации результатов этой процедуры.

Результаты могли, например, быть представлены в таком виде: каждой формальной связи, найденной в тексте, были сопоставлены форманты, которые на нее указывают. Таким образом, для каждого предложения мы располагали бы набором формантов, который указывал бы на набор имеющихся в нем формальных связей. И значит, для каждого предложения мы могли бы составить таблицы из двух ячеек: в одной ячейке указывался бы набор формантов, в другой — набор формальных связей, который ему соответствует. Рассматривая эти таблицы как символы взаимного одно-однозначного соответствия обоих наборов (т. е. считая наши форманты показателями формальных связей), мы могли бы приступить к синтезирующему исследованию, которое состояло бы в процедуре „предъявления” формальных связей по опознающему их набору формантов, указанному в таблицах показателей связи.

Проверку результатов в этом случае можно было бы организовать как процедуру сравнения результатов синтезирующего исследования (которая заключалась бы в выдаче с помощью таблиц наборов формальных связей для контрольных предложений) с нашими представлениями о том, действительно ли указанные формальные связи в данном предложении существуют.

Располагая таблицами показателей связи, мы также могли бы попытаться решить еще одну задачу: узнавать не только набор формальных связей, характеризующих данное предложение, но и места прикрепления этих связей к таким компонентам формальных цепочек, как словоформы. Очевидно, что для решения этой задачи результатов аналитического исследования, полученных выше, оказывается недостаточно: чтобы узнавать места прикрепления связей к отдельным словоформам, мы должны располагать таблицами, которые отличаются от полученных ранее в следующем отношении: поскольку относительно каждой пары словоформ исследуемого предложения должно быть зафиксировано наличие (или отсутствие) в паре формальной связи, то каждому показателю связи должен быть сопоставлен индекс пары, показателем формальной связи в которой он является.

Очевидно, что, имея такую информацию в таблицах, мы при синтезе смогли бы указывать не только набор формальных связей в контрольном предложении, но и словоформы, которые с их помощью связываются.

7. Если бы в естественных языках показатель формальной связи между *X* и *У* представлял собой формант, который входил бы и в *X* и

в У, то описание нужной нам информации можно было бы построить как регистрацию, при которой отмечался бы номер пары и показатель формальной связи между, ее компонентами (в случае наличия таковой) или номер пары и отсутствие показателя формальной связи (в противном случае). Однако в естественных языках положение осложняется тремя вещами. Во-первых, показатели связи между X и У не обязательно введены в сами X и У; во-вторых, показатель формальной связи, который введен в X, может быть материально не тождествен показателю той же формальной связи, который введен в У; и, наконец, в-третьих, одна и та же формальная связь может передаваться не обязательно с помощью только двух (и именно двух) меток, свидетельствующих о двух местах ее прикрепления: возможны случаи, когда формальная связь передается с помощью одного форманта, двух формантов и даже с помощью количества формантов, равного количеству слов в предложении.

Учитывая эти факторы, мы должны описание нужной нам информации предварить процессом разбора указанных случаев с целью выработки методов описания, которые дадут возможность охватить все случаи целиком в виде единой системы.

Будем рассматривать любое предложение как совокупность бинарных словосочетаний (БС), относительно каждого из которых известно, связаны или нет формально его компоненты. Разберем случаи, которые могут иметь место при этом.

Допустим, словоформа C_1 связана со словоформой C_2 формальной связью, т. е. изменение словоформы C_1 на C_2 приводит к замене C_1 на C_2 (и наоборот). Из этого следует, что словоформы C_1 и C_2 содержат общие части A и различные части a_1 и a_2 : $C_1=Aa_1$, $C_2=Aa_2$ (заменяя C_1 на C_2 , мы сохраняем неизменной часть A и преобразуем a_1 в a_2). Аналогично: $C_1=Bb_1$, $C_2=Bb_2$.

Рассматривая бинарное словосочетание $C+Ц$ ($Aa+Bb$), мы принимаем в качестве критерия формальной связности его элементов некоторое соотношение между a и b ($a \supset b$, $b \supset a$): b является как бы показателем слова C в слове $Ц$, a — показателем слова $Ц$ в слове C . Наличие $a\&b$ дает нам право говорить о связи между C и $Ц$, т. е. совокупность $a\&b$ выступает в роли разрывного показателя связи (n) между элементами бинарного сочетания. Другими словами, мы предполагаем, что существует показатель связи n , который расчленен на две формы a и b и введен в каждую из словоформ.

На основании изложенных соображений попробуем построить систему, с помощью которой можно будет представить соотношение формальных связей и их показателей.

Пусть нам задано: C , $Ц$ —элементы бинарного сочетания, n — показатель связи между C и $Ц$; $C+Ц$ — связанное бинарное словосочетание. Рассмотрим все возможные присоединения показателя n к элементам бинарного сочетания.

Предположим, что связь между C и $Ц$ может обозначаться посредством показателя связи n , который присоединяется к любому элементу бинарного сочетания, а также к любому элементу, внешнему по отношению к данному бинарному сочетанию—3. Предположим также, что n , присоединяемый к C , и n , присоединяемый к $Ц$ или 3,— материально тождественны друг другу. Какие возможности мы имеем?

$$1. A_n + B_n + B_n$$

$$2. A_n + B + B_n$$

$$3. A + B_n + B_n$$

$$4. A + B + B_n$$

Отметим, что в частном случае $V=0$ или n (при $Z=0$) = 0 (т. е. либо вся рассматриваемая совокупность ограничивается двумя элементами C и $Ц$, либо показатель связи присоединяется только к A и B). Элемент Z может представлять собой слово (в том числе и „пустое“ слово), все значение которого сводится к тому, что оно является показателем связи между C и $Ц$, т. е. $Z=0$, например, когда Z — это таксема порядка слов.

Перечислим частные случаи [n (при $Z=0$) = 0]:

5. $A_n + B_n$
6. $A_n + B$
7. $A + B_n$

Расширим нашу систему, введя более общее допущение. Предположим, что показатель связи, присоединяемый к A , материально не тождествен показателю связи, присоединенному к B , т. е. показатель связи n может быть представлен как функция от двух формантов: a и b . Какие возможности мы имеем?

Очевидно, что связь может обозначаться посредством показателей связи, присоединяемых к любому из членов БС, а также к любому элементу, внешнему по отношению к данному БС:

1. $Aa + Bb + Vab$	11. $Aab + B + Va$	20. $Aa + Bab + Va$
2. $Aa + Bb + Va$	12. $Aab + B + Vb$	21. $Aa + Bab + Vb$
3. $Aa + Bb + Vb$	13. $Aab + Bb + Vab$	22. $Ab + Bab + Vab$
4. $Ab + Ba + Vab$	14. $Aab + Bb + Va$	23. $Ab + Bab + Va$
5. $Ab + Ba + Va$	15. $Aab + Bb + Vb$	24. $Ab + Bab + Vb$
6. $Ab + Ba + Vb$	16. $Aab + Ba + Vab$	25. $Aab + Bab + Vab$
7. $A + Bab + Vab$	17. $Aab + Ba + Va$	26. $Aab + Bab + Va$
8. $A + Bab + Va$	18. $Aab + Ba + Vb$	27. $Aab + Bab + Vb$
9. $A + Bab + Vb$	19. $Aa + Bab + Vab$	28. $A + B + Vab$
10. $Aab + B + Vab$		

Отметим, что в частном случае $V=0$ или a (при $V=0$) и b (при $V=0$), т. е. либо вся рассматриваемая совокупность ограничивается двумя элементами C и $Ц$, либо показатель связи присоединяется только к элементам бинарного сочетания (БС). Z может также представлять собой слово (в том числе и „пустое“ слово), все значение которого сводится к тому, что оно является показателем связи между C и $Ц$, т. е. $Va = a$, или $Vb = b$, или $Vab = ab$.

Перечислим частные случаи [a (при $V=0$) & b (при $V=0$)]:

29. $Aa + Bb$	32. $Aab + B$	35. $Aa + Bab$
30. $Ab + Ba$	33. $Aab + Bb$	36. $Ab + Bab$
31. $A + Bab$	34. $Aab + Ba$	37. $Aab + Bab$

Назовем каждую из перечисленных возможностей формальным типом, а их совокупность — набором формальных типов.

Сформулируем утверждение: любое бинарное словосочетание любого языка может быть описано с помощью набора формальных типов, перечисленных выше (т. е. нельзя указать ни одного предложения, которое нельзя было бы записать в терминах набора формальных типов).

Проиллюстрируем запись предложений в терминах набора формальных типов.

Запишем предложение *Девушка снова замолчала* в виде трех БС: а) *девушка снова*, б) *девушка замолчала*, в) *снова замолчала*. Отметим, что б) и в) — формально связанные БС, а а) — формально не-

связанное БС. Рассмотрим БС; *девушка (С) замолчала (Ц)*. На связь между С и Ц указывает формант именительного падежа -а, введенный в словоформу *девушка*, и формант -а финитной формы глагола *замолчала*: *девушка (Аа) замолчала (Бб)*. Материально $a=b$, т. е. $n=a$, и мы имеем формальный тип $5(A_n + B_n)$ ³.

Обратимся к предложению *Intombhi yabuye yathula*. Запишем его в виде трех БС: a_j *intombhi yabuye*, b_j *intombhi yathula*, B_j *yabuye yathula*. Рассмотрим БС; *intombhi (С) yathula (Ц)*. На связь между С и Ц указывает формант *ya*, введенный в *yathula*: *intombhi (А), yathula (бБ)*, т. е. мы имеем формальный тип $7(A+B_n)$ ³.

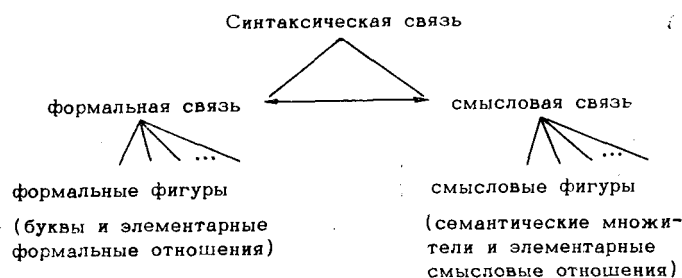
8. Исследуя формы, которые сигнализируют о наличии формальной связи, мы можем отметить, что кроме таких формальных фигур, как буквы, в построении этих форм участвуют и другие формальные фигуры — назовем их элементарными формальными отношениями. По сути с этими фигурами мы уже встречались выше, но специально на них не останавливались.

Теперь регистрируем их в виде особого списка элементарных формальных отношений: 1) тождество двух букв; 2) различие двух букв; 3) синтагматическая конъюнкция двух букв; 4) дизъюнкция двух букв («оппозиция»); 5) парадигматическая конъюнкция двух букв («парадигма»); 6) связь (любая) двух букв; 7) отсутствие связи между двумя буквами; 8) отношение вхождения буквы в синтагматическую цепочку; 9) отношение вхождения буквы в парадигматический ряд; 10) предшествование буквы X букве Y; 11) импликация: если буква X, то буква Y.

Таким образом, любую формальную связь можно представить как функцию от букв и элементарных формальных отношений, т. е. как функцию формальных фигур.

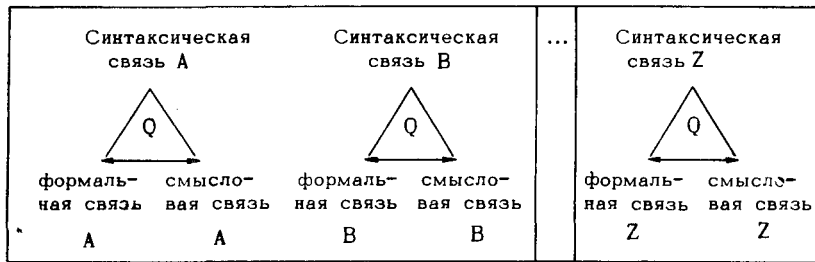
Придя к такому выводу относительно формальных связей, мы можем предположить, что процедура аналитического исследования приведет нас к аналогичным построениям и в области смысловых связей: в результате мы получим разложение синтаксической связи на, формальные и смысловые фигуры (схема 18).

Схема 18

После этого мы сможем перейти к синтезирующему исследованию, которое будет заключаться в том, что мы будем „собирать“ формальные связи из формальных фигур, смысловые связи — из смысловых фигур и, наконец, синтаксические связи — из формальных и смысловых связей (объединяемых друг с другом в силу отношения Q). В результате мы получим схемы, в которых будут зафиксированы пары формальных и смысловых связей, скрепленных отношением Q (схема 19).

³ Очевидно, что $Bn=0$, поскольку n (при 5)=0.

При этом может оказаться, что число выделенных нами формальных связей будет, например, меньше, чем число смысловых связей:

тогда две различные синтаксические связи будут отличаться друг от друга только смысловыми компонентами. Аналогично для случая, если число формальных связей будет больше, чем число смысловых.

Очевидно, что тождественными нам будут казаться только такие синтаксические связи, оба компонента которых тождественны друг другу. (Для различия синтаксических связей условие о различии обоих компонентов мы фактически выше заменили более легким условием—требованием о различии хотя бы одного компонента⁴).

Окончив этап синтеза, мы сможем перейти к проверке результатов. В качестве проверочного теста можно будет, например, предложить такую программу: выделить из данной синтаксической связи формальный компонент, затем по таблице, полученной в результате аналитической процедуры, сопоставить ему смысловой компонент и посмотреть, соответствует ли он тому смысловому компоненту, который мы усматриваем без нашей таблицы в данном предложении. Аналогично можно построить обратный тест, т. е. выдачу по смысловому компоненту соответствующего ему (по таблице) формального компонента.

9. Перейдем к рассмотрению вопросов, связанных с построением семиотических систем, т. е. классов, элементами которых являются знаки.

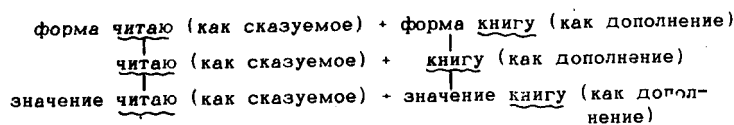
Прежде всего, остановимся на вопросе о терминах семиотических классов и их цепочках, или, следуя терминологии, введенной в главе IV, на вопросе об абстрактных предложениях: являются они знаками ли нет? Поясним сказанное.

Возьмем предложение: *Я читаю книгу*. Констатируя, что между словами *читаю* и *книгу* существует синтаксическая связь, между формами слов *читаю* и *книгу*—формальная связь, а между значениями слов *читаю* и *книгу*—смысловая связь, 'мы находимся на «уровне конкретных слов». Переходя к теории, мы выделяем классы слов и рассматриваем предложение *Я читаю книгу* как абстрактное предложение (т. е. предложение, состоящее из элементов, каждый из которых исследуется нами как представитель класса или как термин класса). Таким образом, мы, например, говорим, что между сказуемым *читаю* и дополнением *книгу* существует синтаксическая связь. Сравнивая абстрактные синтаксические связи (т. е. связи между терминами классов слов) с конкретными синтаксическими связями (т. е. связями между словами), мы приходим к выводу о том, что построение непротиворечивой теории заставляет нас подходить к абстрактным связям так же, как

⁴ Обсуждение остальных вопросов, связанных с семиотикой синтаксических связей, мы переносим на стр. 217—237.

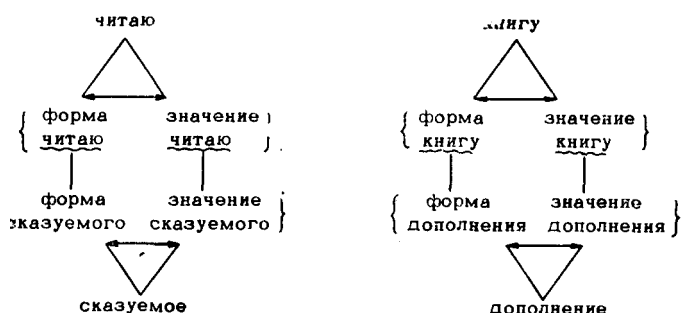
мы подходим к конкретным. А это вынуждает нас рассматривать два ряда явлений и при изучении абстрактных связей: связь между формами слов *читаю* и *книгу* (и связь между значениями слов *читаю* и *книгу*), рассматриваемых как сказуемое и дополнение (схема 20):

Схема 20

Это приводит нас к констатации того, что лингвистические элементы *сказуемое* и *дополнение* должны рассматриваться как знаки (схема 20⁸).

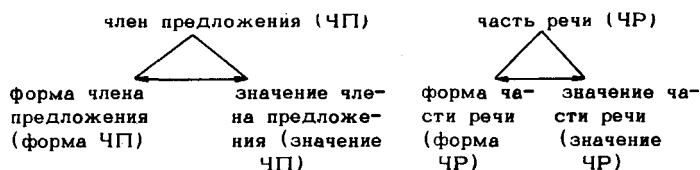
Схема 20⁸

Поэтому, говоря об абстрактном предложении, как о цепочке терминов, каждый из которых является знаком, мы можем указывать либо на синтетическую связь между сказуемым и дополнением в единстве их форм и значений (синтаксическая связь сказуемого и дополнения), либо на аналитическую связь между одной „стороной“ сказуемого и одной „стороной“ дополнения (формальная связь формы сказуемого и формы дополнения, смысловая связь значения сказуемого и значения дополнения). Аналогично обстоит дело и с рассмотрением слов как представителей частей речи⁵.

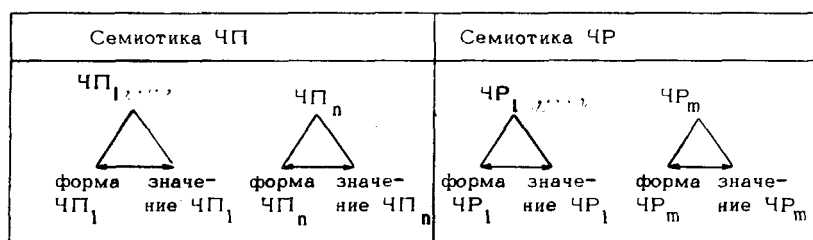
Таким образом, мы приходим к построению теории классов слов и теории абстрактных предложений, основанной на тех же постулатах, что теория слов и теория конкретных предложений. И значит, термины классов мы также можем представить как знаки (схема 21).

Схема 21

⁵ Ср. § 2 п. 1 гл. III: «формальная связь между терминами парадигматических классов» и «смысловая связь между терминами парадигматических классов».

Отсюда семиотики можно представить в виде таких совокупностей (схема 22).
Схема 22

Вопросы, которые возникают в связи с семиотиками, можно подразделить на два типа: одни вопросы, подобно тем, о которых мы писали выше в связи с терминами классов, можно отнести к проблематике, возникающей при расширении нашей лингвистической теории; другие вопросы носят более конкретный характер: связанные с задачей реализации уже построенного фрагмента лингвистической теории, эти вопросы относятся к проблематике, возникающей при создании языковой теории. В качестве примера вопросов второго типа приведем такие из них: как именно семиотические системы можно построить на практике? Какие исходные данные для аналитического исследования следует выбирать? В каком отношении семиотические классы находятся с обычными частями речи и членами предложения?

Нам кажется, что при реализации изложенной теории на практике ответы на эти вопросы становятся весьма существенными. В отличие от них вопросы первого типа, представляющие первостепенный интерес при разработке лингвистической теории, отходят на второй план. В связи с этим мы решили, не затрагивая вопросов первого типа, более подробно остановиться на вопросах второго типа. Для удобства изложения материалы по ним мы представили в двух разделах — отдельно по проблематике, связанной с построением семиотики частей речи, и отдельно по проблематике, возникающей при построении семиотики членов предложения.

2. СЕМИОТИКА ЧАСТЕЙ РЕЧИ § 1.

Исходные данные и конечные цели

1. Выше мы писали о том, что построение системы из некоторых элементов и опознавание принадлежности каких-либо объектов к тем или иным компонентам системы — разные вещи.

При построении системы мы исходим из того, что нам задан набор элементов, каждому из которых приписаны значения признаков, являющихся основанием сравнения элементов. На основании этого мы должны выделить наборы значений признаков, встречающиеся у данных элементов, и затем, приняв эти наборы в качестве диагностических характеристик, построить классы элементов и описать эти классы в терминах диагностических характеристик.

При опознавании принадлежности к системе исходные данные и конечные цели совсем иные. Мы имеем набор компонентов данной системы (например, список классов и их диагностических характеристик) и набор классифицируемых элементов. Целью работы является уста-

новление процедуры, вследствие которой можно будет выяснить, какие именно диагностические характеристики могут быть сопоставлены тому или иному элементу. Установив это, мы сможем соотнести каждый из элементов с некоторым классом, например выяснить, является ли данное слово глаголом или именем.

2. Таким образом, при построении семиотики частей речи мы не будем решать вопрос о том, как узнать, что слово *читаю* является глаголом, а не, скажем, именем. Мы будем исходить из того, что нам это известно заранее: в соответствии с требованиями аналитического исследования, о котором мы писали выше, мы предположим, что нам заданы списки всех слов данного языка с указанием их принадлежности к интересующим нас классам. Исходя из этих списков, мы должны будем понять, чем элементы, отнесенные к одному классу, отличаются от элементов, входящих в другой класс (табл. 1).

Таблица 1

Список слов данного языка				
$ЧР_1$	$ЧР_2$	$ЧР_3$...	$ЧР_n$
<p>...</p> <p><i>дом</i></p> <p><i>дерево</i></p> <p><i>тыква</i></p> <p>...</p>	<p>...</p> <p><i>вижу</i></p> <p><i>читаю</i></p> <p><i>стою</i></p> <p>...</p>	<p>...</p> <p><i>мой</i></p> <p><i>твой</i></p> <p><i>свой</i></p> <p>...</p>		<p>...</p> <p><i>быстро</i></p> <p><i>крепко</i></p> <p><i>чутко</i></p> <p>...</p>

Другими словами, мы должны будем описать, чем класс элементов $ЧР_1$ отличается от класса элементов $ЧР_2$, а класс $ЧР_2$ от класса $ЧР_3$ и т. д.—до тех пор, пока не составим полный набор признаков, с помощью которых можно будет зафиксировать отличия имеющихся у нас классов. Получив эти признаки, мы сможем приступить к синтезирующей процедуре и представить каждый класс через его репрезентант (например, через термин класса), собираемый из имеющихся у нас репрезентантов признаков.

После этого можно будет приступить к проверке результатов. Например, мы сможем провести такой тест: выбрать любые представители $ЧР_1$ из списка, указанного в табл. 1, и проверить, обладают ли они признаками, репрезентанты которых были приписаны вследствие -синтезирующей процедуры термину $ЧР_1$. Аналогично мы можем поступить и в отношении остальных классов. В случае положительного результата мы сможем сказать, что классификация, существование которой мы предположили при проведении аналитической процедуры, действительно имеет место, если ее рассматривать как результат синтезирующей процедуры. И значит, данная классификация может быть построена на основании фактов исследуемого языка. Таким образом, мы как бы приходим к косвенному доказательству того, что она навязывается самим языком⁶ и является одной из присущих ему характеристик.

3. В соответствии с логикой этого рассуждения вопрос о построении семиотики частей речи кажется особенно трудным в следующем:

⁶ Ср. Л. В. Щерба: «...в вопросе о частях речи исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается языковой системой» [254. 64].

как узнать, на какие именно классы надо разбить список слов данного языка.

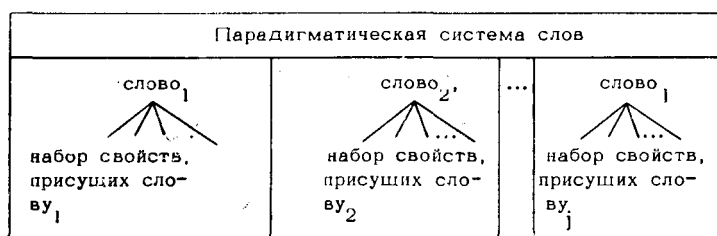
Ход рассуждений, который может иметь здесь место: следуя своей интуиции, надо распределять слова по классам, которые исследователю кажутся существующими в языке. Сформировав такую эмпирическую классификацию, он должен перейти к аналитическому исследованию этой классификации. Если в результате такого исследования ему удастся найти диагностические признаки, из репрезентантов которых можно будет собрать на этапе синтеза термины классов и установить, что все слова каждого класса имеют те признаки, которые он приписал терминам класса, — очень хорошо: значит, интуиция его не обманула и он смог „схватить" именно ту классификацию, которая ему была нужна. Если проведенная процедура где-то дала осечку, значит надо все начинать сначала, и так до тех пор, пока не получится нужный результат⁷.

4. Очевидно, что все эти рассуждения можно признать справедливыми в одном случае: если удастся доказать, что нужный результат можно получить. Поэтому прежде всего проанализируем, в каком смысле можно говорить о том, существует или нет нужный результат.

Чтобы слова можно было сгруппировать в парадигматические классы, должны выполняться три условия: 1) эта совокупность должна представлять собой множество элементов, каждый из которых имеет признаки, по которым он может быть отделен от всех остальных элементов; 2) не все элементы имеют один и тот же набор признаков (в противном случае можно было бы говорить только об объективном существовании системы, состоящей из одного-единственного класса); 3) существуют элементы, которые имеют одинаковые наборы признаков (в противном случае пришлось бы говорить об объективном существовании системы классов, каждый класс которой состоял бы из одного-единственного элемента).

Предположим, что первое условие выполнено. Это означает, что каждое слово является объективной реальностью и в качестве этой объективной реальности может быть отделено от других объективных реальностей на основании набора свойств, присущих именно ему, и только ему. Отсюда следует, что парадигматическая система слов—это фиксированное множество элементов, каждый из которых имеет четко фиксированный набор свойств (схема 23).

Схема 23

⁷ Конечно, может показаться, что было бы лучше, если бы все было известно с самого начала и никаких анализирующих процедур проводить не приходилось бы: тогда языковеды могли бы не заниматься „добычей" исходных данных, а только сортировать их в зависимости от тех или иных практических задач.

Однако в этом случае языковеды лишились бы, пожалуй, самого интересного — необходимости проводить тот поиск, в результате которого формируется интуиция, дающая исследователю возможность „схватить" нужную классификацию и с помощью ее осознать законы исследуемого языка.

Очевидно, что в этом случае можно произвести единственное разбиение всего множества слов на классы элементов, тождественных друг другу в отношении всего набора свойств, присущих каждому слову; это разбиение совпадает с разбиением множества слов.

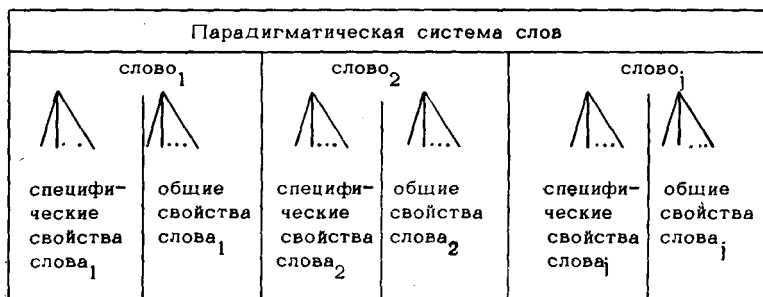
При таком подходе второе и третье условия можно ввести только в одном случае: если при фиксировании набора свойств, присущих каждому слову, мы будем регистрировать не все свойства, а только некоторые из них (в противном случае второе условие трансформируется в условие: «все элементы имеют различные наборы признаков», и третье условие оказывается неверным). Введя принцип произвольности в отборе фиксируемых свойств, мы тем самым сделаем возможным проведение классификации, при которой число классов будет не равно числу слов.

Очевидно, что если принцип произвольности отбора фиксируемых свойств в свою очередь поставить в зависимость от каких-то условий, то можно будет построить систему классификаций, такую, что выбор отдельной классификации будет однозначно определяться некоторым условием. В этом смысле можно будет говорить, что существует единственная классификация, удовлетворяющая данному условию, т. е. что может быть найдена та единственная классификация, которая навязывается самим языком для решения данной задачи (или просто: можно найти классификацию, которая навязывается самим языком). Именно об интуитивном поиске такой классификации мы и говорили выше (можно предположить, что сам этот интуитивный поиск есть не что иное, как реализация механизма: «условие (конкретная задача) → принцип отбора (нужных для решения этой задачи) свойств → классификация слов на основании зафиксированных свойств»). Классификации этого типа мы будем называть относительными классификациями.

5. В связи с этим возникает вопрос: может быть в языке существуют не только относительные системы, но есть и некая абсолютная система, бытие которой не связано с решением каких бы то ни было задач?

В терминах схемы 23 это должно было бы означать, что набор свойств, присущих каждому слову, состоит из двух частей: в одну часть входят некоторые специфические свойства (т. е. свойства, присущие только данному слову), в другую часть—общие свойства (т. е. свойства, присущие не только данному слову) (схема 24).

Схема 24

Очевидно, что в этом случае на основании специфических свойств каждое слово отделялось бы от других слов, на основании общих свойств—объединялось с другими словами в классы.

Имеем ли мы дело с такой возможностью в естественных языках или нет, неизвестно. Но думается, что нет, поскольку наличие таких двух типов свойств у слов никто из исследователей пока не зарегистрировал. Наоборот, системы классов слов, о которых говорят различные лингвисты применительно к одному и тому же языку, различны: как отмечают, они зависят от критериев, используемых при построении классификаций (т. е. являются не абсолютными, но относительными классификациями)⁸.

§ 2. Замечания по поводу построения семиотики ЧР в русском языке

1. Предположим, в соответствии с требованиями аналитического исследования, о котором мы писали выше, нам известна некоторая система частей речи в русском языке, единственно пригодная для построения нашей языковой теории. Как перейти от этой системы частей речи к семиотике ЧР? Будем рассуждать так.

2. Если термин каждой части речи рассматривать как знак, имеющий форму и значение, то в качестве значения этого знака надо избрать набор категорий, которые присущи данной части речи, а в качестве формы этого знака — форму, посредством которой этот набор проявляется¹⁰.

Следовательно, при таком подходе форма выступает как элемент, посредством которого манифестируется определенная категория¹¹.

⁸ В связи с этим возникла еще одна мнимая контроверза в лингвистике: система частей речи существует в том или ином языке или она изобретается исследователем? (Ср., например: 1) приведенное на стр. 64 высказывание Э. Сэпира, из которого следует, что вопрос о числе частей речи должен быть irrelevantен для лингвиста, поскольку он обусловлен не свойствами 'самого языка, а позицией лингвиста, и 2) мнение Л. В. Щербы и Г. О. Винокура о том, что части речи являются не научной фикцией, но живой и объективной данностью, заложенной в самой языковой системе. Если мы отнесем высказывание Э. Сэпира к вопросу об абсолютной классификации, а высказывания Л. В. Щербы и Г. О. Винокура—к вопросу об относительных классификациях, то опять-таки окажется, что „неправых" нет). Подробнее на этих 'вопросах мы останавливались при анализе проблемы количества частей речи, выделяемых в каждом языке. Фактически вопрос об интерпретациях систем частей речи (см. стр. 61—65) — не что иное, как вопрос о подоплеке той или иной относительной классификации: по-видимому, выбор конкретного интерпретационного типа находится в самой непосредственной зависимости от условия, влияющего на принцип отбора нужных свойств.

⁹ Вместо русского мы могли бы взять любой агглютинативный или флективный язык— ход рассуждений оставался бы тем же.

¹⁰ Ср.: «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков» [254. 65].

¹¹ Ср.: «...мы думаем..., что любая формальная категория имеет сигнификативное значение, — не только в диахронии, но и в синхронии» [36\ 1641.

И далее: «Функциональные категории идентичны тому, что обычно называют частями речи. Функциональные категории образуют, таким образом, без сомнения, область, где наша гипотеза главным образом будет подвергнута испытанию. Мы убеждены, что в этой области, так же как во всякой другой, можно достичь успеха на пути выделения формальных категорий, имеющих сигнификативное значение, если решиться следовать приему, который мы указали раньше: исходить из выражений и искать их значения. Это означает, что категории, которые устанавливаются, должны быть получены без учета лексикологического значения» [361. 202].

Примечание. Может возникнуть вопрос: что такое форма? В нашей книге (но не в нашей теории) форма — это любой элемент, который можно собрать из элементарных форм (т. е. формальных фигур). Аналогично: значение—это любой элемент, который можно собрать из элементарных значений (т. е. смысловых фигур). Таким образом, можно сказать: формой морфемы *л* является буква *л*; формой слова *читаю* является цепочка букв *ч, и, т, а, ю*; формой термина класса ЧР является парадигма, составленная из *л*-цепочек букв; формой окончания слова *книга* является формальная принадлежность *а*; форма *X* — это элемент, который NN называет «формантом *X*» (или сокращенно: форма *X*—это формант *X*); форма *Y*— это цепочка букв {*а, б—в, з*}, состоящая из двух частей, разделенных тире (или сокращенно: форма *Y*—это оппозиция {*а, б—в, з*}) и т. д. Аналогично для выражений со словом «значение».

Составив полный перечень форм и их определении, мы могли бы связать с этим перечнем термин «формальный план» и, основываясь на этом определении, впоследствии добавлять: «форма — это любой элемент формального плана (в том числе я элементарная форма—буква)». Аналогично поступив со значениями, мы могли бы ввести термин «план значения» (или «смысловой план»). Тогда: «значение— это любой элемент смыслового плана (в том числе и элементарное значение — семантический множитель)».

Исходя из такой системы при сопоставлении форм и значений, мы могли бы, например, написать: «форма *X* — это парадигма форм *Y*, посредством которых выражается значение *Z*», «форма *X* — это материализация значения *l*», «форма *X* — это форма выражения смыслового элемента *l*» и т. д., не рискуя выйти из рамок нашей теории, т. е. оставаясь в сфере принятых нами определений. Однако в своей работе мы не стремились оперировать только терминами, которые выведены внутри данной теории. Образно говоря, «Аналитическая лингвистика»—это книга, которая написана не на языке теории системных определений, а об этом языке. Естественно, что можно построить такое расширение теории системных определений, что указанные выше определения формы и значения, так же как и определения слова, связи и предложения, окажутся выводимыми внутри этой теории. Но не менее очевидно и то, что для описания этого расширения придется воспользоваться терминами, которые нельзя вывести внутри него.

3. Выделяя форму искомого знака, мы должны будем установить классы формальных принадлежностей слов и объединить их в парадигмы. После этого мы сможем заняться вопросом о составе формальных принадлежностей (являются они элементарными формами или нет).

Например, мы сможем установить, что они состоят из формантов. После этого мы сможем перейти к вопросу о тех значениях, которые передаются посредством всех выделенных нами форм. Выяснив соотношение между формой и значением каждого грамматического форманта, мы сможем составить цепочки формантов, которые, объединяясь в синтагматической цепи в одну формальную принадлежность, передают в своей совокупности значения, сопутствующие друг другу («категории»): *x, y, z, ..., t*. Затем мы сможем перейти к построению цепочек формантов, которые не соподчиняются, в одной синтагматической цепи и передают значения, не сопутствующие друг другу.

И наконец, выделив форманты, которые передают одно и то же значение, мы сможем составить из них парадигмы. В одну парадигму объединяются те, и только те, форманты, которые передают одно и то же значение, например: парадигма формантов, передающих значение X^1 , это

$$\left\{ \begin{array}{l} X_1^1 \\ X_1^1 \\ \dots \\ X_n^1 \end{array} \right.$$

После этого мы сможем построить ряд таблиц ($\alpha, \beta, \dots, \omega$) следующего типа (табл. 2):

Таблица 2

1	2	3	...	<i>i</i>
<i>x</i>	<i>y</i>	<i>z</i>		<i>t</i>
<i>x</i> ₁	<i>y</i> ₁	<i>z</i> ₁		<i>t</i> ₁
<i>x</i> ₂	<i>y</i> ₂	<i>z</i> ₂		<i>t</i> ₂
<i>x</i> _{<i>n</i>}	<i>y</i> _{<i>m</i>}	<i>z</i> _{<i>k</i>}		<i>t</i> ₁

В таких таблицах по вертикали будут стоять морфемы, не соподчинимые в одной микросинтагматической цепи и передающие одно и то же значение, а по горизонтали—морфемы, соподчинимые в одной микросинтагматической цепи¹².

На этом аналитическую часть нашего исследования мы сможем считать оконченной и, перейдя к синтезирующей части, постулировать полученные таблицы (а — со) как формы терминов наших классов, а в качестве их значений принять те значения, которые передаются посредством совокупности формантов, задаваемых нашими таблицами¹³. Таким образом, задача о представлении терминов классов в виде знаков будет решена, и мы сможем перейти к проверке теории.

Для этого мы должны будем взять несколько основоформ, соединяющихся с формантами, представленными, например в таблице а, и проверить, можно ли с ними связать те значения, которые были приняты нами как значения термина класса, в качестве формы которого была постулирована данная таблица: если можно—то перейти к проверке других слов и т. д., пока не убедимся, что любое слово, которое имеет формальную принадлежность, зафиксированную в таблице ш действительно передает значение, связанное с таблицей ш; если нельзя—то начинать аналитическое исследование сначала (т. е. с составления иных классов формальных принадлежностей).

4. Очевидно, что, построив таким образом систему частей речи, мы сможем затем перейти к классификации слов по частям речи — в зависимости от того, обладают они или нет формой и значением данной части речи.

§ 3. Семиотическая система ЧР и традиционная система ЧР

1. Рассматривая системы частей речи в различных языках, выделенные традиционной грамматикой, мы не можем не поражаться тому, что, описывая самые различные языки, исследователи пользовались преимущественно одними и теми же классами слов (имя, глагол, наречие, союз, предлог, междометие), дополняя их по мере надобности артиклем, причастием и т. п.

Конечно, можно предположить, что все исследователи просто механически переносили усвоенную ими в школе схему на неродные язы-

¹² Ср. приведенную здесь схему выделения частей речи со следующими соображениями А. И. Смирницкого: «1) собственно-грамматические категории конституируются объединением и взаимным противопоставлением различных грамматических форм, соотносящихся по одному принципу — значению данной категории» [202. 47].

¹³ В этой связи можно привести следующие слова А. А. Шахматова: «Самое содержание учения о частях речи составляет, между прочим, определение грамматических 'категорий в их отношении к частям речи» [247. 420].

ки, изучением которых они занимались в дальнейшем. Но можно объяснить этот факт и иначе: наличием во всех языках систем, между компонентами которых можно установить одни и те же отношения. В соответствии с этим предположением слова какого-либо языка можно распределить по классам, которые выделяются на основании их значимостей внутри данной системы. Поскольку система значимости остается инвариантной при переходе от одного языка к другому языку, то и система классов остается все той же— меняется только распределение слов по классам.

2. Но если это верно, то как можно согласовать такой вывод с утверждениями различных ученых о несостоятельности традиционных классификаций? Действительно ли так плохи традиционные классификации или, наоборот, плохо то, что о них говорится?

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что имя и глагол выделены в традиционной классификации не на тех же основаниях, что, например, местоимение, а местоимение — не на тех основаниях, что артикль, и т. д.¹⁴

Констатация этого факта дала право исследователям говорить о несостоятельности традиционной системы частей речи.

Действительно, если имя и глагол выделены на основании одних признаков, а, скажем, местоимение—на основании каких-то других признаков, то данная система несостоятельна. Но так ли обстоит дело в традиционной классификации или на самом деле речь идет совсем о другом?

3. Исследуя эту проблему, выделим три вопроса: 1)-построение системы частей речи для данного языка, 2) классификация слов данного языка по частям речи в соответствии с системой частей речи для данного языка, 3) название элементов системы некоторыми терминами.

Очевидно, что каждый из перечисленных вопросов может быть решен независимо от остальных; построив, например, систему частей речи на основании одних критериев, мы можем назвать элементы этой системы, исходя уже из совсем других критериев. Поэтому разнокалиберность названий может вовсе не свидетельствовать о разнокалиберности принципов выделения самих элементов, и наоборот: классам, построенным без какой-либо логики, могут быть даны „самые логичные" наименования.

Естественно, что не все авторы осознают принципы, в соответствии с которыми они производят свои классификации. Еще меньше исследователи обычно думают о названиях: как правило, названия даются классам не в процессе их построения, а тогда, когда этот процесс окончен и налицо его результаты. Поэтому названия чаще всего отражают не принципы построения той или иной системы, а впечатление автора от проделанной работы. При этом прежде всего бросаются в глаза особенности уже полученных классов, а не те свойства, которые

¹⁴См., например: «...эта (традиционная.—Л. С.) классификация, которая основана на смутном и бесплодном эмпиризме, а не на строгой и плодотворной теории, не выдерживает никакой критики... традиционная классификация на 10 видов слов основана в одно и то же время на трех критериях, относящихся к сущности объекта, его функции и позиции. В самом деле, глагол, существительное, артикль и причастие определены и названы по их собственной сущности. Местоимение, которое замещает имя, прилагательное, которое сопровождает существительное, наречие, которое сопровождает глагол, и союз, который соединяет слова, определены и названы с учетом их функций. Наконец, предлог, который ставится перед существительным, и междометие, которое вводится в предложение, определены и названы на основании их позиция» [414.52].

были зафиксированы у исходных объектов при объединении их в классы.

Нам кажется, что когда различные авторы критикуют традиционную систему ЧР, то по сути они говорят не о принципах построения системы ЧР, но только о принципах называния ее компонентов. Анализируя названия традиционных частей речи, мы убеждаемся, что они, действительно, соотносимы с различными системами интерпретаций („денотатные" названия, „грамматические", „логические", „психологические"). Однако на основании этого можно говорить только о несостоятельности — с этимологической точки зрения — названий ЧР, а не принципов выделения ЧР. Какие-либо выводы относительно противоречивости системы (т. е. критериев выделения компонентов системы) можно делать только в том случае, если удастся доказать, что названия отражают принцип построения системы (а не, например, принципы ее последующих интерпретаций).

В противовес критикам традиционной системы мы предполагаем, что традиционная система ЧР была построена на основании специфики каждой группы слов (специфики форм и значений одной группы в противовес специфике форм и значений другой группы), т. е. на основании значимостей всех компонентов, составлявших данную систему. Полученным частям речи были затем даны названия, отражающие „самые заметные" признаки каждой ЧР по отношению к четырем интерпретационным системам (табл. 3).

Таблица 3

Части речи	Типы интерпретаций			
	логи- ческая	дено- татная	грам- мати- ческая	психо- логи- ческая
Союз	+	—	+	—
Имя	—	+	—	—
Глагол	—	+	—	—
Причастие	—	+	+	—
Прилагательное	—	+	+	—
Наречие	—	+	+	—
Местоимение	—	—	+	—
Предлог	—	—	+	—
Артикль	—	—	—	+
Междометие	—	—	—	+

В результате получилось пять подсистем (1) союз; 2) имя и глагол; 3) причастие, прилагательное и наречие; 4) местоимение и предлог; 5) артикль и междометие], элементы которых охарактеризованы, исходя из разных логических оснований.

5. По-видимому, то же самое происходит и при построении системы частей речи в разных языках разными исследователями¹⁵ и сейчас,

¹⁵ В этой связи интересно отметить, что Л. Теньер, говоря о неприемлемости традиционных частей речи, тем не менее констатирует их наличие почти в любом языке: «Традиционный синтаксис различает десять типов слов, которые он называет частями речи и которые он обнаруживает в большем или меньшем количестве в большинстве языков» [414. 51—52].

только интерпретации даются уже не непосредственно в терминах интерпретационных систем, перечисленных выше, но опосредствованно — через термины традиционных систем частей речи.

3. СЕМИОТИКА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. Исследование проблемы

1. Анализ вопросов построения семиотики членов предложения мы будем осуществлять в соответствии с тем же планом, что и при построении семиотики частей речи: от аналитического исследования к синтезирующему исследованию и от него — к проверке результатов.

Аналитическое исследование начнем с предположения о том, что нам задана в явном виде некоторая система членов предложения. Что это может означать?

Для случая системы частей речи понятие «задан парадигматическую систему классов слов» было расшифровано с помощью определения: «составить список всех слов с указанием принадлежности каждого слова к парадигматическому классу». Очевидно, что список слов как парадигматических элементов был конечен, список классов — тоже, поэтому при такой расшифровке интересующего нас понятия мы действительно могли „предъявить“ парадигматическую систему. А как обстоит дело с системой членов предложения? Можно ли говорить о конечном списке слов, который можно составить при рассмотрении слов в качестве членов синтагматических цепей? По-видимому, нет, если только не зафиксировать период, во время которого могут быть порождены классифицируемые слова; без этого условия заданная синтагматическая система через перечисление ее элементов нельзя. Однако можно поступить иначе: задать список синтагматических классов и процедуру, с помощью которой все слова маркируются как члены данной синтагматической системы.

Таким образом, начиная аналитическое исследование, мы должны будем предположить, что нам задан список синтагматических классов (например, список: подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство) и процедура, которая каждому слову из текста сопоставляет его синтагматический класс (т. е. отмечает, что слово₁ является, например, подлежащим, слово₂ — сказуемым и т. д.). В результате применительно к каждому предложению нам будет известен его абстрактный образ, т. е. цепочка терминов классов, в которую оно может быть переработано вследствие нашей процедуры.

Например, мы будем знать, что предложению *Он болен* может быть сопоставлен его абстрактный образ: «Подлежащее—сказуемое», а предложению *Он болен давно* — абстрактный образ: «Подлежащее—сказуемое — обстоятельство».

Естественно, что сопоставлять предложениям их абстрактные образы мы сможем только в том случае, если, во-первых, будем знать, что подлежащее — это не сказуемое, не дополнение и не обстоятельство, а сказуемое — не дополнение, не обстоятельство и не подлежащее и т. п., и, во-вторых, будем уметь узнавать, что *он* — это подлежащее, *болен* — сказуемое и т. п.

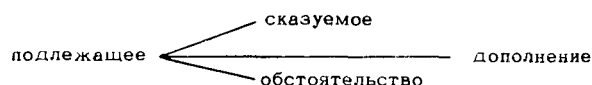
Из этого вытекает, что мы должны будем обладать сведениями четырех типов: 1) во-первых, мы должны будем знать, как соотносятся подлежащее, сказуемое, дополнение и обстоятельство между собой, т. е. какова *з н а ч и м о с т ь* каждого из них как члена четырехэлемент-

ной системы; во-вторых, мы должны будем осознавать, какую сущность имеет каждый член предложения сам по себе, т. е. какое он имеет значение безотносительно к остальным членам предложения, но только по отношению ко всем тем словам, о которых можно сказать, что они выступают в роли данного члена предложения; в-третьих, мы должны будем обладать наборами форм, по которым мы сможем опознавать значимость каждого члена предложения (т. е. его связи с другими членами предложения); и, наконец, в-четвертых, мы должны будем располагать наборами форм, по которым сможем судить о значении каждого члена предложения.

Таким образом, чтобы считать, что система членов предложения задана, нам надо предположить, что каждый член предложения определен во всех указанных отношениях: со стороны его формы, значения и значимости (в системе других членов предложения).

Значит, если в состав заданных четырех членов предложения входит подлежащее, то сформулированное условие означает, что подлежащее соотносено: 1) со сказуемым, дополнением и обстоятельством (схема 25):

Схема 25

2) со всеми словами, абстрактным образом которых оно может являться (схема 26):

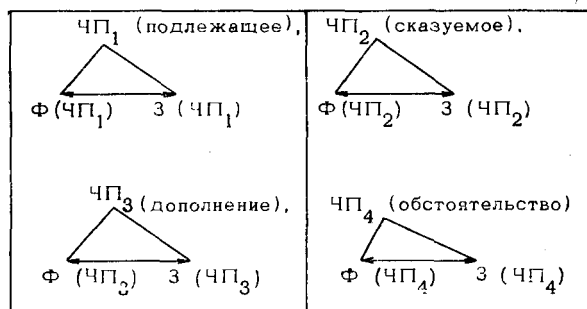
Схема 26

подлежащее – [он, книга, интересная книга, ...]

Таковы те исходные данные, с которых, по нашему мнению, мы должны начинать аналитическое исследование.

2. Предположив, что система членов предложения у нас уже есть, мы можем перейти к вопросу о представлении ее в виде с е м и о т и к и. Для этого с помощью аналитического исследования мы должны будем расщепить элементы, о которых шла речь выше, на форму (Ф), значение (З) и связь Q (схема 27), а затем посредством синтезирующей процедуры собрать семиотические объекты из частиц, полученных в результате аналитического исследования. И наконец, после этого мы сможем перейти к проверке полученных результатов (схема 27):

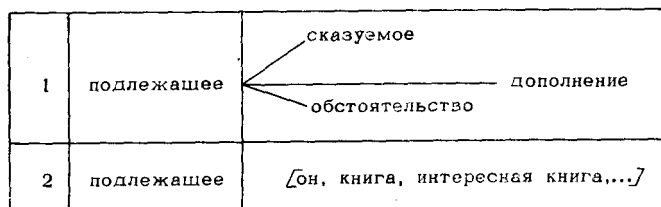
Схема 27

В соответствии со схемой 27 такой член предложения (ЧП₁), как подлежащее, должен быть представлен нами как знак, форма которого является материализацией его значения, а значение—компонентом, который существует благодаря данной форме. Аналогично для всех остальных членов предложения.

Как это требование можно сопоставить с исходными данными аналитического исследования? В соответствии с исходными данными подлежащее—это элемент, определяемый по отношению к двум системам (схема 28).

Схема 28

Если бы подлежащее определялось только по отношению, скажем, к первой системе, то представление его в виде знака потребовало бы выделения формы и значения подлежащего как элементов, соотнесенных с первой системой (схема 29).

Схема 29

В этом случае мы могли бы сказать, что подлежащее как член системы ЧП имеет значение, равное значению его значимости среди других элементов системы ЧП, и форму, посредством которой материализуется данное значение (например, набор формантов, с помощью которых подлежащее можно отличить от дополнения, сказуемого и обстоятельства).

Аналогично дело бы обстояло, если бы подлежащее было элементом второй системы. В этом случае мы могли бы сказать, что подлежащее как член системы ЧП имеет значение, которое представляет собой значение, общее для класса [он, книга, интересная книга,...], и имеет форму, посредством которой материализуется это значение (например, набор формантов, с помощью которых в элементах он, книга, интересная книга можно узнать подлежащее). Значение подлежащего, о котором мы говорим в этом случае, назовем денотатным значением.

Однако подлежащее, которое задано нам, соотнесено с обеими системами, и потому мы можем предположить, что это подлежащее нужно расщеплять на элементы, каждый из которых также соотнесен с обеими системами. Другими словами, выделяя в подлежащем форму

и значение, мы должны представить его значение как совокупность значения, которое стоит за системой 1 (т. е. «значение значимости» подлежащего), и значения, которое стоит за системой 2 (т. е. денотатное значение подлежащего). Соответственно форма подлежащего должна будет состоять из формы, которая стоит за системой 1 (т. е. форма, посредством которой материализуется значимость подлежащего, или «форма значимости»), и форма, которая стоит за системой 2 (т. е. форма, посредством которой материализуется денотатное значение подлежащего, или «форма денотатного значения») (схема 30).

Схема 30

Получив такой результат, можно взять из исходных данных имеющиеся в них сведения четырех типов и разбить их на две группы: 1) сведения относительно формы подлежащего (формы значимости и формы денотатного значения), 2) сведения относительно значения подлежащего (значения значимости и денотатного значения). В силу отношения Q вторую группу сведений можно рассматривать как значение, которое выражается посредством первой группы сведений, т. е. посредством набора формантов, которые имеются у нас в качестве исходных данных аналитического исследования.

После этого можно сопоставить каждому форманту то элементарное значение (либо те элементарные значения), которое посредством него передается.

3. На этом анализ можно закончить и перейти к синтезу. Возьмем все форманты, которые у нас значатся как форма денотатного значения подлежащего, и на основании сопоставления, проделанного в конце аналитического исследования, припишем им все элементарные денотатные значения и затем примем совокупность этих элементарных значений в качестве денотатного значения, подлежащего. Аналогично поступим и в отношении значения значимости подлежащего. В результате у нас будет два комплекса элементарных значений: из элементов одного комплекса можно будет „собрать” значение значимости подлежащего, а из элементов другого — денотатное значение подлежащего.

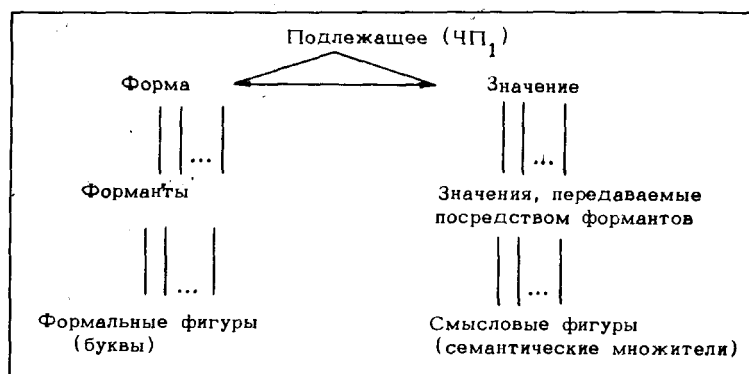
Объединив оба комплекса в единое целое, мы получим значение, представленное в виде набора элементарных значений. Это значение можно будет принять за значение нашего подлежащего. В качестве формы подлежащего можно будет постулировать набор формантов, посредством которых передаются элементарные значения подлежащего. В итоге, „составив” подлежащее из формы подлежащего и значения подлежащего, мы сможем получить само подлежащее как знак, собранный из смысловых и формальных фигур.

Этот результат можно представить в виде схемы, в которой подлежащее как семиотический класс определено через свой репрезентант — термин класса, который является знаком (схема 31).

4. Аналогично можно поступить и в отношении остальных членов системы ЧП. В итоге получаются четыре схемы, каждая из которых будет являться характеристикой одного синтагматического класса и в

случае необходимости может быть принята в качестве явного задания данного члена предложения.

Схема 31

На этом синтез можно закончить и перейти к проверке результатов. Ее можно построить, например, в виде такого теста. Взяв некоторое предложение, отметим в нем какое-то контрольное слово. Разобьем это слово на грамматические форманты. Посмотрим, есть ли среди них форманты, из которых в соответствии со «схемой подлежащего» собирается форма подлежащего. Если такие форманты в исследуемом слове есть, то обратимся к значениям, которые посредством них выражаются. Если эти значения являются теми значениями, которые в нашей схеме приведены как значения, передаваемые формантами подлежащего, то данное слово будем рассматривать как подлежащее. Если последнее условие не выполнено, то обратимся к следующей схеме (например, к схеме сказуемого) и посмотрим, нет ли в ней тех же самых формантов. При положительном ответе перейдем к значениям, представленным в этой схеме: если эти значения являются значениями, передаваемыми нашими формантами, то будем считать, что контрольное слово является сказуемым, если нет — то перейдем к следующей схеме.

Очевидно, что если исходные данные аналитического исследования у нас были верные и если процедура исследования была построена корректно, то проверка всегда будет эффективной и в результате нее любое слово можно будет однозначно соотнести с одним из четырех классов. Какие бы то ни были неполадки в проверке должны будут заставить нас заняться оценкой исследования, на основании которого мы получили форму и значение искомым членов предложения: по сути проверка должна быть не чем иным, как экспликацией той процедуры и той системы классов, которые мы принимали в качестве исходных данных нашего аналитического исследования.

Таким образом, можно сказать, что цель наших построений заключалась в том, чтобы представить в явной форме процессы, происходящие в нашей интуиции при отнесении того или иного слова из предложения к некоторому синтагматическому классу. Поэтому неудовлетворительные результаты проверки не менее важны для исследователя, чем результаты, которые кажутся ему верными: ощущая, что полученный результат не соответствует тому, что хотелось бы получить, исследователь благодаря этому начинает понимать, что именно ему хотелось бы получить, и в силу этого начинает осознавать, какие исходные данные для решения своей задачи он должен выбрать.

§ 2. Выбор исходных данных

1. Естественно, что, так же как и для случая системы ЧР, наиболее трудным местом при построении семиотики ЧП является вопрос о выборе исходных данных аналитического исследования. Экспликацией какой системы мы должны заниматься?

По-видимому, решение этого вопроса зависит, как и решение аналогичного вопроса для системы ЧР, от практической цели, для которой проводится данное исследование. Однако здесь можно отметить следующее.

Характеризуя систему ЧР, мы указывали, что в зависимости от различных конкретных задач можно построить различные парадигматические классификации. Чтобы их упорядочить относительно друг друга, надо рассмотреть соотношения между классами, входящими в них.

Допустим, мы имеем классификацию, в которой элементы $x_1, \dots, x_j, \dots, x_n, y_1, \dots, y_i, \dots, y_m$ упорядочены в два класса следующим образом (схема 32):

Схема 32

Класс 1	$x_1, \dots, x_j, \dots, x_n$
Класс 2	$y_1, \dots, y_i, \dots, y_m$

Можем ли мы в соответствии с другой практической задачей произвести такое перупорядочение элементов x_1, \dots, y_m , чтобы новая парадигматическая классификация имела бы вид, как на схеме 33?

Схема 33

Класс 1	$x_1, \dots, x_j, y_{i+1}, \dots, y_m$
Класс 2	$y_1, \dots, y_i, x_{j+1}, \dots, x_n$

Конечно, можем. Например, если в качестве элементов x_1, \dots, x_j взять личные формы глаголов, в качестве x_{j+1}, \dots, x_n — причастия, в качестве y_1, \dots, y_i — имена существительные, а в качестве y_{i+1}, \dots, y_m — инфинитивы, то при одной классификации класс 1 будет являться объединением личных глагольных форм и причастий, класс 2—объединением существительных и инфинитивов, а при другой классификации— класс 1 будет состоять из личных глагольных форм и инфинитивов, класс 2—из существительных и причастий. Классификации обоих типов приводятся в грамматиках, и потому можно сказать, что при парадигматических классификациях соотношение классов, отмеченное на схемах 32—33, имеет место. Отсюда: если мы попытаемся наложить одну классификацию на другую, то мы получим пересекающиеся классы; эти классы нельзя упорядочить в виде иерархии, в которой каждый следующий класс входил бы только в один предыдущий класс.

Наоборот, если мы обратимся к синтагматическим классификациям, то такую иерархию построить нетрудно. Так, выбрав в качестве

„самой широкой“ классификации систему, состоящую только из двух элементов (подлежащего и сказуемого), мы можем путем измельчения класса «сказуемое» прийти к четырехэлементной классификации:

подлежащее, сказуемое, дополнение и обстоятельство, которая будет соотноситься с самой широкой классификацией в соответствии со схемой 34.

Схема 34

Подлежащее	Сказуемое		
	сказуемое	дополнение	обстоятельство

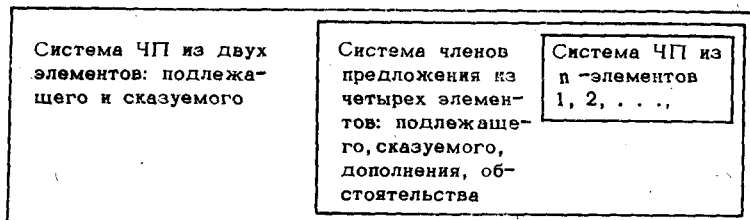
Дальнейшее измельчение этой классификации может привести нас, например, к такой иерархии (схема 35).

Схема 35

Подлежащее		Сказуемое					
Подлежащее		Сказуемое	Дополнение		Обстоятельство		
подлежащее 1 (выраженное инфинитивом)	подлежащее 2 (выраженное не-инфинитивом)		дополнение 1 (прямое)	дополнение 2 (косвенное)	обстоятельство 1 (места)	обстоятельство 2 (времени)	обстоятельство 3 (не-места и не-времени)

И значит, соотношение синтагматических классификаций можно представить в виде иерархии; в которой каждый следующий класс входит только в один предыдущий класс, т. е. представить в виде своеобразного набора „матрешек“¹⁶ (схема 36).

Схема 36

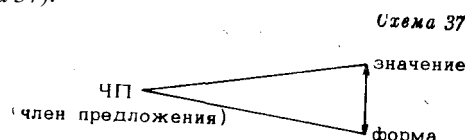
Каждый элемент системы ЧП, вложенной в предыдущую матрешку, представляет собой разукрупнение (по форме и значению) элементов предыдущей матрешки. Таким образом, глобальное значение (3) системы членов предложения для данного языка членится в первой матрешке на два компонента 3_1+3_2 , во второй матрешке—на четыре компонента: $3_1+3_2+3_3+3_4$ и т. д. Следовательно, термин «подлежащее»

¹⁶ Исследуя указанное различие между синтагматическими и парадигматическими классификациями, можно вспомнить, что синтагматика и парадигматика были противопоставлены нами как то, что упорядочено во времени, тому, что не упорядочено во времени. По-видимому, именно упорядоченность элементов классов во времени можно объяснить упорядоченностью самих классов во времени, заменяемую нами упорядочением в пространстве посредством указанной выше иерархии.

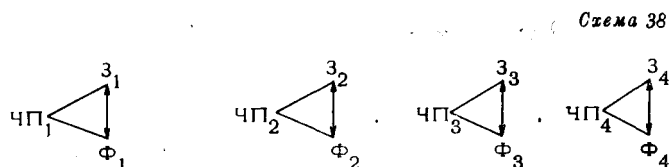
в первой матрешке имеет больший объем значения, чем во второй, во второй — больший, чем в третьей и т. д. И значит, определение подлежащего для самой маленькой матрешки остается верным и для подлежащего из самой большой матрешки, хотя и не обладает достаточной для него степенью общности.

2. А теперь поставим вопрос о том, как можно описать процесс формирования нужной нам интуиции (интуиции, в соответствии с которой осуществляется разбор по членам предложения, результаты которого нам кажутся правильными, т. е. соответствующими нашей собственной интуиции).

Допустим, что мы действительно будем рассматривать систему членов предложения как систему элементов, имеющих форму и значение. Тогда каждый элемент этой системы, по нашему предположению, должен иметь в плане языка некоторое значение и некоторый материальный субстрат, а в плане речи должен их реализовывать (схема 37).

Допустим далее, что в интуиции некоторого индивида существовала четырехэлементная система членов предложения ($ЧП_1$, $ЧП_2$, $ЧП_3$, $ЧП_4$), т. е. в интуиции у этого индивида существовали четыре некоторых значения ($З_1$, $З_2$, $З_3$, $З_4$), с каждым из которых была связана форма ($Ф_1$, $Ф_2$, $Ф_3$, $Ф_4$) (схема 38).

Встречая в конкретном предложении ту или иную форму ($Ф_1$), индивид связывал с ней значение $З$; и знал, что перед ним — член предложения $ЧП$.

Предположим, что появился второй индивид и первый захотел объяснить ему, что такое $ЧП_i$. Для этого он, показав второму индивиду форму $ЧП_i$, указал, что с этой формой он связывает определенное значение $З_i$. Таким образом, состоялась конвенция, на основании которой оба индивида стали понимать друг друга в вопросе о членах предложения. Очевидно, что это взаимопонимание наступило независимо от того, на основании каких критериев первый индивид установил свои четыре элемента. Важным явилось не то, как он до этого додумался, но то, какие формы он связал с эвристически найденными им элементами.

Второй индивид, хотя и не знает, как изобрел первый индивид значения своих элементов, тем не менее также становится носителем тех же самых значений — денотатных и значимостных (через посредство сообщенных ему форм). И это происходит даже в том случае, если второй индивид не знает, с чем соотносятся эти значения, откуда они берутся и т. д. Другими словами, незнание генезиса элементов не мешает второму индивиду пользоваться приобретенными им $ЧП$, поскольку эти $ЧП$ кроме экстралингвистического значения, известного

только первому индивиду, получили внутриязыковые значения как элементы данной системы и благодаря этим значениям стали выступать как средство общения между двумя индивидами. Но если мы не хотим, чтобы «языкознание превратилось в одно огромное заблуждение» [176.14], то мы и не должны заниматься соображениями первого индивида, на основании которых он изобрел свои значения: мы должны исследовать только систему знаков, форма которых дает нам возможность опознавать их внутриязыковое значение, „участвующее в игре" обоих индивидов¹⁷.

3. В связи с этим можно поставить вопрос, аналогичный тому, который мы обсуждали при описании системы ЧР: чем объясняются многочисленные нападки на традиционные системы членов предложения (например, что критерии выделения главных и второстепенных членов предложения несоизмеримы и что, например, дополнение и подлежащее нельзя рассматривать как элементы одной и той же системы). Не направлена ли и здесь критика мимо цели: не против оснований традиционных классификаций, но против их последующих интерпретаций?

Другими словами, нельзя ли предположить следующее: 1) в интуиции носителей данного языка существует внутриязыковая система членов предложения, элементы которой на основании особых внутриязыковых признаков распознаются в речи говорящими; 2) лингвисты, которые наблюдают эти факты, стараются связать указанную систему с какими-то другими системами, которые они также наблюдают на практике, но которые вовсе не являются внутриязыковыми (например, с системой „общечеловеческих" понятий, системой восприятий, логических или психологических категорий и т. д.). Втискивая внутриязыковую систему в прокрустово ложе других систем, исследователи не учитывают, что наблюдаемые ими системы могут быть не зависящими друг от друга, и необоснованно пытаются вывести закономерности одной системы из другой (т. е., не установив предварительно соотношение двух систем, пытаются записать одну систему—внутриязыковую— в терминах другой системы—экстралингвистической,—которую они рассматривают как изоморфную данной, хотя сам изоморфизм предварительно установлен не был).

При этом отметим следующее. Когда мы говорим о том, что система ЧП существует в интуиции носителей языка, мы не затрагиваем вопроса о том, как эта система „туда попала". На основании обучения в школе? Путем наития свыше? Путем ее формирования в результате процедуры, которую мы описывали ранее?

В качестве свидетельства того, что такая интуитивная система у интересующих нас носителей языка действительно существует, мы можем принять, например, тот факт, что они правильно (с нашей точки зрения) разбирают предложение по его членам. Очевидно, что, давая ответ на поставленный вопрос, испытуемые меньше всего думают о том, на основании каких критериев (логических, денотатных, психологических или грамматических) они дают правильный ответ: просто

¹⁷ Рассматривая описанную ситуацию в историко-лингвистическом плане, мы можем отметить, что контroversы в различных синтаксических системах членов предложения, интересные с точки зрения истории развития науки, не имеют непосредственного отношения к системе данной науки (например, системе членов предложения). Поэтому при анализе тех или иных исследований мы должны прежде всего обращать внимание на то, посвящены они описанию знания или описанию генезиса этого знания.

Подходя таким образом к известным нам исследованиям, посвященным системам членов предложения (а не истории вопроса), мы вынуждены констатировать, что описание контrovers в системах предшественников не имеет ничего общего с задачами, которые авторы этих исследований обычно ставят перед собой.

срабатывает некоторый механизм, и результат выдается автоматически.

Но если это так, то возникает вопрос о том, закономерно ли вообще поступают лингвисты, когда они пытаются представить указанную четырехэлементную систему членов предложения как функцию от описываемых ими критериев, а не от того механизма, который срабатывает в головах у носителей языка.

§ 3. Поиск элементарных значений

1. Посмотрим, какие еще трудности, кроме выбора исходных данных, возникают в ходе аналитического исследования.

Допустим, мы довели наш анализ до того места, где должна осуществляться фиксация форм, связываемых с данным членом предложения. Как узнать, какие форманты передают значение значимости, а какие—денотатное значение? По-видимому, о значимостях членов предложения мы говорим в тех случаях, когда рассматриваем функционирование так называемых синтаксических формантов, а о денотатных значениях — когда при синтаксическом разборе интересуемся так называемыми морфологическими формантами.

Это значит, что, устанавливая форму и значение значимости членов предложения, мы должны основное внимание сосредоточить на анализе формантов, которые «служат для выражения синтаксических отношений», т. е. на анализе показателей связи между сказуемым и подлежащим, сказуемым и дополнением и т. п. Наоборот, выявляя денотатное значение членов предложения и форму его выражения в языке, мы должны обратиться к анализу тех формантов, с помощью которых передается значение данного члена предложения по отношению к элементам объективной действительности, т. е. по отношению к различным компонентам экстралингвистических ситуаций¹⁸.

Нам кажется, что денотатное значение членов предложения можно собрать из тех же самых элементарных значений, что и значения частей речи¹⁹. Поэтому для выделения элементарных денотатных значений особой работы, по-видимому, осуществлять не надо. В отличие от этого для описания значимостей членов предложения, как нам кажется, необходимо проводить специальное исследование, результатом которого должно явиться получение элементарных единиц значимостей членов предложения.

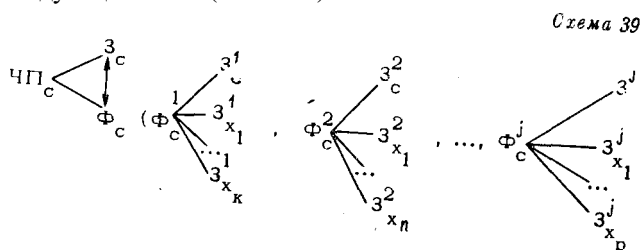
2. Это исследование строится следующим образом. В соответствии с соображениями, изложенными выше, мы должны будем отобрать для анализа все показатели связи и вскрыть те значения, которые за ними стоят. При этом возникает такая трудность. Как правило, в естественных языках каждый формант передает не одно какое-нибудь значение, но целый их комплекс. Так, выступая как показатель связи между сказуемым и подлежащим, какой-нибудь формант может в то же самое

¹⁸ Как правило, определения, которые обычно даются членам предложения в грамматиках, содержат нерасчлененные указания и на денотатное значение данного члена предложения и на его значимость в системе других членов предложения. Например, в Формулировке «подлежащее — это слово, которое обозначает действующее лицо» выделяется, с одной стороны, денотатное значение данного класса («слова, которые обозначают лиц») и, с другой стороны, его значимость, т. е. роль, которую играет данный класс на фоне других синтагматических классов («действующее лицо» — это лицо, которое действует, т. е. осуществляет деятельность над какими-то объектами).

¹⁹ Из этого мнения, по-видимому, вытекает утверждение о том, что члены предложения «можно выразить через части речи», «описать в терминах частей речи» и т. п.

время являться и показателем рода или числа существительного, вида или времени глагола²⁰. Как быть в этом случае? Как отделить нужные нам в данный момент значения от тех, которые должны будут явиться предметом совершенно иного исследования?

3. Кроме того, очень часто в естественных языках одно и то же значение выражается различными формантами²¹, и, значит, мы сталкиваемся не только с проблемой отделения „нужного от ненужного" у одного и того же грамматического форманта, но также с проблемой объединения различных „нужных" формантов в парадигму, передающую одно и то же значение. Поэтому в процессе аналитического исследования мы фактически должны будем рассматривать соотношения следующего типа (схема 39):

Здесь ЧПс — член предложения «сказуемое», Зс — значение (денотатное и значимостное) сказуемого, Фс — форма сказуемого, $\Phi_c^1, \Phi_c^2, \dots, \Phi_c^j$ — форманты, с помощью которых выражаются элементарные значения сказуемого $З_c^1, З_c^2, \dots, З_c^j$, и, наконец, $З_{x_1}^1, \dots, З_{x_k}^1$ — значения, которые передаются формантом Фс, но не являются значениями сказуемого, $З_{x_1}^2, \dots, З_{x_n}^2$ — значения, которые передаются Φ_c^2 но не являются значениями сказуемого, и т. д.

§ 4. Парадигматика синтаксических конструкций

1. Не менее важен вопрос и о следствиях, которые вытекают из результатов аналитического исследования членов предложения, построенного по плану, описанному выше. Остановимся на проблеме «односоставности — двусоставности» предложения.

2. В § 2 мы показали, что при наличии четырехэлементной системы членов предложения функция «быть сказуемым» предполагает рассмотрение связей сказуемого с остальными членами предложения²²

²⁰ Так, в сказуемом *читала* в предложении *Девочка читала книгу ла* передает, например, такие значения: 1) функцию сказуемого (ср. *девочка читала—читающая девочка*), 2) функцию рода (ср. *девочка читала—мальчик читал*), 3) функцию соотношения с моментом речи (ср. *девочка читает — девочка читала*) и др.

²¹ В таких примерах, как *Девочка читала книгу. Девочка — пионерка, Девочка — в саду*, значение сказуемого выражается посредством парадигмы формантов, в состав которой входят: 1) аффиксы финитных форм глагола, 2) аффиксы именительного падежа, 3) аффиксы локатива и т. д. Таким образом, *ла* — далеко не единственный способ передачи значения сказуемого.

²² Отмечая, что любая из связей в конкретном предложении может быть равна нулю, и называя такую связь «нулевая ориентация», мы считаем, что необходимо различать типы нулевых ориентаций, и выделяем такие, например, случаи: подлежащего при сказуемом нет и быть не может; подлежащего при сказуемом нет, но оно может быть, и т. п.

и представление функции «быть сказуемым» в виде комплекса, включающего указанные связи.

Другими словами, при описании функции «быть сказуемым» в четырехэлементной системе ЧП мы должны рассмотреть соотношения внутри трех пар: сказуемое—подлежащее; сказуемое—дополнение; сказуемое—обстоятельство²³. Взяв каждую из этих пар, мы должны в качестве объекта исследования принять связь между элементами пары и, рассматривая ее как двухсторонний лингвистический элемент, выделить ее значение («быть связью между X и Y») и форму, посредством которой это значение выражается, т. е. установить так называемые показатели связей.

3. Посмотрим, к каким следствиям приводят нас эти утверждения. Обратимся к работе Д. Н. Шмелева «О синтаксической членности предложения» [251]. Выделяя формы грамматического согласования как показатели связи между подлежащим и сказуемым, Д. Н. Шмелев говорит о том, что слова, которые обладают этими показателями, должны рассматриваться как подлежащее и сказуемое²⁴.

Отсюда напрашивается вывод о том, что если в предложении есть показатель связи между сказуемым и подлежащим, то такое предложение следует считать двусоставным; если же в предложении нет такого показателя, то предложение нельзя рассматривать как двусоставное. Так, в предложении *Мальчик играет* показателем связи между подлежащим и сказуемым является совокупность формантов, введенных в оба элемента словосочетания: нулевая морфема в слове *мальчик*, и окончание *ет* в слове *играет*. В предложении *Тишина* мы не сможем отметить показатель связи между подлежащим и сказуемым. Поэтому предложение *Мальчик играет* мы отнесем к числу двусоставных, а предложение *Тишина* — нет.

Избрав в плане языка критерием двусоставности предложения наличие в нем показателя связи между сказуемым и подлежащим, мы, переходя к плану речи, должны предварительно составить список форм, которые являются показателями связи между сказуемым и подлежащим (только обладая таким списком, мы сможем в каждом конкретном случае безошибочно относить то или иное предложение к группе двусоставных или не-двусоставных).

Следовательно, для того чтобы в речи распознавать двусоставные предложения, мы должны в плане языка построить парадигму формантов, объединяемых функциональным значением: «быть показателем связи между подлежащим и сказуемым».

Так, в предложении *Мальчик играет* мы можем выделить два форманта, совокупность которых является показателем связи между подлежащим и сказуемым (нулевая морфема *о* в слове *мальчик* и окончание *ет* в слове *играет*). В предложении *Мать любит дочь* мы выделим три форманта, совокупность которых является показателем связи между подлежащим и сказуемым (нулевая морфема *е* в слове *мать*, окончание *ит* в слове *любит* и таксема порядка слов: слово *мать* предшествует слову *дочь*). В предложении *Девочка—пионерка* мы найдем четыре форманта, совокупность которых можно рассматривать как

²³ Исходные данные и конечные цели описания системы ЧП можно охарактеризовать аналогично тому, как это было сделано для системы ЧР.

²⁴ «Более строгое обоснование понятий подлежащего и сказуемого возможно... путем признания того факта, что... грамматическим подлежащим и грамматическим сказуемым, прежде всего, признаются те члены предложения, которые объединены друг с другом формами грамматического согласования... как, например, в предложении *Мальчик играет*» [251. 9].

показатель связи между подлежащим и сказуемым (окончание *a* в слове *девочка*; окончание *a* в слове *пионерка*; постфикс согласовали; в роде — *к* в слове *пионерка*; особая интонация, введенная в оба элемента словосочетания). Таким образом, проанализировав показатели связи между подлежащим и сказуемым в перечисленных трех предложениях, мы можем составить парадигму показателя СБЯЗ! между подлежащим и сказуемым в русском языке:

$$\left\{ \begin{array}{l} \emptyset + \text{em} \\ \emptyset + \text{um} + \text{таксема} \\ a + a + k + \text{интонация} \end{array} \right.$$

Очевидно, что эта парадигма не является полной парадигмой показателя связи между подлежащим и сказуемым в русском языке, поэтому знание только этих элементов парадигмы не дает возможности отнести, например, предложение *Он— в лесу* к числу двусоставных. Поэтому, для того чтобы составить полную парадигму, нужно проанализировать все двусоставные предложения и выделить все форманты, которые выступают в них в роли показателей связи между подлежащим и сказуемым. Здесь важно подчеркнуть, что поскольку речь идет о языковой парадигме, то мы можем говорить о ее полноте только по отношению к той или иной языковой системе (например, языковой интуиции некоторого носителя языка). Следовательно, предметом нашего рассмотрения могут являться не двусоставные предложения вообще, но только предложения, которые признаются двусоставными в соответствии с некоторой языковой интуицией. Естественно, что, составив парадигму показателя связи и обучив ей некоторого индивида, мы тем самым „сформируем его интуицию" и дадим ему возможность зачислять в разряд двусоставных предложений не вообще двусоставные предложения, но только те, которые рассматривались как двусоставные составителем парадигмы.

4. В связи с решением этой проблемы возникает следующий вопрос: каким принципом руководствуется составитель парадигмы, признавая за тем или иным значением значение «быть показателем связи между подлежащим и сказуемым»? Другими словами, на основании каких фактов составитель парадигмы усматривает связь между подлежащим и сказуемым в предложениях *Девочка играет. Девочка — пионерка, Девочка—в саду* и т. п. и не усматривает связи между подлежащим и сказуемым в предложении *Тишина*?

Мы полагаем, что каждый из носителей языка интуитивно знает следующие вещи: во-первых, то, что между словами *девочка* и *играет* есть связь; во-вторых, то, что предложения *Девочка играет. Девочка — пионерка. Девочка—в саду* составляют парадигматический ряд синтаксических конструкций, тогда как предложение *Тишина* в этот ряд не входит. Объединив указанные предложения в парадигматический ряд и находя синтаксическую связь между подлежащим и сказуемым в предложении *Девочка играет*, носитель языка интуитивно по аналогии устанавливает такую же связь и для остальных членов парадигматического ряда²⁵.

²⁵ Ср. «...при характеристике в тех же терминах предложений других типов основываются на возможности подстановок и таких преобразований, как введение в предложение „однородных членов" различной морфологической принадлежности, т. е. на парадигматической (в широком смысле) соотносительности синтаксических конструкций разных типов друг с другом» (261. 9).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 1. Методы работы

1. Перечислим методы исследования, описания и построения объектов, использованные в нашей работе.

А) Метод описания языковых элементов через определение языковых элементов на основании принципа параллелизма (аналогично: метод описания лингвистических элементов).

Б) Метод построения языковых элементов через исследование лингвистических элементов на основании принципа изоморфизма (и наоборот: метод построения лингвистических элементов через исследование языковых элементов).

В) Метод построения лингвистических элементов через металингвистическое исследование (аналитический метод).

Г) Метод получения исходных данных для аналитического исследования (метод дуализации).

2. Метод А, как это явствует из его формулировки, можно отнести к числу методов описания материала, методы Б и В — к числу методов построения новых объектов, а метод Г — к числу методов исследования заданных объектов. В нашей работе методы А, Б и Г выступали как вспомогательные (метод Г служил для получения исходных данных, методы А и Б—для осуществления перехода от объектов одного типа к объектам другого типа), а метод В (его мы назвали аналитическим методом) — как основной: с его помощью мы выделили те свойства, из которых затем собрали искомые конструкторы и осуществили построение представленного выше фрагмента лингвистической теории.

Именно поэтому данная книга—это не «Описание порождающей языковой модели» и не «Очерки по металингвистике», как это может показаться при беглом знакомстве с ее содержанием (см. гл. IV, в которой излагается порождающая языковая теория, или гл. I—III, посвященные металингвистическому анализу). «Аналитическая лингвистика» — это, прежде всего, «Описание аналитического метода»: процедуры

¹ Особо на описании этого метода мы не останавливались, поскольку он общеизвестен. Напомним его суть. Фиксируется некоторый лингвистический элемент (например, лингвистический элемент — слово) как репрезентант класса языковых элементов. Относительно его свойств высказываются какие-либо утверждения (например: «слово можно разложить на морфемы»). Затем берется некоторый языковой элемент (например, *газету* из предложения *Я читаю газету*) и соотносится с зафиксированным лингвистическим элементом (например, «*газету* — это слово»). Вследствие этого у языкового элемента как члена класса отмечаются свойства, изоморфные свойствам лингвистического элемента (например: «Слово *газету* можно разложить на морфемы»). Таким образом, создается конструктивный языковой элемент, обладающий свойствами, зафиксированными у лингвистического элемента, •» материальностью, присущей исходному (естественному) языковому элементу.

его применения к лингвистическим объектам, результатов, которые на его основании можно получить².

И хотя описание аналитического метода представлено на ограниченном материале, мы назвали книгу не «Фрагмент аналитической лингвистики», а «Аналитическая лингвистика»: тем самым мы хотели подчеркнуть, что изложенный метод может быть использован для построения всей лингвистики, а не только какого-то ни было одного ее фрагмента.

3. Кратко сформулируем суть аналитического метода и остановимся на общей схеме его применения. Фиксируется некоторый элемент, существующий в объективной действительности и данный нам в ощущении («естественный языковой или лингвистический элемент»). На основании наших представлений о нем, вызванных „ощущением" этого элемента, выделяются присущие ему (с точки зрения наших ощущений) свойства и изображается наше представление о нем в виде пучка характеристик. Другими словами, как бы строится чертеж, который фиксирует соотношения свойств, выделяемых в соответствии с нашими представлениями у естественного элемента. Затем по чертежу собирается из указанных свойств (и только из них) искусственный (конструктивный) элемент и „запускается в обращение" вместо естественного элемента, с которого снимали чертеж.

Будем наблюдать функционирование конструктивного элемента во всех ситуациях, в которых нам известно поведение естественного элемента. Здесь возможны два случая.

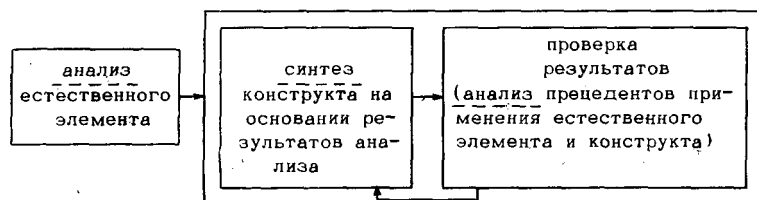
Первый случай. Если наши наблюдения показывают, что оба элемента взаимозаменяемы во всех рассматриваемых ситуациях, то мы считаем, что наш конструктивный элемент—дубликат естественного элемента и что с точки зрения зафиксированных нами свойств оба элемента тождественны друг другу. Поэтому определение конструкта через его свойства мы постулируем как адекватное определение естественного элемента. Это определение впоследствии мы примем в качестве одной из аксиом языковой (лингвистической) теории, а конструкт, соответствующий ему, будем рассматривать как предварительно заданный языковой (лингвистический) элемент, т. е. элемент, который мы умеем получать искусственно.

Второй случай. Результаты наших наблюдений над функционированием естественного и искусственного элементов свидетельствуют о том, что эти элементы не являются взаимозаменяемыми во всех известных нам ситуациях: в одних ситуациях они ведут себя одинаково, в других—по-разному. Зафиксируем различия в поведении обоих элементов через различия в их свойствах (попытаемся найти то свойство естественного элемента, которое не совпадает со сконструированными нами свойствами искусственного элемента). Перестроим имеющийся у нас конструкт с поправкой, на „новое" свойство. Полученный новый конструкт „запустим в обращение" и снова обратимся к сравнению его поведения в рассматриваемых ситуациях с поведением естественного элемента. Опять придем к двум случаям, о которых мы писали выше, — и т. д. до тех пор, пока не добьемся тех же результатов, что и в первом случае.

² См.: «Если мы хотим продолжать традиции Соссюра и Блумфильда, то лингвистика как наука должна развиваться... не по пути переформулирования уже известных лингвистических фактов и описания их в форме, которая может удовлетворить логику, но по пути превращения лингвистики в одну из ветвей прикладной математики. Обогащает научное знание не переопределение известных зависимостей, но открытие новых взаимосвязей и описание новых методов исследования» (G. H e r d a n, *Quantitative linguistics or generative grammar?* — «Linguistics», 4, 1964, стр. 65).

Другими словами, подходя к естественному элементу как некоему черному ящику, мы предлагаем строить его модель через исследование его функционирования и сравнение с прецедентами применения конструкт. Тем самым мы предлагаем использовать в лингвистике метод рассуждений, обычно применяемый в кибернетике. Характерной чертой этого метода является то, что его применение основано на схеме повторяющихся циклов, окаймленных аналитическими процедурами (схема 1).

Схема 1

Таким образом, аналитический метод—это метод, представляющий такое упорядочение процедур, при котором методом окаймляющих процедур является анализ.

§ 2. Аналитический метод как средство получения аксиом лингвистической теории

1. Отметив, что «Аналитическая лингвистика» посвящена описанию методов лингвистической работы, мы указали основную идею книги. Перейдем к ее композиции. Какой принцип положен в ее основу?

В соответствии с литературоведческими канонами мы хотели избрать такой сюжет, который давал бы возможность наиболее выпукло представить основную идею. Поэтому мы придумали героя (лингвистический элемент «слово») и начали описывать поведение этого героя в различных ситуациях, упорядоченных в соответствии со схемой аналитического метода. Другими словами, мы хотели построить нашу книгу так, чтобы ее архитектоника отражала ход рассуждений, проведенных в соответствии с аналитическим методом, по поводу естественного лингвистического элемента «слово» (целью этих рассуждений должно было явиться построение искусственного дубликата, способного заменять естественный элемент во всех известных нам лингвистических ситуациях). Таким образом, по нашему замыслу, «Аналитическая лингвистика» — это как бы иллюстрация применения аналитического метода к одному конкретному объекту, важность исследования и описания которого определяется тем, что от выбора его свойств зависит выбор аксиом всей лингвистической теории.

Свое описание мы начали с того, что выбрали естественный лингвистический элемент «слово» и зафиксировали свойства, которые, по нашему представлению, ему присущи. Затем мы обратились к выяснению того, какие свойства каких именно других естественных лингвистических элементов зависят от зафиксированных нами свойств слова. Установив, что свойства некоторых естественных лингвистических элементов отличаются от тех свойств, которые мы должны были бы на-

блюдать в соответствии с требованиями, предъявляемыми гипотетической конструкцией слова, мы начали перестраивать эту конструкцию и работали до тех пор, пока не получили объект, удовлетворяющий всем требованиям, которые налагает на него взаимодействие с остальными объектами. Образно говоря, мы как бы выделили лингвистический элемент «слово» и обратились к поиску всех тех элементов, которые находятся в поле его тяготения. Привлекая для исследования все новые и новые элементы из этого поля, мы фиксировали все большее количество свойств, а затем отмечали их корреляцию со свойствами исходного элемента: тем самым мы углубляли наши знания об исходном элементе и шли к модели, которая все сильнее приближалась к естественному элементу и становилась все более точной его копией.

2. Проследим, как осуществлялось обогащение наших представлений об исходном объекте. Выделим основные этапы применения аналитического метода к исследованию интересующего нас лингвистического элемента.

Прежде всего мы ввели постулат о дуалистической структуре слова, т. е. отметили, что в соответствии с нашим представлением естественный лингвистический элемент «слово» может быть охарактеризован через свойство: быть дуалом (анализ₁). Зафиксировав это в виде схемы 2, мы по этой схеме построили (синтез₁) искусственный лингвистический элемент «слово» и „запустили его в обращение“.

В соответствии с нашими представлениями об объективной действительности такой естественный лингвистический элемент, как слово, в синтагматике обычно функционирует лишь вместе с таким естественным лингвистическим элементом, как связь. Поэтому и наш конструкт мы столкнули со связью (но не с естественной связью, а с конструктивной, т. е. такой, свойства которой мы могли бы согласовать со свойствами конструкта «слово»). Для этого связь мы определили как дуал и перешли к анализу того, являются ли полученные конструкты дубликатами своих предполагаемых естественных прототипов. Мы зафиксировали (анализ₂) некоторое отношение между нашими конструктами (отношение следования, упорядочения в цепочку) и образовали из них (синтез₂) конструктивный элемент сложной структуры—«предложение как цепочка связанных слов». Новый конструкт мы „запустили в обращение“ и сравнили его функционирование с функционированием естественного лингвистического элемента «предложение». Для этого у естественного лингвистического элемента «предложение» мы выделили два свойства: быть мыслью, выраженной словами, и быть цепочкой словоформ, имеющей смысл, и предположили, что в случае совпадения нашего конструкта с естественным элементом конструкт будет обладать теми же свойствами, что и естественный элемент (анализ₃). А это значит, что конструкт «предложение как цепочка связанных слов» будет совпадать с двумя другими конструктами («предложение как мысль, выраженная словами», и «предложение как цепочка словоформ, имеющая смысл»), построенными на основании известных нам свойств естественного элемента «предложение».

Поэтому мы обратились к построению этих конструктов (синтез₃) и отметили, что конструкт «предложение—цепочка словоформ, имеющая смысл» отличается от конструкта «предложение—цепочка связанных слов» наличием связи между сторонами дуала (анализ₄). Таким путем выяснилось, что в конструкт «предложение—это цепочка связанных слов» необходимо внести уточнение о связанности сторон дуала. Чтобы осуществить эту поправку, нам пришлось перестроить слово из дуала в знак.

Когда сопоставление конструкторов «предложение — цепочка связанных слов» и «предложение—цепочка словоформ, имеющая смысл», было закончено, мы должны были перейти к построению конструктора «предложение—мысль, выраженная словами», но, отметив (анализ₅) нашу неподготовленность к этой работе, занялись выяснением (анализ₆—синтез₄—анализ₇) тех свойств слова, которые до этого зафиксированы нами не были и без знания которых нельзя было двигаться дальше.

Для этого мы решили обратиться к естественному элементу «связь» и посредством проникновения в его свойства установить свойства слова. Если бы естественный элемент «связь» имелся в нашем распоряжении, указанную задачу можно было бы решить непосредственно. Однако естественной связи у нас не было, и мы начали применять аналитический метод для получения конструктора, адекватного естественной связи. Первой моделью связи, как указывалось выше, была модель связи как формально-смыслового дуала, согласованная с исходной моделью слова. Затем в соответствии с процедурой анализ₈—синтез₅—анализ₉ эта модель была заменена более детальной моделью. Такой моделью явилась модель связи как дуала, стороны которого складываются из элементарных формальных и смысловых связей. Вернувшись к исходной модели слова и согласуя ее с новой моделью связи, мы выделили свойство слова «состоять из формантов» и перестроили исходный конструктор в новый конструктор: слово как дуал, состоящий из дуалов, каждый из которых можно собрать из формальных и смысловых фигур.

После этого мы выделили еще одно свойство естественной связи «быть синтагматической» («быть парадигматической») и построили третью модель связи, в соответствии с которой связь—это совокупность синтагматического и парадигматического компонентов, каждый из которых является дуалом в смысле модели связи 2. Установленное свойство конструктора «связь» мы преломили на конструктор «слово» и отметили, что эта фиксация позволяет разобраться в свойствах слова, связанных с его принадлежностью к синтагматическому или парадигматическому классу. Полученная после этого модель слова отражала не только внутренние, но и внешние свойства слова как естественного лингвистического элемента, т. е. свойства слова как члена класса естественных элементов.

Фиксация слова как члена класса в смысле модели 3 дала нам возможность вскрыть еще одно свойство естественного слова: «быть элементом языка или речи». Вследствие этого появилась предпосылка построения модели слова 4, по которой слово—это конструктор, состоящий из двух компонентов (языкового и речевого), каждый из которых является конструктором в смысле модели слова 3.

Наличие модели слова 4 дало нам возможность построить модель связи как сложного рече-языкового конструктора, компоненты которого удовлетворяют модели связи 3.

Проделав указанный путь, мы стали располагать конструкторами «слово» и «связь», которые были согласованы друг с другом и которые в области исследованных нами отношений функционировали так же, как их естественные прототипы. Считая, что на этом этапе наши знания о слове и связи стали достаточными для получения конструктора «предложение—это мысль, выраженная словами», мы вернулись к задаче, поставленной при анализе₅, и занялись построением конструктора «предложение», который не отличался бы от своего естественного прототипа в области исследуемых нами отношений. Нашей целью на этом этапе

стало узнать, каковы будут результаты сборки конструкта «предложение» из конструктов «слово» и «связь»: совпадает ли полученный конструкт с естественным прототипом или нет (анализ₁₀—синтез₆—анализ₁₁).

Относительно естественного элемента «предложение» нам было известно следующее: этот естественный элемент мог быть рассмотрен по отношению к порождающему его механизму и процессам функционирования. Поэтому мы попытались установить, как ведет себя естественный элемент «предложение» при прохождении через процессы речевой деятельности (процессы восприятия, порождения и перевода), затем в те же условия поставили интересующий нас конструкт и начали следить, чем отличается его поведение от поведения его естественного прототипа. Оказалось, что для полной одинаковости обоих объектов необходимо ввести условие Ψ , в соответствии с которым должна быть установлена связь между сторонами искусственного дуала «слово».

Другими словами, проведенный на этом этапе работы анализ показал, что конструкт «предложение—это цепочка связанных слов» при прохождении через процессы речевой деятельности будет вести себя точно так, как естественный элемент «предложение», если он будет собран из конструктов «слово» и «связь», построенных не по модели 4, а по модели, отличающейся от модели 4 фиксацией связи между сторонами дуала. Таким образом, опять (см. выше) выяснилось, что первоначальный конструкт-дуал («слово») должен быть перестроен в знак и что, значит, от модели слова 4 нам следует перейти к модели слова 5. Этот результат свидетельствовал о том, что модель слова 5 дает возможность искусственно, из имеющихся блоков, осуществлять сборку конструктивного элемента «предложение», который не отличается (в пределах рассмотренных нами условий) от естественного элемента.

Здесь развитие сюжетной линии мы временно прервали: вместо того чтобы следить за дальнейшим применением аналитического метода к имеющемуся у нас материалу, мы перешли к вопросу об использовании объектов, которые нам удалось получить. Поэтому целью раздела 2 (§ 1—3) главы IV стала демонстрация той сферы практической деятельности, в которой могли быть использованы построенные нами конструкты «слово», «связь», «предложение». При этом мы не только выясняли, действительно ли полученные конструкты дают возможность построить интересующую нас языковую модель, но и анализировали, в какой мере сама эта языковая модель обуславливает выбор свойств наших конструктов.

Установив взаимообусловленность интересующей нас языковой модели и полученных в результате применения аналитического метода конструктов, мы вернулись к основной сюжетной линии и занялись вопросом о дальнейшем применении аналитического метода к этим конструктам. Приняв построенный нами конструкт «предложение» в качестве искомого (подходящего для нашей языковой модели) объекта, мы решили вернуться (анализ₁₂) к конструктам «слово» и «связь», из которых мы его собрали, и уточнить все детали, связанные со сборкой конструкта «предложение». Прежде всего мы должны были заняться перестройкой слова и связи из дуалов в знаки (синтезу моделей слова и связи 5). Затем мы перешли к синтагматическим и парадигматическим классам слов и поставили вопрос о том, какими должны быть они как классы слов-знаков в смысле модели 5. И так как свойства этих классов не отличались от свойств классов слов как естественных элементов, мы пришли к выводу о том, что указанная конструкция

не только дает возможность осуществить интересующую нас порождающую языковую модель, но и служит достаточно разумным объяснением процессов речевой деятельности, которые имеют место в объективной действительности³.

Таким образом, указанный метод не только дал возможность эксплицировать наши знания о естественных языковых элементах, но и помог установить, насколько адекватно объективную действительность они отражают. А это значит, что мы смогли построить процедуру „открытия“ лингвистических аксиом, таких, что они позволили сконструировать искусственные объекты, функционирующие в интересующей нас области точно так, как их естественные прототипы.

3. Теперь остановимся на результатах, которые мы получили с помощью аналитического метода. Выше мы отмечали, что в качестве основного объекта, на котором опробовался наш метод, было выбрано слово: зафиксировав наличие естественного лингвистического элемента «слово», мы поставили своей целью построить такую модель слова, которая вела бы себя в интересующих нас условиях точно так, как естественный элемент «слово». Построение искомой модели мы осуществляли посредством серии аппроксимаций. Так, первая аппроксимация оказалась моделью, только частично адекватной естественному элементу в пределах его внутренней структуры, вторая аппроксимация несколько приблизила наш конструкт к естественному элементу в этой области, и, наконец, посредством пятой аппроксимации мы добились полного копирования внутренней структуры интересующего нас естественного элемента. Кроме того, пятая аппроксимация позволила нам получить точную копию естественного объекта и в области других его свойств—с точки зрения его места относительно различных „внешних“ систем отсчета (таких, как «синтагматика—парадигматика», «язык—речь», «члены предложения—части речи», «морфология—синтаксис»). Исследование поведения слова в смысле аппроксимации 5 показало и то, что полученный нами конструкт подобен естественному слову не только с точки зрения соответствия внутренним и внешним системам отсчета, но и с точки зрения механизмов порождения.

Таким образом, мы установили адекватность конструкта естественному элементу в трех аспектах: с точки зрения процессов порождения, внутренней структуры и внешней ориентации относительно других элементов.

И значит, окончательная модель слова, которая является результатом описанных выше аппроксимаций, может быть охарактеризована так. Слово — это потенциально существующий в языке объект, т. е. такой объект, который существует в языке (слово_я) в виде абстракции от совокупности всех характеристик, проявляющихся в речи при функционировании слов_р. Другими словами, набор языковых характеристик слова—это абстракция от манифестаций конкретных наборов характеристик слова, которые проявляются в различных речевых актах. Характеристики слова_я можно описать так. Слово_я — это знак, состоящий из меньших знаков-морфем я, которые в свою очередь состоят из незнаков-фигур. Это означает, что слово_я—это формально-смысловой элемент, между сторонами которого установлена связь и который может быть собран из других формально-смысловых элементов, между сторонами которых имеются связи и каждая сторона

³ Поэтому можно предположить, что предложенная в нашей работе языковая модель является не только механизмом речевой деятельности, моделирующим результаты этой деятельности, но и механизмом, моделирующим саму эту деятельность (ср. с механизмами, моделирующими только результаты, — § 4, раздел 2, гл. IV).

которых в отдельности может быть получена из „односторонних“ (формальных и смысловых) элементов, набор которых зафиксирован предварительно.

Поскольку было установлено, что смысловая сторона слова как члена класса состоит из денотатного значения и значения значимости, то можно сказать, что смысловые фигуры, из которых состоит значение слова, бывают двух типов: смысловые денотатные фигуры и смысловые фигуры значимости. Соответственно формальные фигуры выступают как форма смысловых денотатных фигур и как форма смысловых фигур значимости. Оба типа фигур разделяются на два вида в зависимости от соотношения с парадигматикой и синтагматикой. Таким образом, мы имеем:

- 1 и 2) смысловые и формальные денотатные парадигматические фигуры,
- 3 и 4) смысловые и формальные денотатные синтагматические фигуры,
- 5 и 6) смысловые и формальные парадигматические фигуры значимости,
- 7 и 8) смысловые и формальные синтагматические фигуры значимости.

Из этих восьми типов фигур и складываются стороны слов, как знаков таким образом, что при прохождении через процессы речевой деятельности осуществляется их реализация в речи в виде конкретных слов_я, неотличимых с точки зрения описанных выше свойств от слов естественного языка.

4. Принятие указанных аксиом при задании слова как лингвистического элемента обуславливает выбор аксиом при регистрации связи как лингвистического элемента: модель слова определяет тип модели связи, и вместе они образуют взаимосогласованную систему (в этой системе связь между словами—это знак, который может быть собран из формальных и смысловых фигур (элементарных связей) синтагматического и парадигматического типов в плане языка (связь_я) и реализован в плане речи (связь_р)).

Таков тот результат относительно выбора аксиом лингвистической⁴ теории, к которому мы пришли в процессе применения аналитического метода к нашему материалу. Посмотрим, устраивает ли нас этот результат. Для этого продолжим применение аналитического метода к интересующим нас объектам. Другими словами, обратимся к полученному результату и, зафиксировав какие-то дополнительные условия, проверим, соответствуют ли в этих условиях наши конструкты естественным элементам, модели которых мы строим.

5. Теперь обратимся к языковому механизму, описанному в главе IV, и посмотрим, „годятся“ ли для него наши конструкты. О том, что слово в смысле модели слова 5 построено в соответствии с требованиями этого механизма, мы уже писали. Но может ли быть использована в этом механизме еще и связь как конструкт в смысле модели связи 5? По-видимому, нет: при построении порождающего механизма мы исходили из тезиса об однотипности всех ergon-элементов (в роли ergon-элементов в этом механизме выступали слова, и только они), а теперь мы пришли к констатации двух типов исходных объ-

⁴ Такое исключительное значение аксиомам лингвистической теории мы придаем. потому, что рассматриваем лингвистические элементы как своего рода образцы (штампы, формы), по которым затем можно отлить языковые элементы (см. метод Б на стр. 215), и, значит, можно создать конструкты, необходимые для функционирования нашей языковой модели.

ектов—слов и связей. Данное противоречие можно разрешить одним из двух способов: во-первых, мы можем перестроить уже описанный порождающий механизм и сконструировать его таким образом, чтобы в качестве ергоп-элементов выступали объекты не одного, а двух типов, т. е. принять в качестве исходных ергоп-элементов слова и связи (в этом случае модели слова и связи останутся неизменными в смысле аппроксимации 5); во-вторых, не меняя имеющегося у нас механизма, мы можем попытаться сконструировать ергоп-элементы так, чтобы они вели себя точно так, как слова в смысле модели 5, уже „опробованные" на нашем порождающем механизме, и при этом обладали еще и свойствами связи в смысле модели 5. Другими словами, мы можем достроить имеющийся у нас порождающий механизм и снабдить его устройством, которое позволяло бы от двух элементов — слова в смысле модели 5 и связи в смысле модели 5—переходить к одному элементу, в котором объединены свойства обоих элементов: именно это, „обогащенное" слово, принятое в качестве ергоп-элемента, и подавалось бы затем для использования в описанном ранее порождающем механизме.

Эти рассуждения привели нас к построению новой модели слова—аппроксимации в смысле 6. В соответствии с этой аппроксимацией слово — это конструкт, построенный по модели слова 5, и сверх того, потенциально обладающий формально-смысловой способностью к синтагматическому и парадигматическому связыванию с другими словами и реализующий эту способность в речи. Иначе говоря, СЛОВО_я — это конструкт, отличающийся от конструкта в смысле модели 5 пучком формальных и смысловых (синтагматического и парадигматического типа) связей, которые „выходят" из него и которые при столкновении с другим словом в речи сцепляются с соответствующими связями из другого пучка. Общий вид этой модели можно представить так:

Схема 2

Ее детализация приводит к схеме:

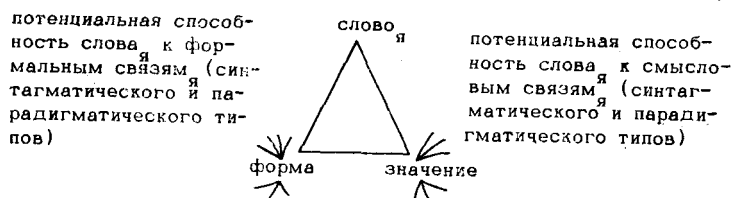

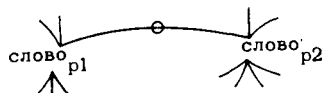
Схема 3

6. Теперь, в соответствии с требованиями аналитического метода, обратимся к проверке полученных результатов и посмотрим, как будет функционировать конструкт в смысле модели 6. Выясним, существует ли в действительности естественный элемент, соответствующий нашему конструкту.

Предположим, что такой элемент существует. К каким следствиям это нас приведет? Во-первых, мы сможем предположить, что слово и связь в смысле модели 5 функционируют лишь в той части речевой дея-

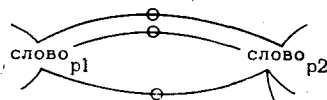
тельности, которая не связана с обработкой их совокупностей (например, словосочетаний, предложений). Как только в процессы речевой деятельности поступает совокупность, состоящая из слов и связей, так сразу же происходит образование новых единиц речевой деятельности (слов в смысле модели б) и все процессы осуществляются уже только с этими единицами. В соответствии с этим при переходе к плану речи и столкновении с другим словом происходит реализация (частичная или полная) способностей слова_д к связям_д и образуется словосочетание_р как результат сцепления двух слов_р по направлениям одинаковых элементарных связей_р. Таким образом, элементарная связь_р выступает в словосочетании не как самостоятельный элемент, а как результат соединения двух элементарных связей_р одного и того же типа:

Схема 4

Поэтому, если предложение_р состоит только из двух слов_р, то это означает, что произошло соединение всех реализованных элементарных связей_р (формальных и смысловых, синтагматического и парадигматического типов):

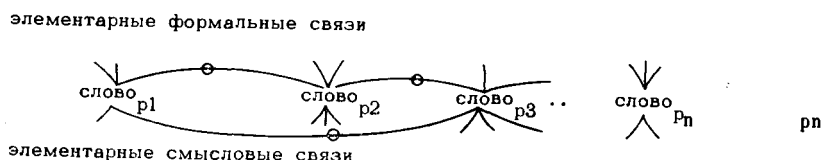
Схема 5

В результате между словами_р образуется связь_р, которую обычно называют синтаксической и которая представляет собой совокупность формальных и смысловых элементарных связей_р. Естественно, что, при абстрагировании от носителей связи, синтаксическая связь в этом случае может быть представлена как знак в смысле модели 5.

Однако если предложение_р состоит более чем из двух слов_р, то соединение слов_р может произойти, например, таким образом, что элементарные формальные связи_р окажутся одинаковыми у слова_{р1} и слова_{р2}, слова_{р2} и слова_{р3}, а элементарные смысловые связи_р—одинаковыми только у слова_{р1} и слова_{р3}:

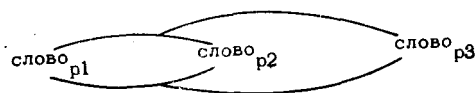
Схема 6

А это должно будет привести к тому, что слово_{р1} и слово_{р2} будут связаны только по форме, а слово_{р1} и слово_{р3}—только по смыслу. Поэтому при понимании синтаксической связи как формально-смысловой можно будет говорить о ней только в применении к целому слово-

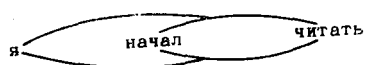
сочетанию, а не к отдельному слову (например, можно будет утверждать, что между словом_{p3} и словосочетанием_p, состоящим из слова_{p1} и слова_{p2} установлена синтаксическая связь):

Схема 7

Так, в случае разбора предложения *Я начал читать*, установив формальную связь согласования между *я* и *начал*, формальную связь примыкания между *начал* и *читать*, смысловую предикативную связь между *я* и *читать*, смысловую модальную связь между *начал* и *читать*, мы сможем отметить, что перечисленные формальные и смысловые связи результируются в две синтаксические связи (между *начал* и *читать* и между *я* и *начал читать*):

Схема 8

Посмотрим, как мы должны были бы поступить при разборе того же предложения, если бы мы исходили не из модели слова и связи 6, но из модели слова и связи 5. В отличие от предыдущего случая, где мы рассматривали связи только как характеристики слов, теперь мы должны были бы исследовать слова и связи в отдельности как самостоятельные элементы. Это привело бы к тому, что каждую зафиксированную связь мы должны были бы рассматривать либо как знак, либо как одну из сторон знака. А это значит, что, установив, например, формальную связь между двумя словами, мы тут же должны были бы подыскивать парную ей смысловую связь между теми же словами. Так, найдя формальную связь согласования между *я* и *начал*, мы должны были бы рассматривать ее как формальную сторону знака «связь между *я* и *начал*» и в соответствии с этим фиксировать и смысловую связь между теми же словами, например нулевую смысловую связь (поскольку ненулевой связи мы здесь не усматриваем). Аналогично мы должны были бы поступить и в отношении пары *я* и *читать*: признав наличие между *я* и *читать* смысловой предикативной связи, мы должны были бы во что бы то ни стало подобрать ей партнера среди формальных связей (хотя бы даже в виде нулевой формальной связи).

Таким образом, получается, что, хотя в принципе окончательные результаты анализов на основании моделей слова 5 и 6 не отличаются друг от друга, тем не менее способ представления результатов при оперировании с моделью слова и связи 6 является более естественным и экономным, чем при оперировании с моделью слова и связи 5. Поэтому можно предположить, что синтаксический разбор, который обычно проводится лингвистами, должен моделироваться на основании рассмотрения слова и связи в смысле аппроксимации 6, а не 5.

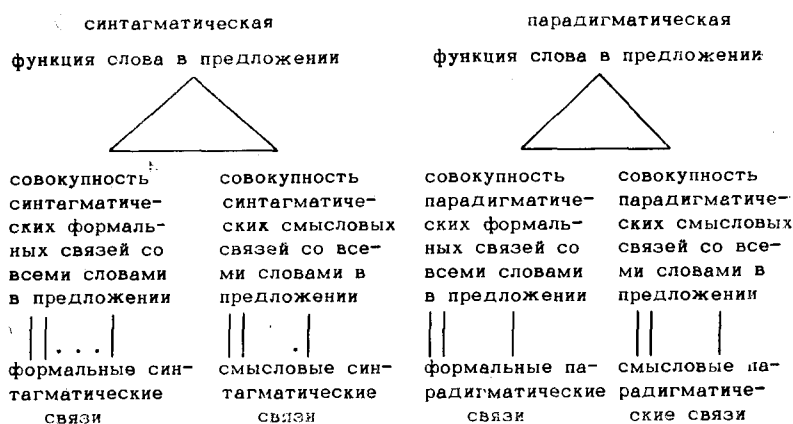
Другими словами, синтаксический разбор на основании аппроксимации 6 полностью совпадает с синтаксическим разбором у других лингвистов, и, значит, модель 6 можно рассматривать как эксплицирование того представления о слове, в соответствии с которым лингви-

сты обычно разбирают предложения реальных языков. И значит, можно сказать, что при переходе от отдельных слов и связей к словосочетаниям и предложениям в процессе речевой деятельности происходит экспликация новых единиц-слов в смысле модели 6.

7. Итак, мы пришли к следующему. В языковом арсенале существуют как изолированные формально-смысловые единицы слова-знаки и связи-знаки в смысле модели 5. При определенных условиях эти изолированные единицы сближаются, происходит их слияние и образуются новые единицы, слова-знаки в смысле модели 6. Именно эти единицы поступают затем в механизм речевой деятельности, и он строит из них словосочетания и предложения путем соединения одинаковых связей, выходящих из разных слов (совокупность связей у каждого слова представляет собой способность данного слова к формальным и смысловым связям синтагматического и парадигматического типов — способность, какая-то часть которой реализуется при образовании конкретного словосочетания как единицы речи).

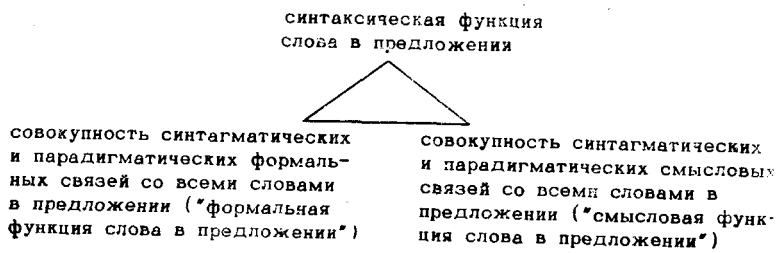
Если способность слова к связям назвать способностью слова к синтагматическому и парадигматическому функционированию, то, обращаясь к конкретному речевому акту, можно будет отметить, какую часть этой способности слово реализует в данном речевом акте. В соответствии с этим можно будет говорить о синтагматической или парадигматической функции, которую имеет данное слово в данном речевом акте: эта функция будет выступать как реализованная часть потенции слова к синтагматическим и парадигматическим связям. По своей структуре она будет представлять собой двусторонний формально-смысловой элемент (знак), состоящий из формальных и смысловых связей, которые являются конкретной реализацией потенции слова к синтагматическим или парадигматическим связям⁵:

Схема 9

В результате объединения обеих функций слова получим более сложную единицу: «функцию данного слова в предложении» (или: синтаксическую функцию слова, синтаксическую роль слова) (схема 10):

⁵ Еще раз подчеркнем: в соответствии с моделью 6 формальными сторонами знаков «синтагматическая (парадигматическая) функция» являются совокупности формальных связей в целом, а не отдельные формальные связи. Формальная сторона собирается из фигур — формальных связей, каждая из которых не является в общем случае формой одной из смысловых связей. Аналогично обстоит дело и со смысловыми сторонами описываемых здесь знаков.

Рассматривая соотношение смысловых и формальных связей, входящих в состав знака «синтаксическая функция слова», можно отметить, что одни из них образуют пары (смысловая связь и соответствующая ей формальная связь), а другие выступают как одинарные связи. Назовем парную связь двойной, одинарную формальную связь, которой не соответствует никакая смысловая связь, — формальной контрадикторной связью, а одинарную смысловую связь, которой не соответствует никакая формальная связь, — смысловой анафорической [414.83—84] связью. Например, в словосочетании я *читаю* у слова я фиксируется двойная (формальная и смысловая) связь со словом *читаю*, а в словосочетании я *начал читать* у слова я—одинарная формальная контрадикторная связь со словом *начал* и одинарная смысловая анафорическая связь со словом *читать*.

Выше мы отмечали, что синтаксические связи — это всегда двойные связи. Таким образом, совокупность синтаксических (формально-смысловых двойных) связей, которыми данное слово связано с другими словами в предложении, — это определенная часть синтаксической функции данного слова в предложении, т. е. реализация некоторой части способности слова к связям (другая часть этой способности либо может вообще не реализоваться в данном предложении, либо может реализоваться в виде одинарных—формальных контрадикторных и смысловых анафорических — связей).

§ 3. Постановка новых проблем на основании полученных аксиом

1. Посмотрим, что дает применение результатов аналитического исследования к решению некоторых синтаксических задач сравнительного и сравнительно-исторического языкознания. Начнем с рассмотрения вопросов, связанных с синтаксическими исследованиями в области типологии.

В соответствии с моделью слова б при образовании предложения как бы происходит ориентация пучка связей, испускаемого одним словом, относительно пучка связей, испускаемого другим словом (т. е. происходит выявление синтаксической функции данного слова в предложении). В результате ориентации похожие части пучков склеиваются, и за счет этого между словами образуются связи (формальные, смысловые или формально-смысловые). Таким образом, синтаксические функции всех слов накладываются друг на друга и образуется сложное целое—синтаксический состав предложения. Поскольку каждая синтаксическая функция — это знак, а при наложении функций друг на друга разделение связей на формальные и смысловые продолжает оставаться одним и тем же, то и новая единица (синтаксический состав предложения) — это тоже знак. Формой этого знака яв-

ляется формальный состав предложения, т. е. совокупность формальных связей как результат слияния одинаковых формальных функций слов, а значением — смысловой состав предложения, т. е. совокупность смысловых связей как результат слияния одинаковых смысловых функций:

Схема 11

Очевидно, что каждый из указанных знаков (слово, синтаксический состав, предложение) может быть принят в качестве объекта, которому в свою очередь сопоставлен какой-либо знак, например изображение этого объекта. Мы не останавливались особо на этом вопросе раньше, поскольку не хотели усложнять свое описание. Однако теперь можно отметить, что аналитическая лингвистика—это конструирование объектов, а «Аналитическая лингвистика»—это фиксация объектов, т. е. результат такого процесса, при котором произошел переход от конструируемых объектов к их изображениям. Каким методом мы пользовались при этом? Назовем этот метод проецированием: при переходе от конструирования некоторого объекта к построению описания этого объекта мы как бы проецировали интересующий нас элемент на плоскость листа бумаги и затем работали только с этой проекцией.

Естественно, что при использовании этого метода материальное тождество объекта и изображения достигается только в том случае, если проецируемый объект сам является проекцией другого объекта, полученной тем же путем. В более общем случае — при проецировании любых плоских объектов—данный метод позволяет достичь либо материального тождества, либо изоморфизма проецируемого объекта и его изображения⁶. Именно это свойство метода проецирования и позволило нам пользоваться им без особых оговорок: получаемые результаты были справедливы как для изображений интересующих нас объектов, так и для самих объектов.

Теперь мы переходим к проблемам, при изучении которых разграничение объектов и их изображений может оказаться полезным.

Следуя методу проецирования, построим изображение синтаксического состава в виде знака, стороны которого соответствуют сторонам синтаксического состава.

Назовем изображение синтаксического состава предложения его синтаксической структурой, изображение формального состава предложения — его формальной структурой, а изображение смыслового состава предложения — его смысловой структурой. Таким образом, синтаксическая структура предложения— это изображение совокупности его формальных и смысловых связей, формальная структура предложения — это изображение совокупности его формальных связей,

⁶ Под изоморфизмом мы понимаем одинаковость объектов в отношении их внутренних структур как совокупностей связей между составляющими их компонентами, под материальной тождественностью — одинаковость объектов не только в отношении одинаковости связей между составляющими их компонентами, но и в отношении одинаковости самих компонентов (их физических характеристик).

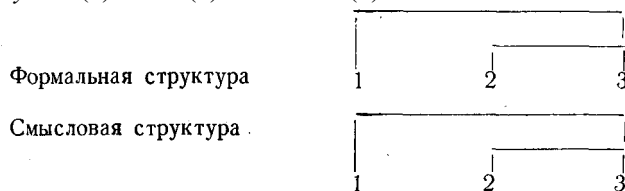
а смысловая структура предложения — это изображение совокупности его смысловых связей:

Схема 12

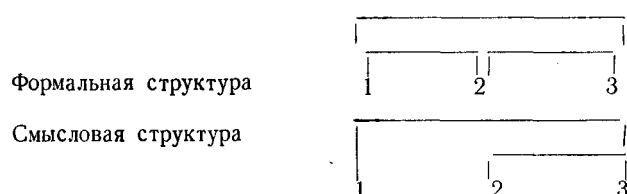

Примеры построения формальных и смысловых структур предложения.

1. Русский: *Девушка* (1) *снова* (2) *замолчала* (3)

2. Зулу: *Intombhi* (1) *yabuye* (2) *yathula* (3)

При построении указанных структур мы руководствовались следующими соображениями. Смысловую структуру мы строили как изображение совокупности связей, которые мы устанавливаем, когда говорим, что слова связаны по смыслу: например, слово *девушка* связано со словом *замолчала* предикативной связью, слово *снова* со словом *замолчала*—аспектной связью, между словами *снова* и *девушка* смысловой связи нет. Аналогичные смысловые связи мы находим и в предложении-эквиваленте на языке зулу, поэтому смысловые структуры предложений, являющихся переводами один другого, совпадают. В отличие от смысловых структур формальные структуры предложений-эквивалентов могут и не совпадать. Отчего это происходит?

Формальная структура является изображением формальных связей, их мы устанавливаем в тех случаях, когда форма одного слова зависит от формы другого слова, а эта зависимость, как известно, обуславливается спецификой каждого языка.

Так, в примере 1 словоформа *девушка* согласуется в роде и числе со словоформой *замолчала* (нельзя, например, заменив *девушка* на *девушки*, оставить без изменения *замолчала*; аналогично замена *замолчала* на *замолчали* влечет замену *девушка* на *девушки*). Словоформа *снова* не связана со словоформой *девушка*: никакие изменения словоформы *девушка* (вплоть до замены ее „пустой” словоформой) не отражаются на словоформе *снова*. Однако если словоформу *замолчала* заменить „пустой” словоформой, то надо аннулировать и словоформу *снова*; поэтому мы говорим о наличии формальной связи между *снова* и *замолчала*.

В примере 2 формы *yabuue* и *yathula* зависят от формы *intombhi*: в глаголы *-buue* и *-thula* введены субъектные согласователи *ya-* по классу *intombhi*; формы *yabuue* и *yathula* зависят друг от друга (так, нельзя, например, заменить форму *yathula* на форму *ukuithula*: постановка именно данной формы диктуется формой *yabuue*; нельзя также форму *yabuue* употребить без формы *yathula*: наличие формы *yabuue* обусловлено формой *yathula*).

Приведем несколько иллюстраций специфичности формальных структур предложений в разных языках.

Русский: Я читаю книгу — Я не читаю книги

Английский: I am reading a book — I am not reading a book

В первом примере введение отрицания привело к появлению новой формальной связи, во втором примере аналогичная связь не образовалась: в английском предложении существительным управляет только глагол, а в соответствующем ему русском предложении существительным управляют две словоформы—глагол и частица *не*. Оба эти языка подобны друг другу в отношении направления связей. Примером обратного направления формальной связи (форма сказуемого определяется формой дополнения) [206] является язык хауса, в котором определенный тип дополнения вызывает определенное изменение окончания глагола-сказуемого, ср.:

Ya (1) *dauki* (2) *akwatin* (3) *nan* (4) 'Он (1) взял (2) этот (4) ящик (3)';
 sa (2) *aka* (3) *dauke* (4) *shi* (5) 'Он (1) приказал (2), чтобы (3) его (5) взяли (4)'.

Остановимся еще на одном случае.

Азерб. *Mən* (1) *xəstə* (2) 'дейлэм (3). *Sən* (1') *xəstə* (2') *дейилсən* (3') 'Я (1) не (2) болен (3)'. 'Ты (1') не (2') болен (3)'.

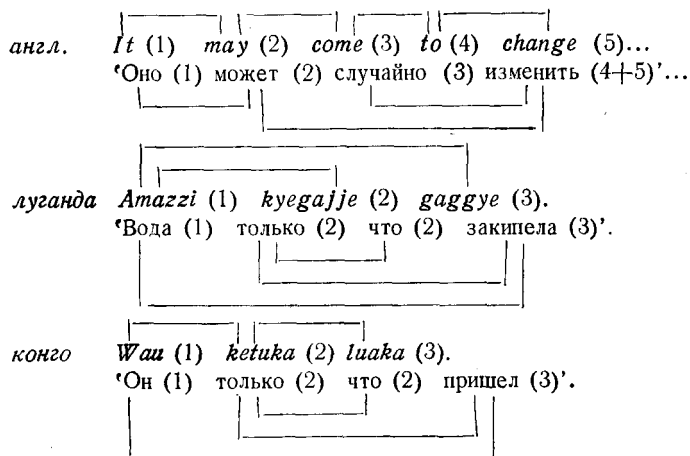
Приведенный пример показывает, что в русском языке существует формальная связь согласования в роде и числе между *я* и *болен*, а в азербайджанском языке— формальная связь согласования в лице и числе между эквивалентами к *я* и *болен*: таким образом, изменение формантов, посредством которых передается формальная связь в русском языке, не обязательно должно вызывать изменение формантов в азербайджанском языке, и наоборот.

В отличие от формальных структур смысловые структуры можно рассматривать как инвариантные при переводе: по-видимому, наличие тождества двух смысловых структур и дает нам право считать два предложения эквивалентами друг друга в синтаксическом отношении—независимо от того, одинаковы или нет их формальные структуры. Чтобы убедиться в иррелевантности необходимости тождества формальных структур для признания эквивалентности предложений на разных языках, достаточно привести следующие примеры:

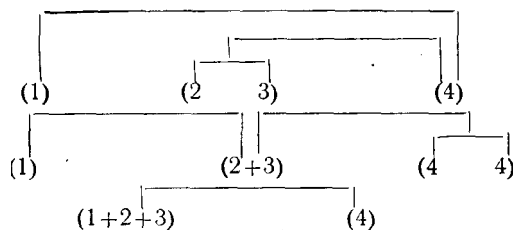
Формальные структуры

франц. *Nous* (1) *venons* (2) *de* (3) *voir* (4) *que* (5)...

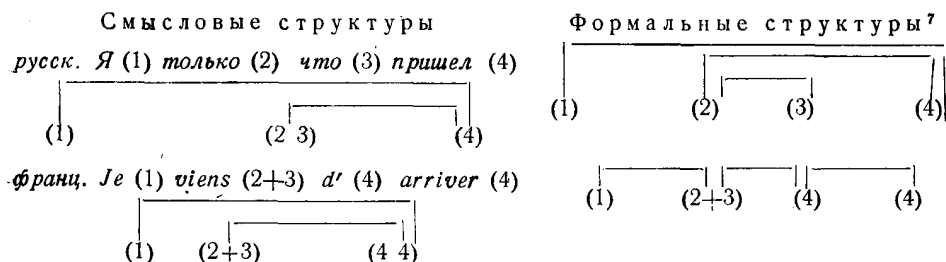
'Мы (1) только (2) что (2) видели (3+4), что (5)'...

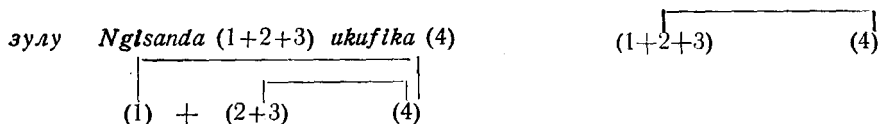
Таким образом, расчленение синтаксической структуры предложения на формальную и смысловую структуры дает возможность отделить при типологических исследованиях план формы от плана значения, а это позволяет четко сформулировать проблему поиска универсалий. Наоборот, оперирование с синтаксической структурой как единым целым фактически лишает нас возможности заниматься типологией синтагматических отношений в разноструктурных языках. Так, если пользоваться результатами обычных синтаксических разборов, то мы, как правило, получаем изображения эквивалентных предложений из разных языков в виде схем, не имеющих ничего общего. Таковыми, например, являются следующие три схемы:

Это—схемы синтаксических связей в предложении *Я* (1) *только* (2) *что* (3) *пришел* (4) и его эквивалентах на французском языке— *Je* (1) *viens* (2+3) *d'* (4) *arriver* (4), и языке зулу— *'Ngisanda* (1+ +2+3) *ukufika* (4). В терминах системы формально-смысловых связей сравнение тех же трех предложений с целью выявления синтагматического инварианта не представляет труда—для этого достаточно смысловые структуры отделить от формальных:

⁷ Во всех приведенных схемах в скобки взяты элементы, выступающие как единицы того или иного типа анализа (формального или смыслового).

При использовании метода построения формально-смысловых структур типологию синтагматических отношений можно разбить на два раздела:

1. Типология, изучающая соотношения систем смысловых связей и смысловых элементов, между которыми устанавливаются связи, в различных языках. Целью этой типологии является нахождение смысловых инвариантов (универсальных смыслов, которые передаются во всех языках) и смысловых детерминантов, отличающих языковое мышление различных народов друг от друга;

2. Типология, изучающая соотношения систем формальных связей и формальных элементов, между которыми устанавливаются формальные связи. Целью этой типологии является исследование различных языков с точки зрения формальных типов, посредством которых манифестируются те или иные смыслы, и проверка этих формальных типов на инвариантность.

Это дает возможность решить проблему классификации языков с помощью выделения двух таксономических шкал:

1) шкалы, регистрирующей соотношение смысловых инвариантов и детерминантов в различных языках;

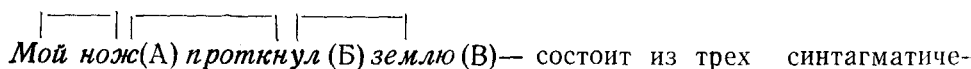
2) шкалы, регистрирующей типы оформления смысла.

При наличии таких шкал регистрацию типов оформления смысла можно осуществлять либо формально-тематически (в зависимости от упорядочения формальных типов), либо содержательно-тематически (в зависимости от того, выражением какого смысла является данный тип).

Таким образом, мы сможем получить смысловые (типология 1) и формальные (типология 2) инварианты, присущие любому языку, а это даст нам возможность корректно поставить вопрос (в синхронном плане) о соотношении человеческого мышления и отражаемой им объективной действительности⁸.

2. Построение типологии синтагматических отношений заставляет нас поставить еще один вопрос: о принципах выделения синтагматических классов (членов предложения), в терминах которых типологическую работу проводить было бы наиболее удобно.

Здесь можно высказать следующие соображения. Поскольку смысловая структура при переводе одного и того же предложения на разные языки остается неизменной, то именно ее, по-видимому, следует принять в качестве критерия, на котором основано деление предложения на синтагматические элементы⁹. Тем самым мы получим возможность сравнивать не только эквиваленты одного и того же предложения на разных языках, но и их части. Так, установив, что предложение П) —

⁸ По-видимому, можно считать, что формальные инварианты обусловлены только механизмом нашего мышления, тогда как смысловые инварианты, с одной стороны, зависят от этого механизма, а с другой — обуславливаются объективной действительностью.

⁹ Другими словами, при синтагматическом разборе предложений мы предлагаем в качестве синтагматических единиц принимать те элементы, из которых исходят связи, фиксируемые при построении смысловой структуры. О практических результатах в этом направлении см. [207].

ских частей и что часть А, внутри которой имеется посессивная связь, связана с частью Б предикативной связью, а часть Б с частью В — объектной связью, мы в качестве одного члена предложения (назовем его «подлежащее») примем часть А, в качестве второго члена предложения (сказуемого) — часть Б, а в качестве третьего члена предложения (дополнения)—часть В. Переведем это предложение на другой язык (в том числе перескажем его другими словами)—в результате мы получим предложение Пг (например, *Я проткнул землю ножом*).

Поскольку мы считаем, что факт признания П₂ переводом П₁ является экспликацией утверждения о равенстве смысловых структур П₂ и П₁ то из посылки «*Я проткнул землю ножом* является переводом *Мой нож проткнул землю*» мы можем заключить, что *Я проткнул землю ножом* имеет ту же смысловую структуру, что и *Мой нож проткнул землю*. В соответствии с этим мы должны будем отметить, что в предложении П₂ имеются три синтагматические части. Эти части таковы, что часть А связана с Б предикативной связью, а Б с В—объектной связью. Кроме того, часть А такова, что внутри нее имеется посессивная связь.

Естественно, что на основании таких условий предложение *Я проткнул землю ножом* мы сможем разбить на синтагматические элементы единственным образом:

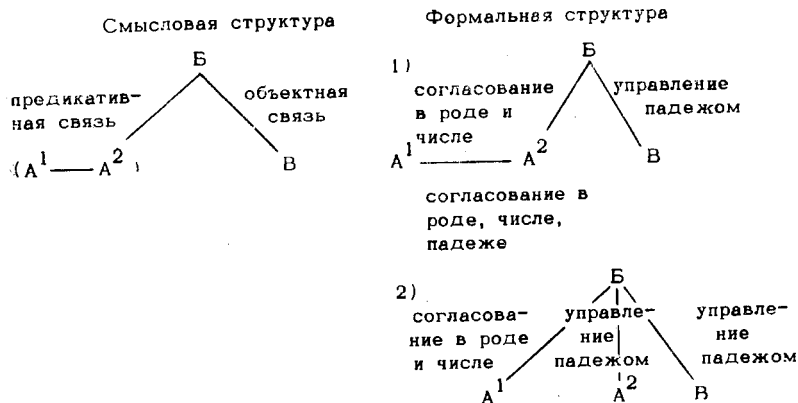
Тем самым мы как бы эксплицируем утверждение о том, что два приведенных предложения служат для передачи одного и того же смысла. Чтобы показать, что они служат не просто для передачи одного и того же смысла, но для передачи его двумя разными способами (т. е. являются двумя разными формами передачи одного и того же смысла), достаточно привести формальные структуры, соответствующие каждому из предложений:

1. *Мой нож проткнул землю*
2. *Я проткнул землю ножом*

В первом случае мы имеем две связи согласования и одну управления, во втором одну согласования и две управления.

Таким образом, при одной и той же смысловой структуре мы получаем две различные формальные структуры как два способа выражения одного и того же смысла (см. схему 13).

Конечно, с первого взгляда члены предложения, получаемые как следствие излагаемой здесь теории, могут показаться несколько необычными (например, член предложения «подлежащее» такого типа, как *я ножом*). Однако ощущение необычности подобного анализа исчезает тотчас, как мы обращаемся к теории трансформаций: указанный способ оперирования формально-смысловыми структурами фактически дает возможность фиксировать в явном виде все те данные, которые мы подразумеваем при анализе предложения по синтаксическим связям и которые при прежних способах регистрации синтаксических структур либо вообще не фиксировались, либо фиксировались в неяв-

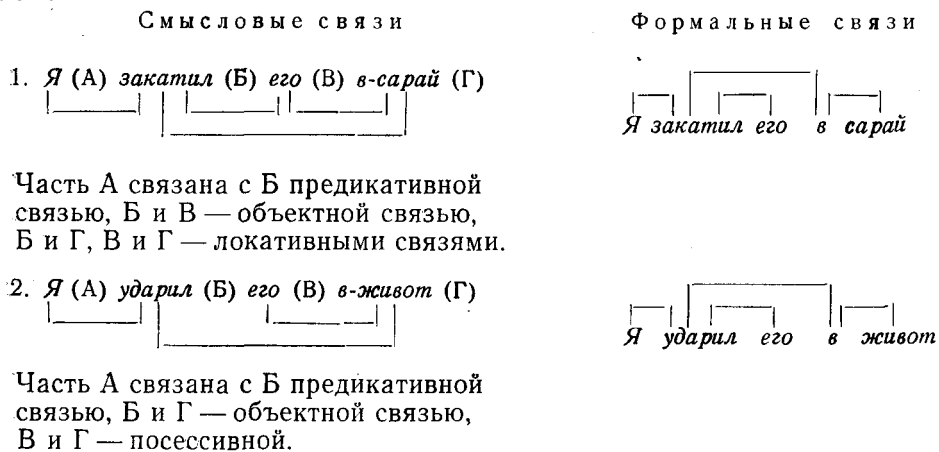
ном виде (путем экспликации связей в предложении через список возможных трансформов).

По-видимому, именно отсутствием способа фиксации всех данных, являющихся результатом синтаксического анализа, можно объяснить большую часть разногласий, которые возникают при обсуждении различных вопросов теории членов предложения. Достаточно вспомнить лишь о так называемых спорных вопросах теории членов предложения, связанных с разграничением функций дополнения и обстоятельства [233].

Посмотрим, какие коррективы можно внести в вопрос о соотношении дополнений и обстоятельств с позиций разбора по формально-смысловым связям. Рассмотрим два предложения: *Я ударил его в живот* и *Я закатил его в сарай*. С точки зрения традиционного анализа оба эти предложения представляют собой одинаковые цепочки членов предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство или подлежащее, сказуемое, прямое дополнение, косвенное дополнение).

Аналогично: одинаковыми по синтаксическому составу придется признать и *Я моргаю глазами* — *Я испачкался мелом*.

Однако если разбирать указанные предложения по формально-смысловым связям, то те же предложения окажутся различными последовательностями членов предложения:

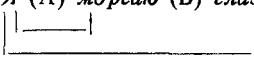
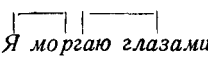
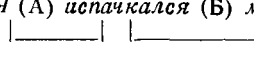

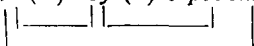
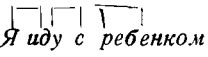
То, что в этих предложениях имеются именно эти смысловые связи доказывається посредством следующих трансформаций.

Можно сказать: *Я закатил его в сарай, и он там* (экспликация локативной связи *его в сарай*), но нельзя сказать: *Я ударил его в живот, и он там*. Зато *Я ударил его в живот* можно заменить с точки зрения смысловых отношений¹⁰ на *Я ударил его живот* (экспликация посессивной связи *его в-живот*), а *Я закатил его в сарай* нельзя трансформировать в *Я закатил его сарай*. Чтобы показать наличие только одной объектной связи *ударил в-живот* (и, значит, отсутствие объектной связи *ударил его*), достаточно обратиться к оппозиции: *Я ударил его в живот—Я ударил в гонг* (нельзя сказать: *Я ударил его в гонг*). Последний пример говорит о том, что постановка одного или двух элементов (*его, в живот* или *его в живот*) при сказуемом, выраженном глаголом *ударить*, определяется не самим этим глаголом, но соотношениями между зависящими от глагола элементами (в частности тем, может или нет зависимое слово иметь неотчуждаемую принадлежность; ср. также: *удалил его по животу* и *ударил по столу*).

Таким образом, в соответствии с системой формально-смысловых связей *его в живот, его по животу, его, в живот, по животу* — это один и тот же член предложения с различной внутренней структурой. В отличие от этого в предложении *Я закатил его в сарай* мы находим не один член предложения *его в сарай*, но два члена предложения: *его* и *а сарай* (нельзя подобрать такое одно слово, которое сразу заменяло бы оба слова, как в случае *по столу, в гонг*). И значит, в соответствии с анализом по формально-смысловым связям перед нами—два предложения, которые имеют совершенно различные смысловые структуры (при одной и той же формальной структуре) и поэтому соотносятся с различными цепочками синтагматических классов.

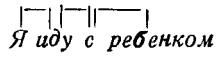
Таким образом, формально-смысловой анализ показывает, что отождествление членов предложения в обоих предложениях могло произойти только как следствие неразличения формальной омонимии, т. е. как следствие анализа, учитывающего формальные структуры обоих предложений и не учитывающего их смысловые структуры.

Примечание. Примеров формальной омонимии можно привести очень много. Вот два из них:

Смысловые связи	Формальные связи
1. Я (А) моргаю (Б) глазами (В) А—Б — предикативная связь, А—В — посессивная связь.	 <i>Я моргаю глазами</i>
Я (А) испачкался (Б) мелом (В) А—Б — предикативная связь, Б—В — каузативная связь.	 <i>Я испачкался мелом</i>
2. Я (А) иду (Б) с-ребенком (В) 	 <i>Я иду с ребенком</i>

¹⁰ Мы уточняем: «с точки зрения смысловых отношений», так как с точки зрения формально-языковых требований такая замена невозможна.

А—Б — предикативная связь,
 Б—В — предикативная связь,
 А—В — соединительная связь.

Я (А) *иду* (Б) *с-ребенком* (В) («на руках»)

А—Б — предикативная связь,
 Б—В — объектная связь.

3. По-видимому, от решения вопроса о критериях построения системы членов предложения зависит решение еще одного вопроса: о типах синтаксического анализа, который целесообразно проводить при осуществлении межъязыкового или внутриязыкового перевода.

В литературе описываются различные ограничения, наложение которых на естественную языковую структуру рассматривается как необходимое условие для решения различных прикладных задач (в частности при разработке вопросов автоматического перевода). Так, например, формулируется требование о том, что при синтаксическом разборе каждое слово должно иметь только одного хозяина¹¹.

Обращение к представлению предложений в терминах формально-смысловых связей особенно ясно показывает, насколько это ограничение в действительности чуждо синтаксической структуре реальных языков:

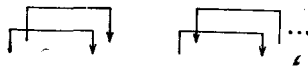
фактически всякий раз, когда мы имеем дело со смысловыми анафорическими или формальными контрадикторными связями, происходит нарушение этого требования, поскольку в этом случае хотя бы одно слово в предложении должно иметь не менее двух хозяев—одного формального и одного смыслового. Противоречит это требование и таким случаям, когда одно и то же слово зависит сразу от двух хозяев¹²

Не менее искусственным является и требование о том, что стрелки, изображающие связи, не должны пересекаться¹³: очевидно, что пересе-

¹¹ См., например: «Относительно устройства синтаксической структуры приняты следующие соглашения: 1. Слово может зависеть только от одного слова...» [86. 102]; «Естественно считать, что в предложении каждое вхождение словоформы зависит только от одного вхождения или же вообще независимо (как сказуемое или подлежащее)» [222. 106].

¹² Случаи этого типа, как и предыдущие, не редкость в естественных языках; в качестве примера можно привести хотя бы притяжательные местоимения, которые во многих языках представляют собой слова, состоящие из двух компонентов (один компонент согласуется с лицом possessора, второй—с обладаемым предметом), и зависимые части составных (именных и глагольных) сказуемых, которые выражены словами, согласующимися в одно и то же время и с подлежащим и с главной частью составного сказуемого.

¹³ См., например: «Несовместимы такие две связи, что между элементами первой расположен один и не расположен другой элемент второй связи. Эту запрещенную ситуацию можно назвать пересечением стрелок:

Пересечение и обрамление стрелок можно рассматривать как два независимых признака, характеризующих порядок слов в том или ином языке. Названные два запрещения непосредственно связаны со „стрелочным“ изображением синтаксической структуры. Для правильных синтаксических структур, представленных в виде дерева, исследователями по автоматической обработке текста отмечено так называемое свойство проективности, означающее следующее: перпендикуляры, опущенные из углов дерева, не пересекают его ветвей. Оказалось, что свойство проективности, с одной стороны, и

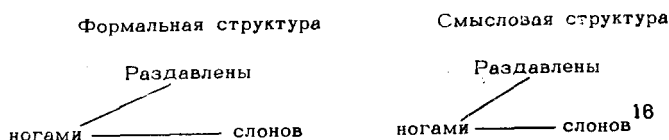
каемость или непересекаемость стрелок зависит не от связей, а от способа их представления. Изменился способ представления—изменилось и соотношение стрелок, хотя сами связи при этом могли остаться неизменными. При работе в рамках одного и того же способа ощутить подмену при переходе от вопроса о связях (т. е. об объектах) к вопросу о стрелках (т. е. об изображениях этих объектов) довольно трудно. Однако при переходе к другому способу представления¹⁴ эта подмена сразу становится очевидной и появляется сомнение в ее целесообразности: для чего накладывать на язык ограничения, которые ему заведомо не свойственны? Не лучше ли изменить способ представления языковых данных?

4. Рассматривая круг вопросов, постановка которых связана с предложенным выше тезисом о расщеплении синтаксической структуры на формальную и смысловую части, остановимся на проблеме соотношения языка и мышления. Начнем с рассмотрения конкретных примеров. Сравним два предложения:

1. *Раздавлены ногами, слонов*
2. *Раздавлены ногами слонами*¹⁵

Построим формальную и смысловую структуры первого предложения:

Схема 14

свойства непересечения и необрамления — с другой, точно соответствуют друг другу: если представить структуру с обрамлением или пересечением в виде дерева, обязательно получится непроецируемая структура, и наоборот, любая непроецируемая структура при стрелочном представлении будет структурой с пересечением или обрамлением» [86.1091].

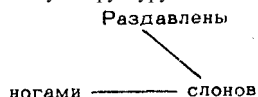
Эта цитата нам понадобилась не только для того, чтобы показать, что отмеченное нами ограничение действительно накладывается на синтаксическую структуру некоторыми лингвистами, но и для того, чтобы обратить внимание читателя на следующее:

фактически в приведенной цитате речь идет не об объекте (синтаксическая структура) и двух его изображениях (в виде стрелок над линейной последовательностью знаков и в виде дерева), а о трех изображениях некоторого объекта, не упоминаемого в цитате (совокупность связей), упорядоченных в виде определенной иерархии (синтаксическая структура как изображение части связей в предложении → изображение этого изображения (1) → изображение изображения [1]). Естественно, что переход к другому изображению совокупности связей в предложении неминуемо должен привести к изменению остальных членов иерархии (например, представление предложения в виде совокупности формально-смысловых связей в соответствии с теорией, изложенной выше, дает возможность построить линейное изображение как совокупность формальной и смысловых структур и древовидное изображение—как совокупность формального и смыслового дерева).

¹⁴ По-видимому, переход от фиксации неделимой синтаксической структуры к расщеплению ее на формально-смысловые компоненты, каждый из которых имеет собственные законы правильности, можно интерпретировать как переход от плоского изображения слова (а значит, и предложения) к пространственному изображению (аксонометрии).

¹⁵ Этот пример разбирает А. А. Потебня [176. 210].

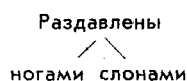
¹⁶ Можно и иначе построить смысловую структуру:

А теперь решим аналогичную задачу в отношении второго предложения. Построение формальной структуры навряд ли вызовет затруднение:

Схема 15

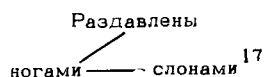
Формальная структура

Построение смысловой структуры не столь очевидно. При обращении к предложению возникает тотчас вопрос: смысловую структуру следует строить, исходя из современного понимания смысла этого предложения или основываясь на мнениях исследователей о паратактичности мышления наших предков? Так, в соответствии с современным пониманием отношений в объективной действительности, которые отражены в этом предложении, мы можем построить такую его структуру:

Схема 16

Смысловая структура

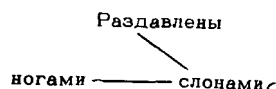
Следуя мнению историков¹⁸ и пытаясь стать на позиции человека, который жил в N веке, мы должны будем построить такую смысловую структуру:

Схема 17

Смысловая структура

¹⁷ В соответствии с примечанием 16 возможно также построение еще одной смысловой структуры:

¹⁸ «На весьма ранней — эргативной — ступени развития языка, доступного нам лишь по пережиткам, сохранившимся в искаженной форме, партитивное отношение, как таковое, не воспринималось. Часть и целое легко сменяли друг друга в пестрой смене чувственных впечатлений» [96. 194].

Таким образом, в первом случае мы бы пришли к одной совокупности формальной и смысловой структуры исследуемого предложения, во втором случае—к другой:

Схема 18

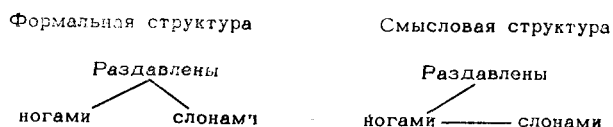
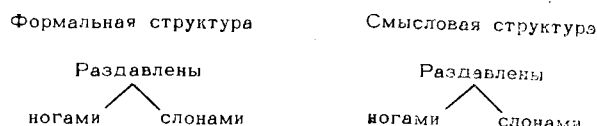

Схема 19

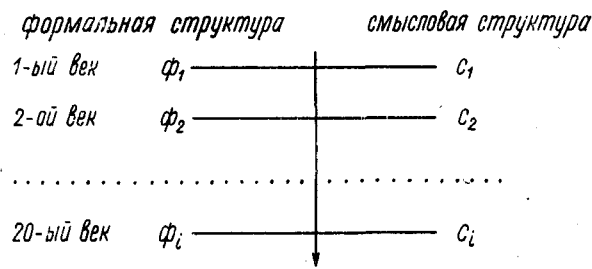
Сравнивая приведенные схемы, мы можем сделать следующие выводы:

1) если считать, что предложение *Раздавлены ногами слонами* эволюционировало в предложение *Раздавлены ногами слонов*, то можно отметить, что формальная структура типа \wedge изменилась в формальную структуру типа \swarrow ;

2) относительно смысловой структуры мы можем высказать две гипотезы: а) в соответствии с современным пониманием смысловой структуры обоих предложений мы можем сказать, что смысловая структура осталась инвариантной и не изменялась на протяжении веков; б) в соответствии с „историческим подходом“ к рассматриваемым явлениям мы должны констатировать изменение типов смысловой структуры: смысловая структура типа \wedge изменилась в смысловую структуру типа \swarrow .

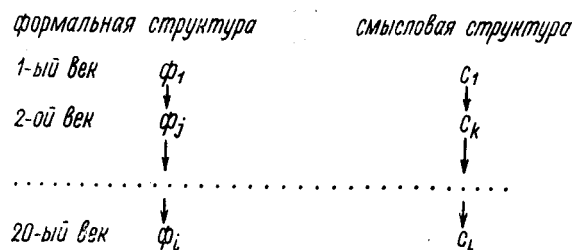
Если мы принимаем гипотезу (б), то, сравнивая ее с выводом (1), должны будем заключить, что смысловая и формальная структуры изменялись одинаково, изохронно, а это даст нам возможность высказать предположение о том, что эволюция одной структуры обуславливает эволюцию другой структуры. Другими словами, мы сможем говорить о том, что ни одна из структур (ни формальная, ни смысловая) не „живут“ каждая отдельной жизнью, но функционируют только как части одного целого. Таким образом, мы приходим к следующей концепции исторического развития (схема 20);

Схема 20

Исследуя гипотезу (а), мы отмечаем, что процесс изменения формальной структуры не отражается на статусе смысловой структуры: каждая из них имеет как бы свою историю¹⁹:

Схема 21

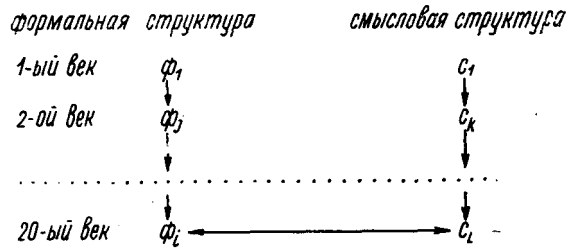

Другими словами, формальная структура Φ_1 ; могла за один век измениться в Φ_5 , ($\Phi_1 \rightarrow \Phi_2 \rightarrow \dots \rightarrow \Phi_5$), а смысловая структура за то же самое время могла либо не подвергнуться никаким изменениям вовсе, либо измениться, но не обязательно в C_5 ($C_1 \rightarrow C_2 \rightarrow \dots \rightarrow C_5$), а, например, в C_2 . В результате формальная структура за эти 20 веков могла претерпеть, например, 10 изменений ($i=10$), а смысловая — ни одного ($l=0$), и наоборот. (В частном случае, конечно, формальная структура могла претерпеть ровно столько изменений, сколько и смысловая (например, $i=0$).

Однако прийдя к такому выводу, мы обязаны на нем остановиться подробнее. Обращаясь к последней строчке схемы 21, мы видим, что Φ_i ; и C_1 изображены на ней как самостоятельные, обособленные элементы, в то время, как мы знаем, что они существуют только как две стороны одного знака, как некое единое целое.

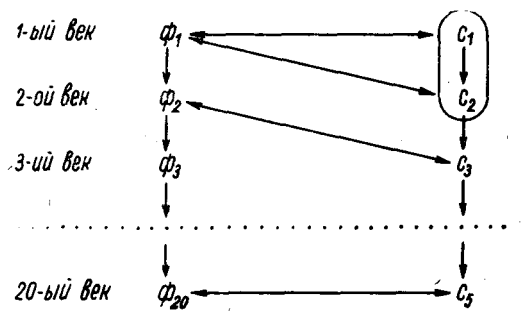
¹⁹ Ср.: «Не могу я признать и настоящей причинной зависимости между культурой и языком. Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают. Трудно усмотреть, какие особые причинные зависимости можно ожидать между отобранным инвентарем опыта (культура как делаемый обществом ценностный отбор) и тем особым приемом, при помощи которого общество выражает весь свой опыт. Движение культуры, иначе говоря история, есть сложный ряд изменений в инвентаре отобранного обществом опыта — приобретений, потерь, изменений в оценке и отношении. Движение языка, собственно говоря, вовсе не связано с изменениями содержания, а только с изменениями формального выражения. Можно мысленно изменить каждый звук, каждое слово, каждое конкретное понятие языка, ни в малейшей мере не затрагивая его внутренней действительности, подобно тому как можно влить в любую форму воду, известку или расплавленное золото» [216. 171].

Схема 22

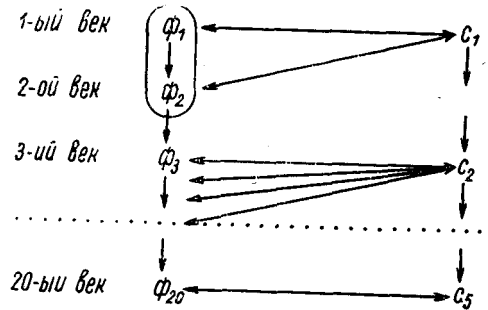
Очевидно, что такое соотношение мы должны были бы установить и в каждой строке и, значит, прийти к схеме типа:

Схема 23

или типа:

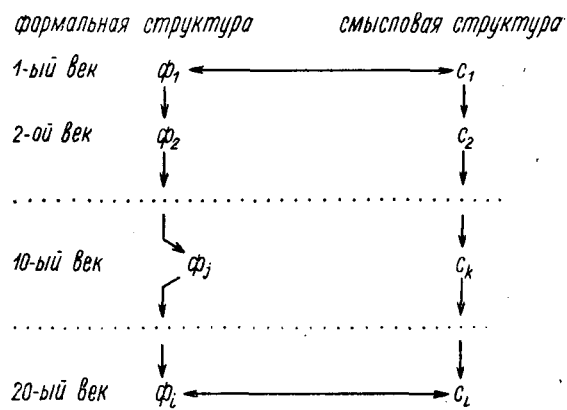
Схема 24

Не собираясь рисовать все возможные типы, мы можем отметить, что общим для них всех являются четыре признака:

- 1) наличие связанной цепочки $\Phi_1 \rightarrow \Phi_2 \rightarrow \dots \rightarrow \Phi_n$;
 - 2) наличие связанной цепочки $C_1 \rightarrow C_2 \rightarrow \dots \rightarrow C_i$;
 - 3) наличие связи между первыми компонентами цепочек $\Phi_1 \leftrightarrow C_1$;
 - 4) наличие связи между последними компонентами цепочек $\Phi_i \leftrightarrow C_i$.
- Исходя из этих признаков, схему исторического развития синтаксической структуры окончательно можно представить в следующем виде (схема 25).

Схема 25

Давая интерпретацию этой схемы, можно сказать, что синтаксическая структура представляет собой знак, двуединый по своей сущности в каждый момент времени и такой, что каждая его сторона имеет свою собственную историю. Таким образом, история этого знака — это синтез историй двух его компонентов: формы и значения.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

- 1 Абакумов С. И., Второстепенные члены предложения, — «Русский язык в школе», 1937, № 6.
2. Авансе о в Р. И., Второстепенные члены предложения как грамматические категории, — «Русский язык в школе», 1936, № 11.
3. Адмони В. Г., Второстепенные члены предложения в русском и немецком языках, — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1960, т. 217.
4. Адмони В. Г., Качественный и количественный анализ грамматических явлений, — «Вопросы языкознания», 1963, № 4.
5. Аюпджанян А. А., — Вопрос о второстепенных членах предложения в русской лингвистической литературе, — «Ученые записки Елабужского госпединститута», 1959, т. 4.
6. Александров Н. М., К вопросу об определении главных членов предложения, — «Ученые записки Хабаровского госпединститута», 1963, т. X.
7. Александров Н. М., Проблема второстепенных членов предложения в русском языке, Л., 1963.
8. А н г у л а д з е Н. Д., Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках, автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1964.
9. Андреев Н. Д., Алгоритмы статистико-комбинаторного моделирования морфологии, синтаксиса, словообразования и семантики, — «Материалы по математической лингвистике и машинному переводу», сб. 2, Л., 1963.
10. «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936.
11. Апресян Ю. Д., К вопросу о структурной лексикологии, — «Вопросы языкознания», 1962, № 3.
12. Апресян Ю. Д., Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления), — «Вопросы языкознания», 1965, № 6.
13. Апресян Ю. Д., О понятиях и методах структурной лексикологии, — «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.
14. Апресян Ю. Д., О сильном и слабом управлении, — «Вопросы языкознания», 1964, № 3.
15. А п р е с я н Ю. Д. и Б а б и ц к и и . К. И., Работы ЛМП МГПИИЯ по семантике, — «Computational linguistics», 6, 1966.
16. Асланов В. И., Некоторые вопросы глагольного управления в памятниках азербайджанского языка в сравнительном освещении (переходные глаголы), автореф. канд. дисс., Баку, 1960.
17. Ахманова О. С., М е л ь ч у к И. А., П а д у ч е в а Е. В., Фрумкина Р.М., О точных методах исследования языка, 1961.
18. А х м а н о в а О. С. и М и к а э л я н Г. Б., Современные синтаксические теории М., 1963.
19. Б а л л и Ш., Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955.
20. Бархударов Л. С., О некоторых структурных методах лингвистического исследования, — «Иностранные языки в школе», 1961, № 1.
21. Баскаков Н. А., Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках, — «Советское востоковедение», 1957, № 1.
22. Безруков А. Г., Управление глаголов движения в современном немецком языке, автореф. канд. дисс., Л., 1956.
- 23- Б о г о р о д и ц к и и В. А., Курс русской грамматики, М.—Л., 1935.
24. Б о г о р о д и ц к и и В. А., Лекции по общему языковедению, Казань, 1911.
25. Бодуэн де Куртэнэ. Избранные пруды по общему языкознанию, т. 1—11, М., 1 Уио.
- 26; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, М., 1963.
27. Б о я р о в А. П., Глагольные словосочетания с пространственным значением в современном русском языке, автореф. канд. дисс., М., 1955.
28. Броновицкий Б. И., Валентные свойства глаголов *call* и *send* в современном английском языке, автореф. канд. дисс., М., 1965.
29. Булаховский Л. А., Исторический комментарий к литературному русскому

30. Булаховский Л. А., Курс русского литературного языка, т. 1, Киев, 1952.
31. Буслаев Ф. И., Историческая грамматика русского языка, М., 1869.
32. Буторин Д. И., Винительный и родительный падежи прямого объекта в русском литературном языке XIX—XX веков, автореф. канд. дисс., Л., 1953.
33. В а н д р и е с Ж., Язык. Лингвистическое введение в историю, М., 1937.
34. В а н с л о в а М. В., О связи слов в предложении,—«Русский язык в школе» 1952, № 1.
35. Ведерников Н. В., Учение об управлении в русской лингвистической литературе,—«Ученые записки Новгородского госпединститута», 1961, т. VI, вып. 1.
36. В и н о г р а д о в В. В., Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике, — «Русский язык в школе», 1960, № 2.
37. В и н о г р а д о в В. В., Из истории изучения русского синтаксиса, М., 1968. 38. Виноградов В. В., Некоторые вопросы изучения синтаксиса простого предложения,—«Вопросы языкознания», 1964, № 1.
39. Виноградов В. В., О формах слова, — «Известия АН СССР ОЛЯ», 1944, т. III, выв. 1.
40. В и н о г р а д о в В. В., Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка,—«Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.
41. В и н о г р а д о в В. В., Русский язык, М.—Л., 1947.
42. Виноградов В. В., Синтаксические воззрения Востокова и их значение в истории русского языкознания,—«Известия АН СССР ОЛЯ», т. X, вып. 2, 1951.
43. Виноградов В. В., Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке,—сб. «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку», М., 1952.
44. Винокур Г. О., Глагол или имя?—«Русская речь», новая серия, вып. III, Л., 1928
45. Винокур Г. О., Заметки по русскому словообразованию, — «Избранные работы по русскому языку», М., 1959.
46. «Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докладов», Л., 1&65.
47. В о с т о к о в А. Х., Русская грамматика, СПб., 1838.
48. Г о з д е в А. Н., Современный русский литературный язык, М., 1958.
49. Гладкий А. В., Об одном способе формализации понятия синтаксической связи,—«Проблемы кибернетики», М., 1&64, вып. 11.
50. Г л и с о н Г., Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1961.
51. «Грамматика русского языка», т. I—II, М., 1960.
52. Г р е ч Н. И., Практическая русская грамматика, СПб., 1834.
53. Греч Н. И., Пространная русская грамматика, СПб., 1829.
54. Г р е ч Н. И., Рассмотрение книги: Опыт общесравнительной грамматики, СПб., 1856.
55. Греч Н. И., Чтения о русском языке, СПб., 1840.
56. Громова Н. В., Части речи в языках банту и принципы их разграничения, М., 1966.
57. Груздева С. И., О связи слов в предложении,—«Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук», 1952, № 161, вып. 18.
58. Грунекий Н. К., Очерки по истории синтаксиса славянских языков, т. 1, СПб., 1910.
59. Г у ц у - Р о м а л о В. В., К проблеме классификация глаголов,—«Revue de linguistique», 1963, т. VIII, № 2.
60. Девкин В. Д., Некоторые случаи выражения направленного движения немецкими глаголами,— «Ученые записки Московского педагогического института», 1958, т. 77, вып. 1.
61. Д м и т р и е в Н. К., Строй турецкого языка, Л., 1939.
62. Д м и т р и е в Н. К., Строй тюркских языков (Избранные труды), М., 1962.
63. Д о б и а ш А., Синтаксис Аполлония Дискола, Киев, 1882.
64. Дружинина М. Ф., Пространственно-местные падежи в марийском языке, автореф. канд. дисс., М., 1952.
65. Д ы р у л А., Предлоги, выражающие пространственные отношения в современном молдавском литературном языке, автореф. канд. диос., Кишинев, 1956.
66. Ельмслев Л., Прологомены к теории языка,—«Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960.
67. Есперсен О., Философия грамматики, М., 1968.
68. Жданова А. К., К вопросу о приглагольном управлении в современном русском языке,—«Вопросы изучения русского языка», Ростов-на-Дону, 1960.
69. Жигжанова Л. Г., Пространственные падежи в современном казахском литературном языке, автореф. канд. диос., М., 1956.
70. Жолковский А. К., О правилах семантического анализа,—«Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1964, № 8.
71. Жукова А. П., Два основных способа связи определения с определяемым в ко-

- ряском языке,—«Ученые записки Ленинградского гоопединститута им. А. И. Герцена (факультет народов Севера)», Л., 1954, т. 101.
72. Жученко Н. К., К вопросу о принципах разграничения омонимии и полисемии глаголов в русском языке, — «Вопросы теории и методики изучения русского языка», Саратов, 1959.
 73. За сори н а Л. Н., Берков В. П., Понятие валентности в языке, «Вестник ЛГУ, серия истории, языка и литературы», 1961, № 8, вып. 2.
 74. Засорина Л. Н., Предлоги с причинным значением,—«Ученые записки ЛГУ», 1961, №301, вып. 60.
 75. Золотова Г. А., Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке, автореф. канд. дисс., М., 1954.
 76. Иванов В. В., Машинный перевод и установление соответствий между языковыми системами, — «Машинный перевод. Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР», вып. 2, М., 1961.
 77. Иванов В. В., Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины,— «Материалы по машинному переводу», сб. 1, Л., 1958.
 78. Иванов В. В., Некоторые проблемы современной лингвистики, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 4.
 79. И в а н о в В. В., Некоторые соображения о трансформационной грамматике, — . '«Тезисы докладов на конференции по структурной лингвистике», М., 1961.
 80. Иванов С. Н., Очерки по синтаксису узбекского языка, Л., 1959.
 81. Иванова А. Ф., Учение о частях речи в учебниках буслаевской школы,—«Русский язык в школе», 1967, № 3.
 82. Ильинская И. С., Управление как проблема лексики и грамматики,—«Ученые записки МГПИ, каф. русского языка», 1941, вып. 1, т. V.
 83. И н г в е В., Синтаксис и проблема многозначности, — «Машинный перевод», М., 1957.
 84. И о н и н а М. В., К истории глагольного управления,—«Наукові записки Донецького державного пед. інституту», 1962, вип. XI.
 85. Иорданская Л. Н., Два оператора для обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа), М., 1961.
 86. Иорданская Л. Н., О некоторых свойствах правильной синтаксической структуры,—«Вопросы языкознания», 1963, №4.
 87. Иорданская Л. Н., Свойства правильной синтаксической структуры и алгоритм ее обнаружения,— «Проблемы кибернетики», 1964, вып. 11.
 88. Исаев А. В., Глагольное управление в языке Московского летописного свода конца XV в., автореф. канд. дисс., Л., 1954.
 89. Исаченко А. В., Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, Братислава, 1960.
 90. Исаченко А. В., О грамматическом значении,—«Вопросы языкознания», 1961, № 1.
 91. Ицкович В. А., Управление в современном русском литературном языке, М., 1961,
 92. К а д ж о л и т е С. И., Глагольные сочетания с объектным инфинитивом во французском языке,— «Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук», вып. 50, 1958, № 262.
 93. К а н о н к и н Н. П., Распознавание второстепенных членов предложения,— «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. XX, 1939.
 94. Карцевский С. И., Повторительный курс русского языка, М.—Л., 1928.
 95. К а ц н е л ь с о н С. Д., Историко-грамматические исследования. I, М.—Л., 1948.
 96. К а ц н е л ь с о н С. Д., К истории партитивного определения,—«Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук», 1941, вып. 5.
 97. Кацнельсон С. Д., О грамматической категории,—«Вестник ЛГУ», 1948, № 2
 98. К и э д а М., Грамматика японского языка, т. 1, М., 1958; т. 2, М., 1959.
 99. К л а с с о в с к я и В., Грамматические заметки, СПб., 1855.
 100. Климов Г. А., К типологической характеристике картвельских языков (в сопоставлении с другими иберийско-кавказскими языками),—«XXV международный Конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.
 101. Козырев И. С., К вопросу о связи слов,—«Совещание языковедов юга России и Северного Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении. Тезисы докладов», Ростов, 1961.
 102. К о к л я н о в а А. А., Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке (согласование и управление), автореф. канд. дисс., М., 1953.
 103. Кононов А. Н., Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956.
 104. К о с е р и у Э., Синхрония, диахрония и история,—«Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.
 105. К отелов А. Н., Указание на синтаксические связи слов в толковом словаре

- как средство разграничения смысловых различий, — «Лексикографический сборник», вып. I, М., 1957.
106. К о у п А. Г., Грамматическая структура языка зулу, — «Африканское языкознание», М., 1963.
107. Кошанский Н., О русском синтаксисе, — «Труды общества любителей российской словесности», М., 1819.
108. Кротевич Е. В., О связях слов в словосочетании и в предложении, — «Русский язык в школе», 1958, № 6.
109. Кротевич Е. В., Синтаксические отношения между словами и способы их выражения в русском и украинском языке, Львов, 1949.
110. Кротевич Е. В., Соотношение между членами предложения и частями речи, — «Совещание языковедов юга России и Северного Кавказа по вопросу о членах предложения. Тезисы докладов», Ростов, 1959.
111. Кротевич Е. В., Управление как способ выражения синтаксических отношений, Львов, 1958.
112. Кудриа В. К. О распространении переходных глаголов в современном русском языке, автореф. канд. дисс., М., 1962.
113. К у ч и г а ш е в А. А., Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке, автореф. канд. дисс., М., 1956.
114. Лейкина Б. М., Некоторые аспекты характеристики валентности, — «Доклады на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», вып. 5 (8), М., 1961.
115. Лекомцев Ю. К., К типологии различения грамматических классов, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 6.
116. Лесник М. Д., Сильное управление глаголов с приставкой в-, — «Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук», вып. 68, 1963, № 322.
117. Лесник М. Д., Синтаксическая связь управления в русском языке, — «Cercetări de lingvistică», anul III, 1958.
118. Лиз Р. Б., Что такое трансформация? — «Вопросы языкознания», 1961, № 3.
119. Л о м о н с о в М. В., Полное собрание сочинений, т. 7, М.—Л., 1952.
120. Ломтев Т. П., Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц, — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1960, № 4.
121. Ломтев Т. П., О второстепенных членах предложения, — «Русский язык в школе», 1960, № 4.
122. Ломтев Т. П., О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках, М., 1958.
123. Ломтев Т. П., Природа синтаксических явлений, — «Тезисы докладов на совещании языковедов вузовских и академических учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса», М., 1960.
124. Л ы с к о в И. П., О частях речи, М., 1926.
125. Лукьянов А. В., Вопросы управления в русском языке, Баку, 1939.
126. Малаховский В., Вопросы о второстепенных членах предложения, — «Русский язык в школе», 1936, № 3.
127. Малащенко В. П., К вопросу о предложном управлении, — «Русский язык в школе», 1961.1, № 4.
128. Малащенко В. П., О переходе слабого управления в примыкание и в свободное присоединение предложных конструкций, — «Вопросы изучения русского языка», Ростов-на-Дону, 1960.
129. Мастерман М., Тезаурус в синтаксисе и семантике, — «Математическая лингвистика», М., 1964.
130. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 8 (Труды 1-го Моск. гос. пед. ин-та ин. языков), М., 1964.
131. Мейе А., Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков М—Л 1938.
132. Мельчук И. А., Автоматический синтаксический анализ, т. 1, Новосибирск, 1964.
133. М е л ь ч у к И. А., К вопросу о грамматическом в языке-посреднике, — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», № 4, М., 1960.
134. М е л ь ч у к И. А., К вопросу о термине «система» в лингвистике «Zeichen und System der Sprache», Bd II, Berlin, 1962.
135. Мельчук И. А., Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов (общие принципы и некоторые итоги), — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1962, № 7.
136. М е н о в щ и к о в Г. А., Эскимосско-алеутские языки, — «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959.
137. Меньшиков В. П., Проблема второстепенных членов предложения и пути ее решения, — «Материалы VI межобластной конференции языковедов Поволжья. Краткие доклады», Ульяновск, 1962.
138. М е щ а н и н о в И. И., Глагол, М.—Л., 1948. 246

339. Мещанинов И. И., разнородные виды классификации языкового материала,— «Вопросы языкознания», 1959, № 3.
140. Мещанинов И. И., Структура предложения, М.—Л., 1966.
141. Мещанинов И. И., Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945.
142. Мигирин В. Н., Отношение между частями речи и членами предложения,— «Совещание языковедов юга России и Северного Кавказа по вопросу о членах предложения. Тезисы докладов», Ростов, 1959.
143. Мигирин В. И., Принципы изучения членов предложения,—«Тезисы докладов на совещании языковедов вузовских и академических учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса», М., 1960.
144. Милевский Т., Предпосылки типологического языкознания,—«Исследования по структурной типологии», М., 1963.
145. Монахов П. Ф., К вопросу о выражении направленного движения в немецком языке,— «Ученые записки Калужского госпединститута», вып. VIII, 1960.
146. Монахов П. Ф., О некоторых моделях сложных глаголов движения в современном немецком языке, — «Ученые записки Калужского госпединститута», вып. 10, 1961.
147. Мразек Р., Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы,—«Вопросы языкознания», 1964, № 3.
348. Никитович В. М., О дифференцирующих признаках основных классификационных единиц русского языка, — «Материалы конференции по казахской и русской филологии», Алма-Ата, 1962.
149. Никитин В. М., Второстепенные члены предложения в русском языке в их отношении к главным, — «Труды первой научно-методической конференции», М., 1961.
150. Никитин В. М., Глаголы с обязательным дополнением или обстоятельством,—«Ученые записки Рязанского педагогического института», 1959, т. 25.
151. Никитин В. М., К вопросу о пересмотре проблемы членов предложения (О методах выделения члена предложения), — «Тезисы докладов на совещании языковедов вузовских и академических учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса», М., 1960.
152. Никитин В. М., К вопросу о принципах изучения членов предложения,— «Совещание языковедов юга России и Северного Кавказа по вопросу о членах предложения. Тезисы докладов», Ростов, 1959.
153. Никитин В. М., Обстоятельство как грамматическая категория в современном русском языке и его место в системе второстепенных членов предложения, автореф. докт. дисс., Л., 1961.
154. Никитин В. М., Система второстепенных членов предложения в современном русском языке, — «Вопросы современного русского литературного языка, диалектологии и методики». Свердловск, 1960.
155. Николаева Т. Н., Трансформационный анализ словосочетаний с прилагательным — управляющим словом в русском языке, — «Тезисы докладов на конференции по структурной лингвистике 29—30 ноября 1961 г.», М., 1961.
156. Овсяннико-Куликовский Д. Н., Синтаксис русского языка, изд. 2, СПб., 1912.
157. Откупщикова М. И., Об одном возможном способе построения формальной морфологии,— «Материалы по математической лингвистике и машинному переводу», сб. 2, Л., 1963.
158. Офросимова-Серова Л. Г., Управление непереходных глаголов в уйгурском языке,— «Проблемы лингвистического анализа», М., 1966.
159. Охотина Н. В., О классификации частей речи в языке зулу, М., 1960.
160. Падучева Е. В., О способах представления синтаксической структуры предложения,— «Вопросы языкознания», 1964, № 2.
161. Падучева Е. В., Шумилина А. Л., Описание синтагм русского языка (в связи с построением алгоритма машинного перевода),—«Вопросы языкознания», 1961, № 4.
162. Палов М. В., О частях речи в русском языке,—«Научные доклады высшей школы, филологические науки», 1960, № 4.
163. Панов М. В., Синтаксис, в кн.: «Русский язык и советское общество», Алма-Ата, 1962. 164. Пап Ф., Классификация русских глаголов,—«Русский язык в школе», 1963, № 4.
165. Пауль Г., Принципы истории языка, М., 1960.
166. Перевлесский П. М., Начертание русского синтаксиса, изд. 2, М., 1848.
167. Петерсон М. Н., Лекции по современному русскому литературному языку, М., 1941.
168. Петерсон М. Н., О частях речи в русском языке,—«Вопросы грамматического строя», М., 1955.
169. Петерсон М. Н., Очерк синтаксиса русского языка, М.—Пг., 1923.

170. Пешковский А. М., Еще раз к вопросу о предмете синтаксиса,—«Русский язык в советской школе», 1929, № 2.
171. Пешковский А. М., Избранные труды, М., 1959.
172. Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, М., 1956.
173. Пяльщикова Н., Глагольная система языка хауса. О соотношении категорий вида и времени, Варшава, 1957.
174. Попова З. Д., О содержании понятия «член предложения»,—«Совещание языковедов юга России и Северного Кавказа по вопросам о членах предложения. Тезисы докладов». Ростов, 1959.
175. Поспелов Н. С., Соотношение ' между грамматическими категориями и частями речи,—«Вопросы грамматического строя», М., 1955.
176. Потебня А. А., Из записок по русской грамматике, ч. I—II, изд. 2, Харьков, 1888.
177. Приходько В. А., К вопросу о переходности и непереходности русского глагола, — «Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук», 1958, вып. 38, № 235.
178. Прияткина А. Ф., Некоторые принципы синтаксического анализа,—«Ученые записки Дальневосточного государственного университета», вып. V, 1962.
179. Пшеничная Л. Э. и Скорородько Э. Ф., Синтез осмысленных предложений на ЭЦВМ,—«Проблемы кибернетики», 1963, вып. 10.
180. Рамstedt Г. И., Введение в алтайское языкознание, М., 1957.
181. Ревзин И. И., От структурной лингвистики к семиотике,—«Вопросы философии», 1964, № 9.
182. Ревзин И. И., Формальный и семантический анализ синтаксических связей в языке, — «Применение логики в науке и технике», М., 1960.
183. Реферовская Е. А., Глагольное управление в поздней латыни,—«Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук», вып. 60, 1961, № 301.
184. Реформатский А. А., Введение в языкознание, изд. 2, М., 1955.
185. Рождественский Ю. В., О критериях частей речи в китайском языке,—«Материалы к симпозиуму по грамматике китайского языка 19—21 апреля 1965 г.», М., 1966.
186. Розова С. С., Научная классификация и ее виды,—«Вопросы философии», 1964, №8.
187. Руднев А. Г., Второстепенные члены предложения,—«Ученые записки ЛГПИ' им. А. И. Герцена», 1956, т. XXI.
188. Рудяев А. Г., Синтаксис современного русского языка, М., 1963.
189. Савченко А. Н., Принцип классификации членов предложения,—«Совещание языковедов юга России и Северного Кавказа по вопросам о членах предложения. Тезисы докладов», Ростов, 1959.
190. Самсонов В., Управление как вид синтаксической связи в современном русском языке, — «Ученые записки Ростовского государственного университета», 1953, т. XXII, вып. 4.
191. Садеш М., Лингвистические связи Америки и Евразии,—«Этимология 1964», М., 1965.
192. Севортян Э. В., К проблеме частей речи в тюркских языках,—«Вопросы грамматического строя», М., 1955.
193. Севортян Э. В., Прямое дополнение в турецком языке,—«Вестник МГУ», 1948, № 112.
194. Сигало П. С., Русские инхоативные глаголы, автореф. канд. дисс., Л., 1963.
195. Сидоров В. Н., Ильинская И. С., К вопросу о выражении субъекта и* объекта в современном русском языке,—«Известия АН СССР ОЛЯ», 1949, т. VIII, вып. 4.
196. Сильницкий Г. Г., Семантическая классификация структур типа «существительное+непереходный глагол» в современном английском языке, автореф. канд. дисс., Л., 1965.
197. Скаличка В., О типологии языков банту,—«Африканское языкознание», М., 1963.
198. Скорик П. Я., Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений,—«Известия АН СССР ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 6.
199. Скорик П. Я., Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация, Л., 1948.
200. Скребаев Ю. М., Проблема частей речи и ее внутренняя противоречивость, — «Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докладов», Л., 1965.
201. Смирницкий А. И., К вопросу о слове (проблема тождества слова),—«Труды института языкознания», т. IV, М., 1964.
202. Смирницкий А. И., Лексическое и грамматическое в слове, — «Вопросы грамматического строя», М., 1966.
203. Смирницкий А. И., Морфология английского языка, М., 1959.

204. Смирнички А. И., Об особенностях обозначения направленного движения в отдельных языках, — «Иностранный язык в школе», 1952, № 2.
205. Смирнички А. И., Синтаксис английского языка, М., 1957.
206. Смирнова М. А., Опыт анализа хаусанских глаголов. (в печ.).
207. Сова Л. З., Конфигурационный синтаксис языка зулу, ч. 1, Л., 1968; ч. 2, Л., 1969.
208. Сова Л. З., О построении лингвистических формализации, — «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка. Тезисы докладов и сообщений», М., 1965.
209. «Современный русский язык. Морфология—синтаксис», ч. 1—2, М., 1962—1964.
210. «Современный русский язык. Синтаксис», М., 1957.
211. Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики. М., 1933.
212. Степанова Г. В., К вопросу об управлении глаголов одной семантической группы, — «Ученые записки Калининградского пединститута», 1961, вып. 9.
213. Степанова Г. В., О зависимости форм управления от лексического значения слова, — «Ученые записки Калининградского пединститута», 1961, вып. 9.
214. Сунник О. П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Посессивный строй предложения, Л., 1947.
215. Сухотин Б. В. Алгоритмы лингвистической дешифровки, — «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.
216. Супр Э., Язык. Введение в изучение речи, М., 1934.
217. Таубе М., Вычислительные машины и здравый смысл. Миф о думающих машинах, пер. с англ., М., 1964.
218. Таубенберг Л. И., Система глагольного и именного управления в русском языке конца XVII — начала XVIII в., автореф. канд. дисс., Рига, 1958.
219. «Толковый словарь русского языка», под ред. проф. Д. Н. Ушакова, М., 1935.
220. Трахтенберг О. М., Глагольное управление в исторической повести начала XVII в., автореф. канд. дисс., Куйбышев, 1963.
221. Успенский Б. А., Структурная типология языков, М., 1965.
222. Успенский В. А., К определению части речи в теоретико-множественной системе языка, — «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», вып. 5, 1957.
223. Устрицкий И. В., Второстепенные члены предложения, — «Методические разработки по грамматике (Сборник статей)», М., 1949.
224. Ушаков Д. Н., (Краткое введение в науку о языке, М., 1929.
225. Ушаков Д. Н., Русский язык, М., 1925.
226. Фигуровский И. А., В защиту второстепенных членов предложения, — «Русский язык в школе», 1959, № 2.
227. Фитало С. Я., О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике, — «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.
228. Фортунатов Ф. Ф., Избранные труды, т. 1, М., 1956.
229. Фортунатов Ф. Ф., Сравнительное языковедение. Общий курс. Литограф. изд.
230. Харрис З., Совместная встречаемость д трансформация в языковой структуре, — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962.
231. Хилл А., О грамматической отмеченности предложений, — «Вопросы языкознания», 1962, № 4.
232. Холодович А. А., К вопросу о группировках слов в предложении, — «Проблемы языкознания. Сборник в честь академика И. И. Мещанинова» (Ученые записки-ЛГУ, № 301), Л., 1981.
233. Холодович А. А., О второстепенных членах предложения (из истории и теории; вопроса), — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1959, № 4.
234. Холодович А. А., Опыт теории подклассов слов, ^ «Вопросы языкознания», 1960, № 1.
235. Хомски Н., Синтаксические структуры, — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1960.
236. Хомски Н., Три модели описания языка, — «Кибернетический сборник», 2, М., 1961.
237. Цукерман И. О., Очерки курдской грамматики. Глагольные формы курманджи. М., 1962.
238. Чиркина И. П., Приглагольные дополнения и обстоятельства, выраженные косвенными падежами имен существительных, — «Вопросы современного русского литературного языка, диалектологии и методики», Свердловск, 1960.
239. Шапиро А. Б., Еще о второстепенных членах предложения, — «Русский язык в школе», 1936, № 3.
240. Шапиро А. Б., К учению о второстепенных членах предложения в русском языке, — «Вопросы языкознания», 1957, № I.
241. Шапиро А. Б., О типах подчинительной связи внутри словосочетания, — «Русский язык в школе», 1950, № 2.

242. Шаумян С. К., Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика, — «Вопросы философии», 1960, № 9.
243. Шаумян С. К., Порождающая лингвистическая модель на базе принципа двухступенчатости, — «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
244. Шаумян С. К., Структурная лингвистика как имманентная теория языка, М., 1968.
245. Шаумян С. К., Трансформационная грамматика и теория классов слов, — «Тезисы докладов на конференции по структурной лингвистике 29—30 ноября 1961 г.», М., 1961.
246. Шаумян С. К., Трансформационный метод в синтаксисе, — «Тезисы докладов на совещании языковедов вузовских и академических учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса», М., 1960.
247. Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, изд. 2, Л., 1941.
248. Шведова Н. Ю., Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке, — «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955.
249. Шведова Н. Ю., Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX веков, — «Вопросы языкознания», 1960, № 6.
250. Шмелев Д. Н., О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке, — «Вопросы языкознания», 1960, № 5.
251. Шмелев Д. Н., О синтаксической членности предложения, — «Русский язык в школе», 1965, № 2.
252. Щерба Л. В., О второстепенных членах предложения, — в кн.: «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I, Л., 1958.
253. Щерба Л. В., О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, — «История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях», ч. 2, М., 1960.
254. Щерба Л. В., О частях речи в русском языке, — «Избранные работы по русскому языку», М., 1957.
255. Щерба Л. В., Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке, — «Вопросы языкознания», 1963, № 5.
256. Щерба Л. В., Матусевич М. И., Дусс М. Ф., Русско-французский словарь, М., 193&
257. Щ у р Г. С., О некоторых общих категориях лингвистики, — «Вопросы общего языкознания», М., 1964.
258. Ю р ч е н к о В. С., К вопросу о сущности второстепенных членов предложения, — «Материалы VI межобластной конференции языковедов Поволжья. Краткие доклады», Ульяновск, 1962.
259. Яковлев Н. [Ф.], Ашхамаф Л. [А.], Грамматика адыгейского литературного языка, М.—Л., 1941.
260. Я х о н т о в С. Е., Категория глагола в китайском языке, Л., 1957.
261. Allen W. S., Structure and System in the Abaza verbal complex, — «Transactions of the Philological society», Hertford, 1956.
262. Arnauld et Lancelot, Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal, Paris, 1803.
263. Bach E., An Introduction to Transformational Grammars, New York—Chicago— San-Fransisco, 1964.
264. Bar-Hillel J., Logical Syntax and Semantics, — «Language», 1958, vol. 30. № 2 (pt 1).
265. B a r - H i l l e l J., On recursive definitions in empirical sciences, — «Reports of the 11 th International Congress of Philosophers», vol. V, 1953.
266. Bar-Hillel J., A quasi-arithmetical notation for syntactic description, — «Language», 1953, vol. 29, № 1.
267. B a r k e r M. A. R., Klamath Grammar, Berkeley — Los Angeles, 1964.
268. B a z e l l C. E., Syntactic relations and linguistic typology, — «Cahiers Ferdinand de Saussure», VIII, 1949.
269. B a z e l l C. E., The Choice of Criteria in Structural Linguistics, — «Word», 1954, vol. 10, № 2—3.
270. Beauzée N., Grammaire générale ou exposition raisonnée des éléments nécessaires du langage, Paris, 1767.
271. Bentley W., Dictionary and Grammar of the Kongo Language, London, 1887.
272. Benveniste E., Structure des relations de personne dans le verbe, BSLP, 1947. vol. XLIII, fasc. 1.
273. B l e e k W. H. Y., A Comparative Grammar of South African Languages, pt I—II, London, 1869.

- 274 Bloch B. and Trager G. L., *Outline of Linguistic Analysis*, Baltimore, 1942.
- 275 Bloomfield L., *Language*, New York, 1933.
- 276 Boas F., *Handbook of American Indian Languages*, vol. 1, Washington, 1911; vol. II, Washington, 1922.
- 277 Boer C. de, *Etude de syntaxe française. IV. L'idée de «cas» ou de «rapports ca-suel» dans des langues comme le latin et le français*, — «Revue de linguistique romane», t. 4, 1928, № 15—16.
- 278 Bright W., *The Karok Language*, Berkeley — Los Angeles, 1957.
- 279 Brinkman H., *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*, Düsseldorf, 1962.
- 280 Broadbent S., *The Southern Sierra Miwok Language*, Berkeley—Los Angeles, 1964.
- 281 Brunot F., *Histoire de la langue française des origines à 1900*, t. IV, pt 1, Paris, 1913.
- 282 Brunot F., *La Pensée et la Langue*, Paris, 1950. 2£3. Bühler K., *Sprachtheorie*, Jena, 1934.
- 284 Capell A *Bantu and North Australian: a Study in Agglutination*, — «African Studies», 1951, vol. 10, № 2.
- 285 Chomsky N., *Immediate Constituents and Expansion Analysis*, — «Word», 1955, vol. II, № 3.
- 286 Chessa I.D., *The Essential of Luganda*, London, 1963.
- 287 Chomsky N., *Degrees of grammaticalness*,—в кн.: «The Structure of Language», Englewood Cliffs, N. J., 1964.
- 288 Chomsky N., *Logical Syntax and Semantics. Their Linguistic Relevance*, — «Language», 1955, vol. 31, № 1.
- 289 Chomsky N., *On the Notion «Rule of Grammar»*, — «Proceedings of Symposia in Applied Mathematics», 12, 1961.
- 290 Chomsky N., *Some Methodological Remarks on Generative Grammar*,—«Word», 1961, vol. XVII, № 2.
- 291 Collins B., *Tonga Grammar*, London, 1962.
- 292 Condillac E., *Traité de l'art d'écrire*,—«Cours d'étude pour l'instruction du prince Parme», t. 2, 1780.
- 293 Daum E., Schenk W., *Die Russischen Verben*, Leipzig, 1963.
- 294 Dauzat A., *Grammaire raisonnée de la langue française*, Lyon, 1947.
- 295 Dignall W. O., *Transformational Grammar: Fonit and Theory*,—«Lingua», 1963, vol. 12, №3.
- 296 Diver W., *The system of Agency of the Latin noun*, — «Word», 1964, vol. 20, № 2.
- 297 Dixon R., *A Logical Statement of Grammatical Theory*,—«Language», 1963, vol. 39, № 4.
- 298 Dixon R., *Linguistic Science and Logic*. The Hague, 1964.
- 299 Doke C. M., *Bantu Linguistic Terminology*, London, 1936.
- 300 Doke C. M., *Text-book of Zulu Grammar*, London, 1931.
- 301 Doke C. M., *The Southern Bantu Languages*, London, 1954.
- 302 Doke C. M., *Zulu Syntax and Idiom*, London, 1954.
- 303 Dumasais C., *Principes de grammaire ou fragments sur les causes de la parole*, Paris, 1769.
- 304 Ebeling C. L., *Linguistic Units*, 's-Gravenhage, 1960.
- 305 Erben J., *Abriß der deutschen Grammatik*, Berlin, 1958.
- 306 Fillenbaum S., *A Further Study of Grammatical Class as a Variable in Verbal Satiation*, — «Language and Speech», 1964, vol. 7.
- 307 Firth J. R., *A Synopsis of Linguistic Theory. Studies in Linguistic Analysis*, London, 1957.
- 308 Fisher H., *A New Approach to the Measurement of Meaning*,—«Linguistics», 1966, № 22. 309. Fortune G., *An analytical Grammar of Shona*, London, 1955.
- 310 Frei A., *La grammaire des fautes*, Paris, 1929.
- 311 Fries Ch., *The Structure of English*; London, 1957.
- 312 Gabelentz G., *Ideen zu einer vergleichenden Syntax*,—«Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd VI, Berlin, 1869.
- 313 Gammon E. R., *On Representing Syntactic Structure*,—«Language», 1963, vol. 39, №3 (pt 1).
- 314 Garvin P., *A Descriptive Technique for the Treatment of Meaning*—«Language» 1968, №34. f
- 315 Garvin P., *Syntax in Machine Translation*,—«Natural Language and the Computer», New York, 1963.
- 316 Ginneken I. I. A. von, *Principes de linguistique psychologique*, Paris, 1907.
- 317 Girard G., *Les vrais principes de la langue Française*, Paris, 1747.
- 318 Ginz H., *Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik*,— «Bibliotheca Germanica», Bern. 1962, vol. 4.

319. Gougenheim G., La normalisation de la grammaire dans la traduction automatique,—«Traduction automatique», Paris, 1960.
320. Green M. M., I g w e G. E., A descriptive grammar of Igbo, Berlin, 1963.
321. Greenberg J., Essays in Linguistics, Chicago, 1957.
322. G r o o t A. W. de, Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas, — «Mélanges Bally», Genève, 1939.
323. G r o o t A. W. de, Classification of word-groups,—«Lingua», 1957, vol. VI, № 2.
324. G r o o t A. W. de, Structural linguistics and syntactic laws, «Word», 1949, vol. 5, , № 1.
325. G r o o t A. W. de, Structural linguistics and word classes,—«Lingua», 1948, vol. 1.
326. G r o u t L., The Isizulu. A Grammar of the Zulu Language, London, 1859.
327. Guthrie M., The Bantu Languages of Western Equatorial Africa, London, 1953.
328. Guthrie M., Bantu Sentence Structure, London, '1961.
329. H a s W., Linguistic Structures, — «Word», 1960, vol. 16, № 2.
330. Hall R., The determination of form-classes in Haitian Creole, — «Zeitschrift für romanische Philologie», Bd 78, H. 1—2, 1962.
331. Hall R., Fact and fiction in grammatical analysis,—«Foundations of a Languages», 1965. vol. I, № 4.
332. H a l l i d a y M. A. K., Categories of the theory of grammar, — «Word», 1961, vol. 17, № 3.
333. H a l l i d a y M. A. K., Class in relation to the axes of chain and choice in language,—«Linguistics», 1963, № 2.
334. H a l l i d a y M. A. K., Linguistics and machine translation, — «Zeitschrift für Phonetik», 1962, Bd 15, № 1—2.
335. H a l l i d a y M. A. K., Some aspects of systematic and comparison in grammatical analysis, — «Studies in linguistic analysis», Oxford, 1957.
336. H a l l i d a y M. A. K., Some notes on «deep» grammar, — «Journal of linguistics», 1966. vol.2, № 1.
337. H a l l i d a y J. K., Linguistique générale et linguistique appliquée a l'enseignement des langues,—«Études de linguistique appliquée», 1962, № 1.
338. H a r m a n G., Generative Grammars without Transformational Rules: A Defense of Phrase Structure, — «Language», 1963, vol. 39, № 4.
339. Harris Z., Co-occurrence and Transformation in Linguistic Structure, — «The Structure of Language», Eglewood Cliffs, N. J., 1964.
340. H a r r i s Z., Distributional Structure, — «Word», 1954, vol. 10, № 2—3.
341. H a r r i s Z., Discourse Analysis, —«Language», 1952, vol. 28, № 1.
342. Harris Z., From Morpheme to Utterance, — «Language», 1946, vol. 22, № 3.
343. Harris Z., Methods in Structural Linguistics, Chicago, 1951.
344. H a r r i s Z., String Analysis of Sentence Structure, The Hague, 1962.
345. H a r r i s Z., Structural Linguistics, Chicago, 1961.
346. Harwood F. W., Axiomatic Syntax: the Construction and Evaluation of a Syntactic Calculus, — «Language», 1955, vol. 31, № 3 (p. 1).
347. H a t c h e r A., Syntax and the Sentence, — «Word», 1956, vol. 12, № 2.
348. Hays D., Dependency Theory: A Formalism and Some Observations, — «Language», 1964, vol. 40, № 4.
349. Heinz A., Zur Structur des Sprachsystems, — «Symbolae linguisticae in honorem G. Kurilowich», Wrodaw-Warszawa r—Krakow, 1965.
350. H e l b i g G., Der Begriff der Valenz als Mittel der Strukturellen Sprachbeschreibung und des Fremdsprachen Unterrichts,—«Deutsch als Fremdsprache», 1965, № 1.
351. Hell G y., The two Levels of the Syntactic Analysis in the Mechanical Analysis of Russian Texts, — «Computational Linguistics», 2, .Budapest, 1964.
352. H e r d a n G., Mathematical Models of Linguistic Distribution Functions, — «Etudes de linguistique appliquée», Paris, '1963, № 2.
353. Hildum D., Semantic Analysis of Texts by Computer,—«Language», 1963, vol. 39, №4.
354. H i l l A., Grammaticality, — «Word», '1961, vol. 17, № 1.
355. H i l l A., Introduction to Linguistic Structures, New York, 1958.
356. H i n c h a G., Endocentric vs Exocentric Constructions,—«Lingua», 1961, vol. 10. №3.
357. Hjelmslev L., La catégorie des cas (Etude de grammaire générale), I («Acta Jutlandica», 1935, vol. VII, № 1), II («Acta Jutlandica», 1937, vol. IX, № 2).
358. Hjelmslev L., La comparaison en linguistique structurale, — «Acta linguistica», 1944, vol. IV, fasc. 3.
359. Hjelmslev L., La notion de rection,—«Acta linguistica», 1939, vol. I, fasc. 1.
360. Hjelmslev L., Le verbe et la phrase nominale,—в кн.: L. H jet mslev, Essais linguistiques, TCLC, XII, 1969.
361. H j e l m s l e v L., Principes de grammaire générale, Kebenhavn, 1928.

362. Hjelmslev L., Structural analysis of language,—«Studia linguistica». année I, 1947, № 2.
363. Hockett Ch., Linguistic Elements and Their Relations,—«Language», 1961, vol. 37, №1.
364. Humboldt W. von, Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, — «Über die Kawi-Sprach auf der Insel Java», Bd I, Berlin, 1836.
365. Innes G., A Mende Grammar, London, 1962.
366. Innés G., The Structure of Sentences in Mende, London, 1963.
367. Jacobson R., Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP, VI, 1986. .368. Jacobson R., Langues paléosibériennes,—«Les langues du monde» (2-ème éd), Paris, 1952.
369. Jacobson R., Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard, 1957.
370. Jespersen O., Essentials of English Grammar, London, 1933.
371. Johnston F., A Comparative Study of the Bantu and Semi-bantu Languages, vol. 1—2, London, 1919—1922.
372. Julliana A., Outline of a general theory of structural relations, 's-Gravenhage, 1961.
373. Kraft Ch. H., A Study of Hausa Syntax, vol. I—III, Hartford, Connecticut, 1963.
374. Krinamurthi H., Telugu verbal bases. A comparative and descriptive study, Berkeley—Los Angeles, 1961.
375. Kroeber A. L., On typological indices I: ranking of languages,—IJAL, vol. 26, 1960, № 3.
376. Kurilowicz J., Dérivation lexicale et dérivation syntaxique (Contribution à la théorie des parties du discours), — «Reading in linguistics, 2», Chicago — London. 1966.
377. Kurilowicz J., Le problème du classement des cas, — «Biul. polsk. Tow. jgzykoz-nawczego», 1949, z. IX.
378. Logan A., Swahili Grammar and Syntax, Pittsburg, 1966.
379. MacLaren J., A Grammar of the Kaffir Language, London, 1983.
380. Malinowski B., The problem of meaning in primitive languages, — «C. K. Ogden and I. A. Richards, The meaning of meaning. 10-th ed.», London, 1960.
381. Marconnes F., A Grammar of Central Karanga, Johannesburg, 1931.
382. Mathezius V., O tak zvaném actuałnim denení vetném, — «Gěstřina a obecny jazukov», Praha, 1947.
383. Meillet A., Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1948.
384. Meinhof K., Grundzuge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen, Berlin, 1906.
385. Milewski T., Analyse typologique de la langue ojibwa, BPTJ, t. 20, 1960.
386. Milewski T., Podstawy teoretyczne typologii jezykow, BPTJ, t. 10, 1950.
387. Milewski T., Typology of American Indian Languages, — «Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguists, Aug. 27—31, 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.
388. Milewski T., Typologia syntaktyczna jgzykow amerykanskich, BPTJ, t. 12, 1953.
389. Nida E. A., A system for the Description of Semantic Elements,—«Word», 1951, vol. 7, № 1.
390. Ollinger A. G., Automatic Syntactic Analysis and the Pushdown Store, — «Structure of Language and its Mathematical Aspects», New York, 1961.
391. Parker-Rhodes A. F., Is there an interlingual element in syntax,—«Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguists, Aug. 27—31, 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.
392. Parsons F. W., The Verbal System in Hausa. Forms, Functions and Grades, — «Afrika und Übersee. Sprachen-Kulturen», Bd. XLIV, H. 1, Berlin, 1960.
393. Pierce J. E., Typological induces for written vs spoken Turkish, — IJAL, 1963, vol. 29, № 1 (ptl).
394. Pike K. L., A problem in morphology-syntax division,—«Acta linguistica», 1945—1949, vol. V.
395. Pike K. L., Taxemes and immediate constituents,—«Language», 1943, vol. 19.
396. Pike K. L., Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behaviour, Glendale, 1954.
397. Postal P., Constituent Structure: A Study of Contemporary Models of Syntactic Description, The Hague, 1964.
398. Redden I.E., Owusu N., Twi. Basic course, Washington, 1963.
399. Régula M., Grundlegung und Grundprobleme der Syntax, Heidelberg, 1951.
400. Robins RxH., General Linguistics in Great Britain 1930—1960,—«Trends in Modern Linguistics, ed. on the Occasion of the 9-th International Congress of Linguistics», Cambridge, 1962.

401. Robins R. H., Noun and verb in universal grammar,—«Language», 1952, vol. 28, №3 (pt I). 402 Robins R., The Yurok Language. Grammar, texts, lexicon, Berkeley — Los Angeles, 1958.
403. R o p A. de. Grammaire du Lomongo. Leopoldville, 1958.
404. S a m u e l s o n R. C., Zulu Grammar, Durban, 1925.
405. S a p i r E., Central and North American languages, — «Encyclopaedia Britannica», ed. XIV, 1929, vol. V.
406. S a p i r E., The problem of noun incorporation in American languages, — «American anthropologist» (new series), 1911, vol. 13, № 2.
407. Scalicka V., The structure of languages of the Ancient Orient,—AOr, 1949, 18.
408. Scalicka V., Sur le rôle de la flexion interne dans la langue,—«Linguistica Slo-vaca», 1946—1948, IV—VI.
409. Setukuru R., Rirundi. Basic course, Washington, 1965.
410. S h i p l e y W., Maidu Grammar, Berkeley — Los Angeles, 1964.
411. Swift L. B., Fula. Basic course, Washington, 1965.
412. S w i f t L. B., Zola E. W., K'ituba basic course, Washington, 1963.
413. Teeter K. V., Descriptive Linguistics in America: Triviality vs Irrelevance,— «Word», 1964, vol. 20, № 2.
414. T e s n i e r e L., Éléments de syntaxe structurale, Paris, 1959.
415. Torrend G., A Comparative Grammar of the South-African Bantu Languages, London, 1891.
416. T r a g e r G. L. and Smith H. L., An Outline of English Structure, Oklahoma, 1951.
417. «Universals of Language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge, Mass., 1963.
418. Wanger P. W., Konversations-Grammatik der Zulu-Sprache, Mariannhill, 1917.
419. Wanger P.W., Scientific Zulu Grammar, vol. I. Stuttgart, 1927.
420. W e l l s R. S., Immediate Constituents, — «Language», 1947, vol. 23, № 2.
421. W e r n e r A., Introductory Sketch of the Bantu Languages, London, 1919.
422. Werner A., The Language-families of Africa, London, 1925.
423. Whiteley W. H., Some Problems of the Sentences in a Bantu Language of East Africa, — «Lingua», 1960, vol. 9, № 2.
424. Whiteley W. H., Muli M. G., Practical Introduction to Kamba, London, 1962.
425. «Word classes», ed. by A. J. B. N. Reichling..., — «Lingua», 1966, vol. 17, № 1/2.
426. Y n g v e V., A model and an hypothesis for language structure, — «Proceedings of the American Philosophical Society», 1960, 104, № 5.
427. Y n g v e V. H., Sentence-for-sentence translation, — «Mechanical Translation», 1955, vol. II, № 1.
428. Y n g v e V. H., The Depth Hypothesis, — «Structure of Language and its Mathematical Aspects», New York, 1961.